

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7

Cherniav, K. I.

Neobikhodimost' samoderzhanii

HARVARD LAW LIBRARY

Received

APR 1 1932

7107

4.5°

Необходимость
Самодержавія

для Россіи,

природа и значеніе

монархическихъ началъ.

Этюды, статьи и замѣтки

Н. И. Черняева.

Х А Р Ъ К О В Ъ.

Типографія „Южнаго Края“, Сумская ул., д. А. А. Іозефовича, № 13.
1901.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 18-го Октября 1901 года.

APR 1 1932

НЕОБХОДИМОСТЬ

Самодержавіа

ДЛЯ РОССИИ,

ПРИРОДА И ЗНАЧЕНІЕ

монархических началъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе	I
Эпиграфы	III
I. Почему Россія можетъ существовать только подъ властью монарховъ—автократовъ?	1
II. Монархическія убѣжденія русскаго народа	63
III. Сужденія трехъ умныхъ иностранцевъ о русскомъ Самодержавіи	90
IV. Шекспиръ, какъ монархистъ и политическій мыслитель	105
V. Монархія и монархизмъ древняго Востока	127
VI. Византійскій имперіализмъ (власть византійскихъ императоровъ въ идеѣ и на практикѣ)	141
VII. Запѣтки о монархическихъ началахъ	160
VIII. Идеи Миля о неограниченной монархіи	176
IX. Въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ (14-го мая 1896 года)	184
X. О мнимомъ универсализмѣ парламентскаго правленія	189
XI. О нѣкоторыхъ ложныхъ взглядахъ на русскій государственный строй	193
XII. Теоретики русскаго Самодержавія	213
I. Посошковъ	213
II. Татищевъ	221
III. Болтинъ	234
IV. Екатерина II	247
V. Державинъ	271
VI. Жуковскій	286
VII. Гоголь	316
VIII. Бѣлинскій	329
IX. Лермонтовъ	345
XIII. Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ-психологъ русскаго монархизма	359
XIV. Народный гимнъ и авторъ его музыки А. Ѳ. Львовъ	361

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ очерки автора „О русскомъ Самодержавіи“, *) одинъ игумень, прочитавши ихъ, сказалъ:

— Удивляюсь! Развѣ можно доказывать, что Самодержавіе нужно? Что тутъ доказывать? Это всякій долженъ и такъ понимать. Признаете Самодержавіе,—живите спокойно, никто не тронетъ; не признаете,—пожалуйте въ каторжныя работы. Кажется, ясно.

Простодушный монахъ, самъ того не зная, повторялъ, хотя, разумѣется, и не буквально, слова Теофана Прокоповича Но и Теофанъ Прокоповичъ написалъ „Правду о волѣ монаршей“.

Монархическій инстинктъ — дѣло великое, но въ наше время, когда все подвергается сомнѣнію, имъ нельзя довольствоваться. Онъ долженъ быть возведенъ въ сознаніе. Русскій человекъ, вкусившій отъ древа образованности, долженъ быть монархистомъ не только по влеченію сердца, по преданію и по привычкѣ, но и по ясно сознанному убѣжденію. Только тогда онъ будетъ вполне застрахованъ отъ заразы демократическихъ, республиканскихъ, конституціонныхъ и, вообще, антимонархическихъ вѣяній, ученій и предрасудковъ. Онъ будетъ отъ нихъ застрахованъ только въ томъ случаѣ, если постигнетъ отчетливо и раздѣльно религіозныя основы, мистику, величіе, идеалы, всемірно-историческое значеніе, культурное призваніе, политическую необходимость, историческую правду, нравственныя основы, природу, особенности, психологію, поэзію и благодѣтельное вліяніе русскаго монархизма.

---

*) Полное заглавіе: „О русскомъ Самодержавіи, Москва, 1895 г.“ Первоначально были напечатаны въ харьковской газетѣ „Южный Край“ (ноябрь и декабрь 1894 года) а затѣмъ въ московскомъ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ (августъ и сентябрь 1895 г.).

Короче сказать, выясненіе русскаго политическаго самосознанія составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества, русской молодежи и русской школы.

Вотъ соображенія, которыми руководился авторъ, издавая эту книгу.

Главная и, такъ сказать, центральная работа ея— этюдъ, заглавленный вопросомъ: „Почему Россія можетъ существовать только подъ властью монарховъ— автократовъ?“ Всѣ остальные статьи служатъ дополненіемъ и разьясненіемъ этого этюда и прямо или косвенно примыкаютъ къ его содержанию.

Прибавимъ въ заключеніе, что этотъ сборникъ составляетъ дальнѣйшее развитіе идей, положенныхъ въ основу названнаго труда — „О русскомъ Самодержавіи“.

Н. Ч.

Куряжъ, 10 августа,
1901 года.

Слова Иисуса Христа:

Воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови.

Матеей, XXII, 21; Маркъ, XII, 17; Лука, XX, 25

Рѣчь Государя Императора,

произнесенная 17-го января 1895 года въ Николаевской залѣ Зимняго дворца къ депутаціямъ, прибывшимъ для принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, по случаю Ихъ бракосочетанія.

Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свой силы благу народному, буду охранять начало Самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой Незабвенный покойный Родитель.

Изъ манифеста Императора Александра III 29 апрѣля 1881 года.

Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія съ вѣрою въ истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и сохранять для блага народа отъ всякихъ на нее поползновеній.

Изъ Воинскаго Устава Петра Великаго.

Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ въ своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣеть своими государствами и землями, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять.

(30 марта 1716 года, Артикуль 20, толкованіе).

1-я статья Основныхъ законовъ Россійской Имперіи.

Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.— Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ.

Русская народная пословица.

Русскимъ Богомъ да русскимъ Царемъ Святорусская земля стоитъ.

Почему Россія можетъ существовать только подъ властью монарховъ-автократовъ?

I.

Этотъ вопросъ самъ собою возникаетъ при изученіи русской исторіи, русской жизни и русскаго быта. Онъ имѣетъ важное значеніе и въ практическомъ отношеніи. Въ основѣ всѣхъ нашихъ политическихъ смуть, чуть не современъ „затѣйки“ верховниковъ 1730 года, лежитъ ложное пониманіе монархическихъ началъ вообще и русскихъ монархическихъ началъ въ частности; декабристы и революціонеры позднѣйшей формаціи отступились бы отъ своихъ кровавыхъ замысловъ и фантастическихъ начинаній, если бы они понимали, что, какъ замѣтилъ еще Теофанъ Прокоповичъ въ своемъ сказаніи „О кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, „русскій народъ... только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ; а если каковое-нибудь иное владѣніе правило восприметь, содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь невозможно“. Русская наука должна выяснитъ эту истину съ точностью, исключаящую всякія сомнѣнія. И это вовсе не трудно: необходимость неограниченной монархіи для Россіи можетъ быть доказана съ такою же очевидностью, съ какою доказывалась вѣрность геометрическихъ теоремъ.

II.

Терриотрія, вмѣстѣ съ населеніемъ и стоящею надъ ними верховною властью, составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ государства. Государство не мыслимо безъ определенной территоріи съ болѣе или менѣе точно очерченными гра-

ницами, поэтому а priori можно сказать, что форма правления, существующая въ данной странѣ, обуславливается не только особенностями ея населенія, но и ея пространствомъ. Установить очевидную связь между размѣрами государствъ и видами государственнаго устройства едва ли когда—нибудь удастся, тѣмъ не менѣе, влияние государственной территории на форму правления каждой страны стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія: нужды и потребности большихъ и малыхъ государствъ далеко не тождественны.

Кому неизвѣстны небольшія республики, достигавшія высокаго процвѣтанія и въ древности, и въ позднѣйшія времена? Никто, однако, не сомнѣвается, что чистая демократія, т. е. непосредственное участіе каждаго гражданина въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ возможны лишь въ маленькихъ государствахъ,—въ государствахъ, предѣлы которыхъ ограничиваются однимъ городомъ съ прилегающими къ нему поселками. Это ясно до очевидности. Столь же ясно, что большимъ государствамъ свойственно быть неограниченными монархіями. Во времена новой исторіи впервые на эту истину указалъ со всею точностью знаменитый французскій публицистъ XVI вѣка Боденъ въ своемъ сочиненіи „De la République“. То же думали и доказывали Монтескье, Руссо, Фергюсонъ, Джонъ Стюартъ Милль и многіе другіе. Нѣтъ ни одного замѣчательнаго политическаго мыслителя, который не соглашался бы въ данномъ случаѣ съ ними. Историческій законъ, о которомъ идетъ рѣчь, сознавался и древними мыслителями. Тацитъ писалъ, что громадное тѣло (Римской) Имперіи нуждается въ руководящей десницѣ, „чтобы поддерживать свое существованіе и сохранить равновѣсіе“. По словамъ Буассье, такого мнѣнія были всѣ римляне временъ Имперіи. „Всѣ единогласно признавали, что обширное пространство Имперіи, разнообразіе составлявшихъ ее народовъ, напиравшіе на ея границы враги—требовали сосредоточенія власти въ рукахъ одного человѣка“.

И не удивительно. Особенная пригодность и даже неизбежность неограниченной монархіи для выдающихся по пространству

политическихъ организмовъ почти не требуетъ доказательствъ. Небольшія зданія не нуждаются въ крѣпкихъ связяхъ, но безъ нихъ нельзя обойтись при сооруженіи громадныхъ построекъ. Вотъ почему колоссальныя, по размѣрамъ, державы нуждаются въ единоличной власти государей—автократовъ. Всѣмъ понятная, наиболѣе естественная и простая изъ формъ правленія, она представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выгоды сочетанія силы, быстроты рѣшеній и нравственнаго обаянія. Верховная власть, организованная путемъ сложныхъ и искусственныхъ комбинацій, никогда не можетъ пользоваться такимъ обаяніемъ и быть столь могущественною, какъ власть, сосредоточенная въ рукахъ одного человѣка. Этому не слѣдуетъ забывать, когда дѣло идетъ о громадномъ государствѣ, во всѣхъ концахъ котораго должно одинаково чувствоваться рѣшающее вліяніе верховной власти. Чѣмъ дальше отстоитъ извѣстное мѣсто отъ источника свѣта, тѣмъ меньше оно озаряется имъ. Если нужно ярко освѣтить большое пространство, нужно усилить свѣтъ тамъ, откуда онъ истекаетъ. Для того, чтобы дѣйствіе верховной власти давало себя равномѣрно знать на большой территоріи, необходимо отдать власть въ однѣ руки. Въ силу этого соображенія, наиболѣе подходящею формою правленія для большихъ государствъ оказывается неограниченная монархія. Это подтверждается и исторіей. Съ расширеніемъ границъ республиканскихъ государствъ республиканскія вольности сами собою падали и уступали мѣсто единоличному правленію. Вспомнимъ исторію древней Греціи и древняго Рима, а также и исторію Россіи въ тотъ періодъ, когда она доживала удѣльно—вѣчевыя времена и складывалась въ Московское государство. Исторія не знаетъ ни одного выдающагося по величинѣ государства, которое не было бы неограниченной монархіей.

III.

Навязывать Россіи народное представительство и тѣ формы государственнаго устройства, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, значитъ не придавать никакого значенія особенностямъ русскаго государства и совершенно упускать изъ

виду исключительно громадные размѣры территоріи Россіи, съ которыми приходится считаться и при организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ, и при обсужденіи вопросовъ, касающихся нашей промышленности, нашей торговли, путей сообщенія, а также и всѣхъ вообще вопросовъ, связанныхъ съ экономическимъ бытомъ и образочанностью Россіи.

Россія—первое твердо сплоченное государство въ мірѣ по величинѣ территоріи. Такой громадной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ смыслѣ единой державы, какъ русская держава, нѣтъ и никогда не было. Римская имперія временъ Траяна равнялась по пространству, приблизительно, половинѣ Россійской Имперіи *) Необъятные размѣры Россіи выясняются, между прочимъ, изъ сравненія ея съ другими государствами. Начинаемъ съ сравненія Европейской Россіи, которая составляетъ лишь около одной четвертой части всей Имперіи, съ западно-европейскими державами.

Европейская Россія больше Германіи въ 9,4 раза, больше Пруссіи въ 15 разъ, больше Австро-Венгріи въ 7,8 раза, больше Франціи въ 10 разъ, больше Италіи въ 18,5 раза, больше Бельгіи въ 177 разъ, больше Испаніи (съ африканскими владѣніями въ 10,5 раза, больше Голландіи въ 161 разъ, больше Великобританіи и Ирландіи въ 16,8 раза, больше Швеции-Норвегіи въ 6,8 раза.

Европейская Россія уступаетъ по пространству лишь Китайской имперіи, Бразиліи и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Громадность нашей родины сдѣлается еще нагляднѣе, если взять для сравненія съ иностранными государствами всю Россію, какъ Европейскую, такъ и Азіатскую, и сопоставить ея территорію съ размѣрами другихъ государствъ.

---

*) Римская имперія имѣла при Траянѣ около 200000 кв. миль и 120 миллионъ населенія, по выводамъ Гиббона, а по вычисленіямъ Моро-де-Жоннеса — 83 миллионъ (Лекціи всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова, I, 252).

Россія вдвое больше Китайской имперіи, въ $2\frac{1}{2}$ раза больше Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ $2\frac{2}{3}$ раза больше Бразиліи, въ 9, 8 раза больше Турецкой имперіи (не считая ея номинальныхъ владѣній и земель, находящихся отъ нея въ вассальной зависимости), въ 35 разъ больше Австро-Венгрии, въ 41—42 раза больше Германіи и Франціи, въ 44 раза больше Испаніи, въ 53 раза больше Японіи, въ 71 разъ больше Великобританіи и Ирландіи, въ 78 разъ больше Италіи, въ 547 разъ больше Швейцаріи, въ 689 разъ больше Голландіи и въ 747 разъ больше Бельгіи.

Дѣлая всё эти сопоставленія, мы не принимали во вниманіе колоній западно-европейскихъ державъ. Если имѣть въ виду и ихъ, то территория Россіи окажется больше Франціи и всѣхъ французскихъ владѣній, а также больше Германіи и всѣхъ ея владѣній въ 4—5 разъ и больше Голландіи съ ея колоніями въ $20\frac{1}{2}$ разъ.

Только одна Великобританія съ ея колоніями больше Россіи, *) но Россія составляетъ одно географическо цѣлое, одно нераздѣльное государство, между тѣмъ какъ англійскія владѣнія разбросаны по всему земному шару, причемъ нѣкоторыя колоніи пользуются почти совершенной независимостью.

Территориальные размѣры Россіи станутъ еще разительнѣе, если сопоставить величину губерній, нашихъ уѣздовъ съ величиною нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ.

Самарская губернія вдвое больше Болгаріи и въ восемь разъ больше королевства Вюртембергскаго. Архангельская губернія въ $1\frac{1}{2}$ раза больше Германіи, въ $1\frac{1}{3}$ раза больше Австро-Венгрии и почти въ 3 раза больше Италіи. Московская губернія вдвое больше великаго герцогства Баденскаго. Самыя миниатюрныя изъ нашихъ губерній, а именно, польскія, больше Гессена

*) Россія = 22,429,988 кв. кил., а Британская имперія = 28,119,500 кв. кил.

однѣ—въ $1\frac{1}{2}$, а другія почти въ 2 раза. Иркутское генераль-губернаторство въ 1,6 раза больше всей Европы безъ Россіи, почти вдвое больше Турецкой имперіи, въ 1,33 раза больше собственно Китая, въ 13 разъ больше Германіи и Франціи.—У насъ есть уѣзды, равные большимъ государствамъ. Такъ, напри-мѣръ, Киренскій уѣздъ, Иркутской губерніи, приблизительно равенъ Швеціи, въ $1\frac{1}{2}$ раза больше Австріи и въ 11 разъ больше Швейцаріи. Самый малый уѣздъ Тобольской губерніи (Ялотуровскій) имѣетъ 123,210 квадратныхъ километровъ. Онъ вдвое больше Гессена, въ $1\frac{1}{2}$ раза больше Бадена и почти на 4,000 кв. кило-метровъ превосходитъ Вюртембергъ. Англія (вмѣстѣ съ Шотландіей и Ирландіей) приближается по пространству занимаемой ею территоріи къ Пермской губерніи, будучи все-таки меньше ея на 18,000 квадратныхъ километровъ и меньше не только почти всѣхъ губерній и областей Сибири и Центральной Азіи, но и двухъ губерній Европейской Россіи: Архангельской и Вологодской. Собственно Англию (безъ Шотландіи и Ирландіи) превосходятъ своими размѣрами восемь европейскихъ губерній и Земля Войска Донского, въ Азіатской же Россіи есть цѣлый рядъ уѣздовъ въ нѣсколько разъ большихъ Англіи *).

Напомнимъ, наконецъ, что между крайними точками запад-ной и восточной границъ Россіи насчитывается болѣе 10,000 верстъ, и между ея сѣверными и южными предѣлами болѣе 4,500 верстъ. Въ то время, когда въ Варшавѣ 12 часовъ дня, на Чу-котскомъ Носу 11 часовъ вечера. Территорія Россіи составляетъ около одной шестой части всей суши на земномъ шарѣ,—поверх-ность, которая въ 2,26 раза больше поверхности всей Европы и въ 5 разъ больше всѣхъ западно-европейскихъ и южно-европей-скихъ государствъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Можно ли допустить, чтобы Россія могла пробавляться тѣми формами правленія, которыя оказываются пригодными

---

*) Существуютъ телескопическія планеты, вродѣ Сильвіи и Камиллы, говоритъ французскій астрономъ Фламмаріонъ, на поверхности которыхъ не по-мѣстится даже и цѣлый уѣздъ нѣкоторыхъ русскихъ губерній.

для столь небольшихъ, сравнительно съ нею, германо-романскихъ государствъ?

Представительныя учрежденія и парламентаризмъ Запада оказались бы для Россіи, еслибы она вздумала ввести ихъ у себя, Прокустовымъ ложемъ, на которомъ ей нельзя было бы помѣститься, не укоротивъ до неузнаваемости своего организма. Платье, хорошо сидящее на человѣкѣ небольшого роста, затрещитъ по всѣмъ швамъ и окажется никуда негоднымъ, если его вздумаетъ натягивать на себя великанъ. Государственный строй, пригодный для поддержанія порядка и внѣшней безопасности въ Италіи или Голландіи, ничего не далъ бы Россіи, кромѣ смуть, пораженій и гибели. Не случайно и не подъ вліяніемъ политическихъ ошибокъ развилась и окрѣпла въ Россіи неограниченная монархія, а въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ непримѣрною громадностью той территоріи, которую суждено было культивировать и сплотить въ одно государство русскому народу. Онъ никогда не раздвинулъ бы границъ Имперіи отъ Вислы и Прута до Восточнаго океана и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Арарата и Памировъ, еслибъ не былъ руководимъ самодержавными государями.

IV.

Неразрывная связь, существующая между громадными размѣрами Россіи и русскимъ Самодержавіемъ, давно указана и сознана нашими историками и публицистами.

Въ 1730-мъ году, въ тѣ дни, когда шла глухая борьба между верховниками, пытавшимися ограничить Императорскую власть, и дворянствомъ, сохранившимъ вѣрность Престолу, партія князя Черкаскаго, ратуя въ пользу уничтоженія „пунктовъ“, подписанныхъ Анною Іоанновною, поручила Татищеву составить записку объ опасности, которою угрожали странѣ замыслы олигарховъ. Татищевъ, исполняя возложенное на него порученіе, написалъ „Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государствомъ“. Въ этомъ „разсужденіи“, напечатанномъ въ 1859-мъ году въ сборникъ „Утро“. Татищевъ

развивалъ, между прочимъ, мысль, что пригодность той или другой формы правленія для даннаго государства зависитъ, въ числѣ другихъ условий, и отъ его пространства. Въ небольшихъ государствахъ возможна демократія, подъ которой Татищевъ разумѣлъ участіе всего народа въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ державахъ средней величины можетъ быть полезна аристократія или „избранное правительство“ (т. е. народное представительство). Великимъ же и пространнымъ государствамъ необходимо Самодержавіе и единодержавіе. Все это Татищевъ повторялъ и доказывалъ и въ 45-ой главѣ первой книги своей „Исторіи“, причемъ ссылался на древне-восточныя монархіи, а также на Западную Римскую и Греческую имперіи въ подтвержденіе того, что большія государствъ бываютъ могущественны лишь до тѣхъ поръ, пока пребываютъ подъ неограченною властью монарховъ; съ ея ограниченіемъ они погибаютъ.

Въ „Наказѣ“ Екатерины II (глава II) находимъ слѣдующія положенія:

„Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару“. —Теперь Россія простирается почти на сорокъ два градуса отъ сѣвера къ югу, а отъ запада къ востоку почти на сто семьдесятъ три градуса.

„Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства.

„Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ править.

„Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно“.

Въ извѣстныхъ „Примѣчаніяхъ на Исторію Россіи Леклерка“, изданныхъ въ 1788-мъ году, Болтинъ, отстаивая необходимость Самодержавія для Россіи, исходилъ изъ того взгляда, что „монархія (неограниченная) въ обширномъ государствѣ предпочтительнѣе аристократіи“ (II, 44),

Въ запискѣ Карамзина „О древней и новой Россіи“ говорится, что „толь великую махину“, какъ Россія, ничто не можетъ приводить въ дѣйствіе, кромѣ самодержавія.

V.

Русскіе люди, дорожившіе и дорожащіе единствомъ и цѣлостью Имперіи, всегда стояли и будутъ стоять за самодержавіе. И это совершенно понятно: только неограниченные монархи могутъ управлять такой колоссальной державой, какъ Россія. Понятно также, почему враги самодержавія всегда обнаруживали склонность къ расчлененію нашей родины на составныя части и къ поощренію нашего крайняго сепаратизма. Всѣмъ извѣстна близость декабристовъ съ польскими революціонными кружками. Въ 1824-мъ году Бестужевъ-Рюминъ заключилъ съ польскими заговорщиками отъ имени Сѣвернаго Общества договоръ, въ силу котораго Царство Польское, въ случаѣ успѣшнаго окончанія мятежа, должно было получить политическую независимость, а также Гродненскую губернію, часть Виленской, Минской и Волынской. Пестель, проэктируя превращеніе Россіи въ федеративное государство, предлагалъ расчленить ее на нѣсколько автономныхъ областей, причѣмъ Польша получала почти весь западный край, Прибалтійскія провинціи вмѣстѣ съ Новгородской и Тверской губерніями получали наименованіе Холмогорской области, а Архангельская, Ярославская, Вологодская, Костромская и Пермская губерніи — Сѣверской или Сѣверянской. Призывая русскій народъ къ возстанію, Герценъ и Огаревъ поддерживали польскую крамолу и шли рука объ руку съ ней. То же самое дѣлалъ и Бакунинъ. Нигилисты и революціонеры временъ Александра II считали одною изъ главныхъ задачъ своихъ разрушеніе единства Имперіи. Степнякъ (Казачковскій) въ своей брошюрѣ „Le Tzarisme et la Révolution“ доказывалъ необходимость расчлененія Имперіи на ея составныя части: „Финляндія, Кавказъ и Средняя Азія, писалъ онъ, гадая о послѣдствіяхъ русской революціи, вѣроятно, сами отдѣлятся и образуютъ независимыя государства или присоединятся къ сосѣдямъ“. То же самое пророчилъ Степнякъ относительно Польши, Литвы, Малороссіи и Бѣлороссіи. Мало-

россію Степнякъ считалъ нужнымъ раздѣлить, согласно съ планомъ профессора Драгоманова, на три независимыя части. „Для Великороссіи, взявъ во вниманіе ея размѣры, число подраздѣленій должно быть по крайней мѣрѣ въ три раза больше“, т. е. не мѣнѣе девяти. Выходитъ, такимъ образомъ, что Россія распалась-бы на шестнадцать—девятнадцать государствъ, если-бъ осуществились мечты Степняка. Дробя въ своихъ фантазіяхъ Россію на множество государствъ, наши революціонеры нигилистической формации исходили изъ смутнаго, но вѣрнаго сознанія неразрывной связи между громадными размѣрами Имперіи и ея органически развившеюся формою правленія. И теоретики, и практики русской революціонной партіи не могли не сообразить, что неограниченная власть русскихъ государей опирается на колоссальныя размѣры нашего отечества. Отсюда стремленія людей того лагеря, къ которому принадлежалъ Степнякъ, разорвать Россію на клочки и свести къ нулю ея политическое могущество.

VI.

Но можетъ быть Россія лишь случайно сплотилась въ одно государство? Можетъ быть, ей всего лучше было-бы распасться на нѣсколько независимыхъ организмовъ? Этотъ вопросъ, видимо, интересовалъ еще барона Гаксгаузена, и умный иностранецъ такъ рѣшилъ его:

„Россіи предстоитъ въ ея внутреннемъ развитіи большая будущность. Ея государственное единство составляетъ естественную необходимость. Все земельное пространство ея раздѣлено самою природою на четыре колоссальныя части, изъ которыхъ ни одна не представляетъ условій для полной самостоятельности, а всѣ вмѣстѣ образуютъ могущественное и независимое государство. Весь сѣверъ покрытъ лѣсами и между прочимъ однимъ непрерывнымъ лѣсомъ, занимающимъ пространство больше, чѣмъ вся Испанія. Затѣмъ идетъ полоса земли слабой или средней производительности, отъ Урала до Смоленска, заключающая въ себѣ 18,000 квад. миль; все ея населеніе занято обширнѣйшею и разнообразнѣйшею промышленною дѣятельностью, но оно не можетъ существовать безъ примыкающихъ къ нему съ сѣвера лѣсовъ, а съ

юга безконечно плодороднаго чернозема. На югъ отъ нея лежитъ черноземная полоса, равная которой по плодородности и обширности едва-ли есть на земномъ шарѣ: она вдвое болѣе всей Франціи. Тутъ сѣютъ пшеницу сотню лѣтъ на той же землѣ одну за другой безъ удобренія. Почти на всемъ пространствѣ земля эта не удобряется, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не пашется, а только раздирается слегка передъ посѣвомъ. За отсутствіемъ лѣсовъ, солома и навозъ идутъ на отопленіе. Къ югу и юго-востоку начинаются необозримыя степи, большею частію плодородныя и теперь постепенно все болѣе и болѣе разрабатываемыя колонистами, поселяющимися въ отдѣльныхъ пунктахъ, въ видѣ оазисовъ; за исключеніемъ этихъ пунктовъ, по всѣмъ степямъ кочуютъ номады. Какъ скоро удастся въ этихъ земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю, развести лѣса и какъ скоро населеніе достаточно возрастетъ, то вся эта мѣстность станетъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ Европы“.

Присоединяясь къ выводамъ барона Гаксгаузена, знаменитый нѣмецкій стратегъ Мольтке въ своихъ „Письмахъ изъ Россіи“ писалъ: „Много говорили о томъ, что это огромное государство неминуемо распадется, при увеличеніи его народонаселенія, но забываютъ при этомъ, что ни одна часть его не можетъ существовать безъ другой: богатый лѣсами сѣверъ не можетъ обойтись безъ обильнаго хлѣбомъ юга, промышленная же коренная Россія не можетъ обойтись безъ обѣихъ окраинъ, внутренняя же ея часть— безъ приморскихъ областей или безъ четыре-тысячи-верстнаго воднаго пути Волги“.

Географическое положеніе Россіи, составленной, главнымъ образомъ, изъ трехъ низменностей: изъ Восточно-Европейской, Сибирской и Средне-Азіатской, отсутствіе высокихъ горныхъ кряжей во внутреннихъ областяхъ Имперіи, направленіе рѣкъ, текущихъ въ Европейской Россіи,—рѣкъ, берущихъ начало неподалеку одна отъ другой и впадающихъ въ моря, лежащія на противоположныхъ концахъ государства,—все это предопредѣлило будущность Россіи, какъ единой и нераздѣльной Европейско-Азіатской державы. Неразрывная связь между географическими особенностями Россіи и ея теперешними размѣрами прекрасно выяснена въ первой главѣ перваго тома „Исторіи Россіи“ Соловьева. Рус-

скому народу суждено было создать *громадное* государство. Вотъ почему онъ и не могъ обойтись безъ самодержавія.

VII.

Въ опроверженіе историческаго закона, гласящаго, что большимъ государствамъ всего свойственнѣе быть неограниченными монархіями, намъ могутъ указать на Великобританію, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Бразилію, но если всмотрѣться въ дѣло поглубже, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что ссылками на три названнаго государства ни мало не подрывается значеніе закона, о которомъ идетъ рѣчь, и который имѣетъ въ виду лишь территорію, составляющія одно географическое и политическое цѣлое.

Великобританія во всемъ ея составѣ такъ же велика, какъ и Россія, но англійская конституція со всѣми ея гарантіями и вольностями примѣняется лишь на пространствѣ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Великобританскій парламентъ въ сущности есть лишь парламентъ Англій, Шотландіи и Ирландіи, англійскія колоніи и владѣнія не посылаютъ въ него своихъ представителей и имѣютъ въ коронѣ и палатахъ какъ-бы неограниченнаго монарха, распоряженія котораго онѣ не въ правѣ контролировать. Правда, нѣкоторыя изъ колоній пользуются *de facto* самою широкою автономіею, но эта автономія *de jure* можетъ быть уничтожена, по соглашенію короны съ палатами. Что касается до важнѣйшей англійской колоніи — Индіи, то ея вице-король пользуется громадными полномочіями со стороны центральнаго правительства и дѣйствуетъ подъ надзоромъ не мѣстнаго представительства, а великобританскаго парламента. На рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ и вообще на направленіе политики верховной власти Великобританіи, ни одна британская колонія не можетъ оказывать вліянія легальнымъ путемъ. Объ общепарламентскомъ парламентѣ англичане даже не помышляютъ, считая его невозможнымъ. Его считалъ невозможнымъ, несмотря на весь свой либерализмъ, и Джонъ Стюартъ Милль. Въ XVIII главѣ книги „Представительное правленіе“ онъ говоритъ: „Страны, раздѣленныя половиною земной окружности, не могутъ представлять естественныхъ условій для того, чтобы быть однимъ представи-

тельнымъ государствомъ или даже, чтобъ быть членами одной федераціи. Если онѣ и имѣютъ въ достаточной степени общіе интересы, то не имѣютъ и никогда имѣть не могутъ, въ достаточной степени, привычки сходитья другъ съ другомъ въ обществѣ. Ихъ представители не выражаютъ отдѣловъ одного и того-же общества; они спорятъ и разсуждаютъ не на одномъ полѣ, а врознь, и могутъ имѣть только самое несовершенное понятіе о томъ, что происходитъ въ умахъ того и другого общества. Они взаимно не знаютъ цѣлей и не питаютъ вѣры въ нравственные принципы товарищей. Пусть любой англичанинъ спроситъ себя, каково-бы ему показалось, если-бъ его судьба зависѣла отъ Собранія, гдѣ одна треть состояла бы изъ гражданъ британской Америки, а другая— изъ гражданъ Южно-Африканскихъ или Австралійскихъ владѣній. Но къ этому неминуемо надо придти, если установить что-либо похожее на равноправное представительство. А между тѣмъ, не чувствовалъ ли бы каждый, что представители Канады или Австраліи, даже въ дѣлахъ общегосударственнаго характера, не могутъ ни чувствовать, ни прилагать достаточно заботливости объ интересахъ, мнѣніяхъ и желаніяхъ англичанина, ирландца и шотландца? Даже для федеративныхъ цѣлей не существуетъ тѣхъ условий, которыя,—мы это видѣли,—существенно нужны для федераціи. Англія и безъ колоній достаточно сильна для собственной защиты, и въ ея положеніи было бы и болѣе силы, и болѣе достоинства, еслибъ она разсталась съ ними вовсе, чѣмъ если бы была низведена на степень простого члена американской, африканской или австралійской федераціи“. Такъ разсуждаютъ даже тѣ изъ англичанъ, которые настаиваютъ на превращеніи Великобританіи со всѣми ея колоніями въ Имперію и на установленіи болѣе тѣсной связи между метрополіей и ея заморскими владѣніями.

Переходимъ къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. „Соединенные Штаты, замѣтилъ о нихъ еще К. Н. Леонтъевъ („Востокъ, Россія и славянство“, 169):—это Кароагенъ современности. Цивилизація очень старая, Халдейская, въ упрощенномъ республиканскомъ видѣ на новой почвѣ въ дѣвственной землѣ. Вообще, Соединенные Штаты не могутъ служить никому примѣромъ. Они слишкомъ еще недолго жили, всего одинъ вѣкъ. Посмотримъ, что съ ними будетъ черезъ 20—25 лѣтъ. (И у насъ

было прежде *болыше прочнаго, не смышаннаго разнообразія*, а теперь упрощеніе и смѣшеніе). Если они расширятся, какъ Римъ или Россія, на другія *несхожія* страны, на Канаду, Мексику, Антильскіе острова, и вознаграждать себя этой *новой нестройной* за утраченную послѣдней *борьбой внутреннюю сложность строя*, не потребуется ли тогда имъ Монархія? Многие, бывшіе въ Америкѣ, такъ думаютъ“.

К. Н. Леонтьевъ оказался пророкомъ: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ появилось теперь не мало людей, проповѣдующихъ имперіалистскую политику. Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ покамѣстъ о продленіи срока президентскихъ полномочій и объ увеличеніи республиканской арміи, но при этомъ иногда высказывается и желаніе, чтобы Соединенные Штаты обзавелись диктаторомъ, дворомъ и т. д. Все это показываетъ, что республиканскіе вкусы и инстинкты въ Америкѣ начинаютъ ослабѣвать сравнительно съ прежними временами. Во всякомъ случаѣ, слово *Имперія* уже произнесено.

Бразильская имперія сформировалась подъ кровомъ монархическихъ преданій и началъ, хотя уже и сильно подорванныхъ. Бразильская федеративная республика существуетъ безъ года недѣлю. Дѣлать на основаніи ея какія либо выводы и обобщенія весьма рискованно. Чѣмъ она кончитъ,—тѣмъ ли, что распадется на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ, тѣмъ ли, что снова сдѣлается монархіей или примкнетъ къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и соединитъ свою судьбу съ ихъ судьбою—покажетъ будущее.

VIII.

Въ связи съ пространствомъ Россіи находятся и ея климатическія условія, крайне разнообразныя. Они вліяютъ на занятія, внѣшній и нравственный обликъ ея населенія и сообщаютъ ей такіе оттѣнки и различія, которые ведутъ, обыкновенно, къ образованію цѣлаго ряда государствъ. Единство Россіи держится и можетъ держаться только на самодержавіи.

Проф. Янсонъ въ своей книгѣ „Сравнительная статистика Россіи“ (I, 1878 г., стр. 12—13) говоритъ:

„Климатическія условія разныхъ мѣстностей Россіи представляютъ большое разнообразіе, по отношенію къ распредѣленію какъ температуры, такъ и влаги. Въ ней есть мѣстности, гдѣ средняя температура самаго жаркаго мѣсяца не превышаетъ 3⁰ С., и есть такія, гдѣ самый холодный мѣсяць имѣетъ +4 или +5⁰ С.; въ однѣхъ почва не замерзаетъ вовсе, въ другихъ она никогда не оттаиваетъ и покрыта почти весь годъ снѣгомъ. Есть мѣстности, гдѣ лѣтнія засухи, незначительная продолжительность безснѣжной зимы обуславливаютъ кочевое состояніе населенія; есть, наоборотъ, такія, гдѣ изобиліе влаги въ связи съ высокою температурою позволяютъ существовать винодѣлію, разведенію хлопка, дѣлаютъ господствующею культуру пшеницы и кукурузы“.

Россія разсыпалась бы на свои составныя части, если-бъ цѣлость Имперіи не покоилась на твердыхъ скрѣпахъ монархическихъ началъ, парализующихъ значеніе климатическихъ особенностей нашей родины.

IX.

Этнографическій составъ населенія Россіи также указываетъ на необходимость самодержавія въ видахъ единства Имперіи. Русскій народъ составляетъ въ Россіи громадное большинство, но, вѣдь, и онъ состоитъ изъ трехъ племенъ, жившихъ когда-то отдѣльно одно отъ другого и имѣющихъ не мало своеобразныхъ оттѣнковъ и въ языкѣ, и въ бытѣ, и въ характерѣ, и во всемъ духовномъ складѣ. А какихъ племенъ и народовъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего отечества! Литовское племя имѣетъ своими представителями литовцевъ, жудинозъ и латышей; финское племя—финновъ, кареловъ, эстовъ и ливовъ (чудь), лопарей, мордву, черемисовъ, вотяковъ, пермяковъ, зырянъ, вогуловъ, самоѣдовъ, остяковъ и соіотовъ; тюркское племя— татаръ, башкиръ, чувашей, сартовъ, таджиковъ, киргизовъ, каракалпаковъ, туркменъ, ногайцевъ, кумыковъ, якутовъ; монгольское племя — бурятовъ, тунгузовъ, калмыковъ; карталинское племя—грузинъ, имеретинцевъ, гурійцевъ и др., иранское племя—армянъ, осетинъ, курдовъ и т. д.; кавказское горское племя—чеченцевъ, аварцевъ, адыге, кабардинцевъ и проч.; германское племя—нѣмцевъ, шведовъ и норвежцевъ; пеласги-грековъ, романское племя—румынъ. Кромѣ того, въ предѣлахъ Россіи

живутъ коряки, чукчи, камчадалы, аэносы, китайцы, японцы, корейцы. Въ Россіи же живетъ большая часть еврейскаго племени, разбросаннаго по всему міру. Несмотря на эту ужасающую этнографическую разношерстность населенія, выражающуюся и въ различіи религіозныхъ культовъ, исповѣдываемыхъ въ Россіи, и въ различіи языковъ, которое можетъ озадачить любого лингвиста,—ядро населенія Россіи составляетъ русскій народъ. Но и русскій народъ, какъ было уже замѣчено, не составляетъ одноцвѣтной массы, причѣмъ часть его находится въ старообрядчествѣ и въ расколѣ, распадающемся на множество толковъ и сектъ. Этнографическія особенности Россіи отражаются и на ея законодательствѣ. Какіе только законы не дѣйствуютъ въ предѣлахъ Россіи! Въ Россіи дѣйствуетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ законовъ: законы Финляндіи, законы остзейскіе, законы еврейскіе, мусульманскіе законы, законы греко-римскіе, обычаи восточныхъ инородцевъ и т. д. Даже въ коренныхъ губэрніяхъ Россіи на ряду со Сводомъ законовъ дѣйствуетъ множество мѣстныхъ обычаевъ, такъ что пословица „Что городъ, то норозъ, что деревня, то и обычай“, доселѣ не утратила у насъ своего значенія.

Чтобы иллюстрировать этнографическую разношерстность нѣкоторыхъ областей Россіи, достаточно указать на этнографію Кавказа и его лингвистическую амальгаму.

„Кавказъ, говоритъ его знатокъ, г. Вейденбаумъ, издревле славился разноплеменностью своего населенія. По извѣстному разсказу греческаго географа Страбона, въ гор. Діоскурію, въ нынѣшней Абхазіи, собирались для торга купцы семидесяти, по нѣкоторымъ же свѣдѣніямъ, трехсотъ различныхъ народовъ, изъ которыхъ ни одинъ не говорилъ на языкѣ своихъ сосѣдей, потому что каждый изъ нихъ, по гордости или дикости, воздерживался отъ сношеній съ чужеземцами. Плиніи прибавляетъ къ этому извѣстію, что въ Діоскуріи торговыя сношенія велись черезъ посредство 130 переводчиковъ. Въ одной Абхазіи, занимавшей восточную часть Закавказья, Страбонъ насчитываетъ 26 отдѣльныхъ языковъ. Въ позднѣйшее время многоязычіе Кавказа обратило на себя вниманіе арабовъ. Географъ Аль-Азизи далъ ему названіе „горы языковъ“ (*джебаль аль-лунни*), потому что населеніе этой страны говорило, будто-бы, на 300 языкахъ“.

Мнѣніе о необычайной разноплеменности Кавказа было сильно расшатано изслѣдованіями Гюльденштедта, Гмеллина, Палласа, Клапрота, Шегрена, Шифнера и Услара. Но Кавказъ все таки остается одной изъ самыхъ типичныхъ странъ по лингвистическому разнообразію своихъ жителей.

„Въ лингвистическомъ отношеніи обитатели Кавказскаго края распадаются на нѣсколько группъ. Языки народовъ монгольской расы (ногайцевъ, кумыковъ, туркменъ, татаръ, турокъ и калмыковъ) принадлежатъ къ, такъ называемому, урало-алтайскому семейству языковъ. Арійское семейство имѣетъ на Кавказѣ своихъ представителей въ языкахъ осетинскомъ, армянскомъ, курдскомъ и различныхъ персидскихъ нарѣчіяхъ (татскомъ и талышинскомъ). Языки грузинскій, лазскій, мингрельскій и сванетскій, составляющіе, такъ называемую, *картвельскую* или *иверскую группу*, а также и языки кавказскихъ горцевъ не имѣютъ нигдѣ родичей внѣ Кавказа и стоятъ особнякомъ въ лингвистической классификаціи подъ названіемъ *собственно кавказскихъ языковъ*. Соединеніе въ одну группу языковъ грузинскаго, лазскаго, мингрельскаго и сванетскаго указываетъ на существующее между ними родство, но степень этой генетической связи еще не установлена. Что касается до горскихъ языковъ, то ихъ соединяють въ двѣ группы: *западно-горскую* (языки абхазскій, убыхскій и черкесскій) и *восточно-горскую*, обнимающую собою языки народовъ Дагестана, извѣстныхъ у насъ подъ общимъ именемъ лезгинъ, языки тушинскій и чеченскій. Родство абхазскаго и черкесскаго языковъ между собою еще не доказано съ достаточной ясностью, и потому нѣкоторые лингвисты (Л. П. Загурскій) считаютъ преждевременнымъ установленіе общей западно-горской группы, сдѣланное Усларомъ и принятое Фридрихомъ Мюллеромъ. Равнымъ образомъ не имѣется до сихъ поръ достаточныхъ основаній для сближенія или генетической связи между названными выше тремя группами, собственно, кавказскихъ языковъ“.

(„Путеводитель по Кавказу“ В. Вейденбаума, стр. 64—68).

Этнографическимъ разнообразіемъ населенія Россіи обусловливается и его разнообразіе въ религіозномъ и, вообще, культурномъ отношеніи. Въ предѣлахъ Россіи живутъ какъ племена, достигшія значительной и даже высокой цивилизаціи, такъ и

племена, приближающіяся къ полудикарямъ и даже къ дикарямъ. Въ предѣлахъ Россіи живутъ племена, среди которыхъ нельзя встрѣтить ни одного неграмотнаго, а также и племена, неимѣющія о грамотности даже отдаленнаго представленія. На западной окраинѣ Имперіи живутъ финны, нѣмцы, а на нашемъ Дальнемъ Востокѣ мы имѣемъ дѣло съ камчадалами. У насъ есть и земледѣльцы, и кочевники. А какое разнообразіе представляютъ жители Россіи по религіямъ! Въ Россіи есть и христіане, и язычники, и атеисты, и огнепоклонники, и магометане, и буддисты. То, что въ Великобританіи скрадывается вслѣдствіе обособленности метрополи отъ колоній, въ Россіи выступаетъ ясно и наглядно наружу, такъ какъ она не имѣетъ колоній и составляетъ со всѣми своими владѣніями въ Европѣ и въ Азіи одно цѣлое.

Очевидно, что Имперія съ такими этнографическими особенностями, какъ Россія, не сохранила-бы своей цѣлости и своего единства, еслибъ не управлялась монархами-автократами.

Этнографическія особенности Россіи столь разительны, что онѣ бросаются въ глаза даже иностранцамъ. Итальянецъ Карлетти въ своихъ очеркахъ „Современная Россія“ (пер. А. Волховской) высказываетъ глубокое убѣжденіе, что царская власть образовалась въ Россіи въ силу необходимости и имѣла самое благотѣльное вліяніе на ходъ русской исторіи.

Карлетти начинаетъ вторую главу своей книги историческимъ очеркомъ нашего самодержавія и затѣмъ спрашиваетъ:

„Возможно-ли Россіи учредить палату депутатовъ на подобіе нашей, итальянской, или французской, или англійской?—Чисто народное управленіе возможно лишь въ странѣ, гдѣ составъ населенія одноплеменный и гдѣ разность въ культурѣ, умственномъ развитіи, нравственности, вѣроисповѣданіи и духѣ не слишкомъ рѣзко ощущается въ населеніи. Представительный образъ правленія прежде всего ведетъ за собою борьбу принциповъ: гдѣ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ различныхъ идеаловъ, подобная форма удовлетворяетъ потребностямъ націи, если-же нѣтъ, то, говоря словами Катаньо,—это выходитъ плохо смазанное колесо, вертящееся съ шумомъ, а иногда лишь шумящее, но вовсе не вращающееся“.

„Бросимъ взглядъ на этнографическую карту Европейской Россіи, изданную Риттихомъ, и на карту Сибири Венюкова. На нихъ обозначено не менѣе пятидесяти различныхъ народностей, по крайней мѣрѣ тридцать различныхъ вѣроисповѣданій и отъ 15—20 нарѣчій *. Россія находится между двумя полюсами: съ одной стороны, самое утонченное европейское просвѣщеніе, съ другой—самое постыдное варварство; здѣсь—православіе,—тамъ грубое суевѣріе и идолопоклонство; рядомъ съ языкомъ Пушкина и Рунеберга раздаются звуки дикихъ, почти обезьянихъ нарѣчій.—Вообразите себѣ парламентъ, куда входитъ и самоѣдь, одѣтый въ оленью шкуру, и киргизъ въ своей тибетейкѣ, и калмыкъ въ шелковомъ или бархатномъ бешметѣ, и армянинъ въ своемъ черномъ кафтанѣ, и черкесъ въ башлыкѣ изъ верблюжьей шерсти съ наборомъ снарядовъ на груди, и грузинъ въ архалукѣ и чокѣ съ длинными расшитыми рукавами, а затѣмъ уже слѣдуетъ великороссіянинъ, бѣлоруссъ, корелецъ, мингрелецъ, татаринъ, молдаванинъ и персъ. Подумайте, какіе тутъ могутъ быть однородные идеалы и партіи, когда великороссъ будетъ стоять на своихъ консервативныхъ началахъ, малороссъ начнетъ увлекаться демократическими стремленіями (?), финляндецъ выдвинетъ свою конституцію, полякъ—республиканскія надежды, а монголъ—станетъ придерживаться авторитетныхъ преданій прежней власти.

„Вообразите себѣ, какъ стали-бы враждовать между собою различныя вѣроисповѣданія: православіе москвича, протестантизмъ западнаго прибалтійскаго края, католицизмъ поляковъ, магометанство монголовъ и турецко-татарскихъ народовъ. Прибавьте сюда еще огнепоклонниковъ изъ Сибири, различныя старовѣрческія секты, евреевъ-талмудистовъ и караимовъ, буддистовъ, сунитовъ и шитовъ. Кто можетъ смирить и привести къ согласію всѣ эти разнородныя стремленія, вѣроисповѣданія, идеалы? Одинъ лишь принципъ царской власти, самодержавіе. Надо въ этомъ сознаться“.

Такъ рассуждаетъ Карлетти, котораго, какъ итальянца, ужь, конечно, нельзя заподозрить въ предубѣжденіи противъ парламентаризма и вообще конституціонныхъ началъ...

* * *

---

* Въ дѣйствительности несравненно больше.

Въ связи съ этнографическими особенностями Россіи находится и еще одна причина, въ силу которой Россія можетъ быть управляема только самодержавной властью. Мы говоримъ о совершенной невозможности существованія въ Имперіи общественнаго мнѣнія, т. е. единства взглядовъ на всемъ пространствѣ государства на разные государственные вопросы. А безъ общественнаго мнѣнія и правильно организованныхъ партій немислимымъ никакой конституціонный режимъ. Считаемо не лишнимъ привести по этому поводу отрывокъ изъ книги покойнаго Н. А. Любимова „М. Н. Катковъ“.

„Политическая метафизика общественнаго мнѣнія необходимо приводитъ къ идеѣ о представительствѣ, постоянномъ или временномъ, къ той или другой формѣ. По теоріи, дѣло представляется просто. Выборные излюбленные люди явятся предъ правительствомъ уполномоченными представителями этого мнѣнія. При этомъ предполагается, что мнѣніе уже существуетъ готовое, и они только носители его. На самомъ дѣлѣ, однако, нѣтъ реальной вещи, которую можно-бы назвать общественнымъ мнѣніемъ. Въ собраніе приносятся самые разнообразныя и обыкновенно болѣе или менѣе разнородныя мотивы. Носители мнѣнія становятся и его творцами, начинается борьба не безплотныхъ мнѣній, а живыхъ людей, соединяющихся въ партіи. Словомъ, все превращается въ борьбу партій. Но борьба партій есть борьба за власть. Требуется соединеніе особыхъ условій, чтобы государственный корабль могъ плыть, когда у кормила его происходитъ непрерывная борьба и множество рукъ, отталкивая однѣ другія, хватаются за руль. Въ Англіи лишь многолѣтній опытъ, при условіи аристократическаго устройства страны, при особенностяхъ національнаго характера, подъ связующимъ дѣйствіемъ монархическаго начала, прочнаго, оцѣненнаго, могъ обратить борьбу партій въ правильную и сильную правительственную систему“.

Возставая противъ примѣненія теоріи народнаго правительства къ Россіи, Любимовъ писалъ:

„Осуществить идею въ нашихъ условіяхъ значило бы возвести партіи—и какія притомъ? неопредѣлившіяся, сбивчивыя, легкомысленныя партіи—въ государственную силу и дать имъ ору-

жіе въ руки для истребительной борьбы не только между собою, но и на гибель общимъ государственнымъ интересамъ. А окраины, а инородцы? Какой вихрь центробѣжныхъ стремленій былъ бы необдуманно вызванъ безъ пользы и цѣли!“ (289 и 290).

X.

Въ виду этнографическихъ особенностей Россіи, уже не разъ раздавались голоса, что она можетъ существовать только въ формѣ федерации; что Россія русскаго народа и Россія русскаго царя—двѣ различныя вещи; что единственною связью тѣхъ народовъ, которые живутъ въ Имперіи, является одинъ императоръ; что въ Россіи нѣтъ и не должно быть ни господствующей національности, ни господствующаго языка, ни господствующей религіи, другими словами, что Россія должна жить или быть устроена по типу государствъ не національныхъ, а разноплеменныхъ, разноязычныхъ и разновѣрныхъ. Все это очень откровенно проповѣдалось при Александрѣ II, между прочимъ, барономъ Фирксомъ, прикрывавшимся псевдонимомъ Шедо Феротти,—тѣмъ самымъ барономъ Фирксомъ, съ которымъ нѣкогда полемизировалъ Катковъ.

„Призваніе, Провидѣніемъ указанное государямъ, сидящимъ на тронѣ Петра I и Екатерины II, льстиво писалъ баронъ Фирксъ, слишкомъ велико, чтобы допустить менѣе возвышенную точку зрѣнія, чѣмъ соображенія общечеловѣческаго характера (*un point de vue moins élevé que celui des considerations humanitaires*). Русскій Императоръ царствуетъ не надъ странюю, но надъ цѣлою частью свѣта. Онъ повелѣваетъ не націею, а двадцатью народами. Его патріотизмъ въ томъ, чтобы любить равною любовью тѣхъ, чья участь ввѣрена ему небомъ. Всякій русскій, отправляясь въ Финляндію, въ Ливонію, въ Польшу, на Кавказъ, ѣдетъ въ иностранную землю (!). Императоръ, пріѣхавъ въ эти страны, находится у себя, въ своемъ отечествѣ, между дѣтьми своими, сдѣлать счастье которыхъ онъ принялъ на себя предъ Богомъ и совѣстью священную обязанность. Пусть патріотизмъ поляковъ состоитъ въ томъ, чтобы любить только самихъ себя; русскихъ, по крайней мѣрѣ, приверженцевъ г. Каткова, въ томъ, чтобы ненавидѣть (!?) инородцевъ; пусть у финляндцевъ патріотизмъ проявляется желаніемъ удалить русскихъ отъ себя, патріотизмъ русскаго Императора, Короля

Польскаго, Великаго Князя Финляндскаго, можетъ быть лишь въ томъ, чтобы держать вѣсы равновѣсія между всѣми его подданными, думать о благѣ всѣхъ этихъ странъ, изъ коихъ каждая есть его отечество. (?). Поставленный Провидѣніемъ на высоту, куда не могутъ достичь ни духъ партій, ни противоборство племень, онъ не можетъ пожертвовать Польшею требованіямъ ультра—русской партіи (*coterie ultra—russe de Moscou*), какъ не можетъ пожертвовать жизненными интересами Россіи утопическимъ мечтаніямъ польскихъ патриотовъ. Для него русскіе, финны, поляки, черкесы равно имѣютъ право на мѣсто подъ его солнцемъ; ни одно изъ этихъ племень не можетъ быть жертвою въ пользу другихъ. Требуется, чтобы каждое племя могло продолжать жить въ условіяхъ, вытекающихъ изъ его природы; географическаго положенія страны, имъ обитаемой; историческихъ воспоминаній, имъ сохраняемыхъ; религіозныхъ вѣрованій, какія имъ приняты. Единственная солидарность, какая можетъ быть между ними,—должна заключаться въ томъ, чтобы созокупно содѣйствовать защитѣ территоріи и не возмущать мира общаго отечества притязаніями, несогласными съ правами другихъ. Подъ условіемъ уваженія государственнаго порядка (*respecter l'ordre publique*), и киргизы, и калмыки, и финны, и поляки заслуживаютъ той же заботы, какъ русскіе. Императору остается лишь утвердить приговоръ народнаго мнѣнія и сказать о жителяхъ присоединенныхъ странъ, какъ говоритъ народъ русской „*roust jiwout mirno po swoemou zakonou*“ („пусть живутъ мирно по своему закону“). Такъ, будто бы „народъ говорилъ о полякахъ“.

Россія можетъ быть Россіей въ полномъ смыслѣ слова; она будетъ принадлежать русскому народу, создавшему Имперію, лишь до тѣхъ поръ, пока ея будутъ управлять самодержавные монархи. Кто дорожить національностью русскаго государства, тотъ долженъ дорожить и русскимъ самодержавіемъ. Ему одному обязанъ русскій народъ тѣмъ, что наши инородцы не сплотились въ одно цѣлое и не хозяйничаютъ въ Россіи, какъ въ своемъ собственномъ государствѣ.

XI.

Ю. Е. Самарину принадлежитъ великая заслуга правильной постановки вопроса о нашихъ окраинахъ. „Окраины Россіи“ Сама-

рина представляют одно изъ блестящихъ проявленій русской политической мысли. Авторъ не довелъ своего труда до конца, но онъ намѣтилъ тотъ путь, котораго слѣдуетъ держаться при обсужденіи положенія всѣхъ нашихъ инородцевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые заявляютъ претензіи на привилегированную и командующую роль въ тѣхъ или другихъ областяхъ имперіи. Россія должна быть Россіей и не на словахъ только. Вотъ основной принципъ русской государственности. Этотъ принципъ не могъ бы быть сохраненъ и проведенъ въ жизни, если бы Россія не управлялась монархами-автократами. Если бы она не управлялась ими, она утратила бы свой русскій характеръ, и сдѣлалась бы жертвою національныхъ споровъ и раздоровъ. Будучи хранительницею неотъемлемыхъ правъ русскаго народа, трудами и гениемъ котораго создана Россійская Имперія, царская власть является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защитницею всѣхъ справедливыхъ требованій и неотъемлемыхъ правъ нашихъ инородцевъ. Въ „Московскомъ Сборникѣ“ К. П. Побѣдоносцева вѣрно указывается, что демократическая форма правленія съ ея многочисленными представительными собраніями совершенно непригодна для примиренія запутанныхъ и противорѣчивыхъ притязаній различныхъ національностей, входящихъ въ составъ одного и того же общества. Доказательство на лице—Австрія. Отмѣтивъ слабыя стороны представительства, „Московскій Сборникъ“ говоритъ:

„Эти плачевные результаты всего явственнѣе обнаруживаются тамъ, гдѣ населеніе государственной территоріи не имѣетъ цѣлаго состава, но заключаетъ въ себѣ разнородныя національности. Национализмъ въ наше время можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ обнаруживается лживость и непрактичность парламентскаго правленія. Примѣчательно, что начало національности выступило впередъ и стало движущею и раздражающею силою, въ ходѣ событій именно съ того времени, какъ пришло въ соприкосновеніе съ новѣйшими формами демократіи. Довольно трудно опредѣлить существо этой новой силы и тѣхъ цѣлей, къ какимъ она стремится; но несомнѣнно, что въ ней—источникъ великой и сложной борьбы, которая предстоить еще въ исторіи человѣчества, и невѣдомо къ какому приведетъ исходу. Мы видимъ теперь, что каждымъ отдѣльнымъ племенемъ, принадлежащимъ къ составу

ву разноплеменнаго государства, овладѣваетъ страстное чувство нетерпимости къ государственному учрежденію, соединяющему его въ общій строй съ другими племенами, и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе, со своею, нерѣдко мнимою, культурой. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и, въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру,—но и съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическою жизнью. Монархія неограниченная успѣвала устранять или примирять всѣ подобныя требованія и порывы,—и не одною только силой, но и уравниемъ правъ и отношеніемъ подъ одною властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться, и инстинкты націонализма служатъ для нея развѣдающимъ элементомъ: каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей—не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племеннаго раздраженія, племенной ненависти—и къ господствующему племени, и къ другимъ племенамъ, и къ связующему всѣ части государства учрежденію. Какой нестройный видъ получаетъ въ подобномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе,—очевидно тому примѣромъ служить въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ—всероссійскаго парламента! Да не будетъ“.

XII.

Исторія свидѣтельствуетъ, что на православной почвѣ н. могутъ процвѣтать ни республиканскій строй, ни конституціонно-монархическій режимъ. На православной почвѣ развивалось и долго держалось только самодержавіе. Доказательствомъ служить Византійская имперія и Россія. Парламентаризмъ, искусственно привитой православнымъ державамъ Балканскаго полуострова, ничего не далъ, кромѣ безтолочи, политическихъ ошибокъ, партійной грызни, и иныхъ буръ въ стаканѣ воды. За примѣрами нечего далеко ходить: Румынія, Греція, Сербія и Болгарія блистательно подтверждаютъ только что сказанное. Отъ нихъ стоитъ особнякомъ Черногорія. Но Черногорія самовластно управлялась

въ прежнія времена владыками, теперь же самовластно управляется княземъ. Только что отмѣченное историческое явленіе не можетъ быть объяснено случайностью,—оно доказываетъ, что народы, воспитанные въ духъ православія, неминуемо тяготѣють къ монархическому строю. Почему-же?

Извѣстно, что христіанская проповѣдь застала у германо-романскихъ народовъ довольно значительное участіе массъ населенія въ верховномъ управленіи. Это участіе проявлялось въ болѣе или менѣе частомъ созваніи сеймовъ, народныхъ собраній и т. д. Оно существовало и у нѣкоторыхъ славянъ. Западное христіанство принесло съ собою германцамъ римское право, развившееся на преданіяхъ имперіализма и закрѣпленное Кодексомъ Юстиніана, а также и каноническое право, развившееся на тѣхъ же преданіяхъ,—вотъ одна изъ причинъ, почему западное христіанство явилось опорой монархической власти и способствовало ея возвышенію въ германо-романскомъ мірѣ. Главная же разгадка содѣйствія, которое вездѣ и всегда оказывалось христіанствомъ монархическимъ началамъ, заключается въ томъ, что христіанство по духу своему не можетъ поощрять и развивать республиканскіе, демократическіе и аристократическіе инстинкты. Если латиняне и папство, съ одной стороны, а протестанты и протестантство—съ другой, и мирволили имъ иногда, то не нужно забывать, что римскій католицизмъ и протестантизмъ,—искаженныя формы христіанства. Православіе же, т. е. христіанство въ чистѣйшей формѣ, и Православная Церковь, сохранившія христіанство временъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, никогда и нигдѣ не вступали въ борьбу съ единовластіемъ, никогда и нигдѣ не возбуждали народъ противъ монарховъ, но всегда и вездѣ содѣйствовали укрѣпленію монархическихъ началъ.

Въ древне-классическомъ мірѣ человѣкъ находилъ свое высшее достоинство въ званіи и правахъ гражданина. Для него ничего не было выше государства. Древній грекъ былъ чистокровнымъ государственникомъ; всѣхъ чужеземцевъ онъ считалъ варварами; низшій классъ населенія, услугами котораго онъ ежеминутно пользовался, онъ презиралъ. Въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ рабъ былъ вещью. Христіанство выдвинуло впередъ единеніе людей во имя Христа; оно выдвинуло впередъ понятіе о

Церкви, какъ объ обществѣ, члены котораго связаны религіозно-нравственными узами, узами вѣры и Таинствъ. Христіанская Церковь упразднила различіе между эллиномъ и іудеемъ, между мужскимъ и женскимъ полами. Евангеліе не проповѣдуетъ общественнаго переустройства, но Оно неменуемо вело къ нему Своимъ ученіемъ о ближнемъ, —ученіемъ, которое исключало всякую національную и сословную нетерпимость воззрѣній.—Христіане не могли и не могутъ жить исключительно въ государствѣ и государственными интересами; они живутъ также въ Церкви и церковными интересами. На первомъ планѣ у нихъ стоитъ не земная, а загробная жизнь.

Христіанство, какъ религія любви, кротости и смиренія, не могла не осудить многаго изъ того, что представлялось людямъ языческаго міра вполне естественнымъ и очень похвальнымъ. Политическія убійства тирановъ, напримѣръ, которыя считались въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ дѣломъ отнюдь не позорнымъ, съ христіанской точки зрѣнія являются злодѣйствами, ибо христіанство никогда не признавало, что цѣль оправдываетъ средства. Брутъ, убившій Юлія Цезаря, былъ развѣнченъ христіанствомъ изъ героя въ тяжкаго грѣшника. Стремленія къ политической власти, къ государственнымъ почестямъ и къ земной славѣ, все это было объявлено христіанствомъ суетою, отвлекающею человѣка отъ его единственной и высшей задачи, отъ того, что есть единое на потребу. Провозгласивъ, что жизнь есть не цѣль, а средство, что человѣкъ можетъ достигнуть истиннаго счастья только за гробомъ, что жизнь есть время искусовъ и подвиговъ,—время приготовленія къ вѣчности,—христіанство не могло не наложить своего отпечатка на политическія идеи и идеалы древняго міра и не измѣнить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Язычникъ смотрѣлъ на власть, какъ на привилегію, христіане первыхъ вѣковъ видѣли въ ней прежде всего тяжелый и отвѣтственный долгъ. Христіанство не могло поощрять властолюбивыхъ притязаній народа или болѣе вліятельнаго меньшенства. Дѣла правленія христіанство разсматривало, прежде всего, какъ служеніе Богу и ближнимъ, и не одобряло ни подкуповъ, ни дру-

гихъ происковъ для пріобрѣтенія того или другого званія, того или другого сана. Духъ христіанства требуетъ устройства государства по образцу Церкви. Онъ требуетъ, чтобы государство содѣйствовало прежде всего душевному спасенію людей. Съ этой, именно, точки зрѣнія христіане первыхъ вѣковъ относились ко всѣмъ государственнымъ вопросамъ.

„Царство Мое не отъ міра сего“, сказалъ Спаситель. А такъ какъ христіанство дорожило прежде всего Царствомъ Христовымъ, то оно не могло не стремиться, чтобы и земныя царства носили на себѣ печать освященія. Христіанству не было надобности давать міру какой-либо новый политической идеаль организациі государствъ. Онъ былъ начертанъ уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Царь Давидъ и другіе мудрые и благочестивые ветхозавѣтные цари чтились христіанами такъ же, какъ и евреями. Цари-Помазанники—вотъ тѣ властелины, къ которымъ тяготѣли христіане болѣе, чѣмъ ко всякимъ инымъ правителямъ. Повелѣвъ воздавать Кесарево Кесарю, Иисусъ Христосъ тѣмъ самымъ произнесъ осужденіе возстаній противъ Кесаря и какихъ бы то ни было посягательствъ на его права. Не забудемъ и другого евангельскаго текста: „Онъ же сказалъ имъ: цари господствуютъ надъ народами и владѣющіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ; но кто изъ васъ больше, будьте меньше, и начальствующіе, какъ служащіе“ (Евангеліе отъ Луки XXII, 25—26). Въ христіанскомъ мірѣ не было религиозной опоры для аристократическаго и демократическаго режима. Изъ всѣхъ формъ правленія наследственная монархія, въ которой власть переходитъ волею Божественнаго Промысла отъ одного лица къ другому въ силу рожденія, наиболѣе подходила къ духу христіанства. Вотъ почему народы, воспитавшіеся въ истинно христіанскомъ духѣ, не могли и не могутъ освоиться съ какимъ либо режимомъ, кромѣ единовластія. Вотъ почему и всѣ православныя народы, не знающіе ни римско-католическихъ, ни протестантскихъ религиозныхъ новшествъ, не знающіе ни властолюбиваго папства, ни безграничной свободы толкованія Священнаго Писанія, не могли освоиться съ представительными учреждениями. Православнымъ народамъ свойственно повиноваться Помазанникамъ Божиимъ, но совершенно несвойственно повиноваться тѣмъ или другимъ олигархамъ или демосу.

XIII.

Чтобы убѣдиться, какъ тѣсно связано Православіе съ Само-державіемъ, достаточно указать на политическое ученіе Отцевъ Церкви. Вотъ ихъ слова, приводимыя въ § 117-мъ I-го тома „Православно-догматическаго богословія“ знаменитаго русскаго ученаго, Макарія (Булгакова), митрополита Московскаго:

Св. Иринея: „Какъ въ началѣ солгалъ (дѣволъ), такъ солгалъ и впослѣдствіи, говоря: *мнѣ предана естъ* (власть надъ всѣми царствами вселенныя), *и, сму же аще хощу, дамъ ю* (Лук. 4, 6). Не онъ опредѣлилъ царства міра сего, а Богъ. Отъ Бога установлены земныя царства для блага народовъ (а не отъ дѣвола, который никогда не бываетъ спокоенъ самъ, не хочетъ оставить въ покоѣ и народы), чтобы, боясь царствія человѣческаго, люди не истребляли другъ друга по подобію рыбъ, но, подчиняясь законамъ, отлагали многообразное несчастіе языческое... По чьему повелѣнію рождаются люди, по повелѣнію Того же поставляются и цари, приспособленные (arti) къ тѣмъ, надъ кѣмъ они царствуютъ. Ибо нѣкоторые изъ нихъ даются для исправленія и пользы подданныхъ, и сохраненія правды; нѣкоторые же для страха и наказанія; еще нѣкоторые для уничтоженія народовъ, или для возвышенія, смотря по тому, чего бываютъ достойны эти народы по праведному суду Божію, одинаково протирающемуся на все“.

Св. Григорія Богослова: „Цари! познайте, сколь важно вѣренное вамъ и сколь великое въ разсужденіи васъ совершается таинство. Цѣлый міръ подъ вашею рукою, сдерживаемый небольшимъ вѣнцемъ и короткою мантиею. Горнее принадлежитъ единому Богу, а дальнее и вамъ; будьте (скажу смѣлое слово) богами для своихъ подданныхъ. Сказано (и мы вѣруемъ), что *сердце царсво въ руцѣ Божіей*“ (Прит. 21, 1).

Св. Іоанна Златоустаго: „Почему Апостоль увѣщеваль *творити молитвы* за царей (1 Тим. 2, 1)? Тогда цари были еще язычники, и потомъ прошло много времени, пока язычники преемствовали другъ другу на престолѣ... Чтобы душа христіанина, услышавъ это, не смутилась и не отвергла увѣщанія, будто должно возносить молитвы за язычника во время свя-

щеннодѣйствій, — смотри, что говоритъ Апостоль, и какъ указываетъ на пользу, дабы, хотя такимъ образомъ, приняи его увѣщаніе: *да тихое, говорить, и безмолвное житіе поживаемъ въ нынѣшнемъ вѣнцѣ*. Т. е., здравіе ихъ (царей) рождаетъ наше спокойствіе... Ибо Богъ установилъ власти для блага общаго. И не было ли бы несправедливымъ, если-бы они носили оружіе и ратоборствовали, чтобы мы жили въ спокойствіи, а мы даже не возносили бы молитвъ за тѣхъ, которые подвергаются опасностямъ и ратоборствуютъ? Итакъ, дѣло это (молитва за царей) не есть угодничество, но совершается по закону справедливости“.

А вотъ слова митрополита Макарія:

„Богъ промышляетъ о царствахъ и народахъ“.

„Св. Писаніе излагаетъ эту истину весьма раздѣльно, когда говоритъ:

1. Что Богъ есть верховный *царь по всей земли* (Пс. 46, 3, 8, 94, 2), что Онъ *воцарися надъ языки*, т. е. надъ народами (Пс. 46,9), *обладаетъ языки* (—21,29), *призираетъ на языки* (65,7), *наставляетъ языки* (66,5).

2. Что Онъ—а) самъ поставляетъ царей надъ народами: *владѣтъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхоцетъ дастъ е* (Дан. 4,22, 29; снес. Сир. 10,4); *той поставляетъ цари и представляетъ* (Дан. 2,21), *и каждому языку устроилъ вождя* (Сир. 17,14; снес. Прем. 6. 1—3); б) поставляетъ, какъ видимыхъ намѣстниковъ своихъ въ каждомъ царствѣ; *Азъ ряхъ: бози есте, говорить Онъ имъ, и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 1—6; снес. Исх. 22,28); в) и съ этою цѣлю даруетъ имъ отъ себя *державу и силу* (Прем. 6,4), *елеемъ святымъ своимъ помазуетъ ихъ* (Пс. 88,21; снес. 1 Цар. 12, 3—6; 16,3; 19,16; 24,7; Исаи 41, 1), такъ что *отъ того дне носится надъ ними Духъ Господень* (1 Цар. 16, 11—13); г) самъ же, наконецъ, и управляетъ чрезъ царей земными царствами: *много царствуютъ, говорить Онъ, царіе, и сильніи ищутъ правду* (Прит. 8,15). *Якоже устремленіе воды, присовокупляетъ Пророкъ, тако сердце царево въ руцѣ Божіей: амо же аще восхоцетъ обратити, тамо уклонитъ е* (Прит. 21,1).

3. Что онъ—а) поставляетъ, чрезъ Помазанниковъ своихъ, и всѣ прочія нисшія власти: *всяка душа властемъ предержацимъ*

да повинуются, нѣтъ бо власть аще не отъ Бога: суицы же власти отъ Бога учинены суть (Рим, 13, 1); повинитесь убо всякому чловѣчу начальству Господа ради; аще царю, яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ (1 Петр. 2, 13, 14), 6) и поставляетъ, какъ слугъ своихъ, для устроения счастья чловѣческихъ обществъ: князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. *Хощеши ли не бояться власти, благое твори, и имѣти будещи похвалу отъ него: Божій бо слуга есть тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся; не бо безъ ума мечъ носитъ: Божій бо слуга есть отмститель во гнѣвъ злое творящему. Тѣмъ же потреба повинуватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. Сего бо ради и дани даете: служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе* (Рим. 13, 3—6).

Смѣло можно сказать, что въ Россіи нѣтъ и не было ни одного сколько нибудь выдающагося проповѣдника, ни одного сколько нибудь выдающагося духовнаго писателя, который не разъяснялъ бы религіозно—политическаго значенія русскаго Самодержавія, какъ христіанской монархіи. И въ новѣйшія времена русскіе архипастыри гораздо раньше представителей русскаго правовѣдѣнія занялись разработкою теоріи царской власти. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно указать на Тихона Задонскаго, на митрополитовъ московскихъ Платона и Филарета и на высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго.

XIV.

Въ Письмахъ Иннокентія, митрополита Московскаго и Коломенскаго (I, 480), мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки, относящіяся къ 1851 году и написанныя подъ вліяніемъ революціонныхъ взрывовъ 1848 года, и слѣдовавшихъ за ними событий: „Кажется, теперь только слѣпой, или намѣренно-смежающей очи можетъ не видѣть, что самый лучший образъ правленія есть самодержавіе. Но въ то же время нельзя не убѣдиться, что самодержавіе можетъ быть только тамъ, гдѣ—православіе“.

Почему же самодержавіе можетъ быть только тамъ, гдѣ православіе? Потому что ни одна изъ христіанскихъ религій не благопріятствуетъ развитію и укрѣпленію монархическихъ началъ въ

такой степени, какъ Православіе, потому что цари-помазанники и цари—*Божіей милостію* могутъ быть, строго говоря, только въ православныхъ государствахъ. Другими словами, единоличная власть можетъ имѣть высшую санкцію только въ тѣхъ странахъ, которыя сжились съ восточнымъ христіанствомъ,—съ христіанствомъ время апостоловъ и вселенскихъ сборовъ, и не уклонились отъ него ни къ римскому католицизму, ни къ протестантизму. Вотъ одна изъ главныхъ загадокъ той общеизвѣстной истины, что въ теченіе среднихъ и новыхъ вѣковъ неограниченныя монархіи прочно держались только въ Восточной Европѣ, на Западѣ-же, если и возникли, то существовали сравнительно недолго и оказывались безсильными въ борьбѣ съ аристократическими и демократическими притязаніями. Византійское самодержавіе продержалось болѣе тысячи ста лѣтъ, русское самодержавіе, если даже относить его начало лишь къ эпохѣ возвышенія Москвы и собиранія русской земли, имѣетъ въ своемъ прошломъ уже пять съ половиною вѣковъ. Но, вѣдь, зародыши русскаго самодержавія явились одновременно съ основаніемъ русскаго государства, ибо первые русскіе князья правили, какъ неограниченные монархи, да и князья удѣльно-вѣчевого періода нигдѣ, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, не были связаны никакими, ограничивавшими ихъ власть, обязательствами. Выходитъ, такимъ образомъ, что и русское самодержавіе, собственно говоря, уже перевалило за тысячу лѣтъ, а между тѣмъ, оно, очевидно, имѣетъ, передъ собой долгую и блестящую будущность. А неограниченныя монархіи германо-романскаго міра? Онѣ всѣ были недолговѣчны. Во Франціи, на примѣръ, господство абсолютизма ограничивалось, приблизительно, полуторастами годами (отъ Ришелье до „великой“ революціи 1789 года), въ Испаніи двумястами лѣтъ съ небольшимъ (отъ Филиппа II до 1812 года) и т. д. Иначе и быть не могло. Римскій католицизмъ съ его властолюбивыми папами, почитавшими себя царями царей, наложилъ свой отпечатокъ на всѣ проявленія западно-европейской цивилизаціи и не могъ создать почвы удобной для монархическихъ началъ. О протестантизмѣ же, отвергнувшемъ всякую догматику и провозгласившемъ, что каждый имѣетъ право толковать св. Писаніе по своему, уже и говорить нечего. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ дру-

гихъ, западное христіанство рѣзко отличалось отъ восточнаго, никогда не забывавшаго словъ Спасителя: „Царство Мое не отъ міра сего“ и не знавшаго, поэтому, борьбы церковной власти со свѣтскою, упорной и долгой борьбы, подъ воздѣйствіемъ которой опредѣлился весь ходъ западно-европейской исторіи. Понять устойчивость чисто монархическихъ началъ въ Византійской имперіи и въ Россіи и преобладаніе конституціонныхъ и республиканскихъ элементовъ на Западѣ, оставляя въ сторонѣ раздѣленіе церкви и его политическія и культурныя послѣдствія, нѣтъ никакой возможности. Византійское и русское единовластіе, съ одной стороны, и различные виды германо-романскаго многовластія, — съ другой, явились порожденіемъ различнаго пониманія христіанства, различнаго отношенія церкви къ государству, и обратно, на Западѣ и на Востокѣ. Только близорукое доктринерство и антинаучная точка зрѣнія могутъ упускать изъ виду тѣсную связь, всегда и вездѣ существующую и существовавшую между учрежденіями тѣхъ или другихъ народовъ и ихъ религіозными вѣрованіями. Какъ нельзя понять древне-египетскаго, древне-индійскаго и древне-персидскаго государственнаго устройства, не зная тѣхъ религіозныхъ культовъ, подъ вліяніемъ которыхъ они сложились, также точно нельзя понять и рѣзкаго контраста между русскимъ и западно-европейскимъ строемъ, не вникая въ тѣ религіозные устои, которые лежатъ въ ихъ основѣ и которыми была заранѣе преуказана ихъ судьба. Отвергать тѣсную связь между самодержавіемъ и православіемъ, отмѣченную покойнымъ митрополитомъ Иннокентіемъ, можно лишь съ близорукой точки зрѣнія Бокля, воображавшаго, что религіи не имѣютъ большого значенія въ исторіи. Религіи были и будутъ самыми мощными двигателями въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ. *Самодержавіе можетъ быть только тамъ, гдѣ православіе.* Это обобщеніе можно назвать, въ примѣненіи къ христіанскому міру, историческимъ закономъ.

XV.

Вся русская исторія служитъ доказательствомъ неразрывной связи, существующей между Православіемъ и неограниченной монархіей.

Тѣсная связь русскаго Самодержавія съ Православіемъ ярко обнаружилась, между прочимъ, во время заговора декабристовъ. Многіе изъ декабристовъ, не утратившіе вѣры, съ ужасомъ думали о затѣянномъ переворотѣ и, давъ свое согласіе на бунтъ и цареубійство, терзались, затѣмъ, лютыми угрызениями совѣсти и отъ души желали неудачи себѣ и своимъ сообщникамъ. Примѣняясь къ общему настроенію, даже лютеранинъ Пестель, самый энергичный и умный изъ всѣхъ заговорщиковъ, говорилъ, что по окончаніи задуманнаго дѣла онъ приметъ схиму въ Кіево-Печерской Лаврѣ, очевидно, для того, чтобы замолить свой грѣхъ. Приблизительно въ августѣ 1825 года, при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, на одномъ изъ собраній членовъ Сѣвернаго Общества и нѣкоторыхъ изъ Соединенныхъ Славянъ, происходившемъ у Александра Бестужева и Сергѣя Муравьева, когда они заговорили о необходимости посягнуть на жизнь императора Александра I и истребить весь царствующій домъ, Горбачевскій сказалъ: „Но это противно Богу и религіи“.—„Неправда“, возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библии, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что монархическое правленіе не угодно Небу. Муравьевъ понималъ, а въ рѣшительную минуту убѣдился и на опытѣ, что русскаго православнаго солдата нельзя подбить на мятежъ противъ царской власти, пока въ его душѣ будетъ оставаться хоть тѣнь вѣры. Вотъ разгадка эпизода, происшедшаго съ Муравьевымъ, когда онъ пытался возжечь военный бунтъ на югѣ Россіи. 31-го декабря 1825 года онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ полковой священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебенъ и прочесть сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ *Катихизисъ*, въ коемъ они хотѣли доказать, что Богу угоденъ одинъ республиканскій образъ правленія. Но лжекатехизисъ произвелъ на рядовыхъ невыгодное впечатлѣніе, и Муравьевъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Великій Князь Константинъ Павловичъ не отрекался отъ короны.—За нѣсколько дней до 14 декабря, Батенковъ, разсуждая на ту тему, что въ Россіи легко произвести государственный переворотъ („стоитъ разослать печатные указы отъ Сената“), тутъ

же оговаривался: „Только въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустить насъ до республики“.

Да, наши церковныя моленія составляютъ одинъ изъ надежнѣйшихъ столповъ монархіи въ Россіи. Они свидѣтельствуютъ, что Церковь всегда была и будетъ охранительницей, воспитывающей народъ въ духъ преданности Царямъ и Ихъ самодержавной власти.

XVI.

Раса того или другого народа не можетъ не имѣть вліянія на его политическую организацію. Русскій народъ принадлежитъ къ числу народовъ славянскихъ; вотъ почему онъ и нашелъ спасеніе въ широкомъ развитіи монархическихъ началъ.

Исторія славянъ доказываетъ, что представительное правленіе имъ не сродно. Въ началѣ исторической жизни всѣхъ славянскихъ народовъ мы видимъ дѣятельное участіе населенія въ дѣлахъ высшаго правленія. Вѣчевой бытъ балтійскихъ славянъ, вѣчевые порядки въ древней Польшѣ и въ древней Россіи чешскій сеймъ во времена Пржемысловцевъ, древне-хорватскіе, древне-сербскіе и древне-болгарскіе соборы служатъ доказательствомъ, что у всѣхъ славянъ были такіе же зачатки участія народа въ верховной власти, какъ и въ государствахъ германской расы. Изъ этихъ зачатковъ не выработалось ничего подобнаго англійскому парламенту. Тамъ, гдѣ единоличная власть достигала силы и устойчивости, славяне достигали великихъ успѣховъ; тамъ, гдѣ она падала, падали не только могущество, но и независимость государства. Особенно поучителенъ примѣръ Польши и Россіи. Когда въ Польшѣ королевская власть стояла достаточно высоко, Польша имѣла возможность вести съ Россіей споръ о преобладающемъ вліяніи въ Восточной Европѣ. Когда же королевская власть въ Польшѣ пала, пала и Польша подъ ударами сначала Московскаго государства, а потомъ—Россійской имперіи. Польскій сеймъ въ концѣ концовъ выродился въ нелѣпѣйшую изъ олигархій и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ порабощеніе и обнищеніе польскаго народа, возрожденнаго къ лучшей жизни уже впоследствии, послѣ присоединенія Польши къ Россіи, самодержав-

ными монархами послѣдней.—А Россія? Декабристы напирали на то, что удѣльно-вѣчевые порядки держались въ Россіи нѣсколько вѣков*, но къ чему они привели въ концѣ концовъ? Они исчезли безслѣдно, уступивъ мѣсто единой державѣ, которое Карамзинъ съ полнымъ основаніемъ называлъ *спасительнымъ*. Раздробленіе Россіи на маленькія государства повело къ татарскому игу, а возвышеніе московскихъ князей — къ освобожденію Россіи отъ татарскаго ига. Замѣтимъ, ксати, что декабристы ошибались, преувеличивая значеніе древне-русскихъ вѣчъ. Руководящее значеніе въ древней Россіи принадлежало не вѣчамъ, а князьямъ. Вѣча не представляли ничего организованнаго и были, по большей части, порожденіемъ смутъ и междоусобій. Исключеніемъ изъ общаго правила были, развѣ, только Новгородъ и Псковъ,—но и тамъ даровитые и энергичные князья управляли почти самодержавно. Древне-русскія княжества были не республиками, какъ думали декабристы, а полуизбирательными — полунаслѣдственными монархіями, „народоправства“ которыхъ опирались не на законъ, а на обычай или, вѣрнѣе сказать, на безпорядочное состояніе тогдашняго государственнаго строя. Удѣльная Русь, какъ и позднѣйшая Русь, имѣла и монархическіе инстинкты, и династическія привязанности. Она распадалась на княжества. Каждое княжество имѣло своихъ любимыхъ князей и переносило свою любовь на ихъ потомковъ, а всѣ княжества, вмѣстѣ взятыя, крѣпко держались Рюрикова рода и не измѣняли ему. Древняя Русь управлялась не вѣчами, а князьями—Рюриковичами. Съ утвержденіемъ единовластія и съ превращеніемъ бывшихъ владѣтельныхъ князей въ царскіе подручники, Россія стала быстро возвышаться и скоро сдѣлалась великою державою, единственною великою славянскою державою, надеждою и защитницею всѣхъ славянскихъ государствъ. Не случайно это произошло: очевидно, что славянской расѣ болѣе сродно единовластіе, чѣмъ всякое иное государственное устройство. То же самое подтверждается и современною дѣйствительностью. Какое славянское государство занимаетъ нынѣ первенствующее положеніе среди всѣхъ славянскихъ государствъ?—Россія, управляемая монарха-

---

* „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ Анненкова, стр. 92.—95.

ми—автократами. Какія славянскія государства наилучше управляются? Да ужъ, конечно, не Сербія и не Болгарія, снабженныя конституціонными аппаратами, а колоссальная Россія и маленькая Черногорія, не знающія никакихъ юридическихъ ограниченій власти своихъ государей. Весьма поучительно сравненіе Черногоріи съ Сербіей и Болгаріей. Ея князь, несмотря на свои ограниченныя средства и стѣсненное положеніе, пользуется такимъ вліяніемъ и придалъ своему народу столько политическаго вѣса, что Сербія и Болгарія могутъ только завидовать миниатюрной Черной Горѣ.

Но можетъ быть конституціонныя славянскія государства могутъ надѣяться, что парламентаризмъ, который къ нимъ былъ искусственно привить, имѣетъ всѣ данныя на лучшее будущее? Увы, на это нѣтъ никакой надежды. Достаточно прочесть воспоминанія французскаго туриста Кейе о народномъ представительствѣ въ Болгаріи, чтобы совершенно разочароваться въ немъ.

„ Городъ, * столь оживленный вчера, кажется сегодня вымершимъ, съ его запертыми на засовъ лавками и опустѣлыми улицами. Бродя безцѣльно, во время утренней прогулки, я подошелъ къ большому двору, на которомъ жались волнующая толпа, манера держаться которой составляла для меня загадку: это не свадьба, потому что этотъ рослый брюнетъ печаленъ; это и не похороны, потому что этотъ маленькій блондинъ веселъ. Можетъ быть, это окончаніе ночного бала? Но, гдѣ же женщины? Можетъ быть, начало рынка? Но, вовсе не видно жидовъ.—Это, скорѣе, митингъ, потому что, вотъ священники; но, въ честь какого-же святого они здѣсь? Да, въ честь святой баллотировки! Только, вѣдь, отшельникъ способенъ былъ позабыть о томъ, что солнцу 8-го іюня предстояло освѣтить празднество выборовъ въ законодательное собраніе. Развѣ самъ министръ не погнушался, на прошлой недѣлѣ, пожаловать для личнаго просвѣщенія жителей Кюстендила! Но, удастся-ли, однако, собрать урожай отъ добраго сѣмени, посѣяннаго столь официальной рукою?

„Изъ цѣлыхъ потоковъ рѣчей, которыя набѣгали одна на другую, и движеній главныхъ актеровъ, которые толкались на верандѣ городского дома, можно было, наконецъ, понять, въ чемъ

* Кюстендиль.

дѣло. Сначала молодой человѣкъ съ рыжею бородою, провозгласивъ хорошо звучащимъ голосомъ воззваніе: „Господари!“—изливался въ рѣчи, произносимой съ тою подвижностью въ языкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ, которыя присущи славянскимъ племенамъ. Затѣмъ приступили къ выбору членовъ бюро, и два священника, и нѣсколько крестьянъ или горожанъ, предложенные присутствующимъ, были провозглашены толпою или, правильнѣе, она пробурчала ихъ имена. Было-бы забавно срисовать этихъ добрыхъ увальней, которые послѣдовательно появлялись надъ жестяными ящиками, гдѣ вскорѣ потихоньку станеть вариться избирательный бульонъ. Каждый-же изъ этихъ ящиковъ былъ такъ великъ, что могъ вмѣстить въ себѣ цѣлаго кандидата.

„Когда бюро составилось, стали раздавать маленькіе лоскутки бѣлой бумаги и карандаши. Самодержавный народъ разбился на различныя группы, и зрѣлище сдѣлалось интересно.

„Безграмотныхъ крестьянъ было большинство; они весьма охотно протягиваются къ карандашамъ, предлагаемымъ въ такомъ изобилии, что не знаешь только, который изъ нихъ взять. Здѣсь писцомъ—поселянинъ: онъ медленно и молча пишетъ имена, которыя ему диктуютъ товарищи;—тамъ гражданинъ города, корчащій изъ себя комическую фигуру превосходства и, прежде, чѣмъ написать, обсуждающій достоинства кандидатовъ. Нечего и говорить, какъ легко здѣсь мошенничать. Вы мнѣ замѣтите, что болгаринъ по своей уже природѣ недовѣрчивъ, и, дѣйствительно, я вижу, что два или три избирателя совѣщаются съ сосѣдями и просятъ прочесть ихъ бюллетень, чтобы убѣдиться, что ихъ не провели; но масса не предполагаетъ обмана.

„Нѣсколько поодаль, въ кружкѣ, разсѣлись турки, которые закурили свои длинные чубуки и, повидимому, не торопятся приступить къ дѣлу; безъ сомнѣнія, они уже сдѣлали свой выборъ. Цыгане съ розою за ухомъ переходятъ отъ одного къ другому съ безпечною большихъ дѣтей, привыкшихъ смотрѣть на вещи съ веселой стороны. Евреевъ мало. Нѣсколько старыхъ овчинъ бродятъ съ сконфуженнымъ и недовѣрчивымъ видомъ и съ билетикомъ въ рукѣ, не будучи въ состояніи на что-либо рѣшиться. Другіе, еще болѣе вдохновенные и полагающіе, что гораздо благоразумнѣе вовсе не голосовать, незамѣтно ускользаютъ за

ворота. Но полиція, которая бодрствуетъ, принуждаетъ ихъ возвратиться къ исполненію долга и .. войти опять во дворъ. И вотъ: свобода и жандармъ!!!...

„Если-бы еще крестьянинъ полагалъ свою славу въ упражненіи своими правами гражданина, то можно было бы надѣяться, что время его ученичества было бы непродолжительно, и что здравый крестьянскій разумъ быстро подсказалъ-бы ему, на какой, собственно, сторонѣ его истинные интересы: но, будучи далекъ отъ того, чтобы гордиться своимъ правомъ, онъ отвращается отъ него не менѣе естественно, какъ и Панургъ отъ ударовъ. Благоразумный и недовѣрчивый, онъ идетъ на баллотировку, какъ собака, которую подгоняютъ прутьями... Онъ охотно взираетъ на князя,—такъ какъ для него лишь князь воплощаетъ власть, уважать которую, правильно или нѣтъ, его всегда побуждали при владычествѣ оттомановъ,—но онъ косится на кмета, попа и школьнаго учителя, потому что они гораздо ближе, и онъ ихъ опасается. Работая въ противоположномъ направленіи; беспокоясь, что онъ не въ состояніи ясно понять то, о чемъ его спрашиваютъ; вовсе не заботясь о томъ, чтобы быть *господиномъ* депутатомъ, онъ стоитъ смущенъ своимъ избирательнымъ листкомъ, какъ и осель флейтою, и охотно заплатилъ бы за то, чтобы не идти подавать голосъ, а, потому, каждый разъ, когда только можетъ, онъ и разрѣшаетъ себѣ оставаться дома.

„Хотите ли знать, что думаютъ въ самой странѣ объ энтузіазмѣ сельскаго избирателя и нравственности выборовъ?

„Извѣстно, что болгарскій народъ далекъ отъ того, чтобы сознавать значеніе голосованія или чтобы придавать ему весьма много важности. Крестьянинъ считаетъ себя счастливымъ, когда бываетъ въ состояніи избавиться отъ этого права свободного гражданина, къ тому же и весьма тягостнаго для него, такъ какъ приходится идти три-четыре часа для того только, чтобы бросить въ урну кусочекъ бумаги, значеніе которой крестьянину не извѣстно и знать которое онъ не имѣетъ никакой охоты. Этимъ невѣжествомъ нашихъ крестьянъ весьма дерзко пользуются кметы, приходскіе священники и школьные учителя; они входятъ въ сдѣлку съ избирателями, пишутъ бюллетени и массами бросаютъ ихъ въ урны“... (Лавэлэ „Балканскій полуостровъ“, пер. Васильева, II, 107—112).

Очевидно, что ни Россіи, ни Черногоріи не приходится жалѣть, что у нихъ не разыгрываются сены, подобныя кюстендильскимъ выборамъ съ ихъ „избирательнымъ бульономъ“.

XVII.

А ргіогі можно сказать, что между русскимъ пейзажемъ, нашими мятелями, засухами, долгою зимою и знойнымъ лѣтомъ и, вообще, между русскою природою, съ одной стороны, и характеромъ русскаго народа, съ другой, существуетъ неразрывная связь. А ргіогі можно сказать, что такая же связь существуетъ между психикой русскаго человѣка и нашимъ самодержавіемъ, надъ созданиемъ и развитіемъ котораго трудились въ теченіе вѣковъ не только русскіе монархи, но и всѣ русскіе люди отъ мала до велика. Эта связь не формулирована наукой, но она составляетъ неопровержимый фактъ.

„При первомъ историческомъ появленіи великорусскаго племени,—писалъ покойный Романовичъ-Славатинскій: *) уже можно было подмѣтить его отличительныя черты: энергію и предприимчивость, даръ устроенія и организаціи, способность, сплотившись въ одну артель, всецѣло подчиниться ея большаку. Эти качества—удалая энергія, духъ устроенія, артели и подчиненія помогли великорусскому племени совершить его великую историческую миссію—создать изъ раздробленной русской земли одно государство, претворивъ ея разсѣянныя племена въ одну націю посредствомъ самодержавной царской власти, которая была единственнымъ средствомъ для совершенія такого дѣла“.

Тѣ особенности характера, которыя Романовичъ-Славатинскій приписывалъ великороссамъ, присущи всему русскому народу. У малороссовъ, напримѣръ, еще Гоголемъ были подмѣнены и удалая энергія, и духъ устроенія, и духъ подчиненія. Стоитъ вспомнить хотя-бы IV главу „Тараса Бульбы“, въ которой говорится, какъ умѣли повиноваться кошевому своевольные и буйные запорожцы **).

*) „Система русскаго государственнаго права“ I. 46.

**) „Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные

Не связь между психикой русских людей и русским самодержавіем указывали и многіе иностранцы, въ томъ числѣ Прудонъ и Карлейль. По поводу выходовъ Герцена противъ Императора Николая Павловича и русскаго царизма они высказали Герцену свой взглядъ на русское самодержавіе, рѣзко расходившійся съ взглядомъ автора „Былого и Думъ“ и „Писемъ съ того берега“.

Прудонъ сдѣлалъ слѣдующій вопросъ Герцену: „Вѣрите-ли вы что *Русское Самодержавіе* произведено одною грубой силой и династическими происками?... Смотрите, нѣтъ-ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа?“ Карлейль писалъ Герцену: „Ваша родина имѣетъ талантъ, въ которомъ она первенствуетъ, и который даетъ ей мощь, далеко превышающую другія страны, *талантъ* необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ, безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ подъ опасеніемъ наказаній,—*талантъ повиновенія*, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперъ. И я нисколько не сомнѣваюсь, что отсутствіе его будетъ, рано или поздно, вымѣщено до послѣдней копѣйки, и принесетъ съ собою страшное банкротство. Таково мое мрачное вѣрованіе въ эти революціонныя времена“.

Талантъ повиновенія очень сложный талантъ, онъ можетъ принадлежать только великому народу. Этотъ талантъ слагается изъ сознанія необходимости дисциплины, любви къ родинѣ, доходящей до полнаго самоотреченія, умѣнія бороться съ эгоизмомъ и побѣждать его, изъ отвращенія къ красивымъ фразамъ и позамъ и изъ способности возвышаться въ нужныхъ случаяхъ до героизма, исполненнаго искренности и простоты и чуждаго всякой аффектаціи. Талантъ повиновенія превращаетъ цѣлую націю въ твердо сплоченный станъ, одушевленню одною мыслью, однимъ завѣтнымъ стремленіемъ. Монархъ, управляющій народомъ, которому свойственъ талантъ повиновенія, несокрушимъ въ борьбѣ съ врагами и можетъ творить чудеса на поприщѣ гражданственности и культурныхъ успѣховъ.

и гульбивые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы: не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія: раздавалъ онъ ихъ тихо, не вскрикивая, не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый, глубоко опытный въ дѣлѣ, казакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія“.

То, что Карлейль называлъ талантомъ повиненія русскаго народа, было подмѣчено чужеземными писателями еще во времена Василія III и Іоанна Грознаго.

Герберштейнъ писалъ:

„Скажетъ царь и сдѣлано; жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они“...

Іезуитъ Антоній Поссевинъ такъ характеризовалъ отношенія русскаго народа къ Іоанну Грозному; „Москвичи наслѣдовали отъ предковъ высокое понятіе о государѣ и утверждаютъ въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ то; царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя“.

Умный Герберштейнъ недоумѣвалъ, чѣмъ слѣдовало объяснять преданность людей Московскаго государства государю. Онъ не терялся бы въ догадкахъ, если бы былъ знакомъ поближе съ душевнымъ складомъ чуждаго ему русскаго народа.

Неограниченная монархія наиболѣе подходитъ къ характеру русскаго народа. Изъ всѣхъ формъ правленія она одна можетъ ужиться съ нимъ. „Отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость“, говоритъ Пушкинъ въ статьѣ о Лемонтѣ, а при этой отличительной чертѣ немыслимъ ни аристократическій, ни демократическій режимъ. Народъ, одаренный веселымъ лукавствомъ ума, прекрасно подмѣчаетъ всякую фальшь, всякую аффектацію и всякія излишества въ личныхъ претензіяхъ, въ раздутыхъ самолюбяхъ и въ желаніи играть роль. Республиканскіе правители и коноводы „его величества большинства голосовъ“ не могутъ устоять противъ смѣха и остротъ, которыя вліяютъ иногда дѣйствительнѣе всякихъ переворотовъ. Вотъ почему въ Россіи никогда не можетъ утвердиться ни родовитая, ни бюрократическая олигархія. Никогда не утвердится въ Россіи и буржуазная плутократія. Насмѣшливый

народъ совершенно непригодный материалъ для экспериментовъ съ многоговыми законодательными собраниями и съ семибоярщиной въ той или другой формѣ. Насмѣшливый народъ можетъ безропотно и охотно подчиняться только колоссальной власти, сосредоточенной въ рукахъ одного человѣка и окруженной ореоломъ такого мистическаго величія, которое ставитъ полномочія неограниченнаго монарха превыше всякихъ споровъ. Насмѣшливый русскій народъ чтитъ власть только тогда, когда она принадлежитъ Помазаннику Божіему и отъ Него исходитъ. А что русскій народъ дѣйствительно насмѣшливъ, объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, его пословицы, обнаруживающія такое веселое лукавство ума, съ которымъ нельзя не считаться.

Это веселое лукавство ума исчезало только тогда, когда русскій народъ становился лицомъ къ лицу съ своимъ Государемъ и долженъ былъ исполнять его велѣнія. Только въ этомъ случаѣ и обнаруживалъ русскій народъ *талантъ повиновенія*.

XVIII.

Въ Майской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1896 годъ есть очень любопытная страница, говорящая въ пользу русскаго самодержавія въ связи съ психологіей русскаго народа. Эта страница (11—12) находится въ статьѣ г. Картавцева „Николай Христіановичъ Бунге“. Вотъ она:

„Николай Христіановичъ, вовсе даже не считаясь съ положеніями дѣйствующаго права, но исходя изъ того, чему учила его исторія наша, и изъ того, что видѣлъ онъ въ теченіе пятидесятипятилѣтней жизни своей въ русской провинціи, былъ убѣжденный и безкорыстный монархистъ; онъ считалъ, что при относительно большей культурности западной половины Имперіи, гдѣ въ руководящихъ классахъ преобладаютъ центробѣжныя стремленія, цѣлостъ и сохранность государства могутъ быть ограждены лишь единствомъ власти; онъ полагалъ, что русскій народъ, по свойствамъ своего характера мало способный къ систематической, постоянной, мелкой повседневной борьбѣ и усиліямъ, можетъ въ минуты подъема духа дѣлать, подъ руководствомъ единой, твердой власти, такіе шаги и успѣхи, которые граничатъ съ

чудесами. Николай Христіановичъ указывалъ на большую аналогію въ распредѣленіи работы крестьянина въ теченіе года и работы политической жизни нашей народности. Въ теченіе всей зимы, значительной части осени и весны, крестьянинъ, особенно центральной черноземной Россіи, дѣлаеть очень мало; зато въ страдную пору онъ трудится не рѣдко по 18 часовъ въ день, исхудаетъ, истощится, но произведетъ такую работу, которая совершенно не по силамъ западному европейцу, не выработавшему приспособленности къ тому, чтобы однимъ махомъ сдѣлать то, что гораздо легче дѣлается путемъ болѣе слабыхъ, но въ то же время правильнѣе распредѣленныхъ усилій. Такую же работу страдной поры видѣлъ Николай Христіановичъ и въ политической жизни нашей—стоитъ только назвать реформы Петра Великаго и Александра II. Николай Христіановичъ вовсе не находилъ, чтобы такое движеніе толчками было лучше или просто предпочтительнѣе западно-европейскаго систематическаго движенія; но какъ усилія нашего крестьянина въ страдную пору—результатъ климатическихъ и почвенныхъ условій страны, такъ и нервныя, страстные періоды реформъ—результатъ особенностей нашего характера, выработаннаго и почвой, и климатомъ, и исторіей нашей. Если бы въ эти моменты рѣшительнаго поступательнаго движенія впередъ реформаторъ былъ чѣмъ-нибудь связанъ, или долженъ былъ бы идти, работая силами той или другой партіи—получились бы или ужасы французской революціи, или борьбы въ родѣ бывшей за освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Русская-же верховная власть можетъ дѣлать великое, намѣченное ею дѣло „безстрастно зря на правыхъ и виновныхъ“.

Замѣчательно, между прочимъ, что Бунге, нѣмецъ по происхожденію и лютеранинъ по религіи, указывалъ на сепаратистскія стремленія нашихъ западныхъ окраинъ, не смотря на то, что у насъ твердили и твердятъ, будто финляндскій, прибалтійскій и польскій сепаратизмъ былъ пугаломъ, выдуманномъ Катковымъ. Съ теоріей Бунге культурнаго развитія Россіи толчками можно, конечно, спорить; но онъ былъ совершенно правъ, когда утверждалъ, что Петръ Великій и Александръ II не могли бы совершить и малой доли того, что они совершили на благо и во славу Россіи, если бы не обладали полнотою власти.

Говоря о нашей формѣ правленія, не слѣдуетъ забывать, что Россія не только европейская, но и азиатская держава. Ей нельзя, поэтому, имѣть режимъ, который былъ бы чуждъ и непонятенъ не только громадному большинству русскаго народа, но и тѣмъ азиатскимъ племенамъ, которыя живутъ въ предѣлахъ Имперіи. Конституціонныя гарантіи были бы понятны финляндскимъ свекоманамъ, балтамъ и „непримиримой“ части польскаго общества. Но какъ отразились-бы онѣ въ умѣ текинцевъ? Азіаты привыкли видѣть въ русскомъ монархѣ Бѣлаго Царя, держащаго въ своихъ рукахъ всѣ милости и всѣ грозы могущественнаго самодержавія. Если бы Императоръ Всероссійскій сдѣлался конституціоннымъ Государемъ, онъ утратилъ бы всякое обаяніе въ глазахъ сибирскихъ, туркестанскихъ, кавказскихъ и закавказскихъ инородцевъ. Могутъ сказать: „уживается же, однако, Японія съ конституціоннымъ строемъ“. Но Японія еще такъ недавно обзавелась парламентаризмомъ, что никакъ не можетъ служить доказательствомъ его пригодности для Азіи. Всѣ азіатскіе народы, за исключеніемъ турокъ, персіянъ и индусовъ, считаютъ китайскаго богдыхана величайшимъ изъ монарховъ именно потому, что смотрятъ на него, какъ на обладателя верховной власти во всемъ ея объемѣ. Императорамъ всероссійскимъ, Которымъ Провидѣніе назначило такую важную миссію на Дальнемъ Востокѣ и, вообще, въ Азіи, нельзя поступать прерогативами Бѣлаго Царя“.

Въ брошюрѣ князя Э. Ухтомскаго „Къ событіямъ въ Китаѣ“ находимъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній о русскомъ самодержавіи съ только что указанной точки зрѣнія. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ,

„Изъ этой то святыни убѣжденія, (авторъ говоритъ о русскомъ воззрѣніи на божественное происхожденіе царской власти), зародилась незыблемая вѣра правившихъ нами и самихъ управляемыхъ въ то, что Русь есть источникъ и очагъ непреоборимой мощи, которая лишь усугубляется отъ натиска враговъ. Востокъ вѣритъ не меньше насъ и совершенно подобно намъ, вѣритъ въ сверхъестественныя свойства русскаго народнаго духа, но цѣнитъ и понимаетъ ихъ исключительно, поскольку мы дорожимъ изъ завѣщаннаго намъ родною стариной Самодержавіемъ, Безъ него Азія

не способна искренно полюбить Россію и безболѣзненно отождествиться съ нею. Безъ него въ Европѣ, шутя, удалось бы расчлениить и осилить насъ, какъ это ей удалось относительно испытывающихъ горькую участь западныхъ славянъ“.

„Исторія нашихъ отношеній въ Азіи и къ инородцамъ, населявшимъ когда то добрыхъ двѣ трети Европейской Руси, еще не написана и намъ самимъ извѣстна (въ осмысленно-правдивомъ освѣщеніи) гораздо менѣе прошлаго иностранныхъ государствъ, Когда невѣдѣніе по этой части съ годами разсѣется, мы естественно придемъ къ сознательному непреклонному убѣжденію, что Тотъ, на Чьемъ челѣ магическими лучами сіяютъ слитые водино вѣнцы Великихъ Князей Югорскаго, Пермскаго и Болгарскаго на Волгѣ, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, — Чьи предки еще въ Бѣлокаменной издавна величались „всея сѣверныя страны повелителями и иныхъ многихъ великихъ государствъ государями и обладателями“, является единственнымъ настоящимъ вершителемъ судебъ Востока. Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими благодатными краями—залогъ нашего будущаго“.

Посягать на русское самодержавіе значитъ подрывать уваженіе азіатскихъ народовъ къ Россіи и къ ея монархамъ.

„Востокъ вообще проникнуть и живетъ поражающими и смущающими западный умъ предчувствіями, такъ сказать, „вѣщими“ идеями. Я помню, напримѣръ, рассказъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова о томъ, какъ онъ допрашивалъ европейски образованнаго киргизскаго султана Валиханова,—имя котораго хорошо извѣстно слѣдящимъ за новой жизнью въ нашей Азіи,—что у него за философія исторіи. Сынъ Турана лишь на минуту задумался и съ одушевленіемъ изрекъ: „Всемогущій Богъ даровалъ міровое владычество моему предку Чингисъ-хану: за грѣхи оно отнято у его потомства и передано Бѣлому Царю. Вотъ вамъ моя философія исторіи!“

„Въ составъ іероглифа „Hwang-ti“ (Хуангъ-ти, верховный государь), т. е. въ исконный титулъ богдыхановъ входитъ понятіе „бѣлый князь, Цаганъ-ханъ, Бѣлый Царь!“ Англійскіе ученые объясняютъ это позднѣйшимъ искаженіемъ слова, первоначально

означавшаго „тотъ, кто умѣетъ управлять самимъ собою“. Но не все ли равно, разъ что въ данное время смыслъ столь красно-рѣчивъ?“ (стр. 64).

Разгадка, почему Россія должна ненарушимо сохранять самодержавіе, помимо всего прочаго для Азіи, которою мы должны дорожить да дорожить, очень проста: Востокъ охотно покоряется только силѣ. Онъ преклонялся и преклоняется только передъ силою. Вотъ почему онъ всегда чтить завоевателей, могущественныхъ и неограниченныхъ монарховъ *). Конституціоннаго англійскаго короля ужъ, конечно, никогда не будутъ такъ высоко ставить, на Востокѣ, какъ Бѣлаго Царя. Вотъ почему парламентъ и далъ королевѣ Викторіи титулъ „императрицы индійской“. Вотъ почему Англія, понимающая значеніе силы для Востока, окружаетъ такую помпою индійскихъ вице-королей, вотъ почему былъ отправленъ въ Индію принцъ Уэльскій въ 1876 г. поздравить индусовъ великолѣпіемъ и блескомъ своихъ выѣздовъ и пріемовъ. Декорациями, однако, нельзя замаскировать дѣйствительности...

Одно изъ главныхъ преимуществъ самодержавія въ томъ именно, и заключается, что оно, будучи самою естественною формою правленія, одинаково доступно пониманію какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ и африканскихъ народовъ, какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго или языческаго міра. Для Россіи, какъ для державы, имѣющей міровое значеніе и занимающей обширныя территоріи въ двухъ частяхъ свѣта, эта особенность неограниченной монархіи представляетъ неисчислимыя удобства.

---

*) Наомнимъ мѣткія слова Грановскаго объ Александрѣ Македонскомъ „Востокъ не забылъ о немъ до сихъ поръ. Почти на всѣхъ языкахъ Азіи сохранились сказанія объ Александрѣ. О немъ поютъ древнія пѣсни арабовъ и рассказываютъ преданія европейскаго народа. Персы внесли его въ число героевъ своего народнаго эпоса. Персидскій поэтъ говоритъ, что Искандеръ былъ родомъ персъ и только случайно родился на европейской почвѣ. Востокъ не хочетъ уступить намъ своего завоевателя. Странствуя по пустынямъ средней Азіи, европейскій путешественникъ безпрестанно слышитъ странныя намски на Искандера. Въ Туркестанѣ его считаютъ строителемъ великихъ городовъ и зданій, иоторыхъ развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ богатствѣ края. Даже въ унылой пѣснѣ кочевого монгола слышится иногда отголосокъ зашедшихъ въ эти степи рассказовъ о великомъ Искандерѣ“.

Всѣмъ извѣстно, что государство, принужденное, въ силу своего географическаго положенія и другихъ причинъ, вести частыя и ожесточенныя войны, держать подъ ружьемъ многочисленную армію и напрягать всѣ свои силы для расширенія своихъ владѣній и для сохраненія разъ пріобрѣтенныхъ территорій, нуждается въ сильной центральной, и при томъ, единоличной власти. Почему первая французская республика, несмотря на пламенное увлеченіе французовъ „великими принципами“ 1789 года, уступила мѣсто имперіи? Потому что Франція конца XVIII и начала XIX вѣка вела цѣлый рядъ войнъ и должна была искать спасенія въ цезаризмѣ. Почему древній Римъ, покоривъ множество европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ народовъ, превратился въ монархію? Потому что республиканская форма правленія оказалась для него непригодною, когда онъ началъ стремиться къ всемірному владычеству. Исторія русскаго самодержавія является также однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ подтвержденій указаннаго нами историческаго закона. Могущество Россіи созидалось и поддерживалось войнами и завоеваніями. Ей не разъ приходилось отражать нападенія грозныхъ коалицій, ей приходилось вести упорную и долготѣную борьбу съ европейскими и азіатскими государствами, ей и въ настоящее время приходится приносить громадныя жертвы въ интересахъ своей безопасности. Безъ самодержавія Россія не могла бы раздвинуть свои предѣлы отъ Балтійскаго и Чернаго моря до Восточнаго океана и пережить благополучно и татарское иго, и нашествіе Карла XII, и 1812 годъ, и Крымскую кампанію. Изъ всѣхъ своихъ испытаній Россія выходила съ обновленными силами и заняла столь почетное положеніе среди великихъ державъ только потому, что она не знала и не знаетъ многовластія и въ трудныя минуты внѣшней обороны дѣйствовала и дѣйствуетъ, какъ одинъ человекъ, въ точности исполняя велѣнія своихъ государей. Если бы Россія не была неограниченной монархіей, она никогда не пріобрѣла бы всемірно-историческаго значенія. Стоитъ только вспомнить, чѣмъ была наша родина въ эпоху удѣловъ, и чѣмъ она сдѣлалась, благодаря московскимъ великимъ князьямъ, поставившимъ своею задачей соби-

раніе русскихъ земель, что-бы убѣдиться, какъ необходима для Россіи царская власть.

„Намъ, русскимъ, обожаніе Самодержца доставляло всегда величайшее преимущество надъ другими народами. Всѣ колебанія и разнорѣчія во взглядахъ пропадали въ народѣ, разъ состоялось повелѣніе Царя. Это единомысліе съ Помазанникомъ Божиимъ даетъ намъ несокрушимую силу, ибо, благодаря ему, многіе милліоны людей постоянно направляетъ свои усилія къ одной цѣли. Что обожаніе Царя къ массѣ нашего народа не оскудѣло и коренится и теперь въ глубочайшихъ нѣдрахъ его чувствъ, это ясно видно всякому стоящему близко къ народной средѣ“ *).

Канцлеръ князь Горчаковъ былъ правъ, говоря **), что могущество Россіи не заключается только въ пространствѣ ея владѣній и въ количествѣ ея населенія: оно проистекаетъ изъ тѣсной и неразрывной связи, соединяющей народъ съ государемъ, сосредоточивающей въ его рукахъ всѣ умственные и вещественныя силы страны.

Для того, чтобы понять, что случилось бы съ Россіей, еслибъ великій русский поэтъ не въ правѣ былъ сказать:

Иль русскаго Царя безсильно стало слово?

Иль намъ съ Европой спорить ново?

Иль русский отъ побѣдъ отвыкъ?

достаточно сдѣлать справки о числѣ и значеніи войнъ въ исторіи Россіи. Остановимся поэтому на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ превосходной работы генерала Н. Н. Сухотина „Война въ исторіи русскаго міра“.

Н. Н. Сухотинъ исходитъ изъ мысли, что война у насъ была всегда не ремесломъ, какъ на Западѣ, а дѣломъ священнымъ, великимъ, народнымъ дѣломъ.

Въ достопамятномъ приказѣ Великаго Петра накануне полтавскаго сраженія эта идея выражена въ слѣдующихъ словахъ: „вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь!“

*) Масловъ. Научныя изслѣдованія по тактикѣ. Вып. II, стр. 395.

**) На обѣдѣ въ англійскомъ клубѣ при приѣмѣ чрезвычайнаго американскаго посольства. Тамъ же, стр. 395.

„На зарѣ появленія на историческомъ поприщѣ русскаго государства и въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ (862—1240 гг.) великокняжеская Русь, оборонительными войнами отстаивая себя, наступательными походами своихъ дружинъ и ратей далеко раздвинула свои предѣлы на сѣверъ и востокъ, утвердилась на берегахъ Финскаго залива и стремилась къ обращенію Чернаго моря въ „русское озеро“, отважно доходя, сухопутьемъ и на утлыхъ ладьяхъ моремъ, до самой столицы Византійскаго государства—до Царьграда. Въ XIII столѣтіи зарождавшееся государство, только что становившееся на ноги, постигаетъ великая бѣда—монгольскій погромъ, раззоръ и затѣмъ двухвѣковое рабство подъ игомъ монгола. Въ эту же бѣдственную пору (1240—1380—1480 гг.) западные сосѣди отрываютъ отъ Руси ея земли, города и веси. Въ XIV столѣтіи начинается возрожденіе Русскаго государства подъ главенствомъ московскаго великаго князя (особенно со времени Димитрія Донскаго), затѣмъ московскаго царя. Русскія дружины и рати, сначала отбиваясь, а потомъ наступательными походами возвратили утраченное въ тяжелые годы татарскаго ига и не только возстановили прежніе предѣлы государства, но еще далѣе раздвинули ихъ, и стало Русское государство отъ Балтики до Урала, обезпеченное на западѣ и востокѣ. Создалось могучее и обезпеченное основаніе и положеніе, какъ для новаго фазиса въ военно-исторической жизни Россіи, для разрѣшенія какъ стародавней задачи—обращенія Чернаго моря въ русское,—намѣченной еще въ самомъ младенческомъ періодѣ жизни Руси, такъ и для осуществленія новыхъ задачъ, порожденныхъ новыми условіями обстановки самостоятельнаго государства,—задачъ, обусловленныхъ культурною миссією на востокъ, въ Средней Азій съ одной стороны, а съ другой—являвшихся вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія съ западными государствами. Въ силу новой обстановки, Императорская Россія, въ отличіе отъ царскаго періода и въ подобіе великокняжескому, по образцу Петра Великаго, заполняетъ свою военную исторію почти исключительно наступательными походами. Русское знамя отъ времени до времени развѣвается въ разныхъ мѣстахъ Европы и Азій, на обширномъ пространствѣ, отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океановъ, отъ Ледовитаго океана до Средиземнаго моря и до переваловъ въ богатую долину Инда.

„Войны Россіи, когда она зажила самостоятельнымъ государствомъ и, въ особенности, въ императорскій періодъ, независимо зиждательныхъ результатовъ для самой Россіи, въ смыслъ строенія государства, были въ то же время историческимъ подвигомъ, великою службою на благо человѣчеству, культурѣ и цивилизації, въ самомъ широкомъ и глубокомъ смыслѣ.

„Разрушая турецкій міръ, Россія своими войнами даровала самостоятельность народамъ Турціи и создала на бывшей ея территории государства: Грецію, Румынію, Сербію, Болгарію. Борьбою съ Наполеономъ, Россія неоднократно поддерживала, даже выручала изъ большой бѣды Австрію, Пруссію и спасла весь нѣмецкій міръ, всю Европу; русскія войны, на востокъ и на югъ, приобщали къ культурной жизни десятки милліоновъ разныхъ племенъ, нарѣчій, вѣрованій“.

Послѣ войнъ, веденныхъ Россіею, всегда какому-нибудь народу, какому-нибудь государству становилось лучше и легче жить. И въ исторіи Россіи—многіе народы, молодья и старья государства найдуть не мало страницъ, свидѣтельствующихъ, насколько они обязаны своимъ благоденствіемъ русскому народу и его арміи.

Н. Н. Сухотинъ ни слова не говоритъ о государственномъ устройствѣ Россіи. Въ его брошюрѣ, небольшой по объему, но значительной и важной по содержанію, подводятся итоги лишь военной исторіи Россіи, разъясняется сущность вѣковой борьбы на югъ, приводятся данныя о напряженіи Россіи въ ея войнахъ, выясняются основанія, смыслъ, цѣли, результаты и нѣкоторыя особенности войнъ русскаго міра, и все это наглядно иллюстрируется цѣлымъ рядомъ схемъ. Но трудъ генерала Н. Н. Сухотина, независимо отъ своей задачи, приводитъ къ убѣжденію, что Россія погибла-бы, если-бъ не сплотилась въ неограниченную монархію, и никогда не достигла бы того, что ей было предназначено самой исторіей, если-бъ имѣла дѣло съ многовластіемъ.

Хронологическіе и статистическіе итоги генерала Н. Н. Сухотина доказываютъ съ очевидностью, что Россія пользуется безопасностью и одержала верхъ въ долготѣнной борьбѣ съ другими народами только потому, что дѣйствовала за одно съ сво-

ими государями и напрягала всѣ свои силы для достиженія намѣченныхъ ими цѣлей.

Н. Н. Сухотинъ исходитъ изъ того положенія, что войны имѣли громадное значеніе въ исторіи Россіи, что Россія всегда была военною державою, что ея границы, пространство, этнографическій составъ и внѣшняя политика опредѣлились подъ вліяніемъ войнъ. Это не значитъ, что русскій народъ любилъ воевать для того, чтобы воевать. Это значитъ только, что въ силу своего географическаго положенія и неотвратимаго хода событій онъ долженъ былъ затрачивать великія усилія, чтобы защищаться отъ иноземныхъ вторженій, отражать нападенія сосѣднихъ народовъ и, вообще, упрочивать свою безопасность и свое политическое бытіе. Съ кѣмъ не приходилось сталкиваться нашимъ предкамъ? Взять хотя бы первые вѣка исторіи нашей родины. Древнему Новгороду надо было отбиваться отъ шведовъ, новгородскіе удалцы совершали походы въ борьбѣ съ финскими племенами и въ видахъ распространенія новгородской колонизаціи и къ берегамъ Бѣлаго моря, и къ берегамъ Балтійскаго моря. Они бились и съ ливонцами, и около Уральскихъ горъ. А съ кѣмъ не приходилось имѣть дѣло кievскимъ князьямъ? Литовцы, ятвяги, поляки, венгры, волохи, греки, половцы, печенѣги, яссы, хазары, косоги, камскіе болгары, вятичи—вотъ тѣ народы, съ которыми долженъ былъ сводить военные счета древній Кіевъ. Со второй половины IX вѣка до начала XII столѣтія Русь совершила 5 походовъ на Византію (860, 907, 941, 967—972 и 1116 г.г.). Все это наглядно показывается на первой схемѣ Н. Н. Сухотина. А чѣмъ была русская земля, хотя бы въ XIV вѣкѣ, когда уже созрѣвала великая идея объединенія Руси? Въ составъ ея входили только Москва, Тверь, Рязань и Новгородъ, верхнее теченіе Волги, берега Бѣлаго моря, Ладожское и Онежское озера. Смоленскъ и Кіевъ были тогда не русскими городами, Днѣпръ — не русской рѣкою, Западный и Юго-Западный край принадлежали Польшѣ и Литвѣ, среднее и нижнее теченіе Волги—татарамъ, Южная Россія, Крымъ, Приазовскій край, Кавказъ, берега Каспійскаго моря,—все это не принадлежало къ русской землѣ, а теперь Россія занимаетъ шестую часть суши. Почему? Потому, что территорія Россіи сложилась подъ вліяніемъ войнъ и политики русскихъ царей, неуклонно стремившихся къ

осуществленію историческаго призванія русскаго народа, которому суждено было создать громадную Имперію въ Европѣ и Азіи.

Но, можетъ быть, война, имѣвшая громадное значеніе въ исторіи русскаго міра, не можетъ имѣть его въ будущемъ и, такъ сказать, отжила свое? Н. Н. Сухотинъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Справедливо трепещетъ современное общество, особенно богатый культурнымъ счастьемъ западный міръ, въ предвидѣніи надвигающагося боевого урагана, угрожающаго пронестись по всей вселенной, оставить сдѣды небывалаго разрушенія, обозначиться неслыханною истребительностью и завершиться кореннымъ измѣненіемъ политической жизни государствъ.

„Кто въ этой міровой катастрофѣ сохранится и восторжествуетъ, кто исчезнетъ и погибнетъ—дѣло будущаго; но всѣ государства, большія и малыя, дѣятельно готовятся къ событіямъ, и никогда еще въ исторіи народовъ *на подготовку къ войнѣ* не отдавалось повсюду столько средствъ, времени, умственныхъ силъ, какъ въ настоящее время; безъ преувеличенія можно сказать, что мысль и дѣло подготовки къ войнѣ захватываютъ всю жизнь современнаго общества, проникая во всѣ сферы дѣятельности его“.

Выходитъ, такимъ образомъ, что въ настоящее время самодержавіе необходимо Россіи не только не меньше, но даже еще больше, чѣмъ прежде.

Хронологическіе итоги Н. Н. Сухотина чрезвычайно поучительны. Изъ нихъ оказывается, между прочимъ, вотъ что:

„Съ XIV вѣка, съ котораго можно считать начало возрожденія русскаго государства, и до нашихъ дней, въ теченіе 525 лѣтъ (1368—1893 гг.) Россія провела въ войнахъ 353 года, т. е. двѣ трети всей жизни, въ томъ числѣ во внѣшней войнѣ 305 лѣтъ (считая войну на Кавказѣ—329 лѣтъ, считая же годы и междуусобныхъ войнъ—353 года“). На западѣ (съ Ливоніей, Литвой, Швеціей, Польшей, Франціей, Пруссіей, Австріей, Англійей и съ коалиціями европейскихъ державъ) Россія провела въ войнахъ до 1725 года 146 лѣтъ, а послѣ 1725 года—34 года, на югѣ (съ Турціей, Крымомъ, Кавказомъ и Персіей) Россія воевала до Екатерины 31 годъ; со временъ Екатерины—98 лѣтъ. На востокѣ

Россія воевала въ Сибири, съ монголо-татарами, на Амурѣ—съ Кульджею, съ Хивою, съ Бухарою, съ Кокандомъ, съ Теке и съ Афганистаномъ до смерти Петра 128 лѣтъ, а послѣ смерти Петра—28 лѣтъ“.

Подводя итоги своимъ таблицамъ и схемамъ, Н. Н. Сухо-тинъ говорить:

„Особенно сильно напряженіе Россіи въ ея борьбѣ съ Западомъ; на весь періодъ въ 525 лѣтъ приходится 180 лѣтъ войны, почти треть всей жизни государства; затѣмъ слѣдуетъ по числу лѣтъ войны борьба на Востокъ 156 лѣтъ и, главнымъ образомъ, съ монголо-татарами.

„Если принять въ расчетъ, что продолжительное время съ XIV и до начала XVII относительно Запада, а въ XIV и XV столѣтіяхъ относительно Востока, Россія находилась въ положеніи *обороны*, то значительную часть войнъ въ періодъ съ 1362 г. по 1725 г. слѣдуетъ отнести на долю оборонительныхъ войнъ. Напротивъ, послѣ Петра Великаго, почти всѣ наши войны наступательныя, за исключеніемъ, однако, войнъ на Западѣ, которыя или абсолютно оборонительныя (1812 г. и 1854—1856 гг., а также войны со Швеціей) въ защиту своихъ предѣловъ и противъ нападенія на насъ, или же войны, которыя мы предпринимали въ защиту другихъ, преимущественно противъ Франціи (1799 г., 1805—1808 гг., 1813—1814 годовъ).

„Съ 1362 г. по 1725 г., на 360 лѣтъ, Россія употребила 165 лѣтъ, почти половину жизни, на войну съ западными сосѣдями, закончившуюся побѣдою надъ Литвою, Ливоніей, Польшею, Швеціей, и 100—130 лѣтъ войны, чтобы покончить съ монголо-татарами. Эта послѣдняя цифра вырастетъ въ своемъ значеніи, если принять во вниманіе, что эта болѣе чѣмъ вѣковая война съ монголами собственно закончилась въ 1559 г., а слѣдовательно ее надо относить не ко всему періоду въ 528 л., а только къ періоду 1362—1559 гг., т. е. только къ 200 годамъ жизни государства.

„Послѣ Петра Великаго, съ 1725 г., въ теченіе 170 лѣтъ, Россія провела въ войнѣ, главнымъ образомъ, въ южномъ направленіи, почти 100 лѣтъ, въ томъ числѣ, собственно, съ Турціей 35 лѣтъ.

Въ частности, число войнъ Россіи и число лѣтъ, проведенныхъ въ войнѣ, представляется въ слѣдующей таблицѣ:

Западъ.

Литва	5 войнъ	55 лѣтъ.
Польша	10 „	64 года.
Ливонія	3 войны	55 лѣтъ.
Швеція	8 войнъ	81 годъ.
Пруссія	2 войны	8 лѣтъ.
Франція	4 „	10 „
Италія	2 „	4 года.
Австрія	1 война	1 годъ.
Англія	1 „	3 года.
Германія	1 „	1 годъ.
Венгрія *)	1 „	1 „

Югъ.

Крымъ	8 войнъ	37 лѣтъ.
Турція	11 „	44 года.
Кавказъ	2 войны	66 лѣтъ.
Персія	4 „	28 „

Востокъ.

Монголы	? войнъ	130 лѣтъ.
Сибирь	1 война	35 „
Амуръ	1 „	1 годъ.
Кульджа	1 „	1 „
Хива	4 войны	6 лѣтъ,
Бухара	1 война	5 „
Кокандъ	3 войны	15 „
Теке	1 война	3 года.
Афганистанъ	1 „	1 годъ.

„По упорству борьбы, насколько она выражается числомъ лѣтъ войны, которую пришлось вести Россіи для окончанія борьбы съ однимъ изъ сосѣдей, на первомъ мѣстѣ стоитъ борьба съ монголо-татарами (не считая ихъ набѣговъ, которымъ и счета

*) За исключеніемъ Польши и Литвы, съ Западнымъ міромъ—собственно съ государствами Европы, съ 1482 г. по 1856 г., въ теченіе 374 лѣтъ, Россія провела въ войнѣ 118 лѣтъ, въ томъ числѣ съ Ливоніей и Швеціей 100 лѣтъ, съ Пруссіей—8 лѣтъ, съ Италіей—4 года, съ Англіей—3 года.

нѣтъ). Затѣмъ, по продолжительности и по числу лѣтъ войны, стоятъ борьбы съ Литвой и Польшей—на 300 лѣтъ борьбы, если считать до похода Алексѣя Михайловича 1667 г., приходится 110 лѣтъ войны (или на 496 лѣтъ борьбы, считая позднѣйшія войны до 1863 года, приходится 119 лѣтъ войны); съ Ливоніей-Швеціей на 328 лѣтъ борьбы—100 лѣтъ войны; послѣднимъ слѣдуетъ Крымъ, съ которымъ покончили послѣ 40 лѣтъ войны, опять не считая безчисленныхъ набѣговъ его. Столько лѣтъ войны, такого напряженія потребовалось Россіи для того, чтобы покончить съ врагами стараго времени! Въ борьбѣ съ новыми врагами, съ Турціей и западно-европейскими государствами, поднесъ Россіи пришлось вести войну съ первою 41 годъ, въ теченіи 200 лѣтъ (1667—1878 гг.), а со вторыми 15 лѣтъ, въ теченіи 100 лѣтъ (1756—1856 гг.).

Какое требовалось напряженіе отъ Россіи, свидѣтельствуетъ также нижеслѣдующая таблица данныхъ о войнахъ ея, которая она должна была вести:

До смерти Петра Великаго (до 1725 г.).

Единоборство	87 лѣтъ.
Противъ двухъ враговъ	37 „
„ трехъ	32 года.
„ четырехъ	25 лѣтъ.
„ пяти	2 года.

Всего до Екатерины I противъ союзовъ 96 лѣтъ.

Посль Петра Великаго (съ 1726 г.).

Единоборство 86 лѣтъ. Итого (считая единоборство и допетровскихъ временъ) 173 года.

Противъ двухъ враговъ	21 годъ.	Всего*)	58 лѣтъ.
„ трехъ	11 лѣтъ.	„	43 года.
„ четырехъ	3 года.	„	28 лѣтъ.
„ пяти	— —	„	2 года.
„ девяти	1 годъ.	„	1 годъ.

Всего противъ союзовъ послѣ Петра В. 36 лѣтъ.

Брошюра Н. Н. Сухотина, съ ея поразительными итогами, помимо всякой предвзятой мысли и намѣреній автора, имѣетъ значеніе вѣскаго и хорошо мотивированнаго довода въ пользу

*) Считая и войны предшествовавшаго періода.

русскаго самодержавія. „Всѣ пути ведутъ въ Римъ“—гласить средневѣковое западноевропейское изреченіе. Всѣ историческія и всякаго рода другія изслѣдованія о Россіи приводятъ къ убѣжденію, что ей нельзя обойтись безъ самодержавія, можемъ сказать мы, русскіе люди.

XXI.

Самые убѣжденные сторонники представительныхъ учреждений признаютъ, что народное представительство имѣетъ смыслъ только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ есть почва для правильной организаціи общественнаго мнѣнія, а для нея, помимо широкаго распространенія политической печати, замѣняющей нынѣ древній форумъ, и помимо образованія народныхъ массъ, необходимо, прежде всего, чтобы народъ пользовался достаточнымъ досугомъ и достаткомъ, ибо безъ досуга и достатка нельзя систематически слѣдить за государственными дѣлами, серьезно обсуждать ихъ и, вообще, располагать тѣми свѣдѣніями, безъ которыхъ не могутъ обходиться люди, желающіе разумно пользоваться активными и особенно пассивными избирательными правами. Кто хочетъ заниматься политикой съ пользою для государства, тотъ долженъ затрачивать много времени на чтеніе разныхъ специальныхъ сочиненій и на собраніе и группировку фактическаго матеріала, относящагося къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, стоящимъ на очереди. Все это доступно только тѣмъ, кто можетъ не думать о кускѣ хлѣба и посвятить многіе годы научной подготовкѣ и тщательному изученію потребностей и учреждений страны. Никто не споритъ, что медициной должны заниматься только врачи, а строить желѣзныя дороги — только инженеры, прошедшіе хорошую школу, политика же донинѣ считается какою-то общедоступною профессіей, которую смѣло можетъ отправлять каждый, не поврежденный въ умѣ, человекъ. Для того, чтобы сдѣлаться сапожникомъ или портнымъ, нужно учиться ремеслу; для того, чтобы сдѣлаться таперомъ, нужно позаняться музыкой; для того же, чтобы сдѣлаться избирателемъ и оказывать, такимъ образомъ, косвенное вліяніе на составъ парламента и на его дѣятельность, нужно, по мнѣнію многихъ, только пользоваться правами избирателя, точно будто способность дѣльно разсуждать о поли-

тикъ не требуетъ ни особаго призванія, ни особыхъ дарованій, ни особыхъ знаній. Всеобщая подача голосовъ и, вообще, привлеченіе *многихъ* къ прямому или косвенному участию къ дѣламъ правленія есть величайшая изъ нелѣпостей. Кому придетъ въ голову отдавать на обсужденіе толпы рѣшеніе научныхъ вопросовъ? Никому. Между тѣмъ, поклонники народнаго представительства считаютъ весьма естественнымъ отдавать на обсужденіе массъ самыя сложные и запутанныя политическія вопросы, рѣшеніе которыхъ требуетъ, помимо серьезной теоретической и практической подготовокъ, особой осторожности, особаго такта и особаго чутья. Эти простыя и безспорныя соображенія краснорѣчиво говорятъ въ пользу монархическихъ началъ. Нѣтъ и не можетъ быть народа, который бы сплошь состоялъ изъ людей, способныхъ самостоятельно разсуждать о политикѣ и осмысленно разбираться въ партійныхъ счетахъ и разногласіяхъ. Политическія дарованія всегда были и будутъ столь же рѣдки, какъ и всякаго рода таланты. Приглашать весь народъ управлять государствомъ тоже самое, что составлять хоръ изъ нѣсколькихъ хорошихъ пѣвцовъ и множества безголосыхъ людей да еще и не имѣющихъ никакого слуха. Всякому свое. Можно быть прекраснымъ земледѣльцемъ и превосходнымъ техникомъ, но очень плохимъ политикомъ, и наоборотъ. Конституціи, построенныя на забвеніи этой истины, не могутъ не страдать внутреннимъ разладомъ. Благодареніе Богу, въ Россіи эта истина твердо хранится въ памяти, въ Западной же Европѣ она сдана въ архивъ.

Поклонники демократическаго строя ссылаются на древнегреческія демократіи, но онѣ всецѣло держались на рабствѣ и не могутъ быть названы чистыми демократіями. Гражданину, который имѣлъ возможность съ утра до вечера слушать философовъ и ораторовъ и посвящать труду лишь немногіе часы, можно было ориентироваться среди кипѣвшихъ вокругъ форума политическихъ споровъ. Несмотря на то, исторія древней Аттики представляетъ рядъ эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о непостоянствѣ и легкомысліи толпы. Чего же ждать отъ новѣйшихъ демократій, граждане которыхъ, поглощенные заботами о хлѣбѣ насущномъ, не могутъ удѣлять государственнымъ дѣламъ и сотой доли того вниманія, которое удѣляли ему аѳиняне?

„Въ мартовской книжкѣ „Русскаго Экономическаго Обзорѣнія“, за 1898 годъ, помѣщена посмертная статья А. А. Рихтера, который, пользуясь свѣдѣніями о поступленіи пошлинъ съ наследственныхъ имуществъ, сдѣлалъ попытку выяснить вопросъ о распределеніи богатствъ въ Россіи. Изъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ, видно, что мечтать о введеніи въ Россіи представительныхъ учреждений—сущее безуміе.

За коэффициентъ періодичности смѣны наследственныхъ владѣльцевъ, А. А. Рихтеръ принимаетъ норму въ 41 годъ.

При 41-лѣтней періодичности смѣны владѣльцевъ, общая цѣнность имуществъ состоятельныхъ классовъ населенія выразится въ 298 милл. руб. (средняя цѣнность имуществъ, ежегодно оплаченныхъ наследственной пошлиною въ 1885—1890 гг.), взятыхъ 41 разъ, т. е. въ 12,237 милл. руб. Но въ составъ этой суммы входитъ 2,060 милл. руб. долгового имущества, изъ которыхъ 1,190 милл. руб. обеспечены недвижимымъ имуществомъ. Поэтому общая цѣнность имуществъ, за вычетомъ долговъ, опредѣляется въ 10,177 милл. руб.

По различнымъ видамъ собственности, означенная сумма распределяется слѣдующимъ образомъ:

Милл. руб.

4,018 земель.

2,523 городскихъ имуществъ.

6,541 причемъ долгъ достигаетъ 1,190 милл. руб.

5,005 денежныхъ капиталовъ, въ томъ числѣ долговыхъ претензій на 2,060 милл. руб.

691 товара.

11,047 а за вычетомъ 870 милл. руб., распределеніе которыхъ по видамъ собственности неизвѣстно, остается 10,177 милл. руб.

Въ процентномъ отношеніи къ общей суммѣ 11,047 милл. руб. (оставляя нераспределенными долговя обязательства на 870 милл. руб.), денежные капиталы составляютъ 48,4 проц. ея, недвижимыя имущества—45,4 проц. и товары—всего 6,2 проц.

Между сколькими лицами и какъ именно распредѣляется означенная сумма 10,177 милл. руб.?

Первое имущественное наслоеніе поверхъ малоимущей массы образуется всего 273 тыс. семей (въ составѣ около 1113000 человѣкъ), которымъ достается отъ 1 тыс. до 20 тыс. руб. наследственного имущества, т. е., которыя получаютъ не болѣе одной тысячи рублей годового дохода, независимо отъ личнаго заработка.

Остальная наследственная масса, въ суммѣ около 8¹/₂ миллиардовъ рублей, поступаетъ въ собственность всего 74,722 семействъ (374 тысячи человѣкъ). Эти семьи образуютъ слѣдующія имущественныя группы:

Семьи, владѣющія отъ 20 тыс. до 100 тыс. руб. наследственного имущества. Такихъ семействъ 57,810 (около 290 тыс. человѣкъ), которымъ принадлежитъ 3,255 милл. руб., въ среднемъ около 56,000 руб. на семью;

семьи отъ 100 тыс. до 500 тысячъ наследственного имущества. Этимъ 14,063 семьямъ (70,300 человѣкъ) принадлежитъ 2,800 милл. руб., въ среднемъ—около 200 тыс. руб. на семью;

семьи, владѣющія отъ 500 тыс. руб. до 1 милл. руб. Общее число такихъ семей 1,476 (около 7,400 человѣкъ), съ наследственнымъ имуществомъ въ 1,014 милл. руб., около 660 тыс. руб. въ среднемъ на семью;

семьи, получившія свыше 1 милл. руб. каждая. Всего 992 семьи (около 5,000 человѣкъ), съ общою суммою наследственного имущества въ 2,255 милл. руб., или около 2,300 тыс. руб. на семью.

Въ группѣ миллионеровъ числится 82 семьи (около 400 человѣкъ), съ наследственнымъ имуществомъ по 7¹/₂ милл. руб. въ среднемъ на каждую. Всѣ вмѣстѣ, эти 82 семьи владѣютъ по наслѣдованію 618 милл. руб.

По вычисленіямъ А. А. Рихтера, „надъ безграничною и скудною равниною, представляемою имущественнымъ уровнемъ безъ малаго 20 милл. семей нашего народа, высится тонкій шпиль наслѣдственныхъ сбереженій“, сосредоточенныхъ въ рукахъ 423 тыс. семей.

Очевидно, что 130-ти-милліонное населеніе Россіи, принужденное считаться съ суровыми условіями русской природы-ма-

чихи, не можетъ заниматься политикой и не будетъ заниматься ею не только теперь, но и въ будущемъ. Ввести въ Россію представительныя учрежденія значило бы отдать весь народъ въ кабалу ничтожному по численности богатому меньшинству, которое можетъ посвятить себя политическому карьеризму.

XXII.

Необходимость царской власти для Россіи до того очевидна, что можетъ отвергаться лишь политическими фанатиками и людьми, не имѣющими никакого понятія ни объ исторіи, ни о государственномъ правѣ. Первый и блестящій опытъ теоретическаго оправданія неограниченной монархіи въ Россіи былъ данъ Іоанномъ Грознымъ въ перепискѣ съ княземъ Курбскимъ. Цѣлый рядъ мѣткихъ замѣчаній и соображеній объ особенностяхъ и заслугахъ русскаго самодержавія можно найти въ сочиненіяхъ Татищева, въ проповѣдяхъ и въ „Правдѣ воли Монаршей“ Феофана Прокоповича, въ книгѣ Посошкова „О скудости и богатствѣ“, въ „Наказѣ“ и письмахъ Екатерины Великой и у Болтина. Записка Карамзина „О древней и новой Россіи“ и его же „Исторія Государства Россійскаго“ заключаютъ въ себѣ всестороннее и глубокое объясненіе происхожденія русскаго самодержавія и подробный обзоръ всего того, что сдѣлано имъ на благо Россіи. Смѣло можно сказать, что у насъ не было ни одного крупнаго писателя и ни одного крупнаго мыслителя, который не принадлежалъ бы къ числу глубоко убѣжденныхъ сторонниковъ строго-монархическихъ началъ. Сочиненія всѣхъ нашихъ историковъ—Погодина, Устрялова, Соловьева, Костомарова, Забѣлина, Иловайскаго и т. д.—составляютъ сплошную апологію русскаго самодержавія. Нѣтъ ни одного даровитаго русскаго публициста, который не признавалъ бы, что Россія обязана своимъ могуществомъ и своими культурными успѣхами широкому развитію царской власти. Передъ нею преклонялся даже Герценъ, въ статьяхъ же Каткова и братьевъ Аксаковыхъ разбросано множество драгоценныхъ указаній на великое призваніе и на великіе заслуги неограниченной монархіи въ Россіи. Всѣ наши лучшіе юристы, начиная съ Морошкина и Неволіна, были поклонниками русскаго самодержавія и его зиждательной дѣятельности. Всѣ даро-

витѣйшіе государственные люди въ Россіи были монархистами чистой воды и не допускали никакихъ сдѣлокъ съ началами, болѣе или менѣе враждебными самодержавію. Всѣ даровитѣйшіе русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая А. Н. Майковымъ, воспѣвали величіе царской власти.

Многіе писали о русскомъ самодержавіи, но едва ли кто нибудь сгруппировалъ такъ сжато и такъ ясно всѣ доводы, которые можно привести въ его пользу, какъ А. М. Бакунинъ, одинъ изъ дипломатовъ временъ Александра I, въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, по поводу замысловъ „Союза Спасенія“. Въ книгѣ Кропотова „Жизнь графа М. Н. Муравьева“ содержаніе письма, о которомъ идетъ рѣчь, излагается такъ:

„Необходимость въ измѣненіи образа правленія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшого кружка молодежи, не давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя неминуемо произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія верховной власти въ странѣ, раскинутой на необъятномъ пространствѣ и не имѣющей, кромѣ самодержавія, никакой органической связи между своими частями. Только благодаря этой власти, Россія хотя медленно, но безастановочно подвигается къ сплоченію посредствомъ законовъ, вѣры и языка разразненныхъ народностей въ одно здоровое политическое тѣло. Успѣшный ходъ этой великой внутренней работы невозможенъ безъ пособія той правительственной силы, которая создается только единствомъ власти. Усиленіе, а не умаленіе этой власти можетъ обезпечить развитіе народнаго благосостоянія въ нашемъ небогатомъ и рѣдко населенномъ государствѣ. На это не останавливающееся развитіе иностранцы смотрятъ съ опасеніемъ и завистью, предчувствуя, можетъ быть, что со временемъ поработенные славяне въ Австріи и Турціи также предъявятъ свои права на самобытное существованіе. Всенародное участіе въ управленіи страной есть мечта, навѣянная намъ микроскопическими республиками древней Греціи; но всѣмъ извѣстно, долго ли онѣ просуществовали? Всѣ эти паутинныя государства были развѣяны однимъ взмахомъ перваго орлиннаго крыла. Въ странахъ теплыхъ, богатыхъ и густо населенныхъ, обилующихъ множествомъ образованныхъ и праздныхъ людей, ограниченныя монархіи еще могутъ существовать безъ особаго не-

удобства; но при нашихъ пространствахъ, суровомъ климатѣ и въ виду неустанной европейской вражды, мы не можемъ переносить атрибуты верховной власти въ руки того или другого сословія, не только не приготовленнаго къ политической жизни, но, по своему младенчеству, и не научившагося еще уваженію къ законамъ, если только законъ не подкрѣпленъ механической силой. Поэтому самодержавіе представляется у насъ явленіемъ не столько необходимымъ или нужнымъ для интересовъ династическихъ, сколько потребностью для народа и безопасности государственной. Къ этому нужно еще присовокупить, что всѣ конституціонныя монархіи устраивались до сихъ поръ на католической или протестантской почвѣ; но еще понынѣ не было произведено опыта подобныхъ насажденій на почвѣ, проникнутой православіемъ. Ученіе о происхожденіи верховной власти у насъ совсѣмъ иное, чѣмъ въ Западной Европѣ. Тамъ оно имѣетъ основу гражданскую, у насъ же—чисто нравственную, патриархальную. Поэтому связь между монархомъ и народомъ у насъ несравненно крѣпче и безопаснѣе отъ попытокъ всякихъ антрепренеровъ конституцій, чѣмъ въ другихъ странахъ. Наконецъ, если уроки прошлаго должны руководить нашими настоящими дѣйствіями, то мы увидимъ, что всѣ усопшія славянскія государства: Чехія, великое княжество Галицкое, Польша, Новгородъ и Псковъ—погибли отъ одной и той же причины—отъ ослабленія или упадка верховной власти. Поэтому для всякаго честнаго и просвѣщеннаго чловѣка существуетъ только одинъ путь—посильное поддержаніе власти“.

Вотъ какъ ясно понимали значеніе неограниченной монархіи для Россіи еще при Александрѣ I, въ самый разгаръ республиканскихъ и революціонныхъ увлеченій!

Монархическія убѣжденія русскаго народа.

I.

Развитіе русскаго политическаго самосознанія вообще и от-носительно царской власти въ частности, прежде чѣмъ оно ска-залось въ литературѣ и облеклось въ форму болѣе или менѣе обстоятельныхъ разсужденій и логическихъ выводовъ о значеніи и необходимости монархическихъ началъ для Россіи, дало себя знать путемъ народнаго творчества: въ пословицахъ, пѣсняхъ, ле-гендахъ и т. д. Русскій народъ—монархистъ до мозга костей сво-ихъ и уже давно усвоилъ себѣ монархическія убѣжденія, забывъ удѣльно-вѣчевые порядки и удѣльно-вѣчевую свободу, сплошь и рядомъ переходившую въ бестолочь и анархію. Побесѣдуйте съ русскимъ крестьяниномъ о государственномъ устройствѣ Россіи и другихъ земель, и вы убѣдитесь, что онъ чтитъ только самодер-жавіе и иного режима не хочетъ. Онъ, конечно, не въ состояніи будетъ объяснить, почему самодержавіе близко и дорого ему, но это не помѣшаетъ ему остаться при своемъ, не взирая на самыя заманчивыя описанія республиканскаго или конституціоннаго ук-лада. Наши революціонеры, ходившіе въ народъ, извѣдали это на опытѣ. Свои неудачи по части возбужденія мужиковъ противъ царской власти они приписывали ихъ неразвитости, совершенно упуская изъ виду, что дѣло объяснялось преданностью народа государямъ и его вѣрой, что Россіи нельзя обойтись безъ са-модержавія. Доказательствомъ сказаннаго являются прежде всего пословицы о Царѣ. Будучи порожденіемъ народной мудрости и на-роднаго міросозерцанія, слагавшагося и укрѣплявшагося вѣками, онѣ показываютъ, какъ смотритъ на Царя многомилліонное корен-ное населеніе Россіи. Сгруппируемъ ихъ, руководствуясь сбор-никомъ Даля (Пословицы русскаго народа, изд. 2-е, 1879 г., глав-нымъ образомъ, т. I, стр. 285—290).

II.

Называя себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, русскій мужикъ смотритъ на власть съ христіанской, православной точки зрѣнія. Онъ видитъ въ царѣ—властелина, поставленнаго самимъ Богомъ. Отсюда рядъ пословицъ, сопоставляющихъ Бога съ Царемъ: „Богъ на небѣ, Царь на землѣ“; „Одинъ Богъ, одинъ Государь“; „Никто противъ Бога да противъ Царя“; „Никто какъ Богъ да Государь“; „Все во власти Божіей да Государевой“; „Все Божье—да Государево“; „Вѣдаетъ Богъ да Царь“ и т. д.

Дѣлать изъ этихъ пословицъ, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ, выводъ, что русскій народъ обожествляетъ Царя, конечно, нелѣпо. Правда, наши предки нерѣдко называли Царя земнымъ богомъ, и Императоръ Александръ I въ одномъ изъ своихъ указовъ даже запрещалъ духовенству уподоблять государя, въ привѣтственныхъ къ нему обращеніяхъ, Богу. Смирненіе и религиозное чувство Александра I возмущались такого рода уподобленіями, но само собой разумѣется, что церковные ораторы, прибѣгавшіе къ нимъ, были далеки отъ мысли отождествлять Бога съ царемъ: они лишь прибѣгали къ метафорамъ, заимствованнымъ изъ Ветхаго Завета (вспомнимъ 81-й псаломъ, обличающій нечестіе и несправедливость Царей и въ тоже время, называющій ихъ богами). *Земной Богъ*—такое же метафорическое выраженіе, какъ *Царь небесный* или *Царица небесная*. Употребляя его, старинные русскіе люди были далеки отъ мысли придавать ему буквальный смыслъ и творить себѣ изъ смертнаго кумирь. Любя и почитая своихъ Царей, русскій народъ смотритъ на нихъ съ строго христіанской точки зрѣнія и не приписываетъ имъ никакихъ сверхчеловѣческихъ свойствъ. Цѣлый рядъ народныхъ пословицъ напоминаетъ носителямъ верховной власти о недостаткахъ и немощахъ ихъ человѣческой природы и о томъ, что міромъ управляютъ не Цари, а Богъ. „Не боюсь никого кромѣ Бога“. „У Бога и живыхъ Царей много“. „Передъ Богомъ всѣ равны“. „Передъ Богомъ всѣ холопы“. „Сегодня въ порфирѣ, завтра въ могилѣ“. „Царь и народъ—всѣ въ землю пойдутъ“. (Даль, I, стр. 6 и 241, II, стр. 45).

Съ народной точки зрѣнія, какъ видно изъ вышеприведенныхъ пословицъ о Богѣ и Царѣ, русскому Государю принадлежитъ власть надъ всей землей, надъ всѣми народами. „Свѣтитъ

одно солнце на небѣ, а Царь русскій на землѣ“. Иноземныхъ и иновѣрныхъ государей народъ считаетъ какъ бы вассальными правителями. Кому не случалось слышать старыхъ солдатъ, объяснявшихъ наши войны тѣмъ, что турокъ „взбунтовался“, и что Царь приказалъ „умирить“ его? Такое пониманіе политическихъ отношений русскаго Царя къ заграничнымъ государствамъ и монархамъ отразилось, между прочимъ, въ стихѣ, о Голубиной книгѣ:

У насъ Бѣлый Царь—надъ царями Царь,
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы;
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися:
Потому Бѣлый Царь— надъ царями Царь...

III.

По народнымъ понятіямъ, Россія немыслима безъ Царя; „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится“; „Нельзя землѣ безъ Царя стоять“; „Нельзя быть землѣ русской безъ государя“; „Безъ Царя—земля вдова“; „Государь—батъко, земля—матка“. Если крестьянинъ хочетъ сказать, что въ томъ или другомъ государствѣ происходитъ неурядица, онъ говоритъ: „У нихъ ни Царя, ни закона“. Гдѣ нѣтъ Царя, тамъ, по народному воззрѣнію, не можетъ быть и закона, т. е. порядка. Гдѣ нѣтъ Царя, тамъ не можетъ быть ничего разумнаго. Отсюда иносказательное употребленіе слова *Царь* въ пословицахъ: „У всякаго свой царь въ головѣ“ и „Свой умъ—царь въ головѣ“. О глупыхъ людяхъ народъ говоритъ, что у нихъ „нѣтъ царя въ головѣ“. Народъ не допускаетъ, чтобы государство могло обойтись безъ Царя, ибо „Безъ пастуха овцы—не стадо“. „Гдѣ ханъ (царь), тутъ и орда“ (народъ), говоритъ одна пословица. „Каковъ ханъ (царь), такова и орда“ (народъ), прибавляетъ другая (Даль, I, 291), указывая на тѣсную духовную связь монарха съ подданными.

Народъ потому высоко ставитъ Царя, что видитъ въ немъ избранника, которому Богъ удѣлилъ часть своей власти надъ народомъ. Эта идея сказывается въ большинствѣ пословицъ о Царѣ

и въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ пословицъ, которыя мы только что привели, и во многихъ другихъ. „Богъ батько, Государь дядько“; „Правда Божья, а воля царская“; „Душой Божьи, а тѣломъ Государевы“; „Царь отъ Бога приставъ“.

Въ качествѣ „Божьяго пристава“, Царь, по народнымъ представленіямъ, долженъ блюсти безопасность страны отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, управлять народомъ, творить судъ и расправу, водворять между людьми правду. „Царь города бережетъ“; „Правда Божья, а судъ Царевъ“.

Народъ не допускаетъ и мысли, что царская власть можетъ стоять въ зависимости отъ согласія подданныхъ. Онъ считаетъ ее выше всякихъ юридическихъ опредѣленій и ограниченій. „Что Богъ, то Богъ, свята и воля Царская“. „На все святая воля Царская“. „Воля Царя—законъ“. „Царское осужденіе безсудно“ (или: суду не подлежитъ). „Не Москва Государю указъ, Государь Москвѣ“... Смыслъ послѣдней пословицы доказываетъ, что нашъ крестьянинъ не понимаетъ и не допускаетъ самодержавія народа, а признаетъ только самодержавіе царей. Русскій престолоудинъ смотритъ на Царя, какъ на орудіе Промысла, и считаетъ его отвѣтственнымъ только передъ Богомъ. Библейское изреченіе: „Сердце Царево въ руцѣ Божьей“ повторяется народомъ, какъ пословица. „Царскій гнѣвъ и милость въ рукѣ Божьей“. „Одному Богу Государь отвѣтъ держитъ“.

Царь, по воззрѣніямъ народа, долженъ уклоняться отъ грѣховной жизни не только изъ страха Божія, но и изъ состраданія къ землѣ. Въ добромъ и благочестивомъ Государѣ благослозляется вся страна; пороки Царя навлекаютъ на нее гнѣвъ Божій. „За царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнить, за угодность—милуетъ“. „Коли Царь Бога знаетъ, Богъ и Царя, и народъ знаетъ“. „Народъ согрѣшитъ—Царь умолитъ“. Такъ смотритъ народъ на гибельныя послѣдствія царскихъ прегрѣшеній. По его воззрѣніямъ, онъ важнѣе тяжкихъ всенародныхъ грѣховъ. Благотворѣніе, которое чувствуетъ народъ къ русскимъ Царямъ, ярко проявляется въ послѣдней пословицѣ. Изъ нея видно, что народъ смотритъ на Царей, какъ на своихъ предстателей и молитвенниковъ передъ Богомъ, и думаетъ, что царская молитва имѣетъ громадное значеніе для народа, ибо можетъ спасти его отъ гнѣва Божія.

Съ представлениемъ о Царѣ въ народѣ нераздѣльно соединяется представление о великомъ могуществѣ. „У Бога да у Царя всего много“. „У Царя руки долги“, говоритъ пословица, намѣкающая, что злодѣй и врагъ Царя не укроются отъ него. Народъ проникнуть непоколебимой вѣрой въ мудрость и прозорливость Царей. „Царскій глазъ далече сягаетъ“, гласитъ пословица, опредѣляющая политическую и правительственную дальнозоркость Царя и желающая сказать, что такъ какъ Царь стоитъ выше всѣхъ, то ему все и виднѣе всѣхъ. Такой же смыслъ имѣютъ пословицы: „Всякая вещь передъ Царемъ не таится“, „Государство на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ“ и „У Царя колоколъ по всей Россіи“ *). Объявляетъ ли Царь войну, заключаетъ ли миръ, вступаетъ ли съ кѣмъ нибудь въ союзныя отношенія, народъ вѣрить, что такъ и слѣдуетъ поступать: „Государь знаетъ, кто ему другъ, кто ему недругъ“.

„Гдѣ Царь, тамъ и правда“, говоритъ русскій человѣкъ и чтитъ въ своемъ Государѣ блюстителя и насадителя правды въ высшемъ и широкомъ значеніи этого слова. Есть пословица: „Богу пріятно, а Царю угодно“. (Даль, I, 127). Изъ нея можно сдѣлать и обратный выводъ, что удобное Царю, пріятно и Богу. Такъ, именно, и думаетъ народъ, не допускающій, чтобы Царь могъ желать или требовать что-нибудь противное волѣ Божьей.

„На сильнаго Богъ да Государь“ (Даль, I, 292). Другими словами: Царь защищаетъ народъ отъ сильныхъ міра сего и является убѣжищемъ отъ ихъ притѣсненій.

Есть пословицы, опредѣляющія обязанности подданныхъ въ отношеніи къ Государю. Главная изъ этихъ обязанностей—послушаніе царской власти. „Царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ“, то есть, Царь обсуждаетъ и рѣшаетъ государственныя дѣла, а народъ хранитъ въ памяти его повелѣнія, чтобы исполнять ихъ. „Не всякъ Царя видитъ, а всякъ за него молить“. Это значитъ, что русскій человѣкъ считаетъ, по примѣру Церкви, нравственнымъ долгомъ

---

*) Даль (I, 296) почему то связываетъ эту пословицу только съ рекрутскимъ наборомъ. Ея смыслъ заключается въ томъ, что Царь всегда можетъ кликнуть кличъ ко всей странѣ, возвѣстивъ свою волю всему народу и собрать его вокругъ себя.

молиться за Царя. „Царю люди (или: слуги) нужны“, ибо „Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ“, они же должны помнить, что „Царю правда нужна“, и что „Вѣрный слуга Царю всего дороже“. И такъ, вѣрность и готовность отстаивать правду составляютъ долгъ совѣтниковъ Царя и исполнителей царской воли. „Безъ правды боярской Царь Бога прогнѣвить“, ибо неумышленно можетъ сдѣлать дурное дѣло и тѣмъ навлечь гнѣвъ Божій на себя и на всю землю. Тяжкій грѣхъ, слѣдовательно, брали на свою душу тѣ бояре, которые утаивали отъ Царя правду. Неправъ и тотъ, кто нарушаетъ вѣрность царю подъ видомъ благочестія: „Божьи дѣла проповѣдуй, а тайну Цареву храни“. Никто изъ подданныхъ не долженъ уклоняться отъ царской службы, и всѣ они служатъ ему такъ или иначе: „Гдѣ ни жить, одному Царю служить“ (Даль, I, 297). Про пустыхъ и бесполезныхъ людей народъ говоритъ: „У Бога небо коптитъ, у Царя земного землю топчетъ“ (Даль, I, 305).

Чтя Царя, народъ не предъявляетъ къ нему невозможныхъ требованій, прекрасно понимая, что и Царь долженъ считаться съ ограниченностью и недостатками человѣческой природы. „До Бога высоко, до Царя далеко“, говоритъ народъ и не требуетъ отъ Царя, чтобы онъ входилъ во всѣ мелочи и устраивалъ участь каждаго изъ своихъ подданныхъ. „До неба умомъ не сягнешь, до Царя рукою“. „Не всякъ Царя видитъ, а всякъ его знаетъ“. „Ни солнышку на всѣхъ угрѣтъ, ни Царю на всѣхъ не угодить“. Этими тремя пословицами народъ хочетъ сказать, что Царь не можетъ быть одинаково близокъ ко всѣмъ подданнымъ, ибо онъ править всей землей, и что объ его распоряженіяхъ не слѣдуетъ судить съ точки зрѣнія личныхъ выгодъ. Сознывая, что царь на всѣхъ не можетъ угодить, народъ скептически относится къ ропоту и неудовольствію тѣхъ, которые считаютъ себя задѣтыми тѣмъ или другимъ указомъ Государя. Сознывая, что „До Бога высоко, а до царя далеко“, народъ вѣритъ, что Царь готовъ придти на помощь каждому изъ своихъ подданныхъ, и что онъ прислушивается къ нуждамъ народа: „Зовъ великое дѣло; взывая и Царя дозовешься“; „Коли всѣмъ міромъ воздохнуть и до Царя слухи дойдутъ“. (Даль, I, 274 и 515). Пословица: „Какъ міръ вздохнетъ, и временщикъ издохнетъ“ (Даль, I, 515), должна быть

также отнесена къ числу пословицъ, опредѣляющихъ духовное общеніе, существующее между царемъ и народомъ.

Видя въ Царѣ своего защитника и верховнаго блюстителя правды, народъ не допускаетъ и мысли, что Царь можетъ притѣснять своихъ подданныхъ и быть несправедливымъ. Будучи недоволенъ дѣйствіями правительства, народъ, обыкновенно, слагаетъ всю отвѣтственность на царскихъ слугъ и нимало не винитъ царя. Отсюда болѣе десяти пословицъ: „Не отъ царей угнетеніе, а отъ любимцевъ царскихъ“; „Не царь гнететъ народъ, а временщикъ“; „Царскія милости въ боярское рѣшето съются“; „Царь гладитъ, а бояре скребутъ“; „Жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь“; „Воля Царю, дать ино и псарю“; „Не вѣдаетъ Царь, что дѣлаетъ псарь“; „Царю гостятъ, народъ напастятъ“; „Царю изъ—за тына невидать“. Ту же мысль въ иносказательной формѣ выражаетъ, по толкованію Даля, народъ въ пословицахъ: „Ограда выше колокольни“, „Столь (т. е. престоль, тронъ) здоровъ, да заборъ плохъ“. Сѣтуя иногда на „ограду и заборъ“, народъ не допускаетъ, чтобы царь могъ желать зло своимъ подданнымъ.

Есть очень характерная пословица: „Не бойся царскаго гоненія, бойся царскаго гонителя“. Въ этой пословицѣ выражается довѣріе, съ которымъ народъ привыкъ относиться къ царю. На царскаго гонителя, то-есть, на царскаго врага, онъ смотритъ, какъ на своего врага, и не будетъ поддерживать его, не смотря ни на какія обѣщанія. Въ царскомъ гонителѣ, расточающемъ народу заманчивыя посулы, русскій человѣкъ видитъ данайца, предлагающаго опасные дары, и сообразно тому поступаютъ съ нимъ.

Сопоставляя царскую власть съ Божьей и сравнивая царя съ солнцемъ и солнышкомъ, народъ видитъ въ немъ своего отца и прирожденнаго защитника Церкви. Отсюда выраженія: „Государь-Батюшка“ и „Надѣжа Православный Царь“, свидѣтельствующія о любовномъ отношеніи народа къ Царю. Царь долженъ внушать подданнымъ не только любовь, но также уваженіе и страхъ, ибо нельзя управлять государствомъ, опираясь исключительно на привязанность народа, такъ какъ въ массѣ населенія всегда есть люди, склонные злоупотреблять царской добротой. Вотъ почему народъ говоритъ безъ малѣйшаго ропота: „Гдѣ Царь, тутъ и страхъ“; „Гдѣ Царь, тутъ и гроза“. Народъ пони-

маеть, что „Грозно, страшно, а безъ Царя нельзя“. Пословицы: „Близъ Царя, близъ смерти“, „Гнѣвъ Царя—посольъ смерти“, и „Царь не огонь, а, ходя близъ него, опалишься“, (то-есть, можешь пострадать отъ опалы) сложились, вѣроятно, во времена Грознаго и относятся только къ нему. Очень можетъ быть даже, что первая изъ этихъ пословицъ не имѣетъ никакого отношенія къ Бѣлому Царю (къ русскимъ государямъ); а имѣетъ въ виду татарскихъ хановъ, которые тоже назывались царями. Тоже самое можно сказать про пословицу: „До Царя дойти—голову нести“ (пословица „До Царя дойти—голову на поклонъ нести“ сложилась, конечно, и про русскихъ царей). Наша догадка подтверждается тѣми пословицами, изъ которыхъ видно, что народъ глубоко вѣритъ въ доброту царя и въ его отзывчивость на горе подданныхъ. Вотъ эти пословицы: „Богъ милостивъ, а Царь жалостливъ“; „Богатъ Богъ милостью, а Царь—жалостью“; „Нѣтъ больше милосердія, какъ въ сердцѣ царевомъ“; „Царь помилуетъ, Царь и пожалуетъ“. Русскій человѣкъ не смѣлъ и помыслить объ осужденіи царскаго суда и, когда искалъ высшей справедливости, то восклицалъ: „Суди меня Богъ да Государь!“ или „Суди Богъ да великій Государь“. Народъ привыкъ смотрѣть на царскія милости, какъ на проявленіе Божьяго благословенія: „Милуетъ Богъ, а жалуетъ Царь“; „Кого милуетъ Богъ, того жалуетъ Царь“; „Богъ помилуетъ, а Царь пожалуетъ“; „Богъ помилуетъ, такъ и Царь пожалуетъ“. Твердо вѣря въ царскую справедливость, народъ говоритъ: „Виноватаго Богъ проститъ, а праваго Царь пожалуетъ“; „За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ“. Пословица „Праваго Царь пожалуетъ“—значить: Царь наградитъ его. Кого же слѣдуетъ подразумѣвать въ данномъ случаѣ подъ *правымъ*? Вѣроятно, невинно осужденныхъ или невинно заподозрѣнныхъ, испытавшихъ всю тягость судейской волокиты.

Замѣчательна пословица: „Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ.“ Съ народной точки зрѣнія нѣтъ ни одного подданнаго, который могъ бы смѣло и прямо смотрѣть въ глаза своему Государю, ибо всѣ, въ большей или меньшей степени, неправы передъ нимъ, ибо всѣ, въ большей или меньшей степени, тормозятъ осуществленіе его благихъ стремленій, направленныхъ къ водворенію

правды. Смысль разбираемой пословицы состоитъ въ томъ, что только тѣ подданные могутъ считать себя невиноватыми передъ Царемъ, которые сочетали въ себѣ полноту гражданскихъ доблестей съ истинно христіанской жизнью. Въ этомъ взглядѣ, какъ и во всѣхъ другихъ воззрѣніяхъ народа на царскую власть, отражается то благоговѣйное чувство, съ какимъ онъ къ ней относится.

Подводя итогъ всему тому, что говорится нашими пословицами о царской власти, его можно выразить въ двухъ пословицахъ,—прекрасно обрисовывающихъ политическія воззрѣнія русскаго народа: „Русскимъ Богомъ да Русскимъ Царемъ святорусская земля стоитъ“ и „Русскій народъ—царелюбивый“. (*Даль*, I, 405).

IV.

Изъ пословицъ, въ которыхъ народъ выразилъ свой взглядъ на сепаратистическія стремленія нѣкоторыхъ окраинъ и на олигархическія затѣи нашего стариннаго боярства, нѣкоторыя также свидѣлствуютъ о его преданности единовластію и самодержавію. Пропаганда федеративнаго строя, который хотѣли навязать Россіи нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ и историковъ, не можетъ рассчитывать на сочувствіе крестьянъ. „Царство раздѣлится, скоро разорится“, говорятъ они. (*Даль*, I, 516). Свой приговоръ надъ семибоярщиной народъ произнесъ въ нѣсколькихъ пословицахъ, насквозь проникнутыхъ сарказмомъ. Вотъ эти пословицы: „У одной овечки да семь пастуховъ“; „У семи пастуховъ не стадо“; „Не великъ городъ, да семь воеводъ“; „Видно городъ великъ, что семь воеводъ“; „У семи нянекъ дитя безъ глазу“. Семибоярщину народъ иронически называлъ московской разнобоярщиной. (*Даль*, I, 293 и 409). О древнемъ вѣчѣ не сохранилось въ народѣ ни одной пословицы, но изъ пословицъ, сложившихся о мірѣ и мірскихъ сходкахъ, ясно видно, что у русскаго народа нѣтъ ничего общаго съ демократическими стремленіями, и что его трудно сбить съ толку прелестями „народоправствъ“. Большая часть пословицъ о мірѣ выражаетъ его силу и его рѣшающее значеніе, т. е. отмѣчаетъ явленіе, присущее русскому деревенскому быту. Хвалебныхъ же пословицъ о мірѣ очень мало: „Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ“; „Никто отъ міра не прочь“; „Міръ—великъ человекъ, міръ—великое дѣло“. Всѣмъ

извѣстна пословица: „Гласъ народа,—гласъ Божій“, но есть и другая, противоположная ей пословица: „Гласъ народа Христа предалъ“ (распялъ). Болѣе десяти пословиць осмѣиваютъ рознь и безтолочь поголовныхъ и всенародныхъ совѣщаній: „Быль бы запѣвало, а подголоски найдутся“; „Попалъ въ стаю, лай не лай, а хвостомъ вилай“ (а то заѣдятъ); „Міръ съ ума сойдетъ, на цѣпь не посадишь“; „Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу выйдетъ“; „Крестьянская сходка —земскимъ водка“; „Міръ на дѣло сошелся:—виноватаго опить“; (намекъ на обычай требовать отъ виновнаго угощенія міра виномъ); „Быть на сходкѣ—согрѣшить“, (т. е. разсудить неправо, смолчать, или побраниться); „Сходка—голдовня, дымъ коромысломъ, паръ столбомъ, а ни тепла, ни сугрѣву“; „Сошелся міръ—хоть сейчасъ воевать; разошелся міръ—на палатяхъ лежать“; „Силень, какъ вода, а глупъ, какъ дитя“ (міръ); „Народъ глупъ: все въ кучу лѣзетъ“; „Міръ сутки стоялъ, небо подкоптилъ и разошелся“; „Мужикъ умень, да міръ дуракъ“; (Даль, I, 514 и 518). Мысль послѣдней пословицы заключается въ томъ, что большія совѣщательныя собранія нерѣдко ведутъ къ безтолочи даже и тогда, когда они не страдаютъ недостаткомъ разумныхъ головъ.

V.

О конституціонныхъ порядкахъ Западной Европы не могло сложиться въ Россіи пословиць по той простой причинѣ, что народъ объ этихъ порядкахъ ничего не зналъ и не знаетъ. Но онъ составилъ себѣ весьма опредѣленный взглядъ на „вольности“ старинной Польши, одной изъ ближайшихъ сосѣдокъ Московскаго Государства и Россійской Имперіи. Къ этимъ „вольностямъ“ русскій человѣкъ относился съ удивленіемъ и съ насмѣшкой. Польскій сеймъ былъ для него синонимомъ шума и безтолочи. Говоря о шумѣ и безтолочи, онъ прибавлялъ: „какъ на польскомъ сеймѣ“. Называя поляка „безначальнымъ“ и противопоставляя свою родину Посполитой Рѣчи, русскій человѣкъ говорилъ: „У насъ не Польша: есть и больше“ (т. е. „У насъ есть власть и надъ боярами, и панами“). Иронизируютъ надъ своеволіемъ польской шляхты и, вообще, надъ польскими порядками, и пословицы: „У насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше“; „Что дальше въ Польшу, то разбою больше“. Безначаліе польскихъ пановъ и безсиліе

польскихъ королей казались нашимъ предкамъ чѣмъ то дикимъ и безсмысленнымъ; они называли поляковъ безмозглыми. Пословица: „На всю Польшу одинъ комаръ глузду (мозгу) принесъ“—доказываетъ, что „политическая свобода“ Посполитой Рѣчи ничего не вызывала въ русскомъ челоѣкѣ, кромѣ презрѣнія и насмѣшки (Даль, I, 433 и 434, II, 594).

VI.

Такой же взглядъ на Царей и на Царскую власть, какой сказывается въ пословицахъ, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ и въ былинахъ. Всего яснѣе это видно въ пѣсняхъ объ Иоаннѣ Грозномъ. Объ его жестокостяхъ народъ сохранилъ смутное воспоминаніе, но удержалъ въ памяти его славу и величіе. Въ одной изъ пѣсенъ про Грознаго (см. Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 6, стр. 104), Никита Романовичъ, обращаясь къ народу, говорить:

Ино кто хочеть за Царя умереть?
Того Господь избавить отъ грѣховъ,
Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя.

Отмѣчая въ нѣкоторыхъ, немногихъ пѣсняхъ необузданный и суровый нравъ Грознаго, народъ сохранилъ вѣру въ тѣ объясненія, которыми Иоаннъ оправдывалъ свои казни, и не сомнѣвается, что онъ вызывались борьбою съ крамолою. Въ одной пѣснѣ (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. VI, стр. 67) бояре обращаются къ Грозному съ такими словами:

Ужъ не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
И не вывести измѣнушки изъ Новгорода
Да изъ матушки, да каменной Москвы!
А тотъ выведеть ту измѣнушку,
Кто за однимъ съ тобой столomъ сидеть,
За столomъ сидеть да хлѣбъ кушаетъ,
Милый сынъ твой, Ѳедоръ Ивановичъ.

Послѣдній стихъ, замѣтимъ къ слову, проникнуть самой нѣжной любовью къ благодушному Ѳедору Ивановичу. Такой любви къ Грозному въ народныхъ пѣсняхъ не проявляется, но онъ насквозь проникнуты почтительнымъ отношеніемъ къ Иоанну, глубокимъ уваженіемъ къ его царственной натурѣ и къ религіозному значенію его власти, какъ Царя православнаго. Объ этомъ сви-

дѣтельствуеть, между прочимъ, пѣсня о томъ, какъ Іоаннъ Грозный проклялъ Вологду и протекающую въ ней рѣку, раздраженный тѣмъ, что при постройкѣ церкви въ этомъ городѣ кирпичъ вывалился изъ свода и попалъ ему на голову. Въ пѣснѣ „Проклятiе Вологдѣ“ (Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ, вып. VI, стр. 11), проклятiю Грознаго придается мистическая, таинственная сила.

Отъ того проклятiя Царскаго
Мать сыра земля трехнулась,
И въ Насонъ градъ гористоемъ
Стали блата быть топучiя.
Рѣка быстра, славна Вологда,
Стала быть рѣкой стоячею,
Водою мутною, вонючею,
И покрытая все тиною,
Скверной зеленью, со плѣсенью.

Изъ народныхъ пѣсень, посвященныхъ нашимъ Царямъ, Императорамъ и Императрицамъ, можно составить большую книгу. Всѣ онѣ проникнуты такимъ же доброжелательствомъ къ русскимъ Государямъ, какъ старинная величальная пѣсня:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на всей землѣ,—слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,—слава!
Его цвѣтному платью не изнашивать,—слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,—слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,—слава!
Вился, вился ярый хмѣль,—слава!
Около тычинки серебряныя,—слава!
Такъ вились бы князья и бояре,—слава!
Около царя православнаго.—Слава!

VII.

Восьмой выпускъ „Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, изданный въ 1878 году, въ Москвѣ, П. А. Безоновымъ, доказалъ, что народъ съ великимъ уваженiемъ и признательностью относится и къ Петру Великому, преобразовательная дѣятельность котораго требовала столькихъ жертвъ отъ населенiя страны. Характеризуя взглядъ народа на личность и дѣятельность Петра Великаго, Я. Гротъ говоритъ:

„Пробужденный внѣшнею силой, вызванный къ чрезвычайнымъ напряженiямъ, народъ хотя иногда и ропталъ, но смотрѣлъ

на своего энергическаго Царя съ изумленіемъ и любовью, и какъ-бы бессознательно чувствовалъ великое значеніе наступившаго времени.

„Несмотря на многіе новые налоги, на тяжкія повинности и изнурительныя работы, которымъ подвергся народъ, онъ сочувственно пѣлъ подвиги безпримѣрнаго Государя и Его сподвижниковъ. Вѣра въ заботливость его о народѣ выражается, напр., въ одной изъ пѣсенъ о праведѣ, въ которой, послѣ описанія, какъ „били добраго молодца на жемчужномъ перекресточкѣ во морозы, во крещенскіе, во два прутиска желѣзные“, вдругъ является самъ Государь и спрашиваетъ:

„Вы за что добротнаго казните,
Бьете, казните казнью смертною?“

вымыселъ, показывающей, какъ цѣнилъ народъ, что Петръ входилъ во всѣ нужды его, не чуждаясь общенія съ людьми всѣхъ состояній.

„Въ другой пѣснѣ, Петръ, „свѣтъ нашъ батюшка, первый Императоръ“, ѣдетъ въ Сенатъ:

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самоѣ на немъ платье черно,
Платье черное да все кручинно.

„Отчего же онъ въ траурѣ? Приѣхавъ въ Сенатъ, онъ пишетъ куда-то въ чужую землю объявленіе войны. Здѣсь опять кроется та же мысль объ участіи Петра въ судьбѣ подданныхъ: онъ готовится къ войнѣ, но заранѣе скорбитъ о народѣ и облачается въ трауръ“. („Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи“, стр. 43).

„Народъ не только не поминаетъ лихомъ Петра Великаго, но еще идеализируетъ его на свой ладъ“.

Кончина преобразователя произвела такое-же потрясающее впечатлѣніе на народъ, какъ и на людей, сознательно относившихся къ необходимости реформы. Особенно трогателенъ плачь солдата надъ гробницею Петра.

Ахъ, ты, батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
Что-ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Закрываешься тучей черною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,

Что у праваго у крылоса,
И гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи онъ призадумался,
Призадумавшись, онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ручьи текутъ.
Возрыдаючи, онъ вымолвилъ:
Ахъ, ты, матушка, сыра земля,
Разступись ты на всѣ стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань—проснись, православный Царь,
Посмотри на всю армію:
Что всѣ полки во строю стоятъ,
И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А прапорщики подъ знаменами,—
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго”.

VIII.

Въ статьѣ г. Пыпина: *Петръ Великій въ народномъ преданіи*, („Вѣстникъ Европы“, 1897-й годъ, августъ), написанной по поводу нѣкоторыхъ выводовъ В. Н. Щепкина, изложенныхъ въ брошюрѣ „Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея“, составляющей отдѣльный оттискъ изъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“, за 1897 г., есть нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о взглядахъ народа на Петра Великаго и его преобразованія. Въ брошюрѣ г. Щепкина, между прочимъ, описывается Толковый Апокалипсисъ второй четверти XVIII вѣка, снабженный рисунками, объясняющими содержаніе книги и неоднократно изображающими Петра Великаго антихристомъ. Г. Щепкинъ дѣлаетъ предположеніе, что эти рисунки принадлежатъ одному изъ представителей крайнихъ раскольничьихъ толковъ, а именно—секты бѣгуновъ. Г. Пыпинъ не соглашается съ этимъ предположеніемъ въ виду того, что представленіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, было вообще до такой степени распространено въ расколѣ, что

приписать его преимущественно сектѣ бѣгуновъ не оказывается возможнымъ. Если это представленіе принадлежало и всякимъ инымъ толкамъ, то среди нихъ возможно и составленіе подходящихъ рисунковъ.

Въ видѣ доказательствъ, г. Пыпинъ приводитъ нѣсколько эпизодовъ изъ дѣлъ московскаго Преображенскаго приказа временъ Петра Великаго, пользуясь, преимущественно, извѣстнымъ сочиненіемъ г. Есипова: „Раскольничьи дѣла въ XVIII столѣтіи, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи“.

Нѣкоторыя изъ данныхъ, приводимыхъ г. Пыпинымъ, дѣйствительно, подтверждаютъ его основное положеніе. Замѣчательно при этомъ, что никто изъ раскольниковъ временъ Петра не выражалъ ни малѣйшаго протеста противъ царской власти. Они роптали лишь противъ новшествъ Преобразователя, которыя казались имъ богопротивными, исполненными духа антихриста. Не крутыя мѣры Петра, а направленіе реформы возбуждали ропоть и негодованіе. Провозглашая Петра антихристомъ, фанатики раскола оставались тѣмъ не менѣе убѣжденными монархистами.

Изувѣры раскола готовы были поднять бунтъ противъ Петра и низложить его съ престола. но они дѣйствовали не подъ вліяніемъ антимонархическихъ стремленій, а подъ вліяніемъ невѣжественнаго пониманія Православія. Что и люди, причастные къ расколу, питали къ Петру чувство благоговѣнія, это подтверждается поэтической молитвою, сложенной Аленой Ефимовой.

„Это не была ни кликуша, ни бѣснующаяся, но, по словамъ историка, отличалась „странною маніей“, а именно: „ей хотѣлось умолить Бога, чтобъ онъ вразумилъ Царя Петра Алексѣевича на путь истины, даровалъ бы ему намѣреніе прекратить гоненіе на раскольниковъ. Сама она была не то раскольница, не то православная—крестилась двухперстнымъ сложеніемъ, по внушенію какого то пустынника, который приходилъ къ ней въ домъ и говаривалъ: „трехперстнымъ сложеніемъ не умолишь Бога“, но ходила въ православную церковь, имѣла православныхъ духовниковъ и молилась за Царя Петра Алексѣевича. Алена ходила по монастырямъ, давала деньги старицамъ, чтобы

въ теченіе шести недѣль читали за царя акаеистъ; она клала въ день по двѣ и по три тысячи поклоновъ за Петра, но всего этого казалось мало, и она придумала, наконецъ, рѣшительное, по ея мнѣнію, средство. Она призвала своего племянника, четырнадцатилѣтняго мальчика, и продиктовала ему молитву о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, приготовила пелену подъ образъ и зашила молитву между верхомъ и подкладкой; она отдала пелену въ Успенскій соборъ попу, не говоря ему о скрытомъ письмѣ, и просила его читать въ теченіе шести недѣль акаеистъ за здравіе Его Величества: за это она заплатила ефимокъ и шесть алтынъ. Впослѣдствіе она показывала въ Преображенскомъ приказѣ: „Молитву писала для того, что многіе раскольники въ пустыняхъ живутъ, и учинила ту молитву собою, дабы различіе вѣры соединено было, и хотѣла объявить отцу духовному, но не показала, затѣмъ, что написано плохо“.

Молитва чрезвычайно любопытна. Это оригинальная, наивная и не лишенная трогательной поэзіи смѣсь молитвы и причитаній:

„Услышь, святая соборная церковь со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и Евангеліемъ и сколько въ томъ Евангеліи святыхъ словъ,—всѣ вспомните о нашемъ Царѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными деревьями... О, молю, прекрасное солнце, взмолись Царю Небесному объ Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтель мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море, съ рѣками и съ мелкими источниками, и съ малыми озерами! Возмолитесь Царю небесному о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и рыбы морскія, и звѣри дубровныя, и поля, и вся земнородныя, возмолитесь къ Царю Небесному о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!“

„Составленіе молитвы тѣмъ болѣе любопытно, что хотя Алена не была совсѣмъ раскольницей, но находилась въ расколь-

ничьемъ кругу, и мужъ ея былъ „иконоборецъ“, не поклонялся иконамъ“.

Очевидно, что если бы фанатиковъ раскола не отдѣляло отъ Петра религиозное изувѣрство, они преклонялись бы передъ нимъ такъ же, какъ и весь русскій народъ. Во всякомъ случаѣ, молитва Алены Ефимовой составляетъ драгоцѣнный документъ для пониманія и для оцѣнки той любви, которую всегда питалъ русскій человѣкъ къ своимъ Царямъ.

* * *

Горько оплакалъ народъ и смерть Екатерины II. Въ девятомъ выпускѣ „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, напечатана слѣдующая пѣсня:

Какъ во славномъ было городѣ:
Въ Петропавловской славной крѣпости,
Засажены добры молодцы,
Засажены — думу думали:
Думу думали, слезно плакали,
Во слезахъ они рѣчь говорили:
„Подымитесь, вѣтры буйные,
Вѣтры буйные, полунощные,
Вы раздуйте мать сыру землю,
Разнесите вы желты пески,
Желты пески, мелки камушки:
Раскройся ты, гробова доска,
Распахнись, золота парча;
Ужъ встань — проснись, наша матушка,
Ты Россійская государыня,
Катерина Алексѣевна!
Посмотри-ка на свои полки,
На любезной-то полкъ Семеновской,
На Семеновской, на Конную Гвардію!
Какъ у насъ въ полкахъ не по прежнему:
Караулы стали частые,
Перемѣны стали рѣдкія,
А начальство пошло строгое!“

IX.

Глубокое уваженіе и преданность къ царямъ сказываются въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ и объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ. Въ четвертомъ томѣ сочиненія Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, авторъ, перечисляя толки, вызванные неожиданною смертью Александра I въ Таганрогѣ, говоритъ, что

сначала въ Сибири, а затѣмъ и по всей Россіи, распространилась молва, будто въ 1825 году былъ погребенъ не Александръ I, а кто-то другой, а что Александръ I скрылся изъ Таганрога отъ Императрицы Елизаветы Алексѣвны и своихъ приближенныхъ, и вель въ теченіе болѣе сорока лѣтъ отшельническую жизнь близъ Томска, получивъ даръ прозорливости и чудотворенія. Въ народѣ доселѣ держится молва, смѣшивающая Александра Павловича съ однимъ сибирскимъ подвижникомъ, умершимъ въ 1864 году, 87 лѣтъ отъ роду и называвшимся Ѳеодоромъ Кузьмичемъ. Загадочная личность Ѳеодора Кузьмича и его громкая извѣстность, вмѣстѣ съ разказами о благочестіи Императора Александра I, послужили поводомъ къ образованію легенды, о которой идетъ рѣчь. „О жизни Ѳеодора Кузьмича до его появленія въ Сибири, говоритъ Н. К. Шильдеръ, ничего не извѣстно. Въ 1836 году, около города Красноуфимска, въ Пермской губерніи, мужчина лѣтъ шестидесяти былъ задержанъ какъ бродяга, наказанъ двадцатью ударами плетей и сосланъ въ Сибирь. Съ 1837 года, началась извѣстная уже по различнымъ описаніямъ отшельническая жизнь старца, которая прославила его въ Сибири, окружила его ореоломъ святости и прекратилась лишь въ 1864 году. На могилѣ его, въ оградѣ Томскаго Алексѣвскаго монастыря, былъ поставленъ крестъ, съ надписью: „Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца, Ѳеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20-го января 1864 года“. Тайну свою Ѳеодоръ Кузьмичъ унесъ въ могилу; незадолго до кончины, на просьбу объявить хотя-бы имя своего ангела, загадочный старецъ отвѣчалъ: „это Богъ знаетъ“. На подобный-же вопросъ, сдѣланный старцу ранѣе, онъ замѣтилъ: „я родился въ древахъ; если-бы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтра вершинами покачали“.

По разказамъ, Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, такъ что этой своей благообразной наружностью и вмѣстѣ съ тѣмъ тихой и степенной рѣчью онъ производилъ на своихъ собесѣдниковъ обаятельное впечатлѣніе. Всѣхъ сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всемъ обликѣ, въ пріемахъ и движеніяхъ старца, въ поступи и въ говорѣ и особенно въ благолѣпныхъ чертахъ лица, въ кроткихъ

глазахъ, въ чарующемъ звукѣ голоса и въ скудныхъ рѣчахъ, выходившихъ изъ устъ его. Иногда онъ казался строгимъ и даже повелительнымъ. Все это побуждало посѣтителей невольно преклонять предъ старцемъ колѣна и кланяться ему въ ноги.

На очень распространенныхъ фотографическихъ снимкахъ съ портрета Ѳедора Кузьмича, онъ представленъ сидящимъ въ кельѣ, въ длинной бѣлой рубахѣ, подвязанной поясомъ, сѣдымъ старцемъ съ бородою; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ углу убогой кельи виднѣются распятіе и икона Божіей Матери. Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты Императора Александра Павловича“.

Вотъ одинъ разсказъ изъ жизни Ѳедора Кузьмича въ Сибири.

„Таинственный старецъ, по убѣжденію народному, имѣлъ какой-то особенный даръ утѣлять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, единымъ словомъ, часто въ видѣ прозорливаго предсказанія объ исцѣленіи или указаніи средствъ къ тому. Съ молвою росла и слава о немъ въ Сибири, и скоро не было нигдѣ тѣлесно или душевно страждущихъ или движимыхъ благочестивыми чувствами, которые не старались бы посѣтить, видѣть и слышать отшельника во что бы то ни стало. Въ той же мѣстности, въ которой былъ водворенъ старецъ, жили двое сосланныхъ, бывшихъ придворныхъ служителей; одинъ изъ нихъ тижко заболѣлъ и, не имѣя возможности лично отправиться къ старцу, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить исцѣленія больного. Товарищъ его, при содѣйствіи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ Ѳедору Кузьмичу, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, провожатый же остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, войдя въ келію, тотчасъ бросился въ ноги къ старцу и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшей головой, съ невольнымъ страхомъ, разсказываетъ ему, въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ—и не вѣрить своимъ ушамъ—чудный, кроткій, знакомый ему голосъ... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на старца и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на полъ. Передъ нимъ стоялъ и говорилъ въ лицѣ отшельника (какъ онъ утверждалъ потомъ) самъ Императоръ Александръ Пав-

ловичъ, со всѣмъ его наружнымъ обликомъ, но только старецъ, съ сѣдой бородой. Ѳедоръ Кузьмичъ отворилъ дверь и кротко сказалъ провожатому: „возьмите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ—больной же товарищъ его выздоровѣть“. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Очнувшійся посѣтитель повѣдалъ, однако, провожатому и товарищу, что въ лицѣ старца онъ узналъ Императора Александра Павловича, и съ тѣхъ поръ въ Сибири распространилась народная молва о таинственномъ происхожденіи Ѳедора Кузьмича“.

Разсказъ о легендѣ, преобразовавшей Ѳедора Кузьмича въ Александра Павловича, Н. К. Шилдеръ заканчиваетъ замѣчаніемъ одного французскаго поэта о томъ, какъ создаются легенды. „Онѣ распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже сошелъ въ могилу, а легенда переживаетъ его. Она слѣдуетъ за его переходомъ въ вѣчность, подобно слѣду, оставляемому метеоромъ, и вскорѣ становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей“.

А сколько поэтическихъ легендъ создалъ русскій народъ о своихъ Царяхъ!

Х.

Пѣсни о царяхъ слагаются народомъ и въ наши времена. Въ № 271 „Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1898 года г. Е. Марковъ обнаружилъ пѣсню о мученической кончинѣ Императора Александра II, распѣваемую, между прочимъ, на „радѣніяхъ“ нѣкоторыхъ сектантовъ, и записанную съ ихъ словъ:

Какъ всплакалась Россеюшка по Бѣломъ по Царѣ,
Всплакалась, сколебалась,
Питеръ, Москва вся смѣшалась.
Нашъ батюшка, Бѣлый Царь,
Скончалъ во Свой санъ.
Господь блюлъ Его до время
.....
Дѣнь и ночь они слѣдили,
Царю жизнь прекратили...
.....
Нашъ батюшка, Бѣлый Царь,
Александръ Государь,
За Своихъ вѣрныхъ дѣтей

Стоялъ Онъ среди сѣтей.

.....
Онъ во царскомъ во дворцѣ
Сказалъ слово при концѣ
Онъ потребовалъ Синодъ
И весь Царскій Божій родъ.

.....
Кровь и слезы онъ пролилъ,
Александра благословилъ:
„Вотъ Вамъ скипетръ и вѣнецъ,
Весь царскій мой дворецъ,
Моя шпага и корона,
Мнѣ прискорбная дорога.
Еще лента голубая
И печать моя золотая;
Изволь право управлять
Монхъ вѣрныхъ соблюдать...“

.....
Господь душу принималъ,
За ней ангеловъ всылалъ
За ней ангелы слетали
Съ семигранными мечами...*)

и т. д.

Приводя эту пѣсню, г. Марковъ замѣчаетъ, что у нашихъ сектантовъ народная душа осталась вѣрною себѣ въ отношеніяхъ къ Царю. Было время, когда наши политическіе агитаторы возлагали большія надежды на старообрядцевъ и раскольниковъ. Оказалось, однако, что и раскольники отличаются такою же преданностью монархическимъ началамъ, какъ и другіе русскіе люди, не утратившіе своего національнаго нравственнаго облика. Въ этомъ убѣдился Герценъ, въ этомъ убѣдился и Кельсиевъ.

XI.

Любовное, довѣрчивое отношеніе къ Царю сказывается въ народѣ всегда и во всемъ;—сказывается даже и тогда, когда между крестьянами начинаютъ ходить смутные толки и слухи, доставляющіе правительству не мало хлопотъ. Оно проявилось и въ то время, когда по Россіи пронеслась молва о предстоящемъ будто бы равеніи всей земли, то есть, о передѣлѣ ея. Вспоминая

*) См. также Пѣсню на кончину Императора Александра II, записанную въ Области Войска Донскаго, со словъ одного слѣпого лирика, въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ 1900 г.

объ этой молвъ, которую министр внутреннихъ дѣлъ Маковъ счелъ нужнымъ опровергнуть путемъ официального сообщенія, Энгельгардъ въ своихъ письмахъ „Изъ деревни“ (стр. 447—449) говоритъ: „Толковали о томъ, что будутъ равнять землю и каждому отрѣжутъ столько, сколько кто можетъ обработать. Никто не будетъ обойденъ. Царь никого не выкинетъ, каждому дастъ соотвѣтствующую долю въ общей землѣ. По понятіямъ мужика, каждый человѣкъ думаетъ за себя, о своей личной пользѣ, каждый человѣкъ эгоистъ, только мѣръ да Царь не эгоисты. Царь хочетъ, чтобы всѣмъ было *равно*, потому что всѣхъ онъ одинаково любитъ, всѣхъ ему одинаково жалко. Функція Царя—всѣхъ равнять“... „Вся земля принадлежитъ Царю, и Царь властенъ, если ему извѣстное распредѣленіе земли невыгодно, распредѣлить иначе *поравнять*“... „Видя, что у помѣщиковъ земли пустыютъ или обрабатываются не такъ, какъ слѣдуетъ, видя, что огромныя пространства плодороднѣйшей земли, напримѣръ, изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ, остаются невоздѣланными и заростають всякою дрянью, не приносящей никому пользы, мужикъ говоритъ, что такой порядокъ *Царю въ убытокъ*. Хлѣба нѣтъ, хлѣбъ дорогъ, а отчего? Оттого, что нѣтъ настоящаго хозяйства, земли заброшены, не обрабатываются, пустыютъ. *Царю выгодно*, чтобы земли не пустовали, обрабатывались, приносили пользу. По понятіямъ мужика, земля—царская, конечно, не въ томъ смыслѣ, что она составляетъ личную царскую собственность, а въ томъ, что Царь есть распорядитель всей земли. На то онъ и Царь. Если мужикъ говоритъ, что Царю невыгодно, когда земля пустуетъ, то его царская польза требуетъ, чтобы земля воздѣлывалась, то тутъ дѣло вовсе не въ личной пользѣ Царя,—Царю ничего не нужно, у него все есть,—а въ пользѣ общественной. Общественная польза требуетъ, чтобы земли не пустовали, хозяйственно обрабатывались, производили хлѣбъ. Общественная польза и справедливость требуютъ равнять землю, производить передѣлы“.

Въ апрѣльскихъ №№ „Правительственнаго Вѣстника“ за 1898 годъ печаталися матеріалы для исторіи послѣдней переписи. Здѣсь сообщались, между прочимъ, народные толки, связавшіе перепись съ заботою Государя объ Его подданныхъ. „Вѣра въ то,

что чрезвычайная государственная мѣра переписи принята въ видахъ улучшенія крестьянскаго быта, была общая въ народѣ и коренилась въ глубокомъ убѣжденіи его въ томъ, что въ ней выражилось участіе Царя-Батюшки, „Который хочетъ, видно, дать крестьянамъ какія-нибудь льготы“ (Мологскій уѣздъ). „Онъ хочетъ узнать, сколько у Него народу“ (Ярославскій уѣздъ), „а Ему нужно знать не только то, что записываютъ, а и больше того“ (Бѣжецкій уѣздъ). „Если ужъ Царь-Батюшка приказалъ сдѣлать перепись, стало нужно для Него“ (Новоторжскій уѣздъ), „доброе Онъ дѣло придумалъ—Онъ о насъ грѣшныхъ заботится“ (Новоторжскій уѣздъ). „Какой молодой Государь любознательный: все-то Ему хочется узнать про насъ, и кто чѣмъ кормится“.

Эти объясненія переписи связывали всегда ея начало и инициативу съ желаніемъ Государя и, благодаря, главнымъ образомъ такому убѣжденію народной массы, перепись прошла безпрепятственно и въ общемъ удачно, несмотря на поднятые ею отнюдь не безопасные толки. Не понимая значенія переписи, не довѣряя всѣмъ разъясненіямъ ея, толкуя ее по своему, народъ все таки считалъ ее дѣломъ Государевымъ (Ярославскій уѣздъ), Царскимъ (Любимскій уѣздъ). „Царь знаетъ, что дѣлаетъ“,—говорилъ онъ (Мологскій уѣздъ) „и молился о здоровьи Царя-Батюшки за его заботы о крестьянскомъ людѣ“ (Любимскій уѣздъ).

Вообще, толки, въ которыхъ такъ или иначе замѣшано было имя Государя, были весьма характеристичны и нерѣдко трогательны въ ихъ наивности.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ счетчиковъ Костромскаго уѣзда говоритъ: „Царь-Батюшка захотѣлъ всѣхъ знать своихъ дѣтокъ, и будетъ теперь помогать, въ чемъ у кого нужда, а начальство-то, видно, не все ему сказывало...“ Тому же счетчику довелось слышать и болѣе оригинальное разсужденіе о переписи: „Молодая-то наша Царица и говоритъ Самому-то: что это у Тебя сколько бѣдныхъ, у Моего папаши въ царствѣ всѣ богаты, узнай-ка хорошенько гдѣ кто какъ живетъ, да и придумаемъ, что дѣлать“. Что народъ толковалъ объ участіи молодой Государыни въ его судьбѣ, свидѣтельствуетъ слухъ, ходившій въ одномъ изъ захолустій такого дальняго уѣзда Костромской губерніи, какъ Варнавинскій, гдѣ въ народѣ говорили, что „Молодая Царица

взята изъ страны, гдѣ нѣтъ безземельныхъ, поэтому она хочеть сдѣлать, чтобы и у насъ ихъ не было“.

Приписывая почти вездѣ инициативу переписи Государю, народъ, по свидѣтельству земскаго начальника, завѣдывавшаго однимъ изъ переписныхъ участковъ Юрьевицакаго уѣзда, Костромской губерніи, простодушно рассказывалъ, что „лѣтомъ Государь ѣздилъ за границу въ гости, гдѣ въ то время гостили и всѣ прочіе государи-короли. Во время разговора всѣ стали сказывать, у кого сколько народу въ царствѣ. Когда спросили нашего Государя о количествѣ народа, то Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, и какъ только возвратился домой, приказалъ пересчитать народъ во всемъ царствѣ“.

На ряду съ этимъ объясненіемъ, въ Мологскомъ уѣздѣ ходило другое, свидѣтельствующее о благодарной памяти народа къ Царю-Освободителю: „Государь хочеть знать“, говорили крестьяне, „какъ живутъ Его подданные, чтобы что-нибудь сдѣлать новое. Вотъ и покойный Государь Александръ Николаевичъ, какъ узналъ, какъ плохо живутъ крестьяне у помѣщиковъ, такъ и освободилъ насъ (дай Ему Богъ Царство небесное). Умирать станемъ, такъ и дѣтямъ закажемъ поминать Его вѣчно“.

Благоразумные и болѣе бывалые крестьяне, по своему объясняя перепись, говорили, „что хозяйство провѣрки требуетъ, хорошій хозяинъ и курицу, и скотинушку считаетъ, такъ какъ же народъ не пересчитать! Царю-Батюшкѣ захотѣлось свое хозяйство въ извѣстность привести, вздумалъ насъ сосчитать, о насъ заботится нашъ Кормилецъ“ (Новоторжскій уѣздъ). Сельская бѣдность полагала, что Государь приказалъ перепись сдѣлать, чтобы бѣднымъ помочь; увидя нужду, дастъ вспомошествованіе“ (Любимскій уѣздъ).

Для этого, между прочимъ, по слухамъ, ходившимъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, во время коронаціи была, будто бы, назначена особая сумма. Уповая, что малоземелье въ Варнавинскомъ уѣздѣ будетъ прекращено дополнительнымъ надѣломъ, крестьяне связывали дарованіе такового съ ожиданіемъ рожденія Наслѣдника Престола и служили молебны. Ожидаемое уравненіе надѣловъ объяснялось желаніемъ Государя (Бѣжецкій уѣздъ). „Онъ хочеть все знать для того, чтобы надѣлить безземельныхъ и малоземель-

ныхъ землею“, говорили въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ. „Онъ самъ назначилъ перепись, чтобы узнать количество земли у крестьянъ, чтобы ее раздѣлить равномерно между крестьянами“, толковали ростовцы. „Должно быть нашъ Милостивецъ, нашъ Батюшка-Царь, какъ настоящій Отецъ и Кормилецъ, хочетъ получше знать весь Свой народъ; не будетъ ли послѣ этой переписи настоящаго передѣла и надѣленія землею каждаго крестьянина“, догадывались крестьяне Мологскаго уѣзда.

Съ своей стороны, весьегонскіе мѣщане полагали, что цѣль переписи заключается не иначе, какъ въ томъ, что Царь пожелалъ узнать, кто и какъ живетъ, много ли въ государствѣ богатыхъ и бѣдняковъ, а потому, когда Царь узнаетъ, что больше всего бѣдняковъ изъ мѣщанъ, то и велитъ дать мѣщанамъ земли, чтобы они, подобно крестьянамъ, занимались хлѣбопашествомъ, имѣли постоянный и вѣрный кусокъ хлѣба, а не зависѣли бы отъ случайностей, какъ теперь.

XII.

До сихъ поръ мы говорили о монархическихъ убѣжденіяхъ великороссовъ. Не нужно думать, однако, что другія племена, составляющія разновидности русской народности, не проникнуты преданностью къ царской власти. И въ малороссійскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, эта преданность выражается совершенно опредѣленно, хотя малороссы, долго жившіе особнякомъ отъ Московскаго государства и никогда не стоявшіе такъ близко къ русскимъ царямъ, какъ великороссы, не могли сложить о царяхъ и о царской власти столько пѣсенъ, сколько сложилось ихъ въ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ Россіи. Нѣкоторые историки изображаютъ Екатерину II злою мачихою для Украины, а между тѣмъ у черноморскихъ казаковъ распѣвается вотъ какая пѣсня про императрицу, уничтожившую Запорожскую Сѣчь.

Годи вже намъ журытыся,— пора перестаты
Заслужили видъ Царыци — за службу заплаты,
Дала хлибъ, силъ и грамоты за вирной службы.
Отъ теперъ мы, мылы братья, забудемо нужды!
Въ Таманѣ жыть, вирно служыть,—граныцю держаты,
Рыбу ловить, горылку пыть,—ще й будемъ богаты,
Та вже можно женытыся— и хлиба робыты,

А хто итyme изъ невірныхъ,— якъ ворога быты,
Слава-жъ Богу, та Царыцц,— а покой Гетману
Подякуемо Царыци,— помолымось Богу,
Що вона намъ показала —на Кубань дорогу *).

М. Драгомановъ издалъ въ 1881 году въ Женевѣ цѣлую книгу съ цѣлю доказать, будто въ Малороссіи, въ массахъ населенія, происходитъ соціально-политическое броженіе, которымъ могутъ воспользоваться въ своихъ интересахъ наши революціонеры. Книга, о которой мы говоримъ, носитъ названіе: „Нови украински писни про граматскы справы“. Драгоманову очень хотѣлось доказать, что взглядъ малороссовъ на царя имѣетъ мало общаго со взглядомъ великоросса, но „нови украински писни“, которыя онъ приводитъ, доказываютъ совершенно противоположное. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ идетъ рѣчь объ Императорѣ Александрѣ II и объ освобожденіи крестьянъ.

На многія лита нашему цареви,
Що зробивъ увольненя нашему краеви!
На многія лита ще й нашіи царевни,
Що насъ поривняла зъ панами нарівни.
На многія лита нашей царыци,
Що не ходять на панщыну нашы молодыци!
На многія лита шей царевымъ дитямъ,
Що дозволили добрымъ людемъ въ корчми посылити.
Ой, будемъ зароблять, на Боже даваты.
.....
Нихто жъ теперъ мужика, нихто жъ не забудеть.
.....
.....
Помолытця, люды, Богу до святой матки,
Подарувавъ царь панщиноньку, подаруе й податки,
Помолытця, молодыцы, до святой фыгуры,
Що подарувавъ вамъ царь яйца матки куры.

(Стр. 78).

Ой, подружылись паны зъ хлопамы:
Слава царевы ридному, слава!
Александръ Второй въ насъ въ серцяхъ буде,
Діи его святыхъ Богъ не забуде;
Александръ Второй въ насъ въ серцяхъ буде—
Для него зъ любовью кровь наша й груды.

(Стр. 75).

---

*) См. „Старовѣрскій бандуристъ“ Закревскаго,

Нема свята, ни недилы—а голосить въ церкви дзвинь,
Мыло гуде въ опивночы, всихъ сзывае въ Божій димь.
Кажуть есть щось видь царя
Чи не крыкнемъ ему: ура!
Дзвинь гуде про нашу мылу долю, прійшовъ царскій манифесъ
Молимося за царя.
И вси крыкнемъ ему: ура!

(Стр. 76).

* * *

Народныя пѣсни, былины, пословицы, сказки и легенды о русскихъ царяхъ и о царской власти могутъ дать обильный матеріаль для обширной монографіи о политическихъ инстинктахъ и воззрѣніяхъ русскаго народа. Ея отсутствіе составляетъ замѣтный и существенный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. Монографія, о которой мы говоримъ, если бы она была написана съ талантомъ и знаніемъ дѣла, разсѣяла бы цѣлый рядъ иллюзій и миражей, которыми тѣшатъ себя наши политическіе скитальцы, считающіе возможнымъ передѣлать русскій государственный строй по французскому, или по англійскому образцу, по образцу Швейцарской республики или Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Сужденія трехъ умныхъ иностранцевъ о русскомъ самодержавіи.

Чѣмъ больше распространяется за границей основательное изученіе Россіи, тѣмъ чаще начинаютъ появляться въ Западной Европѣ дѣльныя и серіозныя сужденія о нашей формѣ правленія. Сводъ и разборъ ихъ былъ бы весьма поучителенъ и могъ бы послужить богатою темою для обширнаго труда, изъ котораго, между прочимъ, выяснилось бы, что самые завзятые сторонники парламентаризма и республиканскаго режима, познакомившись съ Россіей, приходили къ заключенію, что ей нельзя обойтись безъ неограниченной монархіи. Къ такому заключенію пришли, въ числѣ другихъ иностранцевъ, три писателя, на которыхъ мы хотимъ остановиться: баронъ Гакстгаузенъ, Мэкензи Уоллэсъ и Карлетти.

I.

Баронъ Августъ Гакстгаузенъ.

Баронъ Гакстгаузенъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ старыя годы западно-европейскихъ писателей, когорые судили о Россіи не по наслышкѣ и не поверхностно, а по личнымъ наблюденіямъ и на основаніи серьезнаго изученія русскихъ учреждений и русскаго быта. Гакстгаузенъ путешествовалъ по Россіи въ 1843 году, около девяти лѣтъ, затѣмъ, изучалъ нашу родину по книгамъ и документамъ и написалъ трехтомное сочиненіе, посвященное Россіи, преимущественно ея сельскимъ учрежденіямъ. О русскомъ самодержавіи Гакстгаузенъ говоритъ лишь вскользь, но все, что онъ говоритъ о немъ, доказываетъ, что онъ понялъ и оцѣнилъ надлежащимъ образомъ значеніе нашего монархизма.

Въ предисловіи къ своему труду, Гакстгаузенъ проводилъ такую параллель между западно-европейскимъ и русскимъ государственнымъ строемъ:

„Тогда, какъ всѣ страны Западной Европы должны быть по ихъ историческому событію причислены къ феодальнымъ государствамъ, Россія должна быть названа патріархальнымъ государствомъ“.

„По традиціонному народному воззрѣнію, Россія представляетъ одну большую семью, съ царемъ во главѣ, которому одному вручена власть надъ всѣмъ, и которому всѣ безусловно повинуются. Ограниченіе царской власти совершенно не мыслимо для русскаго народа. „Чѣмъ можетъ быть ограниченъ отецъ, кромѣ божескихъ законовъ?“ говоритъ еще до сихъ поръ простой народъ такъ же, какъ говорилъ при избраніи Романовыхъ. Всѣ тогдашнія и позднѣйшія попытки ограничить царскую власть были безуспѣшны, потому что не согласовались съ политической вѣрой народа. Поэтому, въ отношеніи къ простому народу, русскій царь занимаетъ такое положеніе, какого не занимаетъ ни одинъ другой монархъ, но положеніе его, какъ императора русскаго государства, ничѣмъ не разнится отъ положенія другихъ государей“.

Въ Петербургѣ Гакстгаузенъ провелъ Страстную недѣлю и дни Пасхи, и видѣлъ, какъ императоръ Николай Павловичъ христосовался съ солдатами. Это происходило въ первый день Свѣтлаго праздника.

„Въ одиннадцать часовъ, я пошелъ посмотрѣть на большой парадъ. Благодаря содѣйствію пріятелей, я занялъ удобное мѣсто подъ порталомъ Зимняго дворца такъ, что оттуда могъ видѣть все. Погода была отличная; необозримыми рядами стояли войска. Прежде другихъ явился великій князь Михаилъ, галопируя передъ войсками. Онъ былъ встрѣченъ громкимъ ура. Черезъ нѣсколько времени вышелъ изъ дворца царь и пошелъ пѣшкомъ къ войскамъ; неимоверно радостный крикъ привѣтствовалъ его. Онъ былъ въ платьѣ донскихъ казаковъ, въ которомъ лучше выказывается его антично-прекрасное сложеніе, нежели въ новыхъ мундирахъ. Онъ остановился по срединѣ, передъ войсками, отъ всѣхъ полковъ выступило по нѣскольку челоуѣкъ солдатъ и окружило его. Онъ подходилъ къ каждому

изъ нихъ по одиночкѣ, христосовался съ нимъ, обнималъ и цѣловалъ. Это была особенная, величественная минута. Ежегодно въ тотъ же день, съ отдаленной древности, возобновляется торжество въ воспоминаніе воскресенія Христа, весь народъ проникается сознаниемъ равенства передъ Нимъ, всѣ, и великіе и малые міра сего, обнимаются, какъ братья, и даже властелинъ полміра цѣлуетъ послѣдняго изъ своего народа и тѣмъ свидѣтельствуеть объ одинаковости ихъ вѣры, любви и надежды“.

Гакстаузенъ сочувствовалъ церковнымъ реформамъ Петра I. Учрежденіе патріаршества въ Россіи онъ считалъ дѣломъ искусственнымъ.

„Въ сущности, поправки Никона были совершенно вѣрны, и остальные восточные патріархи одобрили ихъ; но народъ не принялъ бы ихъ, если бы не перешло на сторону Никона правительство, которое было заинтересовано болѣе, чѣмъ самъ патріархатъ, въ полной однородности богослуженія. Это указываетъ, какіе слабые корни имѣли въ народѣ патріаршество; этимъ однимъ можетъ быть объяснена та легкость, съ которой впоследствии Петръ I отмѣнилъ его“.

Въ той самой главѣ (I, XIII), изъ которой взять только что приведенный отрывокъ, Гакстаузенъ говоритъ:

„...Москва основала свое патріаршество. Но тутъ оно было вызвано государствомъ, а не внутренней необходимостью самой церкви, и потому не могло пустить глубокихъ корней ни въ церкви, ни въ народѣ. Но такое чисто національное патріаршество неминуемо пришло бы впоследствии къ величайшей нетерпимости и преслѣдованію, и къ односторонней замкнутости церкви, народа, а затѣмъ и государства. Петръ I понялъ это и замѣнилъ патріарха коллегіальнымъ Синодомъ, подчинивъ себя и государству внѣшнее положеніе и іерархію церкви, не касаясь ея догматики. Непредубѣжденный человѣкъ пойметъ, какія неисчислимыя выгоды давало это Россіи по отношенію ко всему ея внутреннему развитію. Съ этого время правительство было всегда посредникомъ между церковью и народомъ. Стоя во главѣ 100 національностей, съ разнообразнѣйшими религіями и культурами, оно уже съ давняго времени внесло терпимость въ свои отношенія къ нимъ, —

это огромное благо для всей страны. Во всемъ этомъ русская церковь ничего не потеряла; напротивъ, ее ожидаетъ несомнѣнное и неустойчивое развитие изнутри себя“.

Баронъ Гастгаузенъ былъ нѣмецъ и римскій католикъ, что и проглядываетъ у него иногда между строкъ, но это не помѣшало ему понять значеніе неограниченной монархіи въ Россіи.

II.

Мэкензи Уоллэсъ.

Мэкензи Уоллэсъ —англичанинъ. Онъ жилъ въ Россіи и путешествовалъ по Имперіи въ царствованіе императора Александра II и, по возвращеніи въ Англію, написалъ о Россіи двухтомное сочиненіе, обнаруживающее въ авторѣ основательное знакомство и съ русской исторіей, и съ русскими учрежденіями, и съ русскимъ бытомъ. Ознакомившись съ Россіей путемъ личныхъ наблюденій, Мэкензи Уоллэсъ, несмотря на свои англійскіе предразсудки, сдѣлался поклонникомъ русскаго самодержавія, какъ благодѣтельной для Россіи формы правленія.

Къ антимонархическому броженію умовъ въ Россіи Мэкензи Уоллэсъ относится съ недовѣріемъ, не дѣлая при этомъ различія между прежними и новыми временами. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о декабристахъ:

„Эта „декабрьская катастрофа“, еще очень памятная, произвела въ Петербургскомъ обществѣ такое дѣйствіе, какое произвело бы крушеніе пола въ танцевальной залѣ, полной танцующихъ. За минуту передъ тѣмъ все было одушевлено, беззаботно, счастливо; теперь всѣ лица выражали смущеніе. Въ салонахъ, гдѣ еще вчера горячо спорили о морали, эстетикѣ, политикѣ и богословіи, теперь было молчаливо и пусто. Многіе изъ тѣхъ, которые обыкновенно руководили разговорами, теперь находились въ крѣпости, а тѣ, которые еще не были арестованы, дрожали за себя или за своихъ друзей, потому что почти всѣ, теоретически или практически, были болѣе или менѣе участниками этого движенія. Извѣстіе, что пятеро заговорщиковъ приговорены къ смертной казни, другіе къ ссылкѣ, не могло способствовать успокоенію смущенныхъ умовъ. Общество было похоже на струсившаго ребенка, ко-

торый ожегъ себѣ пальцы. Сантиментальному и нерѣшительному Александру I наследовалъ строгій и энергическій братъ его Николай, который приказалъ, чтобы не было болѣе этихъ фейерверковъ, этого диллетантскаго философствованія или политическихъ стремленій. Такого приказа, впрочемъ, почти не нужно было. Общество само, по крайней мѣрѣ, на первое время, совершенно излѣчилось отъ всякаго поползновенія къ политическимъ мечтамъ. Къ своему великому удивленію, оно открыло, что эти новыя идеи, которыя должны были привести за собою благоденствіе и сдѣлать всѣхъ людей счастливыми, добродѣтельными, чистыми и поэтическими, — въ дѣйствительности приводили къ ссылкѣ и эшафоту. Пріятный сонъ исчезъ, и свѣтскій міръ, отказавшись отъ прежнихъ привычекъ, предался безобиднымъ занятіямъ: карточной игрѣ, увеселеніямъ и чтенію легкой французской литературы. „Французская кадрили“, какъ выражается одинъ современный писатель, „заняла мѣсто Адама Смита“ *).

Мэкензи Уоллесъ даетъ, между прочимъ, юмористическую характеристику нѣкоего Николая Ивановича, одного типичнаго русскаго конституціоналиста, мечтавшаго о насажденіи въ Россіи представительнаго правленія. Мэкензи Уоллесъ весьма иронически относится къ грезамъ Николая Ивановича и прямо выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы парламентъ могъ принести Россіи пользу.

„Онъ живетъ съ своимъ братомъ въ своемъ имѣніи, проводитъ время въ жалобахъ на свои несчастія и оплакиваетъ свои разбитыя мечты. Онъ цѣлый часъ можетъ говорить о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, со всякимъ желающимъ слушать его. Но слѣдить за его рѣчью очень трудно, а удержать ее въ памяти совершенно невозможно. Рѣчь его можно назвать политической метафизикой. Хотя онъ говоритъ, что не терпитъ метафизиковъ, но самъ онъ по своему образу мыслей чистый метафизикъ. Онъ живетъ въ мірѣ абстрактныхъ понятій, при которыхъ едва замѣчаетъ конкретные факты, и аргументы его всегда представляютъ своего рода умное фокусничанье. Къ конкретнымъ фактамъ онъ приходитъ не непосредственно наблюденіемъ, а де-

*) 2, 145. Эту и остальные ссылки на Мэкензи Уоллеса дѣлаемъ по русскому переводу „Россіи“.

дукціей отъ общихъ принциповъ, такъ что его факты ни въ какомъ случаѣ не могутъ противорѣчить его теоріямъ. Далѣе у него есть извѣстныя аксіомы, которыя подразумѣваются само собою и на которыхъ основываются его доказательства; такъ, напри- мѣръ, все, что можетъ быть названо „либеральнымъ“, должно быть хорошо во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ массѣ смутныхъ понятій, которыя невозможно облечь въ ясно опредѣленную форму, у него есть нѣсколько идей, можетъ быть не совсѣмъ вѣрныхъ, но, по крайней мѣрѣ, понятныхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ его убѣжденіе, что Россія имѣла недавно возможность опередить всю Европу на пути прогресса, и добровольно отказалась отъ этой возможности. Она могла бы, по его мнѣнію, во время освобожденія крестьянъ принять всѣ самыя передовыя принципы политической и соціальной науки и совершенно преобразовать политическій и соціальный строй согласно съ ними. Другія націи не могли бы поступить такъ, потому что они стары и дряхлы, пропитаны законсѣльными родовыми предразсудками и обладаютъ къ несчастію аристократіей и буржуазіей. Россія же молода, не знаетъ соціальныхъ кастъ и не пропитана законсѣльными предразсудками. Народъ похожъ на глину, изъ которой можно слѣпить всякую форму, какую наука найдетъ наилучшей. Правительство начало производить превосходный соціальный опытъ, но остановилось на полпути. Можетъ быть въ послѣдствіе оно будетъ смѣлѣе.

„Въ этой мысли есть своя доля правды. Россія можетъ произвести такія политическія и соціальныя реформы, которыя могутъ быть пагубными для болѣе тонко организованныхъ государствъ. Она уже не разъ успѣшно производила подобныя реформы, безъ всякихъ серьезныхъ безпорядковъ, и впредь также можетъ производить ихъ, лишь бы только была сохранена автократическая власть, и народъ бы остался политически-пассивнымъ. Это важное условіе Николай Ивановичъ пропускаетъ безъ вниманія. Какъ „либераль“, онъ рьяный сторонникъ парламентскихъ учрежденій. Конституція представляется ему чѣмъ то въ родѣ всемогущаго фетища. Напрасно станете объяснять ему, что парламентскій режимъ, не смотря на всѣ его преимущества, неизбѣжно долженъ породить политическія партіи и политическія распри, и не столь

удобенъ для соціологическихъ экспериментовъ, какъ добрый отеческій монархизмъ. Напрасно будете вы убѣждать его, что, если трудно уговорить одно лицо, то гораздо труднѣе уговорить цѣлый парламентъ. Всѣ наши попытки будутъ тщетны. Онъ начнетъ увѣрять васъ, что русскій парламентъ будетъ чѣмъ-то совсѣмъ не такимъ, какъ вообще парламенты. Въ немъ не будетъ партій, такъ какъ въ Россіи нѣтъ соціальныхъ кастъ, и онъ будетъ дѣйствовать чисто на научныхъ основаніяхъ -- независимо отъ предразсудковъ и личнаго вліянія, какъ философъ, разсуждающій о природѣ и о безконечности! Однимъ словомъ, онъ очевидно воображаетъ, что русскій парламентъ будетъ составленъ изъ него и его друзей, и что народъ спокойно подчинится ихъ указамъ, какъ подчиняется теперь царскимъ указамъ“ *).

А вотъ что говоритъ Мэкензи Уоллэсъ по поводу крамолы временъ Императора Александра II и ея мнимой связи со Славянскими комитетами, въ которой не сомнѣвались нѣкоторыя заграничныя газеты, боявшіяся панславизма:

„Въ Россіи, точно, существуетъ революціонный элементъ, но онъ не имѣетъ никакой связи со Славянскимъ комитетомъ и не питаетъ къ послѣднему ни малѣйшаго сочувствія. Этотъ революціонный элементъ отличается на столько „передовымъ“ на правленіемъ, что считаетъ патриотизмъ, національность, расовыя отличія и религію устарѣдыми предразсудками. Представители этого элемента, сумасбродные юноши пробовавшіе по временамъ основывать тайныя общества, исповѣдуютъ крайній радикализмъ соціалистическаго оттѣнка; въ сочувствіи къ націонализму они совсѣмъ неповинны, а къ религіознымъ вѣрованіямъ вообще и къ православію въ особенности они питаютъ положительную ненависть. Новыхъ территоріальныхъ приобрѣтеній для Россіи они не желаютъ, такъ какъ *расширеніе Имперіи въ настоящее время было бы равносильно расширенію самодержавной власти **).*

Печатаемъ послѣднія слова курсивомъ, такъ какъ замѣчаніе Мэкензи Уоллеса о неразрывной связи, существующей между пространствомъ Россіи и ея формою правленія, отличается большею мѣткостью и доказываетъ, что англійскій писатель хорошо

*) I, 325.

**) II, 440.

понимаетъ культурное значеніе русскаго самодержавія. Онъ понималъ, что оно возникло не въ силу случайностей и произвола, а въ силу исторической необходимости. Объ этомъ свидѣтельству-етъ все, что онъ говоритъ о постепенномъ расширеніи предѣловъ Россіи и объ ея населеніи.

„Быстрый ростъ Россіи является однимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ современной исторіи. Незначительное племя, или союзъ племенъ, занимавшій тысячу лѣтъ тому назадъ небольшое пространство земли у источниковъ Днѣпра и Западной Двины, разрастается въ великую націю, владѣнія которой простираются отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана и отъ Ледовитаго океана до границъ Турціи, Персіи, Афганистана и Китая. Фактъ такого рода заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія“ *).

Въ другомъ мѣстѣ Мэкензи Уоллэсъ такъ характеризуетъ отношенія кореннаго населенія Россіи къ ея инородцамъ:

„Какъ Скандинавія называлась *officina gentium*,—мастерской, въ которой производились новыя націи,—такъ Россію мы можемъ считать мастерской, гдѣ плавятся обломки старыхъ націй, чтобы составить новое сложное цѣлое. Должно признаться, впрочемъ, что процессъ сплавленія только-что начался.

„Национальныя особенности не сглаживаются въ Россіи такъ быстро, какъ въ Америкѣ или британскихъ колоніяхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ я часто видѣлъ нѣмцевъ, проживавшихъ въ странѣ только нѣсколько лѣтъ, которые усиленно старались быть американцами, смѣшно преувеличивая особенности американскихъ манеръ, объясняясь предпочтительно передъ своимъ роднымъ языкомъ на варварскомъ жаргонѣ, который они считаютъ англійскимъ, шумно изъявляя свою любовь къ американскимъ учрежденіямъ, и готовые принять за обиду всякое сомнѣніе въ томъ, что они настоящіе граждане великой республики. Среди нѣмецкихъ поселенцевъ Россіи я никогда не видалъ ничего подобнаго. Если бы даже ихъ отцы и дѣды родились въ новой отчизнѣ, они сочтутъ для себя оскорбленіемъ названіе русскихъ. Они смотрятъ на русскихъ крестьянъ сверху внизъ, какъ на бѣдныхъ, невѣжественныхъ, лѣнивыхъ и безчест-

---

*) II, 402.

ныхъ, боятся чиновной тираніи и насилія, ревниво сохраняютъ свой языкъ и обычаи, и рѣдко говорятъ хорошо порусски, иногда совсѣмъ не говорятъ, и никогда не вступаютъ въ бракъ съ тѣми, отъ которыхъ они отдѣлены національностью и религіей. Русское вліяніе, впрочемъ, дѣйствуетъ сильнѣе на славянскихъ колонистовъ—сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, которые исповѣдуютъ греко-православную вѣру, легче изучаютъ русскій языкъ, близко родственны ихъ собственному, не имѣютъ сознанія, что принадлежатъ къ болѣе культурной націи, и вообще обладаютъ природой болѣе гибкой, чѣмъ тевтонская* *).

Особенно поражало Мэкензи Уоллеса калейдоскопическое разнообразіе населенія южно-русскихъ губерній:

„Южная Россія представляетъ такое разнообразіе племень, какого, можетъ быть, не найдется нигдѣ въ Европѣ. Официальная статистика одной Новороссіи—т. е. губерній Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской—насчитываетъ слѣдующія національности: великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ, нѣмцевъ, англичанъ, шведовъ, швейцарцевъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ, армянъ, татаръ, мордву, евреевъ и цыганъ. Религіи почти также многочисленны. Статистика говоритъ о греко-православныхъ, римско-католикахъ, армяно-грегоріанахъ, лютеранахъ, кальвинистахъ, англиканцахъ, менонитахъ, піетистахъ, евреевъ-караимахъ, евреевъ-талмудистахъ, магометанахъ и о многочисленныхъ русскихъ сектахъ, каковы -молокане и скопцы. Сама Америка едва-ли можетъ показать такую пеструю страницу въ статистикѣ своего народонаселенія“ **).

Объясняя широкое развитіе русскаго самодержавія прежде всего пространствомъ Россіи, Мэкензи Уоллесъ не раздѣляетъ взгляда тѣхъ иностранныхъ писателей, которые привыкли обвинять русскій народъ въ стремленіи къ захватамъ, въ жадности, честолюбіи и т. д. Онъ доказываетъ, что Россія слѣлалась громадною державою не подъ вліяніемъ русскаго честолюбія, а подъ вліяніемъ неотвратимаго хода событій и особенностей колонизаторской дѣятельности русскаго народа.

*) II, 120.

**) II, 3.

„Если мы взглянемъ на исторію Россіи съ экономической точки зрѣнія, то намъ бросится въ глаза та главная причина, которая вызываетъ это расширеніе владѣній.

„Земледѣльческій народъ, употребляющій лишь первобытные способы обработки земли, всегда имѣетъ склонность къ расширенію своихъ границъ. Естественный ростъ населенія требуетъ постоянно возрастающаго количества производимаго хлѣба, а между тѣмъ первобытные способы культуры истощаютъ почву и постоянно уменьшаютъ ея производительность. При этой степени экономического развитія скромное положеніе Мальтуса, что запасъ средствъ къ пропитанію умножается менѣе быстро, чѣмъ населеніе, оказывается далеко не соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣлъ; тутъ легко можетъ случиться, что, между тѣмъ, какъ населеніе возрастаетъ, средства къ пропитанію уменьшаются не только относительно, но и абсолютно. Когда народъ очутится въ такомъ критическомъ положеніи, ему предстоятъ два выхода, онъ долженъ либо воспрепятствовать дальнѣйшему росту населенія, либо увеличить производство пищевыхъ веществъ. Такъ какъ русскіе славяне были народъ земледѣльческій, то и для нихъ вскорѣ настало вышеупомянутое затрудненіе, но оно не достигало у нихъ серьезныхъ размѣровъ. Самое географическое положеніе ихъ указывало имъ на удобный выходъ изъ этого затрудненія. Владѣнія ихъ не замыкались высокими горами и бурными морями; на югъ и на востокъ, такъ сказать, у самаго ихъ порога, лежала безпредѣльная, мало населенная равнина съ дѣвственною почвою, которая только ждала, чтобы земледѣлецъ приложилъ къ ней свой трудъ, и готова была щедро вознаградить его. Поэтому, русскіе стали разсѣляться по направленію къ югу и востоку *)“.

Мэкензи Уоллэсъ не могъ обойти вопроса объ отношеніи Православной Церкви къ свѣтской власти въ Россіи и обратно. Онъ объ этихъ вопросахъ судить, конечно, какъ англичанинъ, но весьма спокойно и трезво, безъ всякихъ увлеченій въ ту или другую сторону:

„Для избѣжанія недоразумѣній, слѣдуетъ строго отличать восточную православную церковь, какъ цѣлое, отъ церкви русской, какъ части этого цѣлаго.

*) II, 403.

„Восточная (или, какъ она иногда называется, греческая) православная церковь представляетъ, собственно говоря, союзъ независимыхъ церквей, безъ всякой центральной власти,—единеніе, основанное на общности догматовъ и на теоретической, но въ настоящее время не исполнимой, возможности созывать вселенскіе соборы. Русская національная церковь есть одинъ изъ членовъ этого церковнаго союза. Въ вопросахъ вѣры она обязана соблюдать постановленія древнихъ вселенскихъ соборовъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пользуется совершенною независимостью и автономіею.

„По отношенію къ православной церкви, какъ цѣлому, русскій императоръ есть не болѣе, какъ простой ея членъ, и точно такъ же не можетъ вмѣшиваться въ ея догматы и обряды, какъ итальянскій король или французскій императоръ не можетъ измѣнять богословскаго ученія римско-католической церкви. Но по отношенію къ русской національной церкви положеніе императора особенное; въ одномъ изъ основныхъ законовъ онъ называется защитникомъ и охранителемъ догматовъ господствующей вѣры, и вслѣдъ затѣмъ сказано, что самодержавная власть въ дѣлахъ церковнаго управленія дѣйствуетъ чрезъ посредство учрежденнаго ею Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Такимъ образомъ, отношенія между самодержавною властью и церковью опредѣлены довольно точно. Императоръ—только защитникъ догматовъ вѣры, и не можетъ сдѣлать въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія; но въ то же время онъ—верховный правитель церкви, и Синодъ есть орудіе его власти“.

А. вотъ окончательные выводы Мэкензи Уоллеса о положеніи православной церкви и нашего духовенства:

„Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что русское духовенство относится къ государственной власти съ недоброжелательствомъ или неудовольствіемъ. Почти всѣ представители духовнаго сословія—вѣрные подданные и горячіе приверженцы самодержавія. Идеи церковной независимости, столь распространенныя въ Западной Европѣ, и тотъ духъ борьбы противъ свѣтской власти, которымъ проникнуто духовенство римско-католическое, совершенно чужды духовенству русскому *)“.

*) II, 187.

Мэкензи Уоллэсъ не принадлежит къ числу такихъ писателей, которые обвиняютъ наше самодержавіе въ цезарепализмѣ. —

Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія прочтеть каждый поклонникъ русскаго царизма сближеніе, которое дѣлаетъ Мэкензи Уоллэсъ между „свободной Англіей“ и „деспотической Россіей“.

„Мысль, что „свободная Англія“ можетъ являться притѣснительницей, а „деспотическая Россія“ выступать въ роли провозвѣстницы свободы, безъ сомнѣнія, многимъ покажется парадоксальной и нелѣпой; но я не рѣшусь утверждать, что въ ней нѣтъ извѣстной доли правды. Понятія о справедливости и свободѣ не изъяты отъ дѣйствія того закона, по которому все подлунной подлежитъ измѣненію. Быть можетъ, недалеко то время, когда традиціонныя представленія виговъ о свободѣ и о демократическихъ реформахъ покажутся весьма странными и несоотвѣствующими сущности дѣла, и даже либеральныя воззрѣнія, быть можетъ, со временемъ будутъ считаться нѣсколько поверхностными. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе крестьяне имѣютъ основаніе радоваться тому, что они были освобождены русскимъ самодержавнымъ Императоромъ, а не англійской палатой общинъ; равнымъ образомъ, нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ изъ присоединенныхъ къ Россіи областей нисшіе классы пользуются такими привилегіями, которыхъ они не имѣли бы при англійскомъ владычествѣ *)“.

Мэкензи Уоллэсъ былъ не первымъ англійскимъ писателемъ, указывавшимъ на культурныя заслуги и великое призваніе русскаго самодержавія. Еще Джонъ Стюартъ Милль въ 4-й главѣ своего трактата о представительномъ правленіи высказалъ убѣжденіе, что „вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи ничѣмъ не можетъ быть рѣшенъ, кромѣ самодержавной власти или всеобщей рѣзни“.

II.

Карлетти.

Карлетти, на мнѣніе котораго мы уже имѣли случай ссылаться въ этой книгѣ (стр. 18—19), жилъ въ Россіи при импе-

*) II, 417.

раторъ Александръ III Александровичъ. Несмотря на то, что Карлетти привыкъ къ итальянскому парламентаризму, онъ, какъ толковый и наблюдательный человѣкъ, отлично понялъ, какимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ обладаетъ Россія въ своей строго-монархической формѣ правленія, и преклоняется передъ нею, какъ передъ благодѣтельнымъ для нашей родины режимомъ.

Перечисляя преимущества русскаго самодержавія, Карлетти говоритъ, между прочимъ, что оно пустило глубокіе корни въ сознание русскаго народа и, такъ сказать, слилось съ его плотью и кровью. „Русскіе считаютъ государство большимъ семействомъ, главою котораго является самъ Царь... Отношенія Государя къ подданнымъ должны быть тѣми же, что отношенія отца съ дѣтьми: между отцомъ и дѣтьми не можетъ существовать никакихъ компромиссовъ и присвоенія власти“. Нѣсколько дальше Карлетти замѣчаетъ: „Русское понятіе о верховной власти прекрасно и величественно при всей своей простотѣ; оно лишаетъ самодержавіе того образа тираніи вверху и раболѣпства внизу, который мы такъ склонны воспринимать своимъ воображеніемъ“.

Карлетти не осуждаетъ русскихъ за то, что они иронически относятся къ республиканской и конституціонной свободѣ и ко всякаго рода конституціоннымъ вольностямъ, предпочитая имъ самодержавіе. „Нельзя сомнѣваться, говоритъ онъ, что царская власть способна вводить прогрессъ. Какая республика и какой парламентъ могли бы предпринять и столь быстро привести въ исполненіе дѣло Петра Великаго? Какому конституціонному правительству удалось бы такъ легко, какъ сдѣлалъ это Александръ II, отмѣнить крѣпостное право, которое, какъ казалось, глубоко вкоренилось въ русскую почву? Въ доказательство, что принципъ царской власти ни мало не враждебенъ развитію гражданственности, Карлетти ссылается на реформы Александра II и съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то, что земскому и городскому самоуправленію отведенъ въ самодержавной Россіи болѣе широкій кругъ дѣятельности, чѣмъ въ конституціонной Италіи и республиканской Франціи.“

Признавая самодержавіе единственно возможною формою правленія для Россіи, Карлетти не допускаетъ и мысли, чтобы у насъ когда-нибудь могла произойти антимонархическая рево-

люція. Желая дать своимъ соотечественникамъ понятіе о политическомъ настроеніи русскаго народа, не имѣющаго ничего общаго съ революціоннымъ броженіемъ Запада, Карлетти приводитъ изъ книги Ціона *Нигилизмъ и анархія* слѣдующій анекдотъ. „Нѣкій иностранецъ, путешествовавшій по Россіи въ 1848 году, спросилъ одного русскаго купца: бывали-ли когда нибудь въ его странѣ революціи? Послѣдній отвѣчалъ ему; „Нѣтъ, на счетъ этого еще указа не вышло“. „Новшества, реформы, войны и народныя бѣдствія могли колебать соціальныи строй Россіи, но отъ этого никогда не страдала царская власть“. Характеризуя ея жизненность и стойкость, Карлетти уподобляетъ Россію вѣтвистому дереву, а самодержавіе—его корню и стволу. „Хотя листья блекнутъ и осыпаются, а вѣтви сохнутъ и падаютъ на землю,—самое дерево стоитъ крѣпко, и стволъ его сохраняетъ въ себѣ соки для новыхъ, еще болѣе могучихъ отпрысковъ; никто не смѣетъ занести топоръ на его старый, маститый корень“.

Карлетти говоритъ о царской власти съ чувствомъ почтительнаго удивленія.

„Не легко вообразить себѣ, какую силу содѣйствія и импульса можетъ оказать подобный образъ правленія въ самыя великія минуты народной жизни. Это воля одного лица, привыкшаго приказывать и повелѣвать, которымъ руководить единственно чувство религіознаго и патріотическаго долга, внушенное ему съ рожденія. Это диктаторство безъ опасенія впасть въ тиранію демагога, безъ страха лишиться присвоенной ему власти, которой никто не въ состояніи отнять у него, безъ боязни и ненависти къ возможному сопернику. Нѣкоторыя чувства можно не понять, но хорошо пойметъ всякій, что разъ громадная толпа народа двинется при кликахъ: „За Бога и за Царя!“, то это будетъ торжественной минутой для всей Европы“.

Обращаясь къ возраженіямъ, которыя дѣлаются противъ русскаго самодержавія, Карлетти останавливается на наиболѣе распространенномъ изъ нихъ и сводящемся къ опасенію увидѣть когда-нибудь на престолѣ жестокаго Государя. „При этомъ забывается, говоритъ Карлетти, одно обстоятельство: времена измѣнились; и то, что было возможно прежде, невозможно теперь... Воспитаніе правителей слишкомъ добросовѣстно, народная со-

вѣсть слишкомъ развита, Европа и весь цивилизованный міръ слишкомъ близки, чтобы примѣры тираніи могли возобновиться... Да и какой властитель посмѣлъ бы нынче, передъ лицомъ исторіи всеобщаго просвѣщенія, возродить своимъ поведеніемъ образъ Нерона, Каллигулы или Ивана Грознаго? Это столь же невозможно для русскаго царя, какъ и для короля Италіи“. „Русскіе говорятъ, прибавляетъ Карлетти, что самодержавіе абсолютное не ограничено лишь въ одномъ смыслѣ,—въ смыслѣ дѣланія добра; въ смыслѣ же дѣланія зла оно ограничено предѣлами воспитанія, гражданственности и развитія народнаго самосознанія“.

А вотъ и окончательный выводъ Карлетти о нашемъ самодержавіи: „Самодержавная власть пока не должна быть ничѣмъ ослаблена и должна сохраниться въ полной неприкосновенности“. Къ этому можно только прибавить, что она должна сохраняться въ полной неприкосновенности *не пока, а всегда*, ибо Россія призвана самой исторіей осуществить идеаль христіанской монархіи и, вообще, явить міру монархическій принципъ въ его высшемъ развитіи *).

---

*) Исправляемъ ошибку, сдѣланную нами на стр. 18. Карлетти говоритъ о царской власти не во второй, а въ четвертой главѣ своихъ очерковъ.

Шекспиръ, какъ монархистъ и политическій мыслитель.

I.

Всѣ великіе поэты были вмѣстѣ съ тѣмъ и великими мыслителями и часто угадывали то, что наука ихъ времени сознавала еще не вполне ясно. Обзоръ политическихъ воззрѣній знаменитыхъ драматурговъ, лириковъ и романистовъ могъ бы быть предметомъ обширнаго и очень поучительнаго трактата. Не касаясь этой темы во всей ея широтѣ, мы остановимся на одномъ Шекспирѣ, какъ на геніальнѣйшемъ представителѣ западно-европейской поэзіи послѣднихъ трехъ столѣтій, и постараемся свести воедино все, что можно найти въ его піесахъ о государственномъ устройствѣ вообще и о монархическихъ началахъ въ частности *).

Шекспиръ не видѣлъ въ государствѣ конечной цѣли чело-вѣческаго бытія и прекрасно понималъ, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ формъ правленія, которыя были бы вполне совершенны. Въ „Бурѣ“ встрѣчается одно мѣсто, которымъ остался бы доволенъ любой утопистъ, проповѣдующій разрушеніе государства и цивилизаціи. Мы разумѣемъ монологъ добраго Гонзало (II, 1), старающагося развеселить и утѣшить своего государя, герцога неаполитанскаго, только что испытавшаго страшное кораблекрушеніе и терзаемаго неизвѣстностью объ участи сына. Расхаживая по острову, на который выброшенъ Аріэлемъ герцогъ съ его спутниками, Гонзало говоритъ:

---

*) Много замѣчаній объ обязанностяхъ монарховъ и о злоупотребленіяхъ монархической властью рассыпано и въ поэміи Шекспира „Люкреція“.

А если бы я былъ здѣсь государемъ,
Хотите знать, чтобъ сдѣлалъ я тогда?
Промышленность, чины я - бѣ уничтожилъ;
И грамоты никто бы здѣсь не зналъ,
Здѣсь не было бы ни рабства, ни богатства,
Ни бѣдности; я строго--бѣ запретилъ
Условія наслѣдства и границы;
Воздѣлывать поля или сады
Не стали--бѣ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
И всякій хлѣбъ, и масло, и вино;
Всѣ въ праздности здѣсь жили-бѣ, безъ заботы,
Всѣ женщины, мужчины; но они
Остались бы всѣ чисты и невинны;
Здѣсь не было-бѣ правительства...
Все нужное, безъ пота и трудовъ,
Давалось бы природою въ избыткѣ.
Здѣсь ни измѣнъ не знали-бѣ, ни предательства,
Ни острыхъ шпагъ, ни копій, ни ножей
И, вообще, орудій никакихъ.
Сама собой давала-бѣ все природа,
Чтобъ прокормить невинный мой народъ... *)

Само собою разумѣется, что ни Шекспиръ, ни Гонзало, честный и преданный совѣтникъ своего государя, не придавали этимъ мечтамъ серіознаго значенія. Они оба смотрѣли на нихъ, какъ на поэтическую грезу о земномъ, навсегда утраченномъ раѣ. Шекспиръ, съ его глубокимъ знаніемъ жизни я человѣческаго сердца, не могъ быть утопистомъ и не былъ имъ. Онъ понималъ, что государство составляетъ неизбѣжную принадлежность общежитія сколько-нибудь культурныхъ народовъ. Онъ понималъ и значеніе власти, какъ благого и зиждительнаго начала, безъ котораго нечего и думать объ успѣхахъ гражданственности.

Въ „Троилъ и Крессидъ“ (I, 3) Уллисъ, склоняя, передъ стѣнами Трои, греческихъ вождей къ единодушію, такъ объяснялъ необходимость повиновенія:

Коль гдѣ-нибудь исчезла подчиненность,
То тамъ дурной стоитъ съ хорошимъ рядомъ.
Ея законъ царить и въ небесахъ;
Свѣтила всѣ и самый центръ вселенной
Въ своихъ путяхъ покорны лишь ему.
Вотъ почему небесъ зѣница - солнце
Имѣетъ власть среди другихъ планетъ.

*) Эта и всѣ остальные цитаты изъ Шекспира дѣлаются по третьему изданію „Полнаго собранія его сочиненій“ Гербеля (1880 г.).

Какъ смѣлый царь, оно стоитъ надъ ними,
Даруя всѣмъ блескъ, силу и красу
И гордо назначая каждой мѣсто
Въ кругу свѣтилъ, покорныхъ лишь ему.
Но если-бъ вдругъ пресѣклась подчиненность
Свѣтилъ небесныхъ солнцу; если-бъ вдругъ
Планеты всѣ задумали вращаться,
Какъ захотятъ — подумайте, какой
Тогда хаосъ возникъ бы во вселенной,
Какой раздоръ вселился бы средь людей,
Въ какой бы видъ пришла земля отъ вихрей,
Ужасныхъ бурь, взволнованныхъ морей!
Не скрылся ли бы навѣки въ государствахъ
Тогда спокойный миръ? О, вѣрьте мнѣ,
Что если разъ исчезла подчиненность,
Тогда прощай, исходъ счастливый дѣлъ!
Она душа всему. Не ею-ль только
Поддержаны порядокъ въ городахъ,
Успѣхи школъ, цвѣтущая торговля,
Права семействъ, короны, скиптры, лавры?
Попробуйте остаться безъ нея --
И въ тотъ же мигъ раздоръ воспрянетъ всюду,
Несвязанный ничѣмъ; пучины водъ
Поднимутся надъ твердою землею
И сдѣлаютъ весь шаръ земной похожимъ
На мокрый, грязный иль; жестокость стачетъ
Царить надъ тѣмъ, кто слабъ; дурныя дѣти
Возстанутъ на отцовъ, насилые смѣнить
Вездѣ законъ иль, лучше говоря,
Добро и зло, забывши власть закона,
Смѣшаются, утративъ имена.
Въ главѣ всего тогда возстанетъ сила
И быстро, увидавъ, что ей ни въ чемъ
Препятствій больше нѣтъ, подобно волку,
Накинется на все, пожравъ къ концу
И самое себя. Да, славный вождь,
Такой хаосъ царить вездѣ, гдѣ только
Исчезла подчиненность; безъ нея
Мы, думая идти впередъ, ступаемъ
За шагомъ шагъ назадъ. Гдѣ не хотятъ
Чтить власть вождей, тамъ нисшіе, имѣя
Дурной примѣръ въ другихъ, влекутся имъ же,
Питая въ сердцахъ зависть къ тѣмъ, кто выше.

Такія же мысли высказываютъ во второй части „Генриха IV“ (I, 1), въ королевскомъ совѣтѣ, созванномъ для рѣшенія вопроса, начинать-ли Англіи войну съ Франціей, герцогъ Эксетеръ и архіепископъ Кентерберійскій:

Эксетеръ.

Въ государствѣ,
Хотя оно и дѣлится по власти
На три различныхъ органа: на высшій,
На средній и на нисшій— власть должна—
Какъ ни дробись она— является стройно,
Какъ музыка, сведенная въ аккордахъ
Въ одинъ блестящій хоръ.

Архіепископъ.

Такой уставъ
Дарованъ небесами. Ихъ велѣнемъ
Приводятся разрозненныя силы
Въ движеніе безъ прерыва, опираясь
На ось повиновенья. Поглядите
На улей пчель—созданій, чей примѣръ
Принять могли бы люди къ руководству
Въ устройствѣ государствъ. Онѣ имѣютъ
Царицу и сановниковъ, изъ коихъ
Одни ведутъ домашнія дѣла,
Другіе занимаются торговлей
Внѣ стѣнъ домовъ; иные, какъ солдаты,
Во всеоружьи смертоносныхъ жалъ,
Собираютъ дань съ пушистыхъ лѣтнихъ почекъ,
И радостно несутъ свою добычу
Обратно въ домъ царицы. Между тѣмъ,
Она сама заботливо слѣдитъ,
Какъ рой другихъ рабочихъ, распѣвая,
Выводитъ стѣны, своды золотые,
Какъ носятъ медь послушные граждане,
Какъ бѣдные носильщики спѣшатъ
Скорѣй домой съ своей тяжелой ношей,
А судьи, съ строгимъ взоромъ, обрекаютъ
На смерть лѣнивыхъ трутней, предавая
Ихъ въ руки палачей. Я привожу
Такой примѣръ въ поддержку заключенья,
Что есть дѣла, которыя по виду
Намъ кажутся различны, а межъ тѣмъ
Стремятся всѣ къ одной и той же цѣли.
Такъ, туча стрѣлъ, летящихъ съ разныхъ точекъ,
Вонзается въ мишень; такъ рядъ путей
Ведетъ въ одно селенье; такъ потоки
Стремятся въ океанъ; такъ съѣтъ изъ линій
Приводитъ въ тотъ же центръ на циферблатѣ
У солнечныхъ часовъ; такъ, наконецъ,
И тысячи разнообразныхъ дѣйствій
Сливаются въ одномъ прекрасномъ цѣломъ,
Нимало тѣмъ другъ другу не вредя.

И все это бываетъ послѣдствіемъ власти, повиновенія, государственнаго порядка. Шекспиръ смотрѣлъ на нихъ, какъ на естественные законы, вытекающіе изъ природы человѣка и отражающіе въ себѣ механизмъ всего мірозданія. Разсужденія Улисса, Эснетера и архіепископа не составляютъ необходимой части тѣхъ піесъ, въ которыхъ находятся: они производятъ впечатлѣніе вставокъ, безъ которыхъ легко могли бы обойтись и „Троилъ и Крессида“, и вторая часть „Генриха IV“. Эти вставки были сдѣланы Шекспиромъ только для того, чтобы высказать свой взглядъ на значеніе власти и государства, о которыхъ и въ его время толковали вкривь и вкосъ.

Шекспиръ былъ человѣкъ вѣрующій и смотрѣлъ на власть монарховъ съ христіанской точки зрѣнія. Въ его глазахъ она имѣла мистическій, священный характеръ и происходила отъ Бога. Въ „Королѣ Джонѣ“ и въ „Ричардѣ II“ можно указать цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ поэтъ говоритъ благоговѣйно о величіи и призваніи сана англійскихъ королей. Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ „Ричарда II“ (III, 3), изъ сцены, происходящей передъ замкомъ Флинтъ, къ которому только что подошелъ возставшій Болинброкъ.

Герцогъ Йоркскій.

О, поглядите, вотъ король Ричардъ
Выходитъ, какъ разгнѣванное солнце,
Изъ огненныхъ дверей востока, видя,
Что облака пытаются закрыть
Его сіянье и затмить дорогу
Въ блистающемъ пути его на западъ!
Какъ все величественно въ немъ! Какъ взоръ
Его горитъ орлинымъ блескомъ! Горе,
Когда печаль и бѣдственное зло
Грозятъ затмить подобное чело!

Король (Нортумберланду).

Мы въ изумленіи. Мы ждали долго,
Чтобъ ты склонилъ покорныя колѣни
Передъ твоимъ монархомъ: мы считали
Себя такимъ до сей поры. Но если
Мы твой монархъ, то какъ же смѣешь ты
Забуть свой долгъ предъ нами? Если-жъ мы
Ужъ больше не король, то покажи намъ
Господню длань, которая лишила
Насъ скипетра и короны. Руки смертныхъ,
Мы знаемъ хорошо, не могутъ взять

Обоихъ ихъ безъ клятвопреступленья.
Иль мыслишь ты, что всѣ, подобно вамъ,
Забыли долгъ и вѣрность государю.
Что мы одни, безъ средствъ и безъ друзей?
Такъ знай: Господь собираетъ намъ въ защиту
Теперь войска заразы: онѣ постигнутъ
Еще не зачатыхъ дѣтей тѣхъ дерзкихъ,
Которые осмѣлились поднять
Предательскую руку на корону.
Ступай, скажи Герфорду, онѣ стоятъ
Тамъ, кажется, что каждый шагъ его
На нашей почвѣ — гнусная измѣна.
Онѣ хотятъ снять кровавую печать
Съ умолкнувшей войны. Скажи жъ, что прежде,
Чѣмъ онѣ надѣтъ успѣетъ нашъ вѣнецъ
И имъ владѣтъ спокойно — десять тысячъ
Пурпуровыхъ вѣнцовъ покроютъ лики
Сыновъ Британіи и вырвутъ съ корнемъ
Весь лучший цвѣтъ ея. Прекрасный миръ
Замѣнится кровавымъ рядомъ распрей,
И пастбища упыются вѣрной кровью
Дѣтей отечества.

Идея, лежащая въ основѣ только что приведеннаго отрывка, — идея о томъ, что короли помазанники Бога, что они никому не подсудны на землѣ, и что подданные, возстающіе противъ своихъ государей, совершаютъ тяжкій грѣхъ и великое преступленіе, неразъ высказывалась Шекспиромъ.

Ричардъ II (III, 2), успокаивая герцога Омерле, по поводу возстанія Болинброка говоритъ:

Весь бурный океанъ
Не можетъ смуть божественнаго мвра
Съ вѣнчаннаго чела. Дыханье смертныхъ
Не въ силахъ слудь избранника небесъ.
Ни каждаго изъ тѣхъ, кто со врагомъ
Подъяли сталь на золото короны,
По ангелу пошлетъ сражаться небо.
А кто жъ былъ столько силенъ, чтобы могъ
Низвергнуть тѣхъ, кому защитой Богъ!

На рѣчь кардинала Пандольфа, требующаго отъ короля Джона объясненіе, почему онѣ не допустилъ въ Кентербери Стефана Лангтона, назначеннаго папою епископомъ Кентерберійскимъ, король Джонъ отвѣчаетъ:

Какъ государь, я небу лишь подвластенъ —
И, волей неба, царственная власть,

Пока я царь, за мной однимъ на свѣтъ,
Безъ помощи чужой отъ смертныхъ рукъ,
Скажи все это папѣ—кончилъ я
И съ ними, и съ незаконной папской властью!
Иль есть слова на языкѣ земномъ,
Которыми допрашивать ты можешь
Святую мысль и волю королей?
Нѣтъ, кардиналь, вы съ папою своимъ
Не сыщите безумной, дерзкой рѣчи,
Что на отвѣтъ подвинуть насъ могла-бъ.
Снеси къ нему слова тѣ и вдобавокъ
Отъ Англии такую рѣчь:
Ни дани брать, ни править въ нашихъ земляхъ
Не будетъ больше итальянскій попь.

Не столь рѣзко, но столь же рѣшительно отвергаетъ вмѣшательство папы въ свѣтскія дѣла и французскій дофинъ Людовикъ. Отказываясь исполнить требованіе папскаго легата, онъ восклицаетъ („Король Джонъ“, III, 4):

Иль рабъ я римскій? Развѣ Римъ мнѣ далъ
Войска и деньги? Иль Римъ доставилъ
Запасы на походъ мой? Иль не я
Несу войны всю тягость? Иль не я
Съ вассалами моими за одно
Тружусь въ поту, подъ тяжестью бранной,
И выигрышъ мой вѣрный брошу я?
Клянусь душой,—того во вѣкъ не будетъ!

Благородный Гонтъ, герцогъ Ланкастерскій, дядя короля Ричарда II, не смотря на страстныя мольбы герцогини глостерской отомстить за смерть герцога Глостера, остается вѣренъ присягѣ и, не смотря на нѣжную любовь къ погибшему брату, говоритъ („Ричардъ“ II, I, 2):

Намѣстникъ и помазанникъ небесъ
Виновень въ этой смерти: пусть же Небо
Его покараетъ, если только
Проступокъ незаконенъ,—я не въ правѣ
Возстать на представителя небесъ.

Когда Болинброкъ, вынудившій Ричарда II отречься отъ престола, провозглашаетъ себя королемъ (Генрихомъ IV), епископъ Карлейльскій, протестуя съ опасностью жизни, противъ совершившагося переворота, говоритъ („Ричардъ II, V, 1):

Коль кто изъ васъ на столько въ самомъ дѣлѣ
Высокъ и благороденъ, чтобъ судить
Монарха, тотъ тѣмъ самымъ благородствомъ

Воздержится отъ этого грѣха,
Гдѣ подданный, дерзнувшій осудить
Властителя? А кто изъ предстоящихъ
Не подданный Ричарда?
Я подданный и смѣло говорю
Предъ подданными, вдохновенный Богомъ,
Въ защиту короля. И этотъ Герфордъ,
Котораго назвали вы монархомъ,
Онъ не монархъ, а только злой измѣнникъ.

Возстаніе противъ законной власти и низложеніе законныхъ королей всегда осуждались Шекспиромъ, какъ акты, не имѣющіе ни религіознаго, ни нравственнаго оправданія. Если бы онъ жилъ во времена Карла I или Людовика XVI, онъ стоялъ бы не на сторонѣ самозванныхъ судей этихъ несчастныхъ королей, а на сторонѣ монархистовъ, сохранившихъ вѣрность долгу и присягѣ. Цареубійство и убійство законныхъ наслѣдниковъ престола внушало Шекспиру ужасъ и отвращеніе. Въ цѣломъ рядѣ его драмъ и историческихъ хроникъ убійцы королей и наслѣдниковъ принцевъ расплачиваются собственной гибелью за совершенныя ими злодѣйства. Всѣ цареубійцы у Шекспира изображаются въ самомъ отталкивающемъ видѣ. Крупнѣйшій изъ нихъ Ричардъ III—сущій полудьяволъ. За нимъ слѣдуютъ такія лица, какъ Макбетъ и король Клавдій. Безнравственный и безпутный, но не бездушный Тирелль, убійца малютокъ короля Эдварда, перерождается, подъ вліяніемъ совершеннаго имъ злодѣйства и, горько оплакивая его, произноситъ чудный, поэтической монологъ, объ убитыхъ принцахъ, составляющій одинъ изъ перловъ шекспировскаго творчества. Шекспиръ осуждалъ цареубійства не только съ нравственной, но и съ политической точки зрѣнія. Они у него влекутъ за собою междоусобія, войны и никогда не достигаютъ своей цѣли. Вообще, Шекспиръ былъ врагомъ всякихъ политическихъ убійствъ, и благороднѣйшій изъ его политическихъ убійцъ, Брутъ, поразившій Юлія Цезаря ударомъ кинжала не изъ зависти и не ради какихъ-либо честолюбивыхъ замысловъ, а во имя общаго блага и любви къ свободѣ, скоро убѣждается, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку, подавивъ къ себѣ привязанность къ Цезарю и проливъ его кровь. Путемъ тяжелыхъ разочарованій и утраты всего, чѣмъ онъ дорожилъ въ жизни, Брутъ искупааетъ свою трагическую вину и бросается на мечъ со словами:

О, Цезарь, успокойся! Я тебя
Убилъ не такъ охотно, какъ себя!

Не проста и узурпаторы, не обагрывшіе своихъ рукъ кровью, но овладѣвавшіе престолами путемъ коварства и интригъ, какъ-вы, на примѣръ, Антоніо въ „Бурѣ“ и Фридрихъ въ комедіи „Какъ вамъ будетъ угодно“, вышли у Шекспира низкими людьми. Шекспиръ былъ поклонникомъ наслѣдственной монархіи и строгимъ легитимистомъ.

Тщетно было бы искать у Шекспира республиканскихъ стремленій или недовѣрія къ началамъ чистой монархіи. Демократическая форма правленія не пользовалась сочувствіемъ Шекспира. И въ „Юліи Цезарѣ“, и въ „Кориоланѣ“ народъ, принимающій непосредственное участіе въ государственномъ правленіи, изображается буйною и недалъновидною толпою, жажущею лести, дѣйствующею подъ вліяніемъ минуты, быстро переходящею отъ одного настроенія къ другому и легко одурачиваемою демагогами. Тотъ же антидемократическій духъ сказывается у Шекспира и въ историческихъ хроникахъ. „Граждане“ играютъ въ нихъ обыкновенно роль Панургова стада, лишенную всякой самостоятельности. Самозванецъ Кадъ и его шайка (во II части „Генриха VI“) — злая сатира на народныя бунты. Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, что Шекспиръ относился къ народу съ высокоуміемъ раздобрѣвшаго буржуа или надменнаго аристократа. У него короли завидуютъ скромной долѣ поселяннина. Правда, у Шекспира не было такого мягкаго, любовнаго отношенія къ простымъ людямъ, какимъ отличался, напр., Пушкинъ, но и Шекспиръ вывелъ цѣлый рядъ трогательныхъ типовъ изъ низшаго класса. Въ „Тимонѣ Аѳинскомъ“ остаются вѣрны разорившемуся богачу только его слуги и управитель Флавій. Шекспиръ, разрабатывая сложные душевные процессы и запутанныя драматическія положенія, не любилъ останавливаться подолгу на народной жизни и выбиралъ своихъ героевъ, по преимуществу, изъ властныхъ и культурныхъ людей. У него нерѣдко встрѣчается юмористическое отношеніе къ народу, тѣмъ не менѣе онъ не былъ предубѣжденъ противъ него. Шекспиръ съ явнымъ недовѣріемъ относился къ народу лишь тогда, когда народъ обнаруживалъ желаніе захватить власть въ свои руки и управлять государственны-

ми дѣлами, стоящими выше его разумѣнія. Кориоланъ (IV, I) называетъ римскій плебсъ многоголовымъ скотомъ. Въ „Антоніи и Клеопатрѣ“ Октавій Августъ говоритъ (I, 4):

Чернь похожа
На глупый флагъ, колеблемый по вѣтру,
И рабски повинуется теченью,
Покуда не истреплется совѣмъ.

Подобныя же мысли встрѣчаются у Шекспира и въ историческихъ хроникахъ. Во второй части „Генриха IV“ (I, 3) архіепископъ Йоркскій говоритъ:

Вотъ, какъ дурно
Надѣяться на преданность толпы.
Давно ль она безумно оглашала
Небесный сводъ привѣтомъ Болинброку,
Пока еще онъ не былъ королемъ?
И вотъ, теперь она уже спѣшитъ,
Пресытаясь имъ, какъ гнусная собака,
Его низвергнуть вонъ, какъ въ дни былые
Низвергнула великаго Ричарда.

Въ третьей части „Генриха VI“ (IV, 8) король Генрихъ, утѣшая себя предположеніемъ, что народъ не измѣнитъ ему и не перейдетъ на сторону Эдуарда IV, говоритъ:

....Не даромъ
Меня народъ повсюду прославляетъ
За доброту. Вѣдь я не затыкалъ
Ушей моихъ для просьбъ, не заставлялъ
Ихъ тратить даромъ время въ проволочкахъ.
Я врачевалъ ихъ раны милосердьемъ,
Живилъ печали кротостью, старался
Ихъ слезы состраданьемъ осушать;
Я не стѣснялъ ихъ тяжестью налоговъ,
Не жаждалъ ихъ добра; я не спѣшилъ
Карать ихъ за проступки, хоть они
Заслуживали часто наказанья.
За что же имъ любить Эдварда больше,
Чѣмъ Генриха?

Не смотря на то, народъ измѣняетъ Генриху и переходитъ на сторону Эдварда.

Шекспиръ не придавалъ надлежащаго значенія стихійной охранительной силѣ народа. Впрочемъ, онъ и не могъ отмѣтить ее съ надлежащей ясностью въ своихъ историческихъ хроникахъ, воспроизводившихъ то время англійской исторіи, когда народъ былъ сбитъ съ толку притязаніями различныхъ претендентовъ игравшихъ короною, какъ мячомъ.

Не довѣряя демократіи, Шекспиръ съ недовѣріемъ относился и къ аристократіи, и въ его произведеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы онъ сочувствовалъ ограниченію королевской власти въ пользу народа или возлагалъ большія упованія на парламентъ своего времени, всецѣло находившійся подъ вліяніемъ лордовъ. Лорды историческихъ хроникъ Шекспира—или своекорыстные честолюбцы, въ родѣ герцога Букингама въ „Ричардъ III“, или честные, преданные слуги короля. Сочувствіе Шекспира всецѣло принадлежало послѣднимъ. Онъ поставилъ рядомъ съ королемъ Джономъ Филиппа Незаконнорожденного, а рядомъ съ королемъ Лиромъ—Кента, очевидно, съ той цѣлью, чтобы показать духовную красоту непоколебимой преданности своимъ государямъ.

Шекспиръ не идеализировалъ королей и королевъ, которыхъ онъ выводилъ въ своихъ піесахъ. У него встрѣчались между ними и глубоко испорченныя и безхарактерныя натуры. Но большая часть ихъ, несмотря на свои слабости и недостатки, внушаетъ уваженіе или вызываетъ своими бѣдствіями глубокое состраданіе. Отецъ принца Гамлета, по словамъ Горацио, былъ великимъ монархомъ. Мало того:

Человѣкъ онъ былъ во всемъ значеніи слова.

Король Лиръ, Генрихъ V, король Дунканъ и Мальколмъ въ „Макбетъ“, Просперо въ „Бурѣ“, герцогъ Винченціо въ „Мѣрѣ за мѣру“, Ричмондъ, впослѣдствіи Генрихъ VII, и т. д., все это благородныя, истинно царственныя натуры, вполне достойныя того величія, которое выпало на ихъ долю. Несчастія короля Джона и Генриха IV, если и не примиряютъ съ ихъ темными дѣлами, то, по крайней мѣрѣ, заставляютъ забывать многое изъ того зла, которое они сдѣлали ради достиженія и сохраненія власти. Ричардъ II Шекспира не обладаетъ ни сильнымъ характеромъ, ни политическими дарованіями. Онъ не умѣетъ отстаивать свои права и подчиняется унижительнымъ требованіямъ счастливаго соперника. Но какъ сильно чувствуетъ онъ свой позоръ! Но какое возвышенное онъ имѣетъ представленіе о своемъ санѣ! Монологи, въ которыхъ онъ оплакиваетъ утрату престола, проникнуты неотразимой поэзіей и скорбью. Безвольный и простодушный, но чистый сердцемъ, Генрихъ VI, этотъ Федоръ Іоановичъ

английской исторіи, вызываетъ жалость и умиленіе своимъ дѣтски-яснымъ взглядомъ на жизнь и безхитростнымъ довѣріемъ къ окружающимъ его лицамъ. Шекспиръ не скрывалъ, что вокругъ троновъ иногда кипитъ беспощадная борьба интересовъ и честолюбій, и что это бываетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда корона дѣлается предметомъ жадныхъ исканій беззаастѣнчивыхъ честолюбцевъ, ловящихъ рыбу въ мутной водѣ отсутствія точныхъ законовъ о престолонаслѣдіи. Не смотря на то, Шекспиръ все таки былъ монархистомъ и возлагалъ всѣ свои упованія, какъ гражданинъ, на королей, а не на парламентъ, лордовъ и народъ.

Ненавидя деспотизмъ такъ же, какъ и разнузданную свободу, Шекспиръ считалъ лучшими сдержками монарховъ не конституціонныя гарантіи, а религію и совѣсть. Король Генрихъ V (I, 2) прекрасно опредѣляетъ въ сценѣ съ французскимъ посломъ, въ чемъ заключается разница между тираномъ и правосуднымъ монархомъ:

Мы не тиранъ,
А христіанскій повелитель; страсти
Подчинены у насъ въ душѣ законамъ
Святой Христовой вѣры точно такъ же,
Какъ скованы преступники въ темницахъ.

Таковъ именно и есть Генрихъ V Шекспира. Видя въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ и благороднѣйшихъ монарховъ, Шекспиръ такъ характеризуетъ своего любимца, обрисовывая идеалъ государя устами архіепископа Кентерберійскаго (I, 1):

Послушайте, какъ судить онъ о вѣрѣ,
И вы невольны будете жалѣть,
Что онъ король, а не прелать; начните
Съ нимъ рѣчь о государствѣ—онъ отвѣтитъ,
Какъ будто-бъ занимался цѣлый вѣкъ
Дѣлами управленья; пусть начнетъ онъ
Рѣчь о войнѣ—и слухъ вашъ поразится
Ужаснымъ громомъ битвъ, переведеннымъ
На звуки нѣжной музыки; сведите
Рѣчь на дѣла политики—онъ легче
Ея развяжетъ узель, чѣмъ подвязку.

Другими словами, идеальный государь долженъ обладать самыми разнообразными свѣдѣніями и соединять въ себѣ дарованіе мудраго политика и администратора съ талантомъ полководца и способностью разбираться въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ.

Заканчивая свое царствованіе, Генрихъ VI произноситъ въ предпоследнемъ актѣ посвященной ему трилогіи слѣдующее предсказаніе о Ричмондѣ, какъ бы дополняющее тотъ образъ идеальнаго монарха, который начертанъ въ словахъ архіепископа Кентерберійскаго:

Коль скоро

Невѣдомая сила не напрасно
Пророчитъ мнѣ,—прекрасный этотъ отрокъ
Даруетъ скоро счастье и покой
Отчизнѣ нашей. Взоръ его исполненъ
Священнаго величья, голова
Самой природой создана премудро
Для царскаго вѣнца, рука—для скипетра,
А самъ онъ,—чтобъ украсить царскій тронъ.
Надѣйтесь на него. Повѣрьте, лорды,
Что онъ исправитъ все, что я испортилъ.

Сознавая, что идеальные государи, какъ и, вообще, люди призванія и исключительныхъ дарованій, не могутъ часто встрѣчаться, Шекспиръ не предъявлялъ ко всѣмъ монархамъ невозможныхъ требованій и не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ представляется каждый сучекъ въ глазу короля большимъ бревномъ. Шекспиръ, конечно, желалъ, чтобы короли обладали всевозможными доблестями и были чужды всѣхъ пороковъ, но онъ не преувеличивалъ значенія личныхъ слабостей монарховъ для государства и думалъ, что эти слабости, вредя государямъ, какъ людямъ, далеко не всегда губительно отражаются на благосостояніи страны. Въ исключительномъ положеніи монарха Шекспиръ видѣлъ могущественное противоядіе, парализующее губительное дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ ихъ слабостей. Для выясненія взгляда Шекспира на государственное значеніе страстей и пороковъ монарха, нужно припомнить ту сцену изъ „Макбета“ (V 3), въ которой сынъ короля Дункана, Малькольмъ, испытывая преданность Макдуффа, клеветаетъ на себя. Изъ этой сцены видно, какія требованія предъявлялъ Шекспиръ къ истинно доблестнымъ монархамъ, и какъ онъ относился къ ихъ слабостямъ. Проницательный умъ Шекспира и его знаніе жизни привели его къ заключенію, что чисто монархическая форма правленія въ болѣе или менѣе обширной странѣ ступеневываетъ губительныя послѣдствія многихъ недостатковъ государя.

Очень важна для разъясненія политическаго, а также религиозно-нравственнаго міросозерцанія Шекспира та сцена въ „Генрихъ VI“, въ которой король Генрихъ встрѣчается близь лагеря подъ Азинкурромъ съ двумя англійскими солдатами, не узнавшими своего государя, и запросто бесѣдуетъ съ ними о войнѣ, объ обязанностяхъ королей въ отношеніи къ подданнымъ, и обратно.

Вильямсъ.

У кого ты въ отрядѣ?

Король Генрихъ.

У сера Томаса Эрпингама.

Вильямсъ.

Хорошій командиръ. Скажи, что онъ думаетъ о нашемъ положеніи?

Король Генрихъ.

Говорить, что мы похожи на людей, сидящихъ на мели, которыхъ унесетъ съ собою первый приливъ.

Бэтсъ.

А что, сказалъ онъ свое мнѣніе королю?

Король Генрихъ.

Нѣтъ; да и не долженъ. Между нами будь сказано, король такой же человекъ, какъ всѣ. Онъ ходитъ по землѣ и видитъ небо точь въ точь, какъ мы; чувства въ немъ такія же, какъ и у прочихъ людей. Отбросьте мѣшурный блескъ его сана, и онъ явится предъ вами во всемъ подобно прочимъ смертнымъ. Пусть его замыслы выше нашихъ; но, будучи разъ разрушены, они разрушатся, какъ замыслы всѣхъ насъ. Если наше положеніе пугаетъ насъ, то оно можетъ испугать и его. Вотъ потому то никто не долженъ внушать ему и тѣни страха, чтобъ онъ, обнаруживъ его, не убилъ бодрости всей арміи.

Бэтсъ.

Онъ можетъ храбриться, сколько угодно, но я готовъ держать пари, что ему пріятнѣе было бы просидѣть эту ночь по самое горло въ Темзѣ, чѣмъ провести ее здѣсь. Да, пожалуй, и я готовъ бы былъ провести ее съ нимъ подобнымъ образомъ, лишь бы не быть здѣсь.

Король Генрихъ.

Говоря по совѣсти, мнѣ кажется, король вовсе не желаетъ перенестись въ другое мѣсто.

Бэтсъ.

Ну, такъ я желалъ бы, чтобъ онъ былъ здѣсь одинъ; тогда онъ бы, по крайней мѣрѣ, выкупился, избавивъ тѣмъ столько бѣдняковъ отъ вѣрной смерти.

Король Генрихъ.

Я не вѣрю твоему желанію. Не можетъ быть, чтобъ ты ненавидѣлъ короля до такой степени, чтобъ пожелать ему остаться здѣсь одному. Ты просто хочешь вывѣдать мнѣніе другихъ. Что до меня, то я нигдѣ не умру съ такою радостью, какъ въ обществѣ короля. Его дѣло право, и причина распри благородна.

Вильямсъ.

Этого мы не знаемъ.

Бэтсъ.

Да и не зачѣмъ знать. Довольно, что мы подданные и должны ему повиноваться. Этимъ снимается съ насъ вся отвѣтственность, если даже дѣло неправо.

Вильямсъ.

Да, если оно неправо, королю придется дать за него тяжкій отвѣтъ. Что, если всѣ, потерявшіе въ битвѣ головы, руки или ноги, возопіютъ въ день Страшнаго суда, напоминая, кто о покинутой женѣ, кто о незаплаченыхъ долгахъ, кто о брошенныхъ безъ присмотра дѣтяхъ! Вѣдь въ сраженіи немногіе умираютъ по-христіански; да и гдѣ тутъ исполнить послѣдній долгъ, когда мысли заняты одной кровью. Грѣховная смерть всѣхъ, умершихъ такимъ образомъ, падетъ тяжелымъ камнемъ на душу короля, виновнаго въ этой смерти, потому что послушаться короля — еще вдвое тяжелѣйшій грѣхъ.

Король Генрихъ.

Значить, по вашему, отецъ, посылающій сына за море по торговымъ дѣламъ, становится виновнымъ въ его смерти, если погибнетъ корабль, на которомъ сынъ отправился? Или если на слугу, посланнаго господиномъ съ деньгами, нападутъ разбойники и убьютъ его; не давъ времени покаяться, то господинъ долженъ отвѣчать за его смерть? Нѣтъ, это не такъ! Король не можетъ отвѣчать за смерть каждаго солдата, отецъ — своего сына, а господинъ слуги, потому что никто изъ нихъ, требуя услугъ, не искалъ ихъ смерти. А сверхъ того, нѣтъ короля, который бы могъ набрать для войны совершенно непорочныхъ солдатъ, какъ бы ни была законна причина распри. Между ними всегда найдутся виновные, кто въ убійствѣ, кто въ обманѣ дѣвушекъ, кто въ разбоѣ, — низкое ремесло, которое они переносятъ и на поле битвы. Если они умираютъ безъ покаянія, то король столь же мало виновенъ въ ихъ смерти, какъ и въ прежнихъ, совершенныхъ ими, преступленіяхъ. Только служба подданныхъ принадлежитъ королю, а души остаются ихъ собственностью. Солдатъ на войнѣ долженъ, подобно больному въ постели, омыwać свою совѣсть отъ малѣйшаго пятна. Если онъ умретъ такъ приготовленный, то смерть будетъ для него счастьемъ; если же останется живъ, то время проведенное въ покаяніи, все таки принесетъ ему пользу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ всегда быть благодарнымъ Господу за то, что Онъ позволилъ ему пережить такое время, чтобы видѣть Его милосердіе и научать другихъ, какъ надо готовиться къ смертному часу.

(„Генрихъ V“, IV, 1).

Шекспиръ былъ совершенно чуждъ недоброжелательства къ вѣнценосцамъ, въ основаніи котораго лежитъ отсутствіе политическаго смысла. Послѣ только что приведенной сцены, Генрихъ V произноситъ слѣдующій монологъ:

Все свалимъ на него! Пусть онъ одинъ
Несетъ всю эту тяжесть! Трудный подвигъ,
Хотя и неразлучный съ царскимъ саномъ.
Послѣдній изъ глупцовъ, способный только
Пешись о грубыхъ выгодахъ,—и тотъ

Позорить насъ укоромъ *). О, отъ сколькихъ
Должны мы отречься наслаждений,
Извѣстныхъ бѣдняку! И много-ль выгодъ
Имѣемъ мы предъ нимъ, когда забыть
Мишурный блескъ величья! Что же въ немъ,
Въ мишурномъ этомъ блескѣ? Что за идолъ
Онъ, столь высоко чтимый и межъ тѣмъ
Подверженный несчастьямъ вдвое больше,
Чѣмъ всѣ его поклонники? Пускай
Покажетъ онъ дары свои и силу!
Попробуй захворать—и погляди,
Поможетъ ли тебѣ тогда холодный
Твой этикетъ? уступить ли горячка
Набору громкихъ титлъ и изгибанью
Толпы твоихъ угодниковъ? Дано ли
Тебѣ, предъ кѣмъ склоняются колѣни
Несчастныхъ бѣдняковъ, владѣть здоровьемъ,
Какое имъ дано? Нѣтъ, лживый сонъ,
Играющій покоемъ государей,
Я раскусилъ тебя. Я знаю твердо,
Что ни вѣнецъ, ни скипетръ, ни держава,
Ии жезлъ, ни мечъ, ни муро на чель,
Ни вытканная золотомъ одежды,
Ни титлы, спутники царей, ни слава,
Приливомъ осаждающая тронъ,—
Все это, трижды взятое, не можетъ
Послать монарху мирный крѣпкій сонъ,
Подобный сну простого земледѣльца,
Не знающаго тягостныхъ заботъ
И сытаго сухимъ и черствымъ хлѣбомъ.
И этотъ бѣдный рабъ. трудяся днемъ
И спя спокойно ночью, знаетъ лучше
Блаженство, чѣмъ король. Онъ лучше можетъ
Вкушать довольство мира. Грубый умъ
Его и знать не хочетъ, сколько тяжкихъ
Ночей проводимъ мы, чтобы уладить
Желанный миръ, котораго плоды
Вкушаетъ онъ такъ сладко и спокойно.

Въ этихъ горькихъ жалобахъ шекспировскаго любимца, доблестнаго короля Гарри, выражается взглядъ поэта на трудный подвигъ царственнаго служенія, на земное величїе и на его терніи. Шекспиръ не завидовалъ монархамъ. Это видно изъ многихъ мѣстъ историческихъ хроникъ. Вотъ, на примѣръ, монологъ Ген-

*) Это мѣсто напрашивается на сближеніе его съ монологомъ герцога изъ „Мѣры за мѣру“. (IV, I).

риха VI („Генрихъ VI“, ч. 3-я, II, 5), напоминающій восклицаніе царя Ѳедора изъ трилогіи графа А. Толстого:

....Боже, Боже!

За что меня поставилъ Ты царемъ!

и восклицаніе Бориса Годунова Пушкина:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Король Генрихъ.

О, какъ-бы я былъ счастливъ, если-бъ Богъ
Послалъ мнѣ смерть! Что можемъ мы найти
Здѣсь, кромѣ зла и горя? О, зачѣмъ
Не родился я бѣднымъ пастухомъ?
Не лучше-ль тѣнь деревьевъ, подъ которой
Скрывается пастухъ, чѣмъ драгоценный
И вышитый шелками балдахинъ,
Гдѣ ждуть царей заботы и измѣна?
О, лучше во сто разъ! И простокваша
Бѣдняги пастуха, и то простое
Холодное питье, какое онъ
Прирыкъ тянуть изъ кожаной бутылки,
И тихій сонъ въ тѣни густыхъ деревьевъ,
И все, чѣмъ веселится онъ такъ мирно,
Не выше-ль это всѣхъ роскошныхъ блюдъ
Властителя и всѣхъ его напитковъ,
Сверкающихъ въ бокалахъ золотыхъ,
И сна на раззолоченной постели,
Гдѣ ждуть его заботы и измѣна?

Мысли, которыя высказываетъ въ этомъ монологѣ кроткій, честный, простодушный и несчастный Генрихъ VI во время сраженія, высказываетъ и умный, энергичный и неразборчивый на средства Генрихъ IV въ минуты тяжелыхъ размышленій, въ глухую ночь, въ лондонскомъ дворцѣ: („Генрихъ IV“, ч. 2-я, III, 1):

О, сколько въ этотъ часъ

Моихъ бѣднѣйшихъ подданныхъ спокойно

И тихо спать въ своихъ постеляхъ!

Сонъ,

Отраднѣйшій сонъ, природы нашей нянька,

Чѣмъ я тебя, скажи мнѣ, испугалъ,

Что ты бѣжишь моихъ очей и чувства?

Не хочешь усладить меня забвеньемъ?

Скажи, зачѣмъ нисходишь ты охотнѣй

На бѣдняка убогую постель,

Въ закопченной лачугѣ, чѣмъ на ложе

Богатаго, въ покоѣ благовонномъ?

Зачѣмъ бѣжишь ты ложа короля,

Какъ отъ очей бессонныхъ часового?

А между тѣмъ, подь бурной непогодой,
Въ глухую ночь, смыкаешь ты глаза
Волнами убаюканнаго юнга
На мачтѣ корабля, тогда какъ вѣтеръ
Безумно рветъ верхушки грозныхъ волнъ,
Взметая ихъ къ густымъ и чернымъ тучамъ
Съ такою яростью и дикимъ ревомъ,
Что мертвый могъ отъ нихъ бы пробудиться.
Пристрастный сонъ, ты даруешь покой
Промокшему, измученному юнгѣ
Въ такой ужасный часъ, и убѣгаешь
Отъ ложа короля, когда кругомъ
Все тихо и спокойно! Спите жъ, люди,
И не завидуйте монархамъ: сонъ
Бѣжить чела, вѣнчаннаго короной.

Съ особенной силой выраженъ взглядъ Шекспира на горечь власти въ „Ричардѣ II“. Мы разумѣемъ слѣдующій отрывокъ изъ знаменитаго монолога низложеннаго короля (III, 2):

...Сядьте, лорды,
Со мною на землю, поведемте рѣчь
О бѣдныхъ короляхъ. Взгляните сколько
Ихъ свергнуто съ престоловъ, пало въ битвахъ,
Измучено явленьемъ страшныхъ тѣней,
Убитыхъ ими! Сколькихъ отравили
Ихъ собственныя жены! Сколькихъ смерть
Постигла въ снѣ! Вездѣ убійства:
Смерть царствуетъ въ коронѣ королей!
Тамъ, тамъ она, смѣясь и скаля зубы,
Насмѣшливо даритъ ничтожный мигъ
Имъ почестей и власти — и безумцы
Грозятъ съ своихъ престоловъ, точно жизнь ихъ
Слита изъ твердой мѣди. Конченъ мигъ...
И смерть одной ничтожною булавкой
Пронзаетъ жизнь и кончился король.

Устами Ричарда II Шекспиръ указываетъ, въ чемъ могутъ обрѣсти утѣшеніе, — хотя и очень печальное утѣшеніе, — монархи, на долю которыхъ выпадаетъ судьба этого несчастнаго короля:

Скрупъ.

Да даруетъ Господь
Монарху больше радостей, чѣмъ я
Ему несу, настроенный несчастьемъ!

Король.

Ну, говори! я выслушаю все:
Вѣдь, что ни скажешь ты, ты возвѣстишь мнѣ
Одно земное горе. Что жъ, лишился

Я власти, что ли? Въ ней всегда я видѣлъ
Одни труды; а стоитъ ли крушиться
Потерей ихъ! Иль гордый Болинброкъ
Сталь выше насъ? Онъ этого не можетъ.
Мы оба молимся, и передъ Богомъ
Равны своей молитвой. Иль народъ нашъ
Нарушилъ намъ присягу? Мы не въ силахъ
Поправить этого: вѣдь, онъ нарушилъ
Ее и Господу. Какія бь вѣсти
Ты ни принеси, позоръ, несчастье, зло—
Смерть хуже ихъ, а смерть возьметъ свое.

Осуждая недоброжелательную и невѣжественную болтовню о монархахъ и рельефно выставляя тѣ испытанія и страданія, которыя выпадаютъ на ихъ долю, Шекспиръ съ глубокимъ участіемъ относился къ утратамъ и бѣдствіямъ королей и королевъ своихъ хроникъ и драмъ.

Въ послѣднемъ актѣ „Ричарда II“ есть двѣ сцены, показывающія, какъ смотрѣлъ Шекспиръ на обязанности подданныхъ въ отношеніи къ государямъ. Мы говоримъ о тѣхъ сценахъ, въ которыхъ герцогъ Йорскій узнаетъ объ участіи своего сына, герцога Омерле, въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью убить Генриха IV, уличаетъ его передъ королемъ въ преступныхъ замыслахъ и требуетъ для него казни.

Герцогъ Йорскій смотритъ на монарховъ, какъ на помазанныхъ Божіихъ. Онъ не только повинуется имъ, но и чтитъ ихъ съ отгѣнкомъ мистическаго благоговѣнія. Онъ не допускаетъ и мысли о сведеніи личныхъ счетовъ съ Ричардомъ II за убійство своего брата и соглашается признать королемъ Болинброка только тогда, когда Ричардъ II отрекается отъ престола. Горько оплакивая бѣдствія и униженія Ричарда, герцогъ Йорскій не охотно приноситъ присягу Генриху IV, но до конца остается ей вѣренъ, какъ искренно вѣрующей и честный человѣкъ. Его нравственный катехизисъ и его политическія убѣжденія видны изъ его разсказа о вѣздѣ Болинброка съ развѣнчаннымъ Ричардомъ въ Лондонъ.

.....Когда бы

Я не былъ убѣжденъ, что длань Господня
Свершила это все для сокровенныхъ
И ей извѣстныхъ цѣлей, я увѣренъ,
Что, видя то, и варварство само
Разстаяло бь горячими слезами.

Но власть небесъ безвѣстна для людей:
Себя смирить мы можемъ лишь предъ ней.

И герцогъ Йоркскій остается вѣренъ своимъ словамъ. Онъ присягаетъ Генриху IV не подъ вліяніемъ какихъ либо низкихъ или эгоистическихъ соображеній, а потому, что Ричардъ II мало-душно отказался отъ своихъ правъ и уступилъ ихъ Болинброку (Герфорду). Если бы Ричардъ не сдѣлалъ этого, герцогъ Йоркскій за всѣ блага міра не призналъ бы Генриха IV. Безхарактерность и уступчивость Ричарда поставили герцога Йоркскаго въ такое положеніе, что онъ не могъ не присягнуть Болинброку, къ которому онъ, какъ къ человѣку, былъ расположенъ гораздо меньше, чѣмъ къ Ричарду. Присягнувъ же, герцогъ считаетъ себя обязаннымъ, во имя долга и чести, разоблачать, предупреждать и карать измѣну, хотя бы въ ней былъ замѣшанъ и родной сынъ.

Измѣна сына вырываетъ изъ сердца герцога отцовскую привязанность. Онъ видитъ въ немъ злодѣя и не хочетъ вѣрить въ искренность его раскаянія. Не о пощадѣ виновнаго, а о казни его проситъ герцогъ короля.

Услышавъ, что Омерле получаетъ прощеніе за примѣрную преданность отца долгу вѣрноподданнаго, герцогъ Йоркскій говоритъ:

Я не хочу,
Чтобы мое добро служило сводней
Его порочности; я не хочу,
Чтобъ онъ истратилъ честь мою, какъ тратитъ
Безпутный сынъ отцовское наслѣдство.
Я честь спасу, коль будетъ онъ наказанъ,
Иль навсегда стыдомъ останусь связанъ.
Простивъ ему, меня убьешь ты тѣмъ:
Измѣны жизнь родитъ несчастье всѣмъ.

Услышавъ отъ короля о прощеніи Омерле, герцогиня Йоркская восклицаетъ:

Ты Богъ роднаго края!—

но герцогъ Йоркскій не только не присоединяется къ ея просьбамъ о пощадѣ, а продолжаетъ настаивать на своемъ, убѣдившись же, что король не отступитъ отъ разъ даннаго обѣщанія помиловать Омерле, ни однимъ словомъ не выражаетъ благодарности и ужъ навѣрное нескоро прощаетъ сына, ибо гнушается измѣною, какъ величайшей подлостью, налагающей на честь не смываемое пятно.

Герцога Йоркскій выведенъ Шекспиромъ, какъ идеаль вѣрно-подданнической доблести, доходящей до пожертвованія такимъ святымъ чувствомъ, какъ чувство привязанности къ роднымъ дѣтямъ.

Это опять таки служить доказательствомъ, что Шекспиръ былъ глубоко убѣжденнымъ монархистомъ.

О монархизмѣ Шекспира свидѣтельствуемъ и пророческій монологъ Кранмера въ концѣ „Генриха VIII“,—монологъ, въ которомъ Кранмеръ говоритъ о только что родившейся Елисаветѣ, какъ о будущей великой королевѣ.

Съ ней возрастеть и счастье страны.
При ней всегда спокойно будетъ каждый
Подъ собственной лозой питаться тѣмъ,
Что самъ же онъ посѣялъ, и сосѣдямъ
Пѣть пѣсни мира, полныя любви.
Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно;
Всѣ близкіе узнаютъ отъ нея,
Какъ слѣдовать прямой дорогой чести
И ею лишь величья достигать—
Не знатностью

.....
.....
.....
.....

Далѣе Кранмеръ говоритъ:

Для счастья отчины

Она до лѣтъ преклонныхъ доживетъ
И много дней надъ нею пронесется,
И ни одинъ не минетъ безъ того,
Чтобъ подвигомъ не увѣнчаться.
О, если бы я больше ничего
Не могъ прозрѣть! Но умереть ей должно
Когда-нибудь: святые ждутъ ее,
И дѣвою сойдетъ она въ могилу,
Какъ лилія чистѣйшая, и міръ
Одѣнется глубокою печалью.

Видѣть въ монологѣ Кранмера лести Елисаветѣ, значитъ допустить нелѣпныя и оскорбительныя для памяти Шекспира предложенія: Шекспиръ никогда и никому не льстилъ. Не льстилъ онъ Елисаветѣ и въ томъ монологѣ Оберона („Сонъ въ Иванову ночь II, 1), въ которомъ иносказательно упоминается о ней, какъ о весталкѣ, царствующей на западѣ и недосыгаемой въ своихъ дѣвственныхъ размышленіяхъ отъ стрѣлъ Купидона. Шекспиръ былъ

искреннимъ почитателемъ Елизаветы, почти самодержавно управлявшей Англіей, не смотря на парламентъ, и ознаменовавшей свое царствованіе цѣлымъ рядомъ великихъ дѣлъ.

Взглядъ Шекспира на Елисавету вполне гармонируетъ съ его политическими воззрѣніями, проникнутыми преданностью къ строго монархическимъ началамъ и не представляетъ ничего неожиданнаго или загадочнаго.

Въ заключеніе нашего обзора политическихъ идей, высказанныхъ въ произведеніяхъ Шекспира, прибавимъ, что у англичанъ есть еще одинъ писатель-художникъ, много сдѣлавшій для психологіи монархическихъ чувствъ, монархическаго долга, монархическихъ убѣжденій и монархическихъ инстинктовъ. Мы говоримъ о Вальтерѣ Скоттѣ. Въ его романахъ выведенъ рядъ типовъ, весьма поучительныхъ для людей, интересующихся значеніемъ монархическихъ началъ въ исторіи. Къ числу этихъ романовъ слѣдуетъ отнести: *Веврлея*, *Робъ-Роя*, *Квентина Дорварда*, *Айвенго*, *Рингонтлета* и особенно *Вудстокъ*, въ которомъ выведена цѣлая семья убѣжденныхъ монархистовъ, и отмѣчено облагораживающее вліяніе монархическихъ идеаловъ какъ на претендента на англійскій престоль, впоследствии англійскаго короля, такъ и на республиканца Кромвеля, таящаго въ душѣ своей, не смотря на всѣ превратности судьбы, остатки монархическихъ понятій.

Монархіи и монархизмъ Древняго Востока.

Въ предисловіи къ IV тому своей „Исторіи политическихъ ученій“ Б. Н. Чичеринъ, касаясь вопроса о причинахъ той разногласицы, которая проявляется нынѣ въ нашемъ обществѣ въ сужденіяхъ о существѣ и цѣляхъ государства, говоритъ:

„Знаю, что философія теперь не въ модѣ. Этому главнымъ образомъ и слѣдуетъ приписать то шатаніе умовъ, которое составляетъ характеристическую черту современныхъ обществъ, явленіе — всего болѣе распространенное тамъ, гдѣ отсутствіе политической жизни открываетъ полный просторъ теоретическимъ мечтаніямъ. Безъ руководящей нити философской мысли остается или бродить наобумъ, или произвольно очертить себѣ ограниченный кругъ воззрѣній, который, конечно, не можетъ имѣть притязанія на научное значеніе. Самый легкій и, къ сожалѣнію, весьма употребительный способъ выдти изъ затрудненія состоитъ въ томъ, чтобы на вѣру принимать самыя крайнія ученія, на томъ основаніи, что они передовыя, а потому ближайшія къ истинѣ. Этотъ способъ особенно въ ходу въ обществахъ мало образованныхъ, но одержимыхъ дѣтскимъ еще желаніемъ стать въ уровень съ современностью. Послѣдователи этихъ ученій, въ невинности ума и сердца, не подозрѣваютъ, что именно они всего болѣе удаляются отъ истинной науки. Разогнать весь зтотъ мракъ можетъ только серіозное изученіе философіи“.

„Мракъ“ значительно разсѣялся бы, еслибъ у насъ былъ пробужденъ по крайней мѣрѣ хотя сколько-нибудь серіозный интересъ къ изученію крупнѣйшихъ политическихъ мыслителей. Къ сожалѣнію, наше общество знакомо съ ними только по наслышкѣ, чѣмъ и объясняется его увлеченіе такими книгами, какъ трактатъ Милля „О представительномъ правленіи“, не представля-

ющій ничего замѣчательнаго ни по оригинальности, ни по глубинѣ мысли. Наши конституціоналисты воображаютъ, что ихъ политическія идеалы составляютъ послѣднее слово человѣческой мудрости, и что неограниченная монархія вообще, а въ Россіи въ частности, не имѣла и не имѣетъ другого оправданія, кромѣ грубой силы. Они и не предполагаютъ, что у монархистовъ существуетъ громадная литература, въ которой выясняются всѣ преимущества и всѣ особенности самодержавнаго правленія, и что эта литература нарастала постепенно въ теченіе многихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій.

Г. Чичеринъ начинаетъ свой историческій обзоръ государственнаго права съ древняго классическаго міра, обходя молчаніемъ древній Востокъ на томъ основаніи, что на Востокѣ, въ этой колыбели человѣчества, политика сливалась съ религіей, и мысль еще не успѣла отрѣшиться отъ своей первоначальной теократической основы. Нельзя не замѣтить, однако что историкъ политическихъ ученій не въ правѣ игнорировать государственныя идеи и идеалы древняго Востока, ибо они имѣли громадное культурное значеніе сами по себѣ, не остались безъ вліянія на древне-греческихъ мыслителей и, вообще, на древній греко-римскій міръ, а кое-гдѣ (напримѣръ, въ Китаѣ) живутъ и по сіе время. У древне-греческихъ философовъ, у отцовъ восточной церкви, у Фомы Аквинскаго и у средневѣковыхъ защитниковъ папскихъ притязаній на свѣтскую власть политика тоже сливалась съ религіей, но г. Чичеринъ тѣмъ не менѣе излагаетъ и разбираетъ все, что они говорятъ о государствѣ, и это совершенно понятно, ибо сліяніе политики съ религіей не можетъ быть основаніемъ для того, чтобы историкъ политическихъ ученій могъ считать себя въ правѣ не вдумываться въ нихъ и не выяснять ихъ.

Конечно, древній Востокъ, за недостаткомъ историческихъ источниковъ, мало извѣстенъ; объ его политическихъ ученіяхъ можно сказать весьма немного, и то, скорѣе, по догадкамъ, чѣмъ по точнымъ даннымъ. Исключеніями въ данномъ случаѣ являются только Палестина, древняя Индія и древній Китай, политическія воззрѣнія которыхъ могутъ быть обрисованы весьма опредѣленно.

К. Н. Леонтьевъ („Востокъ, Россія и славянство“), какъ нельзя лучше, объяснилъ, почему новоевропейскіе народы лишь сравнительно недавно стали интересоваться древнимъ Востокомъ, да и понынѣ интересуются имъ очень мало, предоставляя изученіе его немногимъ специалистамъ и сосредоточивая всѣ свои симпатіи, когда заходитъ рѣчь о древнихъ народахъ, на Греціи и Римѣ.

„Я помню, говоритъ Леонтьевъ, что я самъ, прочтя случайно (и у кого-же?—у Герцена!) о томъ, какъ, во время бури, персидскіе вельможи бросались сами въ море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, какъ они поочередно подходили къ царю и склонялись передъ нимъ прежде, чѣмъ кинуться за бортъ... Я помню, какъ, прочтя это, я задумался и сказалъ себѣ (въ первый разъ приходилось съ дѣтства и до зрѣлаго возраста вспоминать о классической греко-персидской борьбѣ!): „Герценъ справедливо зоветъ это персидскими Термопилами. Это страшнѣе Термопиль! Это доказываетъ силу идеи, силу убѣжденія, большую, чѣмъ у самихъ сподвижниковъ Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову въ пылу битвы, чѣмъ обдуманно и холодно, безъ всякаго принужденія, рѣшатся на самоубійство изъ-за религиозно-государственной идеи!“

„Съ этой минуты я, сознаюсь, сталъ на древнюю Персію смотрѣть уже не такъ, какъ приучили меня школа 40 и 50 годовъ, поэзія и большинство историческихъ попадавшихся мнѣ сочиненій. Я полагаю, что у многихъ есть подобнаго рода воспоминанія.

„Мнѣ кажется, главная причина тутъ въ томъ, что Персія не оставила намъ такихъ хорошихъ литературныхъ произведеній, какія оставила Эллада. Греки умѣли изображать все реальнѣе и осязательнѣе, „теплѣе“ своихъ сосѣдей и современниковъ, и оттого мы ихъ знаемъ лучше и любимъ больше, не смотря на всѣ ихъ пороки и ошибки.

„Молчаніе не всегда есть признакъ безсодержательности. G. Sand хорошо называла иныхъ людей, исполненныхъ ума и души, но не одаренныхъ умѣньемъ выразить свою внутреннюю жизнь, *les grands muets!* Быть можетъ, и Персія была, сравнительно съ Греціей, *grand muet*“.

Вотъ почему древній Востокъ доселѣ считается многими отечествомъ деспотизма, приче́мъ обыкновенно патриотическій духъ классическаго міра противопоставляется раболѣпству Востока. Чѣмъ болѣе, однако, расширяются свѣдѣнія о древнемъ Востокѣ, тѣмъ яснѣе становится, что старыя взгляды на него не выдерживаютъ критики и требуютъ самой тщательной провѣрки. Было время, напри́мѣръ, когда искусство древняго Востока считалось варварскимъ и ничѣмъ не замѣчательнымъ. Теперь историки искусства думаютъ уже иначе и отдаютъ должную дань справедливости и удивленія своеобразной красотѣ и своеобразному величію египетской архитектуры, ассирійской скульптуры и т. д. Древній Востокъ, создавшій великія религіи, которыми жило и живетъ человѣчество, оставилъ послѣ себя неувядаемые образцы почти всѣхъ искусствъ и положилъ прочное начало почти всѣмъ наукамъ, а положить прочное начало великому дѣлу значитъ совершить его на половину. Исторія древняго Востока имѣетъ громадное значеніе въ исторіи человѣчества, кровная связь съ нею новоевропейскихъ народовъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вотъ почему не слѣдуетъ относиться свысока къ государственному строю Востока, какъ онъ ни чуждъ намъ по своимъ языческимъ основа́мъ. Не нужно забывать, что подъ его кровомъ развился цѣлый рядъ цивилизацій, на фундаментѣ и на развалинахъ которыхъ возникли цивилизаціи какъ германо-романскаго, такъ и греко-славянскаго міра.

Древнему Востоку были извѣстны самыя различныя формы правленія. Въ основѣ государственнаго устройства Сабейскаго царства, напри́мѣръ, лежала система феодализма, сильно напоминающая, даже въ мелочахъ, средневѣковую Европу. Сабейскій царь былъ не что иное, какъ сюзерень цѣлаго ряда владѣтельныхъ князей, почти самостоятельно управлявшихъ подчиненными имъ племенами и проживавшихъ въ укрѣпленныхъ замкахъ. Это были *кейли*—герцоги, кюрфюрсты и бароны. Каждый изъ нихъ назывался по имени своего замка съ прибавленіемъ слова *Ду* (господинъ). Ду-Райданъ былъ владѣтелемъ Райдана, Ду-Руайнъ—владѣтелемъ Руайна и т. д. Ниже кейлей стояла цѣлая

іерархія воєннаго дворянства, распадавшася на нѣскольکو степеней, изъ которыхъ каждой былъ присвоенъ особый титулъ. Низшія—находились въ вассальной зависимости отъ высшихъ, но пользовались все-таки своей долей верховной власти. Кейли стремились къ полной независимости отъ Сабейскаго царя и рѣдко повиновались ему. Его власть была ограничена даже въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя ему непосредственно принадлежали, ибо и здѣсь ему приходилоя имѣть дѣло съ феодальнымъ складомъ жизни.—Въ древней Персіи, еще во времена Дарія, существовало нѣчто въ родѣ парламента, состоявшаго изъ вождей и начальниковъ государства и созывавшагося царемъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. На такомъ парламентѣ обсуждался при Даріи вопросъ о войнѣ съ Греціей, причемъ каждый выражалъ совершенно свободно свое мнѣніе. Несомнѣнно, однако, что ни одна изъ формъ правленія не развилась на древнемъ Востокѣ такъ прочно и такъ роскошно, какъ неограниченная монархія. Она имѣла много разновидностей. Египетскіе фараоны индійскіе раджи, еврейскіе цари, китайскіе богдыханы, цари ассирійскіе и персидскіе и т. д.,—все это были монархи различныхъ типовъ. Сообразно этому и взгляды народовъ древняго Востока на государей были тоже весьма различны. Мѣрять ихъ одною мѣркою и подводить ихъ всѣхъ подъ идеалы деспотизма, которые едва ли даже могутъ существовать, значить впадать въ грубую ошибку.

Неограниченная и наслѣдственная монархія нигдѣ не держалась и не держится такъ долго, какъ въ Китаѣ. Она утвердилась въ немъ, по изслѣдованію историковъ, приблизительно за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до Р. Х. (раньше китайская монархія была избирательною). Уже этотъ одинъ поразительный фактъ говоритъ самъ за себя. Онъ доказываетъ, что китайскій абсолютизмъ покоился и покоится не на грубой силѣ и не на какихъ либо случайныхъ обстоятельствахъ, а на потребностяхъ многочислнѣйшей имперіи въ мірѣ, на характерѣ и политическихъ идеалахъ китайцевъ. Китаецъ чтить богдыхана, какъ сына Неба, и оказывалъ ему величайшія почести и повиновеніе, но онъ въ то же время былъ далекъ отъ мысли, что у богдыхана нѣтъ ника-

кихъ обязанностей, и что его власть—синонимъ произвола. Идеаль китайскаго императора, начертанный въ книгахъ китайскихъ мудрецовъ и ученыхъ и исповѣдуемый на всемъ пространствѣ Китая, начиная съ дворца и кончая хижиной бѣднаго земледѣльца, возвышенъ и благороденъ. „Государь долженъ самъ имѣть добродѣтели и тогда только можетъ требовать ихъ отъ другихъ, ибо глупо и неестественно повелѣвать дѣлать добро, если его нѣтъ у властителя“. Богдыханъ, по понятіямъ китайцевъ, долженъ во всемъ слѣдовать законамъ, обычаямъ и примѣрамъ старины, прислушиваться къ голосу народа, любить правду, карать преступленія и награждать государственныя и общественныя заслуги или нравственныя доблести. „Министры, говорится въ священныя книги китайцевъ, обязаны помогать своему государю въ исполненіи правилъ добродѣтели и быть полезны государству“. Въ Китаѣ издревле существовало особое учрежденіе, состоявшее изъ сановниковъ, призванныхъ слѣдить за точнымъ соблюденіемъ законовъ и правды въ дѣлахъ правленія. Они пользуются правомъ вмѣшательства даже въ интимную жизнь богдыхана и могутъ дѣлать ему представленія о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ усмотрятъ что-либо неодобрительное или вредное. Исторія Китая доказываетъ, что эти сановники сплошь и рядомъ исполняли свой долгъ съ прямою и безстрашіемъ.

Идеаль, который связывался въ древней Индіи съ представленіемъ о царяхъ, тоже не подходитъ подъ раболѣпное преклоненіе передъ тиранніей.

Описывая государственное устройство древне-индійскихъ монархій, Веберъ говоритъ: „Во главѣ правленія стоитъ царь съ совѣтомъ своихъ министровъ, состоящимъ изъ семи или восьми членовъ. Министры должны быть люди мудрые, хорошаго происхожденія и безукоризненнаго поведенія, свѣдующіе въ законахъ и искусные въ бою. Царь совѣтуется съ ними обо всемъ: сперва по одиночкѣ, потомъ со всѣми вмѣстѣ; послѣ чего онъ дѣлаетъ то, что ему кажется лучше. Въ важныхъ дѣлахъ онъ всегда спрашиваетъ совѣта мудраго брамина; каждое утро онъ внемлетъ на

ставленіямъ свѣдущаго въ Ведахъ брамина“. Законы Ману такъ опредѣляли главныя обязанности царей: „Никогда не обращаться на полѣ сраженія въ бѣгство, покровительствовать бѣднымъ, почитать браминовъ,—вотъ высшій долгъ, исполненіе котораго доставляетъ царямъ счастье“. По поводу этихъ и имъ подобныхъ опредѣленій царской доблести въ законахъ Ману, Ленорманъ замѣчаетъ, что они всѣ „проникнуты духомъ рыцарской чести, оставшейся благороднымъ и исключительнымъ наслѣдіемъ всѣхъ вѣтвей великаго арійскаго семейства.“ Въ своихъ раджахъ древніе индійцы видѣли господъ справедливости. Любопытны замѣчанія Ману, какъ раджа долженъ творить судъ и расправу: „Раджа, желающій разсматривать судебныя дѣла, долженъ явиться ко двору справедливости, со смиреннымъ видомъ; сопровождаемый браминами и опытными совѣтниками. Тамъ пусть онъ изслѣдуетъ тяжбы дѣла, сидя или стоя, поднявъ правую руку, скромный въ одеждѣ и украшеніяхъ. Каждый день пусть онъ рѣшаетъ, одно послѣ другого, представляемыя ему дѣла по предписаніямъ обычаевъ страны и законовъ“. Любопытны также наставленія, которыя преподавали раджамъ относительно взиманія налоговъ. Внушая въ этомъ случаѣ умѣренность, какъ вообще правило, законы Ману говорятъ: „Пусть царь не рѣжетъ своего собственнаго корня и чужихъ корней излишней жадностью, ибо, изрѣзывая свой собственный корень, онъ проводитъ и себя самого, и другихъ къ высшей степени жалкому существованію“.

Очевидно, что въ древней Индіи не смотрѣли на раджей, какъ на властелиновъ, которые могли дѣлать все, что имъ было угодно, съ подвластными имъ государствами. Индійцы видѣли въ раджахъ оплотъ своей безопасности, милосердія и справедливости. Нѣкоторыя изъ положеній законовъ Ману о царской власти напоминаютъ идеи знаменитѣйшихъ политическихъ мыслителей Запада.

Египетъ управлялся фараонами около двухъ тысячъ пяти-сотъ лѣтъ. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы составить себѣ вполне ясное представленіе о политическихъ идеалахъ египтянъ. Смѣло, однако, можно сказать, что и ихъ идеалы имѣли мало общаго съ преклоненіемъ передъ деспотизмомъ. Многолѣтнее существованіе царской

власти въ Египтѣ и то мистическое почитаніе, которое египтяне оказывали своимъ царямъ, доказываетъ, что власть фараоновъ держалась не на грубой силѣ.

Во время жертвоприношеній, которыя совершались фараономъ, жрецы громкимъ голосомъ испрашивали у боговъ здоровья и другихъ благъ для своего государя и при этомъ перечисляли всѣ его добродѣтели. Они его называли благочестивымъ, великодушнымъ, воздержаннымъ, кроткимъ, врагомъ лжи, любящимъ дѣлать добро и т. д. Изъ этого можно видѣть, какія качества считали египтяне необходимыми для фараона. Они смотрѣли на него, не какъ на тирана, живущаго для наслажденій, а какъ на властителя, призваннаго служить образцомъ всевозможныхъ доблестей и быть благодѣтелемъ своихъ подданныхъ. Судя по всему, также смотрѣли на себя и фараоны.

Каковы государи, таковы и областные правители. Конечно, нельзя предполагать, что всѣ египетскіе номархи (губернаторы) были подобны номарху Амени, жившему въ эпоху XII династіи. Тѣмъ не менѣе надписи, сохранявшіяся на его гробницѣ и дошедшія до насъ, даютъ выгодное понятіе о правленіи фараоновъ. Въ одной изъ этихъ надписей Амени рассказываетъ потомкамъ свою жизнь и вотъ что онъ говоритъ о своей дѣятельности: „Всѣ земли отъ сѣвера до юга были засѣяны. Я получалъ благодарность отъ царскаго дома за обильныя подати скотомъ. Ничего не было украдено въ моихъ мастерскихъ. Я работалъ, и вся провинція была въ полной дѣятельности. Никогда ни одно маленькое дитя не было обижено мной, ни одна вдова не была оскорблена; никогда я не обижалъ рыболова, не притѣснялъ пастуха. Никогда не бывало голода въ мое время, и никогда я не оставлялъ голоднаго въ скудные жатвой годы. Я давалъ одинаково и вдовѣ, и замужней женщинѣ, и не предпочиталъ высшаго меньшему во всѣхъ приговорахъ, которые я дѣлалъ“. Эта надпись показываетъ, какъ понимали сановники Египта свои обязанности, которыя опредѣлялись обычаями, законами и требованіями фараоновъ. Не удивительно, что Діодоръ Сицилійскій, ознакомившись съ Египтомъ, отзывался о немъ съ глубокимъ сочувствіемъ.

Видя въ фараонѣ существо высшаго порядка, египтяне взирали на него не только съ чувствомъ страха, но и съ величайшимъ уваженіемъ и любовью. Конечно, ихъ представленія о человѣческомъ достоинствѣ были отличны отъ нашихъ, но это не значить, чтобы они не признали и не понимали его. Вообще, все, что мы знаемъ о древнихъ египтянахъ, располагаетъ въ ихъ пользу и обрисовываетъ ихъ, какъ народъ мягкаго, уживчиваго нрава, религіозный, трудолюбивый, послушный и съ раннихъ поръ выработавшій своеобразную цивилизацію. О нравственномъ обликѣ египтянъ можно судить по ихъ, такъ называемому, Погребальному Требнику, въ которомъ приводится, между прочимъ, апологія покойника въ загробномъ царствѣ. „Я не сквернословилъ, говорить онъ. Я не обманывалъ. Я не убивалъ измѣною. Я ни съ кѣмъ не обращался жестоко. Я не производилъ никакой смуты. Я не былъ лѣнивъ. Я не напивался пьянымъ. Я не дѣлалъ несправедливыхъ приказаній. Я не имѣлъ нескромнаго любопытства. Я не позволялъ моимъ устамъ болтать. Я не билъ никого. Я не пугалъ никого. Я не оговорилъ никого. Я не терзалъ своего сердца завистью. Я не говорилъ дурного слова ни о царѣ, ни о моемъ отцѣ. Я не начиналъ ложныхъ обвиненій... Я не отнималъ молока отъ рта кормящагося. Я не производилъ выкидыша... Я приносилъ богамъ жертвы, которыя имъ были приличны. Я кормилъ голоднаго, я поилъ жаждущаго, я одѣвалъ голаго“. Таковы были нравственныя понятія древнихъ египтянъ. Трудно допустить, чтобы у народа, имѣвшаго столь возвышенное представленіе о морали,—у народа, который въ этомъ отношеніи стоялъ выше всего языческаго Востока и славился въ древнемъ мірѣ мудростью, просвѣщеніемъ и утонченностью совѣсти,—трудно допустить, чтобы у такого народа царилъ деспотизмъ. Одна приведенная выше фраза изъ Похороннаго Требника раскрываетъ намъ отчасти тайну того почтенія, съ какимъ египтяне относились къ своимъ фараонамъ. „Я не говорилъ дурного слова ни о царѣ, ни о моемъ отцѣ“. Осужденіе царя приравнивалось къ осужденію отца и даже считалось болѣе тяжкимъ грѣхомъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что египтяне смотрѣли на фараона, какъ на отца народа. Патриархальный складъ древне-египетской жизни не могъ не имѣть

громднаго вліяння на характеръ древне-египетской монархіи. Иностранцамъ, посѣщавшимъ Египеть, бросались въ глаза его чисто патріархальныя черты. „Между греками, говоритъ Геродотъ, только лакедоняне могутъ сравниться съ египтянами въ почтеніи, которое молодые люди имѣютъ къ старикамъ; если молодой человѣкъ встрѣчаетъ старика, онъ уступаетъ ему дорогу, и самъ сворачиваетъ; если старикъ нечаянно приходитъ въ то мѣсто, гдѣ находится молодой человѣкъ, этотъ послѣдній встаетъ“. Только въ народѣ съ патріархальнымъ складомъ жизни могло существовать такое уваженіе къ старости и къ ея правамъ, патріархальный же складъ жизни всегда налагаетъ свой отпечатокъ на отношенія подданныхъ къ государю, и обратно, и придаетъ имъ искренній и мягкій оттѣнокъ.

Когда идетъ рѣчь о древнемъ Востокѣ, не нужно забывать, что къ нему принадлежалъ и ветхозавѣтный Израиль, ученіе котораго о царской власти цѣликомъ перешло къ христіанскимъ народамъ и слилось у нихъ въ одно цѣлое съ ученіемъ Спасителя и апостоловъ объ отношеніяхъ вѣрующихъ къ государству.

Какъ же смотрѣлъ ветхозавѣтный Израиль на своихъ царей? Это можно видѣть изъ Псалтири, а также изъ Притчей и Экклезіаста Соломона.

Уже во второмъ псалмѣ раскрывается, то величавое представленіе, которое имѣлъ Израиль о царской власти. „Зачѣмъ мнутъ народы, и племена замышляютъ тщетное? Возстаютъ цари земли, и князья совѣщаются вмѣстѣ противъ Господа и противъ помазанника Его. „Расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя оковы ихъ.“ Живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ. Тогда скажетъ имъ во гнѣвѣ Своемъ, и яростію Своею приведетъ ихъ въ смятеніе: „Я помазалъ Царя Моего надъ Сіономъ, святою горою Моею“... Итакъ, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхомъ, и радуйтесь (передъ Нимъ) съ трепетомъ“.

Въ псалмѣ двадцатомъ Псалмопѣвецъ, въ порывѣ религіознаго восторга, такъ перечисляетъ благодѣянія, которыми Іегова осыпалъ Своего Помазанника: „Господи, силою Твоею веселится царь, и о спасеніи Твоемъ безмѣрно радуется. Ты далъ ему, чего желало

сердце его, и прошеніе устъ его не отринулъ. Ибо ты встрѣтилъ его благословеніями благодати, возложилъ на голову его вѣнецъ изъ чистаго золота. Онъ просилъ у тебя жизни; Ты далъ ему долгоденствіе на вѣкъ и вѣкъ. Велика слава его въ спасеніи Твоемъ; Ты возложилъ на него честь и величіе. Ты положилъ на него благословеніе на вѣки, возвеселилъ его радостію лица Твоего. Ибо царь уповаеть на Господа, и по благодати Всевышняго не поколеблется“.

Какъ бы дополненіемъ двадцатаго псалма, является псаломъ восемьдесятъ восьмой, въ которомъ приводятся слова, сказанныя Богомъ въ видѣніи святому Своему: ...„Я обрѣлъ Давида раба Моего, святымъ елеемъ Моимъ помазалъ его. Рука Моя пребудеть съ нимъ, и мышца Моя укрѣпитъ его. Врагъ не превозможетъ его, и сынъ беззаконія не притѣснитъ его. Сокрошу предъ нимъ враговъ его, и поражу ненавидящихъ его. И истина Моя, и милость Моя съ нимъ, и Моимъ именемъ возвысится рогъ его. И положу на море руку его, и на рѣки десницу его. Онъ будетъ звать меня: Ты отецъ мой, Богъ мой, и твердыня спасенія моего. И Я сдѣлаю его первенцемъ, превыше царей земли. Во вѣкъ сохранию ему милость Мою, и завѣтъ Мой съ нимъ будетъ вѣренъ. И продолжу во вѣкъ сѣмя его, и престолъ его, какъ дни неба. Если сыновья его оставятъ законъ Мой, и не будутъ ходить по заповѣдямъ Моимъ; если нарушатъ уставы Мои, и повелѣній Моихъ не сохранять: посѣщу желѣзомъ беззаконіе ихъ, и ударами неправду ихъ; милости же Моей не отниму отъ него, и не измѣню истины Моей“.

Называя царей богоизбраннаго народа, помазанныхъ на царство по повелѣнію самаго Бога, Его *Христами*, или *Помазанныками* (I Книга Царствъ, XII, 3, 5; XXIV, 7 и др.), Ветхій Заѣтъ уподобляетъ всѣхъ царей, очевидно, въ виду ихъ широкой власти, земнымъ богамъ. Это видно изъ псалма восемьдесятъ перваго, исполненнаго, подобно всѣмъ другимъ псалмамъ, дивной красоты и силы. Въ этомъ псалмѣ, на ряду съ угрозами царямъ, мы находимъ поэтически выраженное ученіе объ ихъ обязанностяхъ и о божественномъ происхожденіи власти.

„Богъ сталъ въ сонмѣ боговъ; среди боговъ произнесъ судъ. Доколѣ будете вы судить неправедно и оказывать лицепріятіе не-

честивымъ? Давайте судъ бѣдному и сиротѣ; угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бѣднаго и нищаго; исторгайте его изъ руки нечестивыхъ. Не знаютъ, не разумѣютъ, во тьмѣ ходятъ; всѣ основанія земли колеблются. Я сказалъ: вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы. И вы умрете, какъ человѣки, и падете, какъ всякій изъ князей. Возстань, Боже, суди землю ибо Ты наслѣдуешь всѣ народы“.

Въ этомъ псалмѣ говорится обо всѣхъ царяхъ безъ исключенія, а слѣдовательно, и объ языческихъ. Всѣ они именуются, конечно, иносказательно, богами и сынами Всевышняго, и всѣ они призываются къ служенію высокимъ идеаламъ справедливости и милосердія; о томъ же, какъ ветхозавѣтный Израиль смотрѣлъ на своихъ, Богомъ избранныхъ, царей, можно видѣть изъ десятой главы первой Книги Царствъ: „И взялъ Самуилъ сосудъ съ елеемъ, и вылилъ на голову его (Саула), и поцѣловалъ его, и сказалъ: „Вотъ, Господь помазываетъ тебя, правителя наслѣдія Своего (во Израиль), и ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ, и спасешь ихъ отъ руки враговъ ихъ“. Древніе евреи видѣли въ своихъ царяхъ правителей наслѣдія Божія,—правителей царства, которое принадлежало Богу и руководилось въ дѣлахъ своихъ волею Іеговы.

Переходимъ къ Притчамъ Соломона и къ его же Экклезиасту. Начинаемъ съ тѣхъ изреченій о царской власти, которыя встрѣчаются въ Притчахъ:

„Гласъ царя—какъ бы ревъ льва; кто раздражаетъ его, тотъ грѣшитъ противъ самого себя“. Этими словами Соломонъ хотѣлъ обрисовать значеніе царя, какъ судіи: нарушающій злыми дѣлами волю царя навлекаетъ на себя неминуемую опасность кары, ибо, какъ говорится далѣе, „царь, сидящій на престолѣ суда, разгоняетъ очами своими все злое“. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ его обязанностей. „Мудрый царь вывѣтетъ нечестивыхъ, и обратитъ на нихъ колесо“.

Двадцать первая глава Притчей открывается слѣдующимъ изреченіемъ: „Сердце царя въ рукѣ Господа, какъ потоки водъ: куда захочетъ, Онъ направляетъ его“. На вѣрованіи, выраженномъ въ этихъ словахъ, основывалось нравственное обаяніе еврейскихъ

царей. На немъ же держалось нравственное обаяніе всѣхъ христіанскихъ монархій.

Въ началѣ двадцать пятой главы Притчей говорится опять таки о сердцѣ царевомъ. „Слава Божія—облекать тайною дѣла, а слава царей—изслѣдовать дѣло. Какъ небо въ высотѣ и земля въ глубинѣ, такъ сердце царей—неизслѣдимо“. Въ этихъ словахъ заключается назиданіе и для царей, и для подданныхъ. Царямъ совѣтуется ничего не рѣшать подъ вліяніемъ минуты, подданнымъ внушается уваженіе и довѣріе къ велѣніямъ царской власти. Далѣе слѣдуетъ указаніе на тотъ вредъ, который приносятъ странѣ и государю нечестивые совѣтники.

Вотъ нѣкоторыя другія изреченія Притчей Соломона о царяхъ и объ ихъ призваніи. „Въ устахъ царя—слово вдохновенное; уста его не должны погрѣшать на судъ“. „Мерзость для царей—дѣло незаконное, потому что правдою утверждается престоль“. „Пріятны царю уста правдивыя, и говорящаго истину онъ любить“. „Царскій гнѣвъ—вѣстникъ смерти; *) но мудрый человѣкъ умиловитъ его“. „Въ свѣтломъ взорѣ царя—жизнь, и благоволеніе его—какъ облако съ позднимъ дождемъ“ (XVI, 10—16). „Благоволеніе царя—къ рабу разумному, а гнѣвъ его—противъ того, кто позоритъ его“ (XIV, 35). „Гнѣвъ царя—какъ ревъ льва, а благоволеніе его—какъ роса на траву“ (XIX, 12).

Въ Экклезіастѣ говорится о царяхъ только въ двухъ главахъ: въ восьмой и въ десятой. „Слово царское храни и (это) ради клятвы передъ Богомъ“. Въ этомъ изреченіи выражена та самая мысль, которая заключается въ требованіи апостола относительно повинновенія царямъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Съ точки зрѣнія Экклезіаста, неуваженіе къ царской власти составляетъ не только преступленіе, но и грѣхъ. „Не спѣши уходить отъ лица царя, говоритъ Экклезіастъ далѣе, и не упорствуй въ худомъ дѣлѣ, потому что онъ что захочетъ, все можетъ сдѣлать“. „Гдѣ слово царя, тамъ и власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь“? (VIII, 2—5). „Даже и въ мысляхъ твоихъ не злословь царя“ (X, 20), замѣчаетъ Соломонъ, дающій въ только что приведенныхъ изреченіяхъ сжатый, но ясный очеркъ полити-

*) Срв пословицу „Гнѣвъ Царя - посолье смерти“ на 70-й стр. этой книги.

ческаго и нравственнаго значенія неограниченной монархіи. Соломонъ какъ бы разъясняетъ при этомъ смыслъ словъ Господа въ 104 псалмѣ „Не прикасайтесь къ помазаннымъ Моимъ“.

Изъ сдѣланнаго нами обзора того, чему учили о царской власти Давидъ и Соломонъ, видно, что ихъ взгляды на монархическія начала ничѣмъ не отличаются отъ христіанскихъ по существу и, если уступаютъ имъ, такъ развѣ только *въ ясности и полнотѣ* воззрѣній.

Въ томъ, что люди древняго Востока имѣли твердо сложившіяся убѣжденія на счетъ монархическихъ началъ и не безсознательно подчинялись имъ, не можетъ быть сомнѣнія. Правда, къ намъ не дошло отъ нихъ ни одного политическаго трактата, но это вовсе не значитъ, чтобы политическая мысль была погружена въ древнемъ Востокѣ въ безпробудный сонъ. Священныя книги китайцевъ, законы Ману, Ветхій Заветъ и т. д. доказываютъ противное. Въ нихъ нѣтъ обширныхъ разсужденій о монархическомъ правленіи, но въ нихъ тѣмъ не менѣе есть совершенно достаточный матеріалъ для того, чтобы составить понятіе, какъ смотрѣлъ древній Востокъ на власть, какія онъ къ ней предъявлялъ требованія и возлагалъ на нее надежды.

Византійскій імперіалізмъ.

Власть византійскихъ императоровъ въ идеѣ и на практикѣ.

В. М. Грибовскаго (приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета) *Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ*. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. С.-Петербургъ, 1897 г.

Диссертация г. Грибовскаго, не смотря на свой специальный характеръ, съ величайшимъ интересомъ прочтется каждымъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, интересующимся исторіей своей родины и понимающимъ необходимость и значеніе русскаго политическаго самосознанія. Кому не извѣстно, что Царская власть въ Россіи, развиваясь самостоятельно и будучи самобытно-русскимъ институтомъ, черпала свои нравственныя силы въ допетровскомъ періодѣ нашей исторіи не только изъ русскаго быта, но и изъ преданій Византійской монархіи, имѣвшихъ немалое обаяніе для нашихъ предковъ? Нѣкоторые изъ историковъ, думаютъ даже, что идеаль Царской власти сложился на Руси подъ исключительнымъ или, по крайней мѣрѣ, рѣшающимъ воздѣйствіемъ византизма, влѣявшаго на русскій государственный строй, главнымъ образомъ, черезъ духовенство и литературнымъ путемъ. Въ виду этого понятно, почему изслѣдованія, подобныя изслѣдованію г. Грибовскаго, представляютъ серіозный интересъ не для однихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію византійскихъ древностей. Все, что касается судьбы Русскаго Самодержавія и разъясненія его особенностей, имѣетъ животрепещущій, современный интересъ. Тоже самое можно сказать и о трудахъ, проливающихъ свѣтъ на византійскій імперіалізмъ, ибо до тѣхъ поръ, пока не будутъ выяснены характеръ и теорія византійскаго імперіализма, нельзя будетъ

выяснить возрѣнїи московскихъ царей на власть, а, вѣдь, съ ихъ возрѣнїями тѣсно связаны и политическіе взгляды Петра Великаго и его преемниковъ.

Исходная точка г. Грибовскаго,—тотъ взглядъ, котораго онъ держится на византизмъ вообще,—видна изъ первыхъ же страницъ предисловія.

„Въ отношенїи Византіи, говоритъ г. Грибовскій: въ наукѣ долго господствовало особое предубѣжденіе. Вся исторія этого замѣчательнаго государства разсматривалась, какъ рядъ однообразныхъ картинъ, крайностей деспотизма, непрерывнаго насилія, умственнаго застоя, развращенности, грубости и даже дикости нравовъ. Издавна установившійся отрицательный взглядъ заставлялъ видѣть въ сущности Византійской имперїи продолжительную агонїю Римской, погибавшей отъ яда, выработаннаго собственнымъ тѣломъ. Достоино замѣчанія, что многіе почтенные изслѣдователи прошедшихъ судебъ европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ, между прочимъ, знаменитый Гиббонъ, отказывались находить въ лѣтописяхъ Византіи какія бы то ни было не только свѣтлыя, но даже просто своеобразныя стороны жизни. Уму этихъ мыслителей ничего не говорило тысячелѣтнее и при томъ далеко не безславное бытіе Византійскаго государства; сердце ихъ не трогалось мученической кончиной державы, на долю которой выпалъ тяжелый крестъ отстаиванья европейскаго цивилизованнаго міра отъ грозившихъ его затопить полчищъ языческихъ и магометанскихъ варваровъ. Преклоняясь передъ гениемъ классической греческой мудрости и искусства, европейскіе ученые точно также упустили изъ виду, что Византія сохранила въ своихъ нѣдрахъ сокровища высокаго эллинскаго духа и передъ трагической своей смертью передала Западу это драгоценное наслѣдіе предковъ.

„Сравнительная полнота источниковъ, находящихся въ распоряженїи ученыхъ девятнадцатаго столѣтія, произвела необходимый переворотъ въ міросозерцанїи людей, посвятившихъ свои силы византологїи. Прежняя сѣрая окраска историческихъ событїй Греко-Римской имперїи смѣнилась цвѣтною. Глазу наблюдателей вдругъ раскрылись новые, ранѣе невѣдомые, горизонты. Нѣкогда почти бранное слово „византизмъ“, „византїщина“, сино-

нимъ произвола, бездушія, коварства, низкопоклонства, измѣнило свое содержаніе.

„Прежде всего, между прочимъ, было указано, что Византія первая отразила на своемъ государственномъ строѣ начала обновившаго древній міръ христіанства; затѣмъ, было дознано, что помимо передачи сокровищъ эллинскаго генія она выработала и сообщила Европѣ своеобразную культуру, сложившуюся изъ трехъ элементовъ: древнегреческаго, халдейскаго и христіанскаго; наконецъ, было уяснено, что незамѣтно, но неотразимо, она повліяла на европейскихъ народовъ уже тѣмъ, что передала имъ въ Юстиніановомъ законодательствѣ плоды первыхъ опытовъ творчества византійскаго образца и многое другое“.

Указавъ, далѣе, на то, что важнѣйшій интересъ въ изученіи Московской Руси кроется въ ея государственности, заложившей основы современнаго могущества, г. Грибовскій говоритъ:

„Вопросъ о томъ, насколько мы были самобытны или подражательны въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ не только отвлеченный историческій интересъ. Содержаніе его на самомъ дѣлѣ гораздо жизненнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Несомнѣнно, что одна изъ слабыхъ сторонъ русскаго человѣка кроется въ отсутствіи исторически-выработаннаго опредѣленнаго самосознанія. Мы, на примѣръ, привыкли себя считать законными наслѣдниками Византіи, и, между тѣмъ, до послѣдняго времени слово „византизмъ“ и „византійщина“ однимъ своимъ звукомъ приводитъ насъ въ содроганіе. А знаемъ ли мы при этомъ, что такое „византизмъ“? Въ существѣ дѣла мы этого не знаемъ. Авторитетные русскіе византологи, подобные профессорамъ Васильевскому и Успенскому, у насъ появились недавно. Кромѣ того, въ самой Западной Европѣ возрѣнія на Византію, благодаря трудамъ Цахаріэ, Геймбаха, Мортреля, Папарригопуло и друг., измѣнились только на глазахъ еще живущаго поколѣнія; что же касается до нашего общества, то оно все еще смотритъ на греко-римскій міръ устарѣлымъ взглядомъ послѣдователей Гиббона.

„Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ печальный фактъ что, съ одной стороны, отрицая Византію, мы, въ качествѣ ея наслѣдниковъ, съ другой, отрицаемъ въ то же время самихъ себя;

вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу такого апріорнаго предубѣжденія, мы выдѣляемъ изъ своей среды черезчуръ незначительный процентъ людей, которые не боятся безплодно потерять время въ ознакомленіи съ неисчерпаннымъ запасомъ византійскихъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ, въ надеждѣ кое-чѣмъ воспользоваться оттуда для нуждъ науки отечественнаго права“.

Противопоставляя византійскій империализмъ древне-римскому, г. Грибовскій въ основу своей монографіи кладетъ сопоставленіе эллинизма съ романизмомъ, какъ двухъ культурныхъ началъ, весьма различныхъ между собою. При этомъ его выводы сводятся вотъ къ чему:

„Со словомъ романизмъ въ нашемъ воображеніи тотчасъ-же возникаетъ картина римской цивилизаціи съ ея преобладаніемъ тѣла надъ духомъ, подражательнымъ искусствомъ, но самостоятельнымъ складомъ общественно-политическаго устройства, вооруженнаго безчеловѣчіемъ и жестокостью отечественнаго генія власти.

„Территориальныя увеличенія были заботою римлянъ, стремившихся во что-бы то ни стало осуществить идею міроваго господства и проводившихъ ее съ удивительной послѣдовательностью. Всѣ свои силы этотъ народъ, призванный явить собой олицетвореніе насилія во всѣхъ видахъ его, потратилъ на разработку формальнаго права и на созданіе формъ закрѣпленія разъ навсегда сложившагося порядка государственнаго равновѣсія. Поглощенный одною мыслью, одною заботою, Римъ презиралъ торговлю, промышленность, земледѣліе, науку, искусство, инстинктивно чувствуя, что эти творческія начала по своимъ мирнымъ свойствамъ представляютъ начало, разъѣдающее для той воинской, по выраженію Спенсера, организаціи государства, которую навсегда старался удержать народъ, — солдатъ. *Salus rei publicae suprema lex esto*, гласилъ римскій девизъ, на каждомъ шагу реализуемый примѣрами вольнаго и невольнаго принесенія личности и слабой группы въ жертву односторонне понятому общему интересу. Подчиненіе характеризовало собой общественный складъ Рима. Сынъ безусловно подчинялся отцу, отецъ—политическому начальнику, начальникъ—выше надъ нимъ стоявшему органу власти, послѣдній—центральному правительству, преклонявшемуся въ свою очередь передъ отвлеченнымъ *salus rei-*

publicae. Это былъ порядокъ лагеря, перенесенный въ общественныя отношенія. Народу-господину должны подчиняться народы-рабы.

„Что же касается эллинизма, то въ немъ мы должны признать явленіе болѣе сложнаго порядка, нежели тотъ, котораго только что пришлось коснуться. „Греція, говоритъ Шерръ, была страна свободы, гуманности и красоты. Здѣсь человѣчество достигло высшей степени процвѣтанія, какая только возможна была при условіяхъ древней жизни; здѣсь все благоприятствовало гармоническому развитію человѣческаго организма и сдѣланъ былъ удачный опытъ построить всю жизнь художественнымъ образомъ.

„Божественное и прекрасное были до извѣстной степени понятіями равнозначущими въ представленіи древняго грека. Бога онъ еще не постигалъ отвлеченно и видѣлъ Его близко передъ собой въ той же тѣлесной человѣческой оболочкѣ, но болѣе совершеннаго образца.

„Эта близость къ божеству послужила творческимъ началомъ въ созданіи греческой религіи, эпоса, драмы, лирики, скульптуры и даже философіи. „Нравственная философія, замѣчаетъ Жане, началась въ Греціи вмѣстѣ съ поэзіей“... Въ самомъ дѣлѣ, у Гомера встрѣчаются самыя высокія понятія объ отношеніяхъ Бога и человѣка... У Гомера же мы можемъ найти родъ политическаго ученія, гласящаго, что царская власть происходитъ отъ Зевса, что она подобна отеческой, безгранична въ исполненіи своей высшей задачи осуществленія блага народа. Цари, находящіяся въ нѣкоторомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ божествомъ, зовутся его сынами, питомцами, многіе изъ нихъ, герои, считаются прямымъ родствомъ съ богами и дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ послѣднихъ“. Характеризуя эллинизацию Востока греками, поселившимся по берегамъ Чернаго моря, въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ, и обрисовавъ взаимное вліяніе мистически настроеннаго Востока, всецѣло погруженнаго въ тайны духа, и свѣтлаго, жизнерадостнаго греческаго генія, создавшаго культъ человѣческаго тѣла и окружившаго земную жизнь ореоломъ поэзіи, г. Грибовскій доказываетъ, что политическіе идеалы восточнаго эллинизма сложились подъ вліяніемъ политическихъ ученій Аристотеля и Платона, требовавшихъ отъ царей,

прежде всего, мудрости и добродѣтели. При этомъ г. Грибовскій указываетъ также на воздѣйствіе восточной философіи на философію Платона. Онъ усматриваетъ въ ней отраженіе магизма,— отраженіе идеи о борьбѣ Ормузда и Аримана. „Ты, о Ормуздъ, гласить стихъ Ясла, священной книги персовъ, поставилъ царя, который утѣшаетъ и кормитъ бѣднаго“.

Г. Грибовскій полагаетъ, что идеаль платоновскаго царя— мудреца очень близокъ къ идеальному представленію персовъ о царской власти.

„Одинъ изъ Птолomeевъ, между прочимъ, приблизилъ къ себѣ стойка Сфера, который и сказалъ однажды: „мудрецъ есть царь“. Когда же стойка спросили, царь ли въ такомъ случаѣ Птолomeй, Сфера отвѣтилъ: „Птолomeй мудръ, а потому онъ и царь“. „Птолomeи и селевкиды точно съ умысломъ старались осуществить въ себѣ идеаль платоновскаго правителя и отсюда, повидимому, ведутъ происхождение ихъ прозвища: Еввергетъ, Сотеръ, Филадельфъ. Греки понемногу привыкли смотрѣть на своихъ повелителей, какъ на благодѣтелей, поставленныхъ для заботъ о своемъ народѣ“

„Монархи сами проникаются подобными воззрѣніями; лучшіе прямо объявляютъ себя вѣчными работниками на тронѣ, худшіе— стараются соблюсти соотвѣтствующую внѣшность и, сдерживаемые уваженіемъ къ управляемымъ, никогда не доходятъ до той разнузданности и безконечнаго презрѣнія къ подданнымъ, которымъ отличались разные Геліогабалы, Нероны, Калигулы и прочіе выродки рода человѣческаго.“ (Стр. 141—143).

Доказывая что власть византійскихъ императоровъ нельзя смѣшивать съ деспотизмомъ, г. Грибовскій замѣчаетъ: „Писатели, считющіе Византійскую имперію за продолженіе бытія римской, за многовѣковую агонію наслѣдія Нероновъ и Калигулъ, сопоставляютъ въ значеніи равнозначущихъ понятій слова: Византія и деспотизмъ. Предвзятая мысль отождествленія востока съ западомъ и многія мрачныя страницы правительственной исторіи перваго укрѣпили подобнаго рода представленіе въ умахъ непосвященнаго большинства. Произошло это потому, что долгое время Византія, по выраженію академика Куника, пребывала загадкой въ глазахъ образованнаго міра, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ея“

прошлымъ. Но съ того времени, какъ уважаемый ученый чуть ли не первымъ въ отечественной литературѣ возсталъ на защиту находившейся въ загонѣ византійской исторіи, въ свѣтъ вышелъ цѣлый рядъ трудовъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, достаточно освѣтившихъ предметъ для того, чтобы онъ не казался болѣе гіеной или тигромъ съ осмысленнымъ лицомъ человѣка.

„Византія, не смотря на всѣ ужасы, продѣлываемые ея правителями въ частной и общественной жизни, никогда не была деспотіей въ томъ видѣ, въ какомъ являлись многіе государства Европы въ ихъ историческомъ прошломъ. Византійскіе императоры въ принципѣ никогда не стояли выше закона, подобно тиранамъ римскимъ; они никогда не увлекались самовластіемъ до такой степени, чтобы отождествлять собственную особу съ государствомъ; они никогда не узурпировали безконтрольнаго авторитета въ дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ, какъ то дѣлалъ въ своихъ личныхъ выгодахъ и преходящихъ интересахъ Генрихъ VIII англійскій. Уже во времена Феодосія II византійскій абсолютизмъ былъ поставленъ въ опредѣленныя границы, являвшіяся естественнымъ предѣломъ личнаго произвола. За императоромъ стоялъ сенатъ, народъ, духовенство и армія, неусыпно слѣдившіе за политикой государя и постоянно оказывавшіе на него свое ошутительное давленіе. Уваженіе къ старинѣ и поклоненіе формѣ дѣлали императора рабомъ установленныхъ порядковъ; христіанство неукоснительно напоминало ему о существованіи Высшаго Судьи, Царя царствующихъ, закономъ Котораго подчинены всѣ самовластные міра“. (Стр. 184—185).

Точка зрѣнія г. Грибовскаго на византійскій имперіализмъ ясно и сжато формулирована на 236-й страницѣ его монографіи.

„За долгіе вѣка, говоритъ г. Грибовскій: Византійская имперія не выработала явственныхъ опредѣленныхъ очертаній гибкаго и жизненнаго государственнаго устройства. Не такъ легко вникнуть въ его сущность и осмыслить послѣднюю. Монархія, подчасъ издѣвающаяся надъ своимъ державнымъ вождемъ, республика безъ народнаго собранія, безъ выборныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, какая-то невообразимая смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ, тираннія оъ народоправствомъ—вотъ тотъ сфинксъ го-

сударственного строя Византіи, который смотритъ на насъ своимъ загадочнымъ взоромъ сквозь туманъ истекшихъ столѣтій.

„Разбираясь въ этой поразительной смѣси туго приходившихъ въ соотношеніе общественныхъ началъ, невольно опять переходимъ къ той мысли, что острый ядъ заживо раздожившагося государственнаго тѣла Рима дѣйствительно передался насильно съ нимъ соединенной Византіи и въ извѣстной степени заразилъ ея юный и полный жизни организмъ. Идеалы, разумное пониманіе общественно-государственныхъ запросовъ имѣлись на Востокѣ, но они надрывались въ борьбѣ съ удушавшимъ романизмомъ“.

Г. Грибовскій называетъ византійскую монархію *вльчевою* и тщательно отмѣчаетъ тѣ случаи, когда народъ вмѣшивался въ государственныя дѣла и давалъ имъ то или другое направленіе путемъ возстаній. Не дѣлая большого различія между проявленіями права и проявленія грубой силы, г. Грибовскій придаетъ одинаковое значеніе совершенно различнымъ явленіямъ и строитъ свои выводы о государственномъ устройствѣ Византіи на такихъ фактахъ, которые были рѣзкими уклоненіями отъ обычнаго хода дѣлъ и вытекали изъ бунтовъ, злоупотребленій власти, временнаго и случайнаго стеченія обстоятельствъ и т. д. Въ этомъ заключается недостатокъ книги г. Грибовскаго, но въ этомъ же заключается и ея достоинство: авторъ знакомитъ не только съ нормальными отправленіями византійскаго имперіализма, и но съ тѣми невзгодами, съ которыми ему приходилось иногда имѣть дѣло, и которыя вносили въ его жизнь элементы, не имѣвшіе ничего общаго съ неограниченной монархіею.

Г. Грибовскій тщательно отмѣчаетъ всѣ особенности торжественныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ и ихъ обращенія съ народомъ.

„Прежде всего духъ независимости и сознанія собственнаго достоинства сказался въ обращеніи съ императоромъ, которому обыкновенно, со своей стороны, въ голову не приходило преслѣдовать гражданина за свободу рѣчи и требовать восточнаго раболѣпства. Многіе смѣшиваютъ это послѣднее съ обрядностью, царствовавшей въ придворномъ быту Византіи и заключавшей въ себѣ требованія оказанія высшаго почета особѣ монарха. Между тѣмъ,

эта обрядность, послужившая Константину Порфирородному предметом написанія обширной книги, выражала собой совершенно иныя идеи, нежели простое униженіе передъ властью.

„Грежде всего весь придворный церемоніаль находился въ соотношеніи съ ритуаломъ церковнымъ. Императоръ, какъ наслѣдникъ древне-римскаго понтификата, всегда выступалъ въ качествѣ участника торжественныхъ архіерейскихъ службъ.

„Множество мелочей церковнаго обихода, указывающихъ, съ одной стороны, на значеніе Императора въ религиозномъ смыслѣ, въ то же самое время тонкимъ, но положительнымъ образомъ проводило мысль подчиненія государя началамъ Божественнаго Промысла и христіански-братскаго отношенія къ подданнымъ. И царь, и патріархъ, совершивъ взаимное цѣлованіе и поклонившись другъ другу, цѣловались съ присутствовавшимъ духовенствомъ и высшими свѣтскими чинами“.

Указавъ на важное значеніе придворныхъ церемоній Византійскаго двора, свидѣтельствовавшихъ своимъ блескомъ и своею пышностью о могуществѣ Имперіи, г. Грибовскій положительно отрицаетъ существованіе раболѣпныхъ наклонностей у византійцевъ.

„Византія унаслѣдовала чисто римское учрежденіе культа апоэеоза и обожанія особы императора. Паденіе ницъ, цѣлованіе рукъ, ногъ, одежды требовалось не только римскими императорами отъ подданныхъ, но и многими патронами отъ кліентовъ. Поэтому введеніе земныхъ поклоновъ неправильно приписываются греко-римскимъ императорамъ VII—X вѣка. Наоборотъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ они даже ограничили подобные знаки раболѣпной преданности. Напримѣръ, возводимый въ чинъ лагофета, кланялся царю до земли только одинъ разъ въ благодарность. Во время братскаго цѣлованія, подводимые къ царю высшіе чины отвѣщивали земные поклоны, но въ праздникъ Пасхи они были свободны отъ этой обязанности. Мало того, при коронованіи самъ императоръ цѣловалъ руки патріарху и епископамъ.

„При всемъ уваженіи, которое питало византійское населеніе къ своему монарху, при всей сложной и пышной обрядности выходовъ и выѣздовъ, во время цирковыхъ игръ, военныхъ дѣйствій, въ эпохи общественныхъ передрягъ или неурядицъ им-

ператоръ неизмѣнно бесѣдовалъ съ подданными, какъ равный съ равными, выслушивалъ ихъ шутки, совѣты, замѣчанія, порой выраженный черезчуръ въ живой формѣ и больно задѣвавшія личность государя“.

Политическому вліянію цирка и участію цареградскаго населенія въ избраніи императоровъ, г. Грибовскій придаетъ громадное значеніе. Въ этихъ явленіяхъ онъ видитъ доказательства, что византійскій имперіализмъ представлялъ своеобразное сочетаніе неограниченной монархіи съ народовластіемъ. Мы уже имѣли случай высказать свой взглядъ по данному вопросу. Замѣтимъ только, что и въ древнемъ Римѣ циркъ не разъ служилъ мѣстомъ политическихъ демонстрацій. Жители столицъ всегда и вездѣ вмѣшивались въ рѣшеніе государственныхъ дѣлъ тамъ, гдѣ монархи не обладали достаточной силою, для осуществленія своей воли. Что же касается до престолонаслѣдія, то и оно рѣшается нерѣдко толпою въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ порядокъ перехода трона не опредѣленъ съ ясностью и точностью, исключаящими вліяніе тѣхъ или другихъ случайностей.

Третій параграфъ седьмой главы монографіи г. Грибовскаго, посвященный выясненію различія теорій византійскаго и римскаго имперіализма, составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ книги. Съ цѣлью доказать, что византійцы видѣли идеаль монарха въ коронованномъ мудрецѣ, котораго ставили въ образецъ государямъ Платонъ и Аристотель, г. Грибовскій приводитъ цѣлый рядъ извлеченій изъ византійскихъ сводовъ правилъ, составлявшихся спеціально для царей. Одни этихъ сводовъ были написаны частными лицами, другіе явились плодомъ литературной дѣятельности самихъ коронованныхъ особъ Византіи. Что касается первыхъ, то изъ нихъ особенно выдаются: „Царскій свитокъ“, поднесенный діаконѣмъ Софійскаго храма Агапитомъ Юстиніану, и Θεофилакта, архіепископа Болгарскаго, „Сочиненіе о царскомъ воспитаніи“, посвященное Константину Порфирородному. Изъ числа поученій, составленныхъ царственными авторами, особаго вниманія заслуживаетъ „Завѣщаніе Василія Македонянина сыну Льву“. „Всѣ эти три сборника говоритъ г. Грибовскій, крайне родственны по содержанію и зиждутся въ руководящихъ

мысляхъ на христіанскихъ истинахъ и греческой языческой мудрости древнихъ вѣковъ“.

Г. Грибовскій начинаетъ съ обзора „Царскаго свитка“, всецѣло проникнутаго мыслью о служеніи государя во славу Божію и на пользу народа. Выдержки изъ Агапита г. Грибовскій приводитъ въ вольномъ переводѣ. „Будучи почтенъ,—гласитъ первая глава „Свитка“,—высочайшимъ достоинствомъ, выше всего, о, государь! почитай Того, Кто облекъ тебя этимъ высокимъ саномъ. Господь вручилъ тебѣ скипетръ земного властвованія по образу Своего небеснаго царства для того, чтобы ты научилъ людей соблюдать справедливость, удерживалъ произносящихъ на Него хулу, повинуюсь Его законамъ и по закону управляя народомъ“. Далѣе: „Подобно кормчему, бодрствуетъ прозорливѣйшій духъ государя, крѣпко держа кормило справедливости и подавляя неправду для того, чтобы корабль государства не погрузился въ пучину бѣдствія“ (гл. II). „Тѣлесной природой государь равенъ всякому человѣку, но властью и саномъ уподобляется Высшему Повелителю Господу, ибо нѣтъ на землѣ никого, кто былъ бы Его могущественнѣе. Поэтому монарху, какъ Богу, не приличествуетъ быть гнѣвнымъ, подобно цростому смертному, ни заносчивымъ (21 гл.)“. „Хотя государь есть господинъ надъ всѣми, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, наравнѣ съ прочими, рабъ Божій. Только въ томъ случаѣ онъ имѣетъ право называться господиномъ, если самъ властвуетъ надъ собою и, не поддаваясь влеченію предосудительныхъ страстей, властвуетъ надъ ними при помощи всепобѣждающаго разума (68 гл.)“. „Только тогда считай себя царствующимъ благополучно, когда ты повелѣваешь добровольно повинующимися тебѣ людьми. Ибо кто подчиняется противъ желанія, при удобномъ случаѣ производитъ мятежъ, удерживаемый же цѣпями благодѣяній, сохраняетъ прочную преданность господину“.

Опредѣляя тѣ вліянія, подѣ которыми писалъ Агапитъ свой „Свитокъ“, г. Грибовскій указываетъ на древнюю греческую философію, на Священное Писаніе и на патристику.

„Еще до Агапита Іоаннъ Златоустъ, говоря картинно объ отношеніи царя къ подданнымъ, по платоновски уподоблялъ ихъ пастуху и стаду съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что это фило-

софское сравненіе совпадало съ евангельскимъ. Агапитъ же непосредственно провелъ параллель подобно Сократу между государемъ и кормчимъ, государствомъ и кораблемъ. Въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе откровенно сближаетъ христіанскія воззрѣнія съ философскими. „Если съ одной стороны, добавляетъ Агапитъ, философія есть не что иное, какъ любовь къ мудрости, то начало послѣдней есть страхъ Божій“.

Агапитъ давалъ Юстиніану, между прочимъ, совѣтъ обсуждать внимательно малѣйшее дѣло и выбирать въ помощники такихъ же достойныхъ людей, какъ и онъ самъ, быть кроткимъ, справедливымъ, милостивымъ, равнымъ въ отношеніи всѣхъ, не слушать льстецовъ, давать слово людямъ, смѣло говорящимъ правду, не нарушать законовъ, имъ самимъ изданныхъ. „Конечно, говоритъ XVII глава „Свитка“ Юстиніану, нѣтъ никого на землѣ, кто бы могъ принудить тебя къ исполненію законовъ, но обязанность соблюденія ихъ ты наложи на себя самъ, ибо тѣмъ большую силу ты придашь законамъ, первый оберегая ихъ отъ нарушенія, и народу внушишь, что за неповиновеніе онъ не останется безнаказаннымъ“.

„Завѣщаніе“ императора Василія Македонянина, написанное триста лѣтъ спустя послѣ Агапитова „Свитка“, проникнуто такими же взглядами на царскую власть, какъ и сочиненіе софійскаго дьякона. Василій Македонянинъ, прежде всего, требовалъ отъ монарховъ добродѣтели, мудрости и благочестія. „Царь долженъ помнить, что онъ рабъ Божій наравнѣ со всѣми своими подданными; если хочешь, чтобы Господь былъ милостивъ къ тебѣ, будь и самъ милостивъ къ повинующимся твоей волѣ, ибо хотя ты поставленъ господиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты и рабъ Единаго общаго Владыки“. Василій Македонянинъ совѣтовалъ сыну внимательно прислушиваться къ голосу совѣсти, выбирать себѣ добрыхъ совѣтниковъ, выслушивать откровенное слово честныхъ людей, всегда пребывать кроткимъ, милостивымъ и благожелательнымъ“.

Замѣчательно, что Василій Македонянинъ совѣтовалъ своему сыну читать наравнѣ съ Соломономъ и Сократа.

„Царское воспитаніе“ Теофилакта Болгарскаго составляетъ цѣлый трактатъ, исчерпывающій политическую мудрость греко-

восточнаго міра. Слѣдую Аристотелю, Теофилактъ дѣлитъ всѣ формы правленія на правильныя и неправильныя и противопоставляетъ монархію тиранніи. Нарисовавъ яркую картину тираническаго правленія, Теофилактъ представляетъ идеальнаго добраго правителя и говоритъ, обращаясь къ Михаилу Парапинаку и имѣя въ виду, что въ Византіи господствовала на половину наследственная, на половину избирательная монархія: „Истинный царь самое вступленіе на царство украшаетъ совершенно иной внѣшностью, нежели тиранъ: онъ не достигаетъ трона насиліемъ и царскую тогу не окрашиваетъ въ пурпуръ кровью согражданъ, но принимаетъ верховную власть какъ награду за добродѣтель, вслѣдствіе расположенія и стараній большинства, при содѣйствіи свободно собравшагося и мирно настроеннаго народа. Подобно тому, какъ пчелы не столько выбираютъ царя, сколько признаютъ его по отличительнымъ свойствамъ, точно также народъ признаетъ того, кто всѣхъ превосходитъ въ добродѣтели;—отмѣченнаго исключительностію семейнаго поведенія или извѣстнаго чистотою нравовъ народъ украшаетъ свободнымъ избраніемъ и съ радостью и поздравленіями возводитъ въ высшее достоинство. Таково бываетъ вступленіе на царство и въ нѣкоторомъ родѣ преддверіе правленія народнаго избранника, являющагося радостнымъ, ласковымъ, привлекательнымъ, не приносящимъ съ собою ничего неожиданнаго и грустнаго“. Изъ этого отрывка видно, въ чемъ полагалъ Теофилактъ призваніе монарховъ.

Ясное понятіе о византійскихъ политическихъ идеалахъ даютъ, между прочимъ, и „Совѣты боярина XI вѣка“, авторомъ которыхъ профессоръ Васильевскій считаетъ боярина Никулицу. Вотъ слова, съ которыми Никулица обращался къ Михаилу VII: „Богъ возвысилъ тебя на царскій престолъ и по своей благодати сдѣлалъ тебя, какъ говорится, земнымъ Богомъ—позволилъ тебѣ дѣлать и творить, что хочешь; и такъ пусть будутъ поступки твои и дѣянія полны разума и истины, и правда въ сердцѣ твоемъ“.

Всѣ эти памятники доказываютъ, что византійцы смотрѣли на царскую власть съ христіанской точки зрѣнія, и что они отнюдь не отличались склонностію къ раболѣпству. Выдающіеся византійскіе императоры представляли какъ бы олицетвореніе тѣхъ

качества, которыми должны были обладать, съ византійской точки зрѣнія, монархи, достойные своего сана. Ихъ безпристрастіе; ихъ уваженіе къ личности, ихъ служеніе государству, ихъ семейная жизнь, сила воли, съ которой они подавляли порывы гнѣва и другихъ страстей, ихъ любовь къ знанію,—все это очень приближало ихъ къ идеалу царей—философовъ, начертанному Платономъ и Аристотелемъ. Нѣкоторые, наиболѣе доблестные византійскіе императоры, могутъ быть названы коронованнымъ разумомъ и коронованною христіанскою совѣстью. Г. Грибовскій противопоставляетъ ихъ императорамъ древняго Рима, какъ представителямъ безграничнаго и языческаго произвола. Не нужно, однако, забывать, что византійскій имперіализмъ былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ римскаго имперіализма, объ идеалахъ котораго нельзя судить по дѣйствіямъ Нерона и Калигулы. Отъ древняго Рима не дошли до насъ политическіе трактаты, вродѣ Агапитоваго „Свитка“. Но его идеалы нашли свое выраженіе, какъ въ жизни и дѣятельности доблестныхъ римскихъ императоровъ, а ихъ было не мало, такъ и въ искусствѣ, въ художественныхъ изваяніяхъ. Мицкевичъ, побывавъ въ Римѣ, былъ пораженъ памятникомъ Марка Аврелія и такъ выразилъ свое впечатлѣніе въ стихотвореніи, описывающимъ знаменитую статую: „Прекрасенъ ликъ его, кроткій и благородный, на лицѣ сіяетъ мысль о благѣ государства. Руку одну онъ тихо поднялъ, какъ будто бы хотѣлъ благословить толпы своихъ подданныхъ. Другою рукою, опущенною на бразды, онъ укрощаетъ порывъ коня своего. Чувствуешь, что много народа стояло на пути, и что народъ кричалъ: возвращается отецъ нашъ, кесарь. Кесарь желаетъ тихо проѣхать между толпящимися и всѣхъ пожловать отеческимъ поклономъ. Конь оцетинилъ гриву, мечетъ огонь изъ глазъ, но сознаетъ, что везетъ любимѣйшаго гостя—что везетъ отца миллионнои дѣтей—и самъ сдерживаетъ свою прыть и живость. Дѣтямъ дано подойти къ отцу, глядѣть на него. Конь идетъ мѣрно, шагомъ, по ровному пути,—угадываетъ, что онъ идетъ въ безсмертіе“. (Сочиненія В. Д. Спасовича. II, стр. 242—243).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идеалы византійскаго имперіализма, проникнутые христіанскимъ духомъ, были выше языческихъ идеаловъ римскаго имперіализма. Но и на этихъ послѣднихъ отражалось вліяніе Платона и Аристотеля, Цицерона и Сенеки.

Книга г. Грибовскаго служитъ новымъ подтвержденіемъ старой истины, что съ приговорами о деспотическомъ характерѣ тѣхъ или другихъ неограниченныхъ монархій нужно быть весьма осторожнымъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти приговоры оказывались не выдерживающими критики.

Въ доказательство, что народныя византійскія воззрѣнія на царскую власть отразились не только въ свиткахъ, подносимыхъ императорамъ, въ проповѣдяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ, но и въ византійскомъ законодательствѣ, г. Грибовскій ссылается на Эпанагогу, которая была написана при Василии Македонянинѣ и имѣла, по мнѣнію почти всѣхъ знатоковъ византійскаго права, значеніе законодательнаго акта.

„Положеніе Эпанагоги, говоритъ г. Грибовскій: чрезвычайно важны въ томъ смыслѣ, что они официально узаконили народныя византійскія воззрѣнія на царя и, такимъ образомъ, закрепили, оформили данныя народнаго правосознанія, сказавшагося въ различныхъ литературно-политическихъ памятникахъ“.

Вотъ какво содержаніе первыхъ пяти главъ Эпанагоги. „Царь есть законѣрная власть, говоритъ первая глава, общее благо всѣхъ подданныхъ, не наказующая изъ ненависти, не награждающая по пристрастію; царь, какъ справедливый посредникъ, въ состояніи каждому воздать должное по заслугамъ. Задача царя заключается въ томъ, гласитъ вторая глава, чтобы блюсти и охранять кротостью общественныя силы, разстроенныя возстановлять неустанной заботливостью, не находящіяся въ рукахъ приобрѣтать при помощи мудрости и справедливыхъ завоеваній. Конечная цѣль дѣятельности государя есть благодѣтельствованіе всѣмъ, вслѣдствіе чего онъ и называется благодѣтелемъ. Такъ что, если когда нибудь она ослабѣваетъ въ исполненіи добрыхъ дѣлъ, то, какъ учатъ древніе, самая природа царской власти извращается (III). Царь есть судья и хранитель всего того, что заключается въ священномъ писаніи, того, что было установлено на семи вееленскихъ соборахъ, и того, что опредѣлено римскими законами (IV). Наконецъ, въ пятой главѣ самой выдающейся обязанностью царя объявляется защита правовѣрія и благочестія; въ этихъ добродѣтеляхъ государь долженъ превосходить всѣхъ“.

Такимъ образомъ, Эпанагога дала законодательную санкцію тѣмъ воззрѣніямъ на царскую власть, которыя развивались въ сочиненіяхъ Агапита, Василія Македонянина, Никулицы и другихъ византійскихъ писателей.

У насъ такъ много и такъ настойчиво писали и говорили о гибельномъ вліяніи византизма на русскую государственность, что порицаніе византизма сдѣлалось однимъ изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, противъ которыхъ никто не возражаетъ. Правда, К. Н. Леонтьевъ, провозгласивъ византизмъ основнымъ началомъ русской культуры, сводилъ къ византизму Православіе, и Самодержавіе, но идеи Леонтьева мало распространены и не пользуются сочувствіемъ нашего общества и нашихъ публицистовъ. Объ увлеченіяхъ Леонтьева упоминается очень часто, о томъ же, что въ его взглядахъ есть много вѣрнаго и глубокаго говорить не принято. Исслѣдованіе г. Грибовскаго, цѣликомъ построенное на документальныхъ данныхъ, вноситъ свѣтъ въ ту путаницу понятій, которая прикрывается у насъ словомъ византизмъ. Византизмъ несомнѣнно имѣлъ большое вліяніе на русскую государственность, но русскимъ нѣтъ основанія горевать о томъ. Воззрѣнія такихъ византійцевъ, какъ Агапитъ, Василій Македонянинъ или Никулица и такихъ византійскихъ памятниковъ, какъ Эпанагога не могли вредно вліять на носителей русскаго самодержавія. Доказательство на лицо: духовное завѣщаніе Іоанна Грознаго, проникнутое столь возвышеннымъ міросозерцаніемъ, цѣликомъ написано подъ вліяніемъ византійскихъ писателей.

Какъ нужно смотрѣть на тѣ эпитеты, которые придавали византійцы своимъ императорамъ, уподобляя царей Богу,—объясняетъ г. Грибовскій. Въ просторѣчій,—говоритъ онъ, очень часто государя въ Византіи называли божественнымъ и богоравнымъ. Но, конечно, во всѣхъ выраженіяхъ подобнаго рода мы должны видѣть ни что иное, какъ философско-образное сравненіе безъ какого-бы то ни было оттѣнка кощунственности. „Божественность монарха являла собой только *modus*

dicendi, способъ обозначенія совокупности извѣстныхъ качествъ и добродѣтелей. Восточное воображеніе всегда отличалось склонностью къ гиперболическимъ метафорамъ. Отъ грековъ римляне въ своей поэзіи заимствовали языкъ поражающихъ уподобленій. На самомъ дѣлѣ и въ представленіи восточныхъ грековъ, въ платоновскомъ смыслѣ, только въ отношеніи мудрости, благодати и справедливости императоръ отражалъ божественныя свойства. Понятно, что вслѣдствіе высшей благодати, не только сообщенной внѣшнимъ образомъ черезъ помазаніе, но являющейся необходимымъ внутреннимъ свойствомъ избранника Божія, всѣ эти дѣйствія окрашивались характеромъ священности, но не божественности. Не нужно забывать, что, преклоняясь передъ исключительными свойствами государя, какъ правителя, восточный грекъ не переставалъ, однако, видѣть въ немъ всю его человѣческую природу. И потому обличаемый въ раболѣпіи византіецъ никогда не доходилъ въ выраженіяхъ своего уваженія монарху до дѣйствительнаго обоготворенія его, подобно римлянамъ“ (стр. 350).

А если такъ, то какимъ же образомъ византіецъ могъ, какъ говоритъ г. Грибовскій, приписывать императору всю полноту не только свѣтской, но и духовной власти, считать его *первымъ священникомъ* и подчинять его слову даже толкованіе догматовъ вѣры?

Развивая свой взглядъ на отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви, г. Грибовскій говоритъ: „Древне-римскій понтификатъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы ожить въ рукахъ византійскихъ государей по внѣшности, т. е., оставшись тождественнымъ по формѣ, наполниться отличнымъ содержаніемъ. Уже Константинъ Великій говорилъ князьямъ церкви: „вы, епископы, завѣдующіе внутренними дѣлами общества вѣрующихъ, я поставленный Богомъ епископъ внѣ его“; духовный характеръ власти византійскаго императора не отрицался вначалѣ и подчиненными ему папами. „Мы радуемся тому, писалъ папа Левъ Θεодосію II,— что въ насъ присутствуетъ не только царское, но и священническое естество. „Твоя душа священника и апостола,—говорилъ Левъ, приглашая императора къ преслѣдованію еретиковъ,—должна вознегодовать на все зло, отъ котораго стонетъ константинопольская церковь и вопіетъ о лишеніи.“ Императоръ

Левъ Иконоборецъ обратился къ папѣ Григорію со слѣдующими словами: „Развѣ ты не знаешь, что я священникъ и царь.“ На что папа отвѣчалъ: „безъ сомнѣнія, Константинъ, Θεодосій, Валентинъ, Юстиніанъ были царями и священниками. Они доказали это своими дѣйствіями... Но ты съ момента вступленія на престолъ постоянно доказывалъ незнаніе канонѡвъ, ты опустошилъ церковь.“ Итакъ, было время, когда злѣйшій врагъ духовной власти византійскихъ государей признавалъ за ними ихъ право на верховное руководство обществомъ вѣрующуехъ въ ихъ исповѣдныхъ дѣлахъ“ (стр. 354). Изъ чего же это, однако, видно? Константинъ Великій и Левъ Иконоборецъ называли себя епископами и священниками въ иносказательномъ смыслѣ слова, римскіе папы, говоря объ апостольствѣ византійскихъ царей, тоже не придавали буквального значенія своимъ словамъ и указывали лишь на обязанность христіанскихъ монарховъ стоять горой за церковь. Но допустимъ, что Константинъ Великій считалъ себя епископомъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ тому или другому епископу, съ православной точки зрѣнія, принадлежитъ полнота духовной власти и высшій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры и исповѣданія? Развѣ соборы, не только вселенскіе, но даже помѣстные, не выше каждаго изъ епископовъ? Православный міръ давалъ примѣры соединенія свѣтской власти съ духовною, но православные государи-іерархи никогда не претендовали на полноту духовной власти. Вспомнимъ черногорскихъ владыкъ. Они управляли черногорскимъ народомъ и пользовались правами черногорскихъ епископовъ, но имъ и въ голову не приходило считать себя обладателями высшей духовной власти. Византія не знала царей-патріарховъ, царей-епископовъ и царей-священниковъ, но если бы она и имѣла ихъ, то это все таки не доказывало бы справедливости теоріи г. Грибовскаго, ибо православные патріархи, не присвоивали себѣ мнимыхъ правъ римскаго папства. Византійскіе императоры оказывали могущественнѣйшее вліяніе на дѣла церкви, причѣмъ иногда злоупотребляли своей властью, но они не считали носителей свѣтской власти непогрѣшимыми оракулами при рѣшеніи вопросовъ исповѣданія.

Замѣчательно, что г. Грибовскій, впадая съ самимъ собою въ противорѣчіе, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что власть византій-

скихъ императоровъ съ конца пятого вѣка была скована въ исповѣдныхъ вопросахъ. „Въ 491 году, когда послѣ смерти императора Зеновія императоромъ былъ провозглашенъ Анастасій, патріархъ, узнавъ объ еutihianскихъ убѣжденіяхъ преемника, потребовалъ отъ него передъ вѣнчаніемъ письменнаго исповѣданія православной вѣры и клятвеннаго обѣщанія ничего не измѣнять въ православной церкви. Съ той поры таковыя обѣщанія и исповѣданіе постепенно сдѣлались необходимымъ условіемъ вступленія на царство и сковали ранне безграничную (!) въ исповѣдныхъ вопросахъ волю византійскихъ императоровъ“. (Стр. 369).

Замѣтки о монархическихъ началахъ.

I.

Говорятъ, что единовластіе и свобода—два понятія, диаметрально противоположныя и взаимно другъ друга исключаютія. Это совершенный предрасудокъ.

Конечно, самодержавіе не можетъ ужиться ни съ парламентаризмомъ, ни съ господствомъ „его величества большинства“. Но понятія свободы нельзя отождествлять ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Самодержавіе не только не мертвитъ свободы, а всецѣло держится на ней.

Тамъ, гдѣ царятъ представительныя учрежденія, царитъ власть большинства, игу котораго меньшинство не можетъ не подчиняться, ибо на сторонѣ большинства—сила. Власть представительныхъ учреждений опирается на право избирателей. Посягнуть на нее значитъ задѣть толпу, заинтересованную въ поддержаніи порядковъ, дающихъ ея мнѣніямъ политической вѣсь и даже рѣшающій голосъ. Устойчивость представительныхъ учреждений держится, такимъ образомъ, на притязаніяхъ массы избирателей. Говорить при такихъ условіяхъ о свободномъ подчиненіи народному представительству всѣхъ и каждого весьма рискованно, хотя бы уже потому одному, что съ желаніями той части населенія, которая не пользуется избирательными правами, никто не считаетъ нужнымъ справляться. На все это мы указываемъ съ цѣлью выяснить, что всякая демократія имѣетъ множество защитниковъ, всегда готовыхъ отстаивать ее по чисто эгоистическимъ соображеніямъ. То же самое можно сказать и объ аристократіи. Но этого нельзя сказать о неограниченныхъ монархіяхъ.

Неограниченныя монархіи прочно держаться лишь на *свободномъ* подчиненіи народа властелину. Въ поддержаніи и сохраненіи единовластія непосредственно и лично заинтересованъ, повидимому, лишь одинъ монархъ. Чѣмъ же объясняется, что милліоны людей безпрекословно подчиняются волѣ одного человѣка? Чѣмъ объясняется, что однимъ мановеніемъ его руки и однимъ почеркомъ его пера двигаются полки и рѣшаются самые сложные государственные вопросы? Это послушаніе будетъ казаться непонятнымъ тому, кто вздумаетъ выводить его изъ покорности, основанной на страхѣ. Одинъ не можетъ поработить множества, но онъ можетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ несокрушимую власть, если народъ добровольно подчиняется ей, если онъ смотритъ на нее не какъ на гнетъ, а какъ на благодѣтельную и зиждательную силу, которою долженъ дорожить каждый. Вотъ почему нѣтъ формы правленія, болѣе устойчивой при однихъ обстоятельствахъ и менѣе устойчивой при другихъ, чѣмъ неограниченная монархія. Неограниченныя монархіи, опирающіяся на любовь и преданность всего народа, безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, образованныхъ и простецовъ, покоятся на незыблемыхъ основахъ. Неограниченныя монархіи, не имѣющія опоры въ сердцахъ и умахъ подданныхъ, построены на песокъ и могутъ рухнуть отъ перваго, самаго ничтожнаго толчка. Этимъ объясняются тысячелѣтнее существованіе однихъ монархій и мгновенныя крушенія другихъ. Тираннія нигдѣ и никогда не могла долго держаться, ибо тираны, какъ бы ни была велика ихъ власть, всегда слабѣе народа, но нигдѣ у тиранніи нѣтъ такой шаткой почвы подъ ногами, какъ въ монархіяхъ, ибо, что значить *одинъ* въ сравненіи съ многомилліоннымъ населеніемъ, которое онъ возстановитъ противъ себя? Отсюда самъ собою является выводъ, что свобода и самодержавіе не идутъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ. Самодержавіе можетъ быть жизненно и сильно только тамъ, гдѣ оно утверждено на *свободномъ* признаніи народа, на *убѣжденіи* народа въ его необходимости.

II.

Противъ нашего мнѣнія о томъ, что неограниченная монархія можетъ прочно держаться лишь на *свободномъ* признаніи и

свободною подчиненіи народа, намъ, быть можетъ, укажутъ на тирановъ, приводимыхъ обыкновенно, какъ типичные образцы тѣхъ злоупотребленій, до которыхъ могутъ доходить полномощные монархи. А Іоаннъ Грозный? скажутъ намъ.

Едва ли есть въ исторіи столь загадочное и мало понятое лицо, какъ Грозный. Одни историки считаютъ его сумасшедшимъ или чудовищемъ, человѣкомъ ничтожнымъ по уму и характеру, другіе—видятъ въ немъ одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ царей, дальновиднаго и много сдѣлавшаго государя, достойнаго уваженія и признательности потомства, не смотря на всѣ свои пороки. Костомаровъ представлялъ себѣ Іоанна Грознаго какимъ-то звѣремъ, Соловьевъ—предтечею Петра Великаго, Бестужевъ-Рюминъ—идеаломъ славянскаго монарха. Очевидно, что нравственный обликъ Іоанна далеко не разъясненъ еще; поэтому ссылаться на Грознаго, какъ на неопровержимый доводъ противъ неограниченной монархіи—никакъ нельзя. Петръ Великій и рускіе историки XVIII вѣка (напримѣръ, князь Щербатовъ) были самага высокаго мнѣнія объ Іоаннѣ и объ его государственныхъ заслугахъ. Въ этомъ отношеніи они сходились съ тою точкою зрѣнія на Грознаго, которая проявляется въ русской народной поэзіи: въ былинахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и легендахъ о Грозномъ. Первая попытка сдѣлать изъ Грознаго кровожаднаго мучителя принадлежала Карамзину, но ему не удалось объяснить характеръ Іоанна; вмѣсто одного Іоанна у него явилось два совершенно различныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ представляетъ соединеніе всѣхъ доблестей и добродѣтелей, а другой—олицетвореніе жестокости и разврата. По Карамзину выходитъ, что Іоаннъ былъ великимъ царемъ, пока наслаждался семейнымъ счастьемъ съ Анастасіей, и сдѣлался извергомъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ ее. Іоаннъ Карамзина не живое лицо, а сплошное психологическое противорѣчіе. Уже это одно наводитъ на мысль, что Карамзинъ идеализировалъ первую половину царствованія Грознаго и наложилъ слишкомъ густыя тѣни на вторую. Его ошибка заключалась въ томъ, что онъ принялъ на вѣру все, что писали о Грозномъ его злѣйшій врагъ, измѣнникъ Курбскій, а также и такіе предубѣжденные противъ Грознаго иностранцы, какъ Таубе и Крузе. Измѣнивъ Іоанну и перейдя на польскую службу, они вся-

чески старались очернить его и не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Судить объ Іоаннѣ по рассказамъ Курбскаго или Крузе тоже самое, что судить объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ по рассказамъ „Колокола“ или „Полярной Звѣзды“ Герцена. Что побудило Карамзина отнестись къ Іоанну съ явно предвзятою мыслью беспощаднаго обвинителя? Намъ думается, что Карамзинъ имѣлъ въ виду не историческую истину, когда писалъ девятый томъ своей „Исторіи“ и не строгую критику источниковъ, а задачи публициста. Громя Іоанна, онъ хотѣлъ пригвоздить къ позорному столбу произволь, насиліе и злоупотребленія властью со стороны монарховъ, показать на дѣлѣ, какъ ужасенъ можетъ быть приговоръ исторіи. Нужно помнить, что Карамзинъ писалъ свою „Исторію“ подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о временахъ императора Павла. Наука поколебала выводы Карамзина о Грозномъ. Но если даже принять взглядъ Карамзина, то и тогда нельзя смотрѣть на Грознаго, какъ на тирана, которому русскій народъ подчинялся изъ страха и въ силу рабскихъ инстинктовъ. Нужно различать благодѣянія, приносимыя тою или другою формою правленія, отъ увлеченій и ошибокъ представителей власти. Это прекрасно понимали наши предки и дорожили неограниченной монархіей, не смотря на временныя уклоненія своихъ царей отъ ихъ высокаго призванія. Карамзинъ ставилъ это нашимъ предкамъ въ великую заслугу. Невинныя жертвы Грознаго, безропотно погибавшія на плахахъ и въ пыткахъ, онъ прославлялъ на ряду съ героями древняго Рима и древней Греціи. „Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на Лобномъ мѣстѣ, какъ греки въ Термопилахъ,—за отечество, за вѣру и вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ“. Карамзинъ думалъ, что люди, гонимые Грознымъ, сознательно жертвовали собою для поддержанія тишины и порядка въ государствѣ и *свободно* подчинялись вспышкамъ „вѣнчаннаго гнѣва“, ибо понимали, что Россіи не было спасенія безъ самодержавія. Поэтому то они не посягали ни на жизнь Грознаго, ни на его неограниченную власть. Графъ Алексѣй Толстой далъ въ художественной формѣ разгадку обаянія, всегда окружавшаго Іоанна въ глазахъ русскихъ. Мы разумѣемъ монологъ Бориса Годунова изъ „Смерти Іоанна Грознаго“, въ сценѣ совѣщанія бояръ объ избраніи царя на мѣсто Іоанна, за-

думавшаго удалиться въ монастырь. Убѣждая бояръ бить челомъ
Іоанну, чтобы онъ не оставлялъ трона, Годуновъ говорить:

Бояре, можно-ль при такой невзгодѣ,
При горестномъ шатаньи всей Руси,
О перемѣнѣ думать государя?
Положимъ, вы такого бѣ и нашли,
Который былъ бы по сердцу всей Думѣ—
Увѣрены-ли вы, что и народъ
Его захочеть? Что угоденъ будетъ
Онъ всей землѣ? А если, невзначай,
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между насъ
Чтобы врагамъ и внутреннимъ и внѣшнимъ,
Противостать и дружный дать отпоръ?
Великая въ обычаѣ есть сила;
Привычка людямъ—бичъ или узда;
Какое ни будь наслѣдственный владыка,
Охотно повинуются ему;
Сильнѣе онъ и въ смутную годину.
Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
Полвѣка будетъ, что Иванъ Васильичъ
Надъ нами государить. Гнѣвъ и милость
Смѣнялись часто въ этотъ длинный срокъ,
Но глубоко въ сердца вростила корни
Привычка безусловнаго покорства
И долгій трепеть имени его.
Бояре! Намъ твердыня это имя!
Мы держимся лишь имъ.
Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой;
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что насъ на части раздѣлила,
Она-жъ одна и связываетъ насъ;
Исчезни власть—и тѣло распадется!
Единое спасенье намъ, бояре,
Идти къ царю не медля всею думой,
Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
И вновь молить его, да не оставитъ
Престола онъ и да поддержитъ Русь!

Вотъ въ силу какихъ соображеній русскіе люди думали, что
лучше перенести невзгоды грознаго правленья, чѣмъ возстать про-
тивъ Іоанна или хотя бы воспользоваться его готовностью отречься
отъ короны. Они знали, что народъ *свободно* повинуется своему
владыкѣ, и что государство держится лишь его властью. Если бы

въ народѣ не было такого убѣжденія, неограниченная монархія въ Россіи давно рухнула бы.

Какъ бы то ни было, указывать на Іоанна Грознаго, какъ на аргументъ противъ самодержавія, не приходится. Не приходится также придавать большое значеніе ссылкамъ и на другихъ монарховъ-тирановъ.

Не забудемъ, что государей-тирановъ насчитывается въ исторіи очень мало, зато государей, оставившихъ по себѣ добрую память, было очень много. Между ними можно указать въ каждой странѣ на цѣлый рядъ гениальныхъ реформаторовъ, великихъ умовъ и великихъ характеровъ. Наслѣдственныя и неограниченныя монархіи предрасполагаютъ людей, предназначенныхъ къ верховной власти, къ высокимъ замысламъ и къ славнымъ дѣламъ, и Шиллеръ понялъ это, вложивъ въ уста юноши Дона-Карлоса, сына Филипа II Испанскаго, слѣдующія слова:

. . . . . Двадцать третій годъ,
И ничего не сдѣлать для потомства!
Я пробудился, всталъ, призванье къ трону
Стучить въ груди, какъ строгій кредиторъ,
И будить силы духа; всѣ мгновенья,
Утраченныя прежде, громко, звучно
Ко мнѣ, какъ чести долгъ святой, взываютъ.
Насталъ онъ, тотъ великій мигъ, когда
Міръ отъ меня сталъ требовать уплаты:
Меня зоветъ исторья, слава предковъ
И громкій гулъ молвы тысячеустной.
Настало время отворить мнѣ славы
Широкія ворота.

Вотъ какіе мысли и замыслы таятся въ умахъ и сердцахъ неиспорченныхъ юношей, предназначенныхъ носить корону! Неудивительно, что изъ нихъ вырабатываются тираны лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. „Испытывая въ теченіе вѣковъ гнеть самовластія въ единичномъ и олигархическомъ правленіи, и не замѣчая, *что пороки единовластія суть пороки самаго общества*, которое живетъ подъ нимъ,—люди разума и науки возложили всю вину бѣдствія на своихъ властителей и на форму правленія и представили себѣ, что съ переменною этой формы на форму народовластія или представительнаго правленія—общество избавится отъ своихъ бѣдствій и отъ терпимаго насилія.

Что же вышло въ результатъ? Вышло то, что *mutato nomine* все осталось въ сущности по прежнему, и люди, оставаясь при слабостяхъ и порокахъ своей натуры, перенесли на новую форму правленія всѣ прежнія свои привычки и склонности“. („Московскій Сборникъ“, изданіе К. П. Побѣдоносцева).

Если бы публицисты-антимонархисты не упускали изъ виду, что пороки единовластія суть пороки самого общества, они не придавали бы ссылкамъ на тирановъ рѣшающаго значенія при обсужденіи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ монархическихъ началъ.

III.

Существуетъ мнѣніе, что всякая неограниченная монархія есть, въ сущности, не что иное, какъ деспотія, господство чистѣйшаго произвола. Съ этой точки зрѣнія судятъ иные и о русскомъ Самодержавіи. Ошибочность этой точки зрѣнія очевидна. Произволь можетъ быть возведенъ въ систему лишь тамъ, гдѣ не существуетъ ни опредѣленныхъ законовъ, ни правительственныхъ учреждений, ни исторически сложившихся обычаевъ. Деспотіи возможны лишь у народовъ, стоящихъ на самомъ низкомъ уровнѣ культуры. Въ большихъ и сколько нибудь цивилизованныхъ государствахъ не мыслимо существованіе деспотизма, какъ постояннаго и нормальнаго порядка вещей. На это указывалъ еще Вольтеръ, возставая противъ огульнаго причисленія монархій древняго Востока къ типу деспотій. И Вольтеръ былъ правъ. Какъ яркій образчикъ чистой деспотіи приводится, обыкновенно, государство, основанное Чингисъ-ханомъ, но и у татаръ были свои понятія о правахъ и обязанностяхъ хана; а тамъ, гдѣ существуютъ обязанности, нѣтъ и не можетъ быть произвола, возведеннаго въ принципъ. Напомнимъ порядокъ возведенія татарскихъ хановъ на престолъ. „При возведеніи новаго хана на престолъ, по свидѣтельству Платона Карпини, вельможи, положи передъ нимъ мечъ, говорили: „мы хотимъ, просимъ, приказываемъ, чтобы ты владѣлъ всѣми нами“; ханъ спрашивалъ: „если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнять то, что я прикажу, приходить, когда позову, идти туда, куда, пошлю, убивать того, кого велю?“ На это они отвѣчали: „готовы“. „Если такъ, продолжалъ ханъ, то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечемъ

моимъ!“ Наконецъ, его сажали на войлокъ и говорили, что въ случаѣ хорошаго управленія онъ будетъ счастливъ, а въ случаѣ дурнаго у него не будетъ и войлока, на которомъ онъ сидитъ. Все могъ сдѣлать ханъ, только не могъ отмѣнить Ясы Чингисъ-хана!“ (Бестужевъ-Рюминъ, *Русская исторія*, I, 280). Въ Ясахъ заключались важнѣйшіе уголовные законы и постановленія от носительно духовенства и вѣротерпимости, составлявшія у татаръ краеугольный камень ихъ законодательства. Итакъ, съ приговорами на счетъ деспотическаго характера тѣхъ или другихъ монархій нужно дѣйствовать осмотрительно. Каждый государь стремится упрочить свою власть на незыблемыхъ началахъ, деспотическій же режимъ является прямымъ отрицаніемъ всякаго порядка и, будучи примѣненъ на обширной территоріи, ведетъ за собой разложеніе государства на его составныя части, непомѣрное возвышеніе областныхъ правителей и паденіе династіи. Монархическое начало, по природѣ своей, враждебно деспотизму, а не родственно съ нимъ. Монархіи основаны на единовластіи, единовластіе же можетъ держаться прочно и долго лишь въ томъ случаѣ, если будетъ пользоваться нравственнымъ авторитетомъ, немыслимомъ безъ высокихъ и разумныхъ цѣлей и пріемовъ. Смѣшивать русское Самодержавіе съ деспотизмомъ — значитъ впадать въ грубѣйшее заблужденіе, ибо духъ русскаго Самодержавія состоитъ въ поддержаніи и утвержденіи справедливости и законности, а не въ отрицаніи ихъ. Графъ Сперанскій въ „Руководствѣ къ познанію законовъ“ (стр. 56) вѣрно замѣчалъ: „Слово: *неограниченная власть* означаетъ, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри Имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно и право Самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ Самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всѣхъ случаяхъ онъ подлежитъ, однако же, суду совѣсти и суду Божію“.

IV.

Въ сонетѣ Пушкина „Поэту“ заключается цѣлый рядъ глубокихъ мыслей о призваніи монарховъ. Истолковывая это стихотвореніе, наша критика упускала изъ виду его политическое значеніе, а между тѣмъ гениальный сонетъ, если вчитаться въ него, оказывается однимъ изъ яркихъ проявленій нашего національнаго самопознанія относительно Самодержавія.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

* * *

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

* * *

Онъ въ самомъ себѣ. Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

* * *

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Все, что говоритъ Пушкинъ о поэтѣ, онъ говоритъ и о царѣ, и наоборотъ. Поэта Пушкинъ уподобляетъ царю и царя поэту, и на этомъ уподобленіи основываетъ всѣ свои выводы и совѣты.

Что же совѣтуетъ Пушкинъ царямъ самодержцамъ?

Онъ имъ совѣтуетъ, прежде всего, не дорожить любовію народною, и въ этомъ совѣтѣ нужно видѣть не апологію деспотизма, а самое возвышенное представленіе объ идеалахъ монархіи. Тамъ, гдѣ господствуютъ представительныя учрежденія, всѣ государственныя дѣла предрѣшаются большинствомъ избирателей, голосомъ толпы и ея мимолетнымъ настроеніемъ. Вотъ почему даровитѣйшіе вожаки парламента полагаютъ все свое честолюбіе въ приобрѣтеніи популярности, въ умѣніи подлаживаться ко вкусамъ современниковъ. Самодержцавъ не къ чему добиваться популярности. Они уронили бы себя, если-бъ полагали свою задачу въ угожденіи толпѣ, или, какъ сказалъ бы Достоевскій, улицѣ. Тво-

ря великое дѣло исторіи, монархъ долженъ думать не о близорукомъ и пристрастномъ судѣ современниковъ, а о нелицепріятномъ и строго взвѣщенномъ судѣ потомства. Если бы великіе реформаторы руководствовались мнѣніями недальновиднаго большинства, они ничего не сдѣлали бы. Іоаннъ Грозный графа А. Толстого говоритъ Борису Годунову:

Какъ прибыльнѣй для царства моего,
Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
Что скажетъ тотъ, иль этотъ обо мнѣ!
Не на день я, не на годъ устрою
Престоль Руси, но въ долготу вѣковъ;
И что вдали провижу я, того
Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ.

Монархія, имѣющая нравственное право сказать о себѣ нѣчто подобное, смѣло можетъ съ одинаковымъ равнодушіемъ относиться и къ минутному шуму похвалъ, и къ суду глупцовъ, и къ смѣху холодной толпы.

Ты царь: живи одинъ.

Пушкинъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли совѣтовать монархамъ вести замкнутую жизнь, чуждую семейныхъ радостей и общенія съ людьми, Онъ хотѣлъ сказать, что монархи не должны уклоняться отъ нравственной отвѣтственности за принимаемыя рѣшенія, не должны быть орудіями своихъ слугъ и совѣтниковъ.

Идеаломъ Пушкина былъ не такой монархъ, который царствуетъ, но не управляетъ, а монархъ, составляющій душу государства, монархъ съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ и съ политической инициативой. Такой монархъ неизбежно долженъ жить одинъ въ важныя минуты своей жизни, ибо онъ видитъ дальше окружающихъ его людей и смотритъ на себя, какъ на Помазанника, сердце котораго въ рукъ Божіей. Истинный смыслъ словъ: *живи одинъ*, разъясняется дальнѣйшими словами сонета.

. . . Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

Пушкинъ называетъ дорогу поэтовъ и царей *свободною* дорогой и совѣтуетъ имъ итти эту дорогою, слѣдуя указаніямъ *свободнаго* ума. Нельзя не остановиться на этомъ двукратно повторенномъ эпитетѣ „свободный“. Въ этомъ эпитетѣ скрывается глубокая политическая мысль.

Ни президенты республикъ, ни парламентскіе вожаки не могутъ итти путемъ свободы и внимать голосу свободного ума. Они находятся въ зависимости отъ избирателей и палатъ, отъ своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ. Они не могутъ усовершенствовать плоды любимыхъ думъ, не обращая вниманія на увлеченія и предрасудки общественнаго мнѣнія. Они поневолю должны считаться съ нимъ, ибо оно связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ. Судъ глупцовъ и смѣхъ толпы холодной имѣетъ для нихъ громадное значеніе, такъ какъ имъ необходимо имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ, а большинство иигда и никогда не состоитъ изъ избранныхъ умовъ, изъ талантовъ и представителей доблестей. Только цари могутъ итти царскимъ путемъ, только ихъ дорога можетъ быть названа свободною,—свободною отъ необходимости сводить партійные счета, примѣняться ко взглядамъ сильныхъ міра сего, подлаживаться ко вкусамъ людей, ничего не смыслящихъ въ дѣлахъ правленія. Пушкинъ называетъ дорогу полномощныхъ царей свободною потому, что они имѣютъ неограниченную власть и сами составляютъ свой высшій судъ. Имъ не нужно награды, они строже всѣхъ оцѣниваютъ свои труды и полагаютъ свое нравственное удовлетвореніе лишь въ сознаніи исполненнаго долга и въ осуществленіи замысловъ, направленныхъ ко благу народному. Дорога царей свободна потому, что они не знаютъ никакихъ ограниченій своей власти, кромѣ отвѣтственности передъ Богомъ, передъ исторіей и передъ своей совѣстью. На землѣ, кромѣ монарховъ-самодержцевъ, не можетъ быть политически свободныхъ людей (мы говоримъ въ данномъ случаѣ о *внѣшней* свободѣ), ибо каждый гражданинъ связанъ тысячами законовъ, которымъ онъ долженъ подчиняться, хотя бы и находилъ ихъ вредными. Только неограниченные монархи могутъ измѣнить и отмѣнить законы во всякое время.

Свободному человѣку свойственно имѣть и свободный умъ, —свободный отъ партійныхъ, сословныхъ и узко эгоистическихъ соображеній и предрасудковъ, и Пушкинъ подчеркнулъ это, уподобивъ художественное творчество поэта политическому творчеству царя.

Идея сонета сводится къ тому, что свобода одинаково необходима, какъ для поэта въ сферѣ искусства, такъ и для семо-

держца въ государственной дѣятельности. Пушкинъ понималъ, что самодержавіе зиждется на свободѣ, и что этого никакъ нельзя сказать о другихъ формахъ правленія, основанныхъ на недовѣрїи къ нравственному достоинству человѣка и на боязни предоставить полную свободу кому бы то ни было.

Нужно ли говорить, что Пушкинъ, обращаясь къ поэту, разумѣлъ, прежде всего, самого себя? Когда онъ сравнивалъ себя съ царемъ, въ его воображеніи, несомнѣнно, рисовался образъ императора Николая Павловича или Петра Великаго.

V.

Все, что говорится противъ неограниченной монархіи, прекрасно выражено въ „Юліи Цезарѣ“ Шекспира, въ знаменитой сценѣ между Кассіемъ и Брутомъ,— между Кассіемъ, задумавшимъ убійство Цезаря изъ личнаго честолюбія, и республиканцемъ Брутомъ, беззавѣтно любящимъ Цезаря, какъ человѣка, и ненавидящимъ его, какъ тирана. Въ зажигательныхъ рѣчахъ Кассія мастерски сгруппировано все, что что можетъ быть сказано противъ цезаризма съ нравственной точки зрѣнія.

Кассій.

Не знаю я, каковъ твой взглядъ на жизнь,
Какъ на нее другіе смотрять люди,
Но ужъ, по-моему, гораздо лучше
Совсѣмъ не жить, чѣмъ жить и трепетать
Предъ существомъ такимъ же, какъ и я.
Мы родились свободными, какъ Цезарь,
Мы пищею такою же питались
И можемъ холодъ выносить, какъ онъ.
Я помню, разъ въ день бурный и ненастный,
Когда кипѣлъ и волновался Тибръ,
Плеща волной о берега, мнѣ Цезарь
Сказалъ: „осмѣлишься ль ты, Кассій,
Со мною въ воду броситься теперь
И переплыть къ той точкѣ?“ О, клянусь,
Не раздѣваясь, какъ былъ, я поплылъ
И звалъ его съ собой: поплылъ и онъ.
Потокъ ревѣлъ, мы съ нимъ боролись долго,
Съ усиліемъ сквозь волны пробиваясь
Противъ течения; но на глубинѣ
Вдругъ Цезарь вскрикнулъ: Кассій, помоги мнѣ!
И какъ Эней, великій предокъ нашъ,
На плечахъ вынесъ стараго Анхиза

Изъ Трои, пламенемъ объятой, я
Изъ тибрскихъ волнъ спасъ Цезаря -- и онъ
Теперь сталь богомъ, между тѣмъ какъ Кассій
Остался тѣмъ же существомъ ничтожнымъ
И спину гнетъ предъ Цезаремъ, а тотъ
Лишь головой ему слегка киваетъ.
Въ Испаніи горячкой онъ страдалъ;
Когда же приходилъ ея припадокъ,
Я видѣлъ, какъ дрожалъ онъ, этотъ богъ,
Дрожалъ, въ лицѣ мѣняясь отъ страха;
Глаза, которыхъ взглядъ одинъ теперь
Людей благоговѣньемъ наполняетъ,
Теряли блескъ свой; онъ стоналъ и охалъ,
И языкомъ, котораго слова
Такъ жадно ловятъ римляне теперь,
Записывая ихъ и замѣчая,
Онъ лепеталъ: „Титиній, дай мнѣ пить!“
Какъ будто дѣвочка больная. Боги!
И этотъ слабый человѣкъ достигъ
Такой великой силы, и одинъ
Владѣеть пальмой первенства надъ міромъ!
(Клики. Звуки трубъ).

Брутъ.

Опять всеобщій кликъ! Должно-быть, это
Въ честь Цезаря: тамъ сыплютъ на него
Какіе либо новые титулы.

Кассій.

Онъ тѣсный міръ перешагнулъ, подобно
Колоссу; мы же, маленькіе люди,
Проходимъ подъ пятой его, ища
Себѣ могилъ безславныхъ гдѣ-нибудь.
Но люди иногда бываютъ властны
Въ своей судьбѣ и часто, милый Брутъ,
Виною не звѣзды наши, а мы сами
Напрасною покорностью своей.
Вотъ Брутъ и Цезарь! Цезарь. Что такое
Есть въ этомъ Цезарѣ и почему
Сильнѣе это имя раздается,
Чѣмъ имя Брута? Напиши ихъ рядомъ --
Названье „Брутъ“ прекрасно точно также;
Произнеси -- звучитъ оно не хуже,
Взвѣсь -- тотъ же вѣсъ въ обоихъ именахъ;
Попробуй ими заклинать -- и Брутъ
Тѣнь вызоветъ такъ точно, какъ и Цезарь.
Теперь во имя всѣхъ боговъ спрощу я:
Какою пищею питался Юлій.

Что такъ онъ возвеличился надъ нами?
Вѣкъ жалкій, ты униженъ, посрамленъ!
Римъ, ты утратилъ благородство крови!
Ну, слыхано-ли, со времени потопа,
Чтобъ вѣкъ былъ полонъ именемъ однимъ?
Когда могли сказать о Римѣ люди,
Что въ немъ одинъ лишь человекъ живетъ?
Да Римъ ли это, полно? Если такъ,
Не много жъ мѣста въ немъ! А между тѣмъ
И ты, и я...мы отъ отцовъ слыхали:
Жиль Брутъ когда то: онъ бы не стерпѣлъ,
Чтобъ въ Римѣ былъ такой владыка.

Враги монархическихъ началъ твердо убѣждены, что доводы Кассія имѣютъ неотразимую силу не только противъ цезаризма, но и противъ наслѣдственной неограниченной монархіи. Въ этомъ они жестоко ошибаются, ибо основная мысль Кассія сводится къ тому, что цезаризмъ унижителенъ для его достоинства, но самодержавная власть, полученная по закону и въ силу рожденія, ни въ комъ не можетъ возбуждать ни зависти, ни соперничества, ни чувства горечи. Неограниченная наслѣдственная монархія представляетъ форму правленія, одинаково безобидную и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, и для знатныхъ, и для простыхъ, и ни мало не оскорбляетъ самолюбія и гордости подданныхъ.

Доказать все это очень не трудно.

Всякая власть по существу своему тяготитъ тѣхъ, кому суждено ей повиноваться. Она переносится безропотно лишь тогда, когда не возбуждаетъ со стороны всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, громаднаго большинства, никакихъ сомнѣній и пріемлется, какъ нѣчто неизбѣжное и благое. Вотъ почему лишь та власть не вызываетъ противъ себя ненависти, которая зиждется на довѣріи и любви. Ни аристократіи, ни демократіи не могутъ быть построены на этихъ двухъ, столь надежныхъ, краеугольныхъ камняхъ, ибо ничто не переносится людьми съ такою неохотою, какъ подчиненіе верховной власти, ввѣренной такимъ же подданнымъ, какъ и всѣ другіе. Бѣднякъ всегда будетъ тяготиться такимъ режимомъ, который ставитъ его въ зависимость отъ богатыхъ и родовитыхъ людей и преграждаетъ ему дорогу къ почестямъ и вліянію. Гнетъ демократическаго большинства столь же мало можетъ рассчитывать на сочувствіе поработеннаго меньшинства, какъ и владычество аристокра-

тіи на преданность народа. Какого бы уваженія ни заслуживали, по своимъ личнымъ качествамъ носители власти въ республикахъ и конституціонныхъ государствахъ, они всегда будутъ возбуждать затаенную вражду у энергичныхъ и неглупыхъ людей, считающихъ себя способными къ крупнымъ ролямъ на жизненномъ поприщѣ. Отсюда постоянная борьба за власть, отсюда же недоброжелательное отношеніе къ власти, систематическое желаніе принизить ее, не долго оставлять въ однихъ рукахъ. Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что самыя крайнія социалистическія и анархическія теоріи свирѣпствуютъ именно тамъ, гдѣ существуетъ широкая политическая свобода, которая еще не такъ давно считалась у насъ неподобнымъ предохранительнымъ клапаномъ отъ революціонныхъ взрывовъ. Въ этомъ явленіи, если вдуматься въ него поглубже, нѣтъ ничего удивительнаго. Во времена Цезаря былъ одинъ Кассій, теперь же имя Кассіевъ—легіонъ, и каждый изъ нихъ не считаетъ себя хуже Цезаря. Могутъ ли они безропотно повиноваться ему? А если Кассій не можетъ безропотно повиноваться Цезарю, то ужъ, конечно, онъ не будетъ повиноваться власти какихъ-нибудь буржуа или демагоговъ, на которыхъ привыкъ смотрѣть сверху внизъ.

Наслѣдственный самодержецъ, стоитъ на такой недостижимой высотѣ, окруженъ ореоломъ такого мистическаго величія, такой необъятной власти и такой поэзіи, что онъ ни въ комъ не можетъ возбуждать зависти. Въ сравненіи съ нимъ и Крезы, и нищіе, и сильные, и безвѣстные люди одинаково равны, ибо ихъ права, ихъ матеріальныя средства и ихъ заслуги одинаково меркнутъ въ сравненіи съ значеніемъ монарха, его средствами и его обаяніемъ.

Кассій завидовалъ Цезарю, потому что считалъ его не лучше себя и не находилъ оправданій его возвышенію. Онъ видѣлъ въ немъ выскочку и зазнавагося честолюбца, захватившаго власть всѣми правдами и неправдами. Наслѣдственный самодержецъ не вызвалъ-бы у Кассія вражды. Наслѣдственный самодержецъ царствуетъ не потому, что полагаетъ себя даровитѣе другихъ и ставитъ себя на пьедесталь, какъ лучшаго изъ гражданъ. Онъ царствуетъ потому, что былъ сначала наслѣдникомъ престола, предназначеннымъ къ коронѣ самимъ Провидѣніемъ или

судьбою (выражайтесь, какъ хотите). Онъ не добивался власти, а принялъ ее,—принялъ не для того, чтобы упиваться ея прелестями, а для того, чтобы не колебать установившейся системы престолонаслѣдія. Наслѣдственные самодержцы воцаряются, не затрогивая ничего самолюбія и никому не преграждая дороги къ верховной власти, ибо въ монархіяхъ могутъ мечтать объ ея захватѣ лишь тѣ люди, которые впадаютъ въ безуміе, извѣстное въ психіатріи подъ именемъ маніи величія.

Власть цезарей признается болѣе или менѣе охотно лишь до тѣхъ поръ, пока они переходятъ отъ побѣды къ побѣдѣ, пока они поражаютъ народъ своимъ геніемъ, своею славою и своими успѣхами. Но и ихъ успѣхи не особенно внушительно дѣйствуютъ на Кассіевъ. Наслѣдственнымъ самодержцамъ народамъ повинуются не въ силу ихъ личныхъ доблестей, а изъ уваженія къ представляемому ими монархическому началу, который сохраняетъ свое значеніе не только тогда, когда на престолѣ возсѣдаетъ геніальный человѣкъ, но и тогда, когда государство управляется именемъ ребенка или слабой женщины, въ которыхъ не можетъ попасть ни одинъ изъ сарказмовъ Кассія.

Вотъ почему и можно сказать, что неограниченная монархія должна быть признана такою формою правленія, которая столь же мало посягаетъ на человѣческое достоинство, какъ и на свободу, ибо наслѣдственный самодержецъ есть государь, олицетворяющій

...Образъ земскаго великаго царя,
Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья...

Такому царю нельзя завидовать, съ такимъ царемъ нельзя соперничать его подданнымъ. Власть такого царя не можетъ возбуждать въ народѣ враждебныхъ чувствъ, ибо она не ложится тяжкимъ бременемъ на населеніе и переносится легко, какъ власть любящаго, заботливаго, добраго и умнаго отца.

Идеи Милля о неограниченной монархии.

Дж. Стюарта Милля. Представительное правление. Пер. съ англ. подъ ред. Р. И. Сементковскаго. С.-Пб. Изданіе Ф. Павленкова.

I.

Милль принадлежалъ къ числу пламенныхъ сторонниковъ представительныхъ учрежденій и называлъ верховную власть, сосредоточенную въ одномъ лицѣ, не иначе, какъ деспотизмомъ. Въ этомъ случаѣ, какъ англичанинъ, онъ, не могъ возвыситься надъ политическими предразсудками своихъ соотечественниковъ. Не смотря на то, Милль прекрасно понималъ, что представительное правленіе не всегда и не вездѣ приложимо, и что во многихъ случаяхъ самодержавіе является единственно возможною и благодѣтельной формою правленія.

Все сказанное видно уже изъ первой главы книги Милля, — изъ главы, рѣшающей вопросъ: „Въ какой мѣрѣ формы правленія подлежатъ свободному выбору“? Полемизируя съ тѣми мыслителями, которые не допускаютъ относительно формъ правленія никакого выбора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ напоминалъ, что политическій механизмъ долженъ быть приуроченъ къ способностямъ и потребностямъ людей, для которыхъ онъ предназначенъ. При этомъ Милль указывалъ на три условія пригодности той или другой формы правленія.

„Народъ, для котораго предназначена та или другая форма правленія, долженъ сочувствовать ей, или, если не сочувствовать, то, по крайней мѣрѣ, не ставить непреодолимыхъ препятій ея установленію. Онъ долженъ желать и быть способнымъ оказывать ей поддержку, исполнить все, что нужно для того, чтобы она могла удовлетворять своей цѣли. Подъ исполненіемъ надо подразу-

мѣвать какъ дѣйствіе, такъ и воздержаніе отъ него. Народъ долженъ быть способенъ выполнить условія дѣйствія и условія самоограниченія, необходимыя, какъ для поддержанія установленнаго политическаго строя, такъ и для осуществленія его цѣлей.

„При отсутствіи одного изъ этихъ трехъ условій правильнаго развитія формы правленія, что-бы ни сулила послѣдняя, она не пригодна для даннаго случая.

„Первое препятствіе, т. е. несочувствіе народа, не нуждается въ поясненіяхъ, потому что въ теоріи оно никогда не могло быть упущено изъ виду. Съ фактомъ несочувствія постоянно приходится встрѣчаться. Ничто, кромѣ внѣшней силы, не могло заставить сѣверо-американскихъ индѣйцевъ подчиниться ограниченіямъ организованнаго политическаго строя. То же самое, хотя и въ менѣе рѣшительной формѣ, можно сказать и о варварахъ, которые наводнили Римскую имперію. Потребовались вѣка и полное измѣненіе условій, чтобы они привыкли къ правильному подчиненію даже собственнымъ вождямъ. Есть націи, которыя добровольно не подчиняются никакому иному правительству, кромѣ правительства извѣстныхъ фамилій, съ незапамятныхъ временъ имѣвшихъ привилегію давать имъ вождей. Другія, если только онѣ не вынуждены были покориться чужеземнымъ завоевателямъ, никогда не соглашались признать монархію или же республику. И это отвращеніе бываетъ такъ сильно, что несимпатичная форма правленія не можетъ быть установлена.

„Но бываютъ и такія случаи, когда народъ, хотя и не противится извѣстной формѣ правленія,—можетъ быть, даже желаетъ имѣть ее,—не расположенъ или не способенъ выполнить даже такія требованія, которыя необходимы для ея номинальнаго существованія. Такъ, народъ можетъ предпочитать свободную форму правленія; но если онъ неспособенъ къ усиліямъ, необходимымъ для ея сохраненія, если онъ не хочетъ бороться за нее, когда ей угрожаетъ непосредственная опасность: если у него можно отнять ее хитростью; если, въ моментъ отчаянія или временной паники, или въ порывѣ увлеченія, онъ можетъ сложить свою свободу у ногъ хотя бы великаго человѣка, или облечь его властью, которая дастъ ему возможность ниспровергнуть свободныя установленія, то во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ болѣе или менѣе не до-

рость до свободы, и хотя кратковременное пользование ею могло послужить ему ко благу, однако, долго свобода при такихъ условіяхъ продержаться не можетъ. Затѣмъ, народъ можетъ не имѣть охоты или быть неспособнымъ къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ на него извѣстной формой правленія. Варварскій народъ, хотя до извѣстной степени и воспріимчивый къ преимуществамъ цивилизованнаго строя, можетъ быть неспособнымъ къ самоограниченію, котораго она требуетъ. Его страсти могутъ быть слишкомъ необузданы, личная гордость слишкомъ непреклонна, чтобы онъ могъ воздержаться отъ частныхъ столкновеній и предоставить закону мстить за причиненныя ему, дѣйствительныя и мнимыя, обиды. Въ подобномъ случаѣ, культурное правительство, чтобы оно могло быть полезнымъ, должно имѣть въ значительной степени характеръ абсолютный, т. е. не допускать надъ собою контроля и сильно ограничивать вліяніе народа“.

Далѣе Милль говоритъ:

„Наконецъ, и представительныя учрежденія окажутся недѣйствительными и будутъ служить лишь простымъ орудіемъ тиранніи и интригъ, если избиратели такъ мало заинтересованы въ этой формѣ правленія, что не желаютъ даже участвовать въ выборахъ, или, если они и подають голоса, но не руководствуются соображеніями общественнаго блага, а подають ихъ за деньги или вотируютъ по указанію лица, отъ котораго зависятъ, или того, кого они хотѣли бы, по личнымъ соображеніямъ, расположить въ свою пользу. Подобныя избирательныя собранія, вмѣсто того, чтобы служить дѣйствительной гарантіей противъ дурного управленія, чаще всего бывають только придаточнымъ колесомъ въ его механизмѣ. Помимо такого рода моральныхъ препятствій, часто и механическія трудности служатъ непреодолимой преградой къ установленію извѣстной формы правленія. Хотя въ древности могла встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчалась значительная личная независимость, но внѣ городской общины правильно организованное народное правленіе было немыслимо, потому что физическія условія, необходимыя для установленія общественнаго мнѣнія, встрѣчались только тамъ, гдѣ граждане могли собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ на одной *агорѣ*. Полагають, что это препятствіе исчезнетъ, какъ только будетъ установлена

представительная система. Но, чтобы его вполне устроить, необходима печать, преимущественно журналистика, — эта единственная, хотя и во многих отношеніях несовершенная, замѣстительница форума. При извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, даже болѣе или менѣе обширная монархія не могла тогда существовать, и неминуемо должна была дробиться на мелкія владѣнія, или совершенно независимыя другъ отъ друга, или связанныя между собою слабыми узами на подобіе феодальныхъ отношеній, потому что правительственный механизмъ былъ недостаточно совершененъ для приведенія въ исполненіе приказаній центральной власти на значительныхъ разстояніяхъ. Даже повиновеніе со стороны арміи обуславливалось только ея доброю волею, и не было средствъ заставить народъ вносить сумму налоговъ, достаточную для содержанія войска, обезпечивавшаго порядокъ на обширной территоріи*.

Если обратиться, съ точки зрѣнія Милля, къ рѣшенію вопроса о пригодности представительнаго правленія для Россіи, то окажется, что оно къ ней совершенно неприложимо. Русскій народъ совершенно чуждъ желанія имѣть у себя представительныя учрежденія, а его преданность самодержавію доказываетъ, что онъ не сталъ бы поддерживать ихъ и дорожить ими, если-бъ они ему были навязаны. Въ Россіи нѣтъ условій, необходимыхъ для народнаго представительства; нѣтъ привычки и привязанности къ нему, не чувствуется потребности въ немъ. Периодическая печать въ Россіи только зарождается и совершенно неизвѣстна массѣ населенія. Еслибы монархическая власть была ослаблена въ Россіи палатами, наше громадное отечество скоро распалось бы на составныя части, ибо оно нуждается, прежде всего, въ крѣпкомъ связующемъ элементѣ. А такимъ элементомъ не можетъ быть народное представительство, пересаженное, какъ оранжерейное растеніе, на неподходящую для него почву, и поставленное въ такія условія, при наличности которыхъ оно не можетъ существовать.

Четвертая глава книги Милля посвящена вопросу: „При какихъ общественныхъ условіяхъ представительное правленіе непримѣнимо?“ Прежде всего, говоритъ Милль, „представительное правленіе, какъ и всякое другое правленіе, непримѣнимо тамъ, гдѣ оно не можетъ быть устойчиво, т. е. тамъ, гдѣ оно не удовлетворяетъ тремъ основнымъ условіямъ, перечисленнымъ въ первой

главъ. Условія эти слѣдующія: 1) народъ долженъ быть расположенъ принять его; 2) народъ долженъ имѣть желаніе и способность выполнить то, что необходимо для его сохраненія; 3) народъ долженъ имѣть желанія и способности, требуемая отъ него тою формою правленія.“

„Въ каждой странѣ, говоритъ Милль, исполнительная власть составляетъ ту отрасль правленія, которая непосредственно завѣдуетъ дѣлами и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ публикой. На нее, главнымъ образомъ, возлагаются надежды, ея опасаются частныя лица; поэтому, съ точки зрѣнія публики, въ ней заключается источникъ благодѣяній, бѣдствій и главное условіе обаянія правительства. Поэтому, если власти, которыхъ обязанность заключается въ томъ, чтобы сдерживать и умѣрять исполнительную власть, не находятъ поддержки въ сильномъ общественномъ мнѣніи и народныхъ чувствахъ, то она всегда найдетъ средство устранить ихъ или принудить къ повиновенію, въ увѣренности, что она встрѣтитъ поддержку въ этомъ дѣлѣ. Устойчивость представительныхъ учрежденій зависитъ отъ готовности народа бороться за нихъ въ случаѣ, если имъ будетъ угрожать опасность. Если ими мало дорожатъ, то они рѣдко могутъ упрочиться, а если это и случится, то можно быть увѣреннымъ, что они будутъ ниспровергнуты, какъ только глава правительства или вождь партіи, который можетъ собрать достаточно силъ для совершенія государственнаго переворота, захочетъ прибѣгнуть къ маленькому риску, чтобы возстановить неограниченную власть“.

Дальнѣйшія указанія Милля могутъ быть цѣликомъ примѣнены, между прочимъ, къ второстепеннымъ государствамъ Балканскаго полуострова.

„Если въ странѣ нѣтъ достаточно элементовъ, чтобы создать общественное мнѣніе, интересующееся государственными дѣлами, то избиратели будутъ пользоваться правомъ голоса только для того, чтобы служить личнымъ или мѣстнымъ интересамъ и интересамъ своихъ сторонниковъ или лицъ, отъ которыхъ они зависятъ. Ничтожная группа людей, которая при подобномъ состояніи общественнаго мнѣнія получаетъ преобладающее вліяніе въ представительномъ собраніи, въ большинствѣ случаевъ, пользуется имъ исключительно, какъ орудіемъ для обезпеченія

своихъ матеріальныхъ интересовъ. Если исполнительная власть слаба, то въ странѣ начинается раздоръ изъ-за выгодныхъ мѣстъ; если она сильна, то она становится деспотичной, вознаграждая народныхъ представителей или тѣхъ, кто можетъ надѣлать ей хлопотъ, участіемъ въ добычѣ. Единственный результатъ народного представительства въ этомъ случаѣ будетъ тотъ, что управление страню обогатится однимъ собраніемъ, и что ни одно злоупотребленіе, въ сохраненіи котораго заинтересована часть народныхъ представителей, не будетъ устранено“.

Бываютъ и другіе случаи, когда представительное правленіе не можетъ быть устойчивымъ и когда слѣдуетъ предпочитать ему другія формы правленія.

„Наиболѣе очевидный изъ этихъ случаевъ, когда народу предстоитъ еще взять первый урокъ гражданственности и повиненія. Племя, которое, благодаря постоянной борьбѣ съ природой и съ сосѣдями, обладаетъ энергіею и мужествомъ, но которое еще не привыкло повиноваться общему вождю, едва ли приобрѣтетъ эту привычку при правленіи, избранномъ изъ его собственной среды. Избранное имъ самимъ представительное собраніе будетъ отражать только его бурную строптивость. Оно будетъ отказывать въ своей санкціи всѣмъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ ограниченія его дикаго чувства независимости. Только требованія войны и необходимая для военнаго командованія деспотическая власть могутъ обыкновенно заставить подобныя племена подчиниться элементарнымъ условіямъ цивилизованнаго общественнаго строя. Только военный вождь можетъ заставить ихъ себѣ повиноваться. Военный вождь, или, всѣми чтимый, пророкъ“. При этомъ Милль, въ видѣ примѣра, указываетъ на Магомета.

Отмѣчая заслуги неограниченной монархіи, Милль вспоминаетъ исторію Франціи и борьбу французскихъ королей съ французскими феодалами.

„Даже въ то время, когда король по своему могуществу едва могъ уравниваться со многими изъ своихъ вассаловъ, онъ, по мнѣнію французскихъ историковъ, имѣлъ громадное преимущество, потому что былъ одинъ. Къ нему обращались взоры всѣхъ угнетенныхъ; онъ былъ надеждою и упованіемъ всего королевства, въ то время, какъ мѣстный владѣтель пользовался мо-

гуществомъ только въ предѣлахъ болѣе или менѣе ограниченнаго района. Со всѣхъ концовъ королевства являлись къ королю искать покровительства и защиты противъ того или другого притѣснителя. Вліяніе его росло очень медленно, но постоянно, такъ какъ королевская власть умѣла пользоваться случайностями, представлявшимися только ей одной. Поэтому вліяніе ея было устойчиво, и, по мѣрѣ того, какъ она упрочивалась, въ притѣсненной части общества ослабѣвала привычка смиренно переносить тяготѣвшее надъ ней иго. Въ интересахъ короля было поощрять всякаго рода попытки крѣпостныхъ освобождаться изъ-подъ власти ихъ господъ и ставить себя въ непосредственную зависимость отъ королевской власти. Подъ ея непосредственнымъ покровительствомъ образовывались многочисленныя общины, которыя не признавали другого властителя надъ собою, кромѣ короля“.

„Повиновеніе отдаленному монарху представляетъ уже само по себѣ свободу въ сравненіи съ господствомъ владѣльца сосѣдняго замка, и король долгое время былъ вынужденъ пользоваться своей властью надъ классами, которымъ онъ помогаль добиться освобожденія, скорѣе какъ союзникъ, чѣмъ какъ господинъ. Такимъ образомъ, центральная власть, деспотическая въ принципѣ, хотя, обыкновенно, очень ограниченная на дѣлѣ, служила главнымъ орудіемъ для достиженія народомъ той ступени цивилизаціи, къ которой онъ бы наврядъ приблизился при представительномъ правленіи“.

Стремленіе нѣкоторыхъ народовъ всего болѣе дорожить чисто мѣстными интересами составляетъ, по мнѣнію Милля, непреодолимое препятствіе для успѣшнаго дѣйствія представительнаго правленія.

„Нѣкоторые народы, во многихъ отношеніяхъ способные пользоваться свободой и подготовленные къ ея воспріятію, могутъ не имѣть необходимыхъ качествъ для того, чтобы образовать даже маленькое государство. Не только взаимная зависть и антипатія могутъ вызвать раздоры и препятствовать сліянію, но и отсутствіе надлежащихъ чувствъ и привычекъ превращаетъ это сліяніе, если оно осуществилось, въ номинальное. Такъ, напримѣръ, граждане древнихъ общинъ или жители азіатской деревни могли имѣть большой опытъ въ завѣдываніи

сельскими или городскими дѣлами и даже осуществлять иногда сносное народное правленіе въ этомъ ограниченномъ видѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могли чувствовать только слабую симпатію къ жителямъ другихъ общинъ и деревень, не имѣть ни привычки, ни способности завѣдывать дѣлами многихъ объединенныхъ центровъ этого рода. Я не знаю примѣра въ исторіи, когда бы извѣстное число этихъ политическихъ частицъ слилось въ одно цѣлое и начало бы себя чувствовать однимъ народомъ, не подчинившись предварительно общей центральной власти. Только привыкнувъ уважать эту власть, входить въ ея планы, содѣйствовать ея цѣлямъ, такой народъ начинаетъ понимать широкіе интересы, присущіе странѣ значительныхъ размѣровъ. Напротивъ, подобные интересы составляютъ главный предметъ заботъ центрального правителя; и только благодаря болѣе или менѣе тѣснымъ сношеніямъ, которыя оно устанавливаетъ съ отдѣльными мѣстностями, эти интересы становятся доступны всѣмъ“.

Милль называетъ политической аксіомой слѣдующее положеніе: неограниченной монархіи скорѣе, чѣмъ представительному правленію, удастся сливать незначительныя политическія единицы въ одинъ народъ, скрѣпленный чувствомъ солидарности, достаточно сильный, чтобы противодѣйствовать завоеваніямъ и нашествіямъ, и обладающій настолько разнообразными и значительными интересами, чтобы соотвѣтственно расширить общественный политическій кругозоръ народа.

Таковы случаи непригодности представительнаго правленія, указываемые Миллемъ въ четвертой главѣ.

Въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ (14 Мая 1896 г.).

Сегодня Всероссийскій Императоръ, могущественнѣйшій изъ монарховъ всего міра, возложитъ на себя корону, будетъ муропомазанъ на царство, прочтетъ вслухъ православный Символь вѣры и, колѣнопреклоненный, произнесетъ трогательную молитву, прекрасно выражающую возвышенный и мистическій характеръ нашего Самодержавія: „Господи, Боже отецъ и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроивый челоуѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ Мя еси Царя и судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе, и, благодаря, Величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною присѣдающая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима и что есть право въ заповѣдехъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ вручевныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“.

Кто изъ русскихъ не откликнется всей душой на эту молитву своего Государя и не пожелаетъ Ему долгихъ и долгихъ лѣтъ счастливаго царствованія во славу и на благо русскаго народа и русскаго государства?

Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей наглядно опредѣляетъ значеніе Священнаго Коронованія Русскихъ Государей. „Восшествіе нашего наслѣдственнаго Царя на престоль, говоритъ знаменитый церков-

ный ораторъ нашего времени, есть событіе, заранѣе признанное народомъ, не представляющее нечаяннымъ, не возбуждающее сомнѣній и недоумѣній, — какъ при перемѣнѣ правительствъ у другихъ народовъ, — есть такой же актъ въ нашей народной жизни, какъ въ природѣ неотложное и всегда ожидаемое, урочное восхожденіе солнца, а *Священное Коронованіе есть какъ бы обрученіе Царя Его царству для единодушнаго и нераздѣльнаго служенія благу страны и государству*“.

Какъ просты и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мѣтки эти сравненія! „Священное Коронованіе есть какъ бы обрученіе Царя Его царству“... Вотъ почему на сегодняшнемъ торжествѣ въ Успенскомъ соборѣ будетъ присутствовать духовно вся Россія, ибо то, что совершится нынче въ стѣнахъ этого храма, близко касается всей Русской Земли, неразрывно связанной съ своимъ Государемъ.

Священное Коронованіе Императоровъ Всероссійскихъ является не только русскимъ торжествомъ, но и торжествомъ чистой монархіи вообще, спасительное значеніе которой перестали понимать на Западѣ, — монархіи, чуждой всякихъ сдѣлокъ съ парламентаризмомъ, аристократическими и демократическими началами, и сочетающей въ себѣ неограниченную власть съ покровительствомъ разумной свободѣ, твердость и единство государственнаго правленія съ стремленіемъ къ общему благу. Иностранцы, съѣхавшіеся въ Москву, увидятъ въ ней то, чего они не увидятъ ни на Западѣ, ни внѣ европейскихъ государствъ: Монарха-автократа, любимаго своимъ народомъ и руководящагося въ своихъ дѣйствіяхъ христіанствомъ временъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ.

Намъ припоминаются слова Грановскаго: „Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросли наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что Русское Самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облеклась въ другихъ странахъ. Непросвѣтленныя христіанствомъ,

чуждыя понятію о правѣ и законности, деспотіи Востока и основанная на случайномъ успѣхѣ и матеріальной силѣ Римская имперія являются равно искаженіемъ монархической формы. Даже въ христіанскихъ государствахъ новой Европы форма эта не всегда сохранялась въ должной чистотѣ. Латино-германскія государства возникли большею частью вслѣдствіе завоеванія, результатомъ котораго было рѣзкое отдѣленіе и потомъ борьба сословій, образовавшихся изъ покорившихъ и покоренныхъ племенъ. Государя западной Европы не могли не принять участія въ этихъ междоусобныхъ спорахъ, чрезъ это дѣятельность ихъ утратила тотъ высокій характеръ безпристрастія и безкорыстія, который, по мирному происхожденію своему и ходу нашей исторіи, сохранило Русское самодержавіе. Между тѣмъ, какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ Самодержаніе положило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство—отъ Іоанновъ, образованіе—отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ—отъ его преемниковъ* *).

Священное Коронованіе служитъ напоминачіемъ обо всемъ этомъ и поэтому имѣетъ не только важное религіозное значеніе, но является и крупнымъ политическимъ событіемъ, какъ символическое воплощеніе тѣхъ упованій и надеждъ, которыя возлагаетъ Россія на своихъ Государей, и тѣхъ нравственныхъ узъ, которыя соединяютъ Имперію съ ея Главою.

* * *

Разъясненіе смысла и значенія мвропомазанія, которое совершается при Священномъ Коронованіи надъ Русскими Государями, находится во второмъ томѣ (§ 210) „Православно-догматическаго богословія“ Макарія, покойнаго митрополита Московскаго.

„Такъ какъ таинство мвропомазанія знаменуетъ или запечатлѣваетъ насъ „печатію дара Духа Святаго,“ (Еф. 1, 13; 4, 30; 2 Кор. 1, 29), и такъ какъ *извѣствуй* (утверждающій) и помазующій насъ Богъ, и *имже запечатлѣваетъ насъ и даетъ че-*

*) Сочиненія Грановскаго, II, „Записка и программа учебника всеобщей исторіи“.

резъ это таинство *обрученіе Духа въ сердца наша* (2 Кор. 1, 22), *върнѣнъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ* (2 Тим. 2, 13), то таинство мѣропомазанія, подобно таинству крещенія, всегда считалось и нынѣ считается неповторяемымъ („Православ. испов.“, ч. 1, отв. на вопр. 105). Разность только въ томъ, что крещеніе, если оно совершено правильно, не повторяется ни для кого, хотя бы кто даже отрекся имени Христова и потомъ обратился вновь къ православной церкви, а мѣропомазаніе для отречшихся имени Христова повторяется въ случаѣ обращенія ихъ къ православію („Правосл. испол“, ч. 1, отв. на вопр. 15).

„Что же касается до священнодѣйствія, когда православная церковь помазуетъ св. мѣромъ благочестивѣйшихъ Государей при вѣнчаніи ихъ на царство, соотвѣтственно тому, какъ помазываются были цари *елесмъ святымъ* въ церкви ветхозавѣтной, по повелѣнію самого Бога (Пс. 88, 21; 1 Цар. 10, 1; 15, 3; 12, 13),— отчего и назывались *Христами* Его или помазанниками (1, Царств. 12, 3, 5; 24, 7 и др.), то это не есть повтореніе таинства мѣропомазанія, черезъ которое сообщаются всѣмъ вѣрующимъ благодатныя силы, необходимыя собственно въ жизни духовной, но есть только иная, высшая степень сообщенія даровъ Св. Духа, потребныхъ для особеннаго, чрезвычайно важнаго, указываемаго самимъ Богомъ (Дан. 4, 22, 29), служенія царственнаго. *И прія Самуиль розъ со елесмъ*, повѣтствуется о мѣропомазаніи на царство царя Давида, *и помаза его посреди братіи его. И носашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ* (1 Царств. 16, 13). Извѣстно, что не повторяется и таинство священства; однако, оно имѣетъ свои степени, и рукоположеніе вновь и вновь совершаетъ священнослужителей для высшихъ служеній; такъ и мѣропомазаніе Царей на царство есть только особая высшая степень таинства, низводящая *сугубый Духъ* на помазанниковъ Божіихъ. Самыя молитвы, читаемыя при этомъ великомъ священнодѣйствіи, указываютъ на особенные дары, какіе испрашиваетъ Православная Церковь Богоизбранному Монарху. „О еже помазаніемъ всесвятаго мѣра пріяты Ему съ небесе,—возглашаетъ, между прочимъ, протодіаконъ,—къ правленію и правосудію силу и премудрость, Господу помолимся“. И перво-святитель, совершающій таинство, взываетъ потомъ: „Господи,

Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господи господствующихъ, иже черезъ Самуила пророка избравый раба своего Давида и помазавый его въ царя надъ людомъ Твоимъ Израилевымъ! Самъ и нынѣ услыши моленіе насъ недостойныхъ,.. и вѣрнаго раба Твоего, великаго Государя,.. помазати удостой елеемъ радованія, одѣй Его силою съ высоты,.. посади Его на престолѣ правды, огради Его всеоруженіемъ Святаго Твоего Духа, укрѣпи Его мышцу,.. покажи Его извѣстнаго хранителя святыхъ Твоея каеолическія церкви догматовъ...

О мнимомъ универсализмѣ парламентскаго правленія.

Бурныя сцены, которыми ознаменовались въ послѣдніе годы засѣданія европейскихъ парламентовъ: скандалы, перебранки, драки и шутовскія продѣлки народныхъ представителей, свидѣлствуютъ о тяжкомъ кризисѣ, переживаемомъ современнымъ парламентаризмомъ. А давно-ли еще онъ провозглашался универсальнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ свойство спасательно дѣйствовать подъ всѣми широтами и долготами? Не мѣшаетъ вспомнить, какъ универсальность парламентаризма проявила себя на дѣлѣ.

Теперь даже Турція состоитъ въ числѣ конституціонныхъ государствъ. Турецкая конституція была сфабрикована въ концѣ 1876 года, но Сенатъ и Палата депутатовъ Оттоманской имперіи были созваны въ послѣдній разъ въ 1877 году. Турецкая конституція отцвѣла на утрѣ своихъ дней, турецкій парламентъ, организованный по идеѣ Мидхада-паши, просуществовалъ всего одинъ мѣсяць. Но конституція не была отмѣнена султаномъ: онъ объявилъ, что лишь пріостанавливаетъ ея дѣйствіе, въ дѣйствительности же онъ скоро убѣдился, что затѣя Мидхада не имѣетъ смысла. Тѣмъ не менѣе, Турція доселѣ de jure имѣетъ конституцію, вслѣдствіе чего султанъ утверждаетъ всѣ законы подъ заглавіемъ „временныхъ постановленій“.

Абдуль-Гамидъ упразднилъ нелѣпѣйшую изъ конституцій на дѣлѣ, но не рѣшился упразднить ее окончательно и съ полной откровенностью, хотя и былъ убѣжденъ въ томъ, что конституція 1876 года никуда не годится.

Г. Тепловъ, авторъ интересной книги „Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ“, по этому поводу говорить:

„Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя очевидна вся невозможность для Турціи имѣть конституціонный образъ правленія. Невозможность эта вытекаетъ изъ разноплеменности народовъ Оттоманской имперіи, другъ другу враждебныхъ, съ стремленіями совершенно различными, не имѣющихъ между собой никакой солидарности, раздѣленныхъ происхожденіемъ, религіею, нравами и, вдобавокъ, не обладающихъ ни достаточнымъ образованіемъ, ни политической зрѣлостью; излишне также говорить, что съ точки зрѣнія практической, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя было бы даже составить правильныхъ списковъ избирателей.

„Кромѣ того, при болѣе пристальномъ изученіи вопроса о пригодности конституціоннаго образа правленія для Турціи, можетъ быть, возможно подыскать еще и другія причины, лежащія гораздо глубже и обусловливающія непримѣнимость подобной системы къ Оттоманской имперіи.

„Только неограниченная монархія совмѣстна съ восточными понятіями. Парламентаризма азіатъ не понимаетъ, и колебанія, напр., англійской парламентской политики представляются восточному человѣку только слѣдствіемъ слабости и нерѣшительности... На восточнаго человѣка дѣйствуетъ только страхъ; уважаютъ только того, кого боятся, а изъ этого ясно, что единственная форма правленія для восточныхъ государствъ, одинаково выгодная и для государя, и для подданныхъ, и вполне соответствующая народному сознанію, это ничѣмъ неограниченная сильная центральная власть.—Не будетъ такой власти, не будетъ государства“.

Имѣетъ свою конституцію и Японія, такъ быстро превратившаяся изъ полуварварской державы въ государство, усвоившее себѣ верхушки и внѣшность европейской цивилизаціи. Въ Японіи практикуются и парламентскія пренія, и министерскіе кризисы, и палатскіе запросы, и капризы большинства, и партійная борьба. Въ Японіи есть даже то, чего нѣтъ въ Европѣ: политическіе убійцы, дѣйствующіе по найму. Какъ только рознь японскаго парламента обостряется, они сейчасъ-же выступаютъ на сцену и предлагаютъ свои услуги японскимъ парламентскимъ вожакамъ и ораторамъ, почитающимъ себя обиженными и обойден-

ными. Наемные убійцы, завершающіе личные счѣты крикуновъ японскаго парламента, считаются въ Японіи неизбѣжнымъ зломъ, и парламентская хроника Японіи очень часто прерывается сообщеніями о гибели того или другаго парламентскаго дѣятеля; павшаго подъ ножомъ какого-нибудь ловкаго бандита, готоваго за деньги убить представителя какой угодно партіи. Само собою разумѣется, что въ японскомъ парламентѣ политическія партіи формируются и распадаются чрезвычайно быстро и по большей части неожиданно. Японскій парламентаризмъ представляетъ любопытное явленіе, достойное самаго внимательнаго изученія; онъ показываетъ, къ какимъ абсурдамъ можетъ привести обезьянчанье, доведенное до *pes plus ultra*, и во что могутъ вырождаться западно-европейскія учрежденія, пересаженные на совершенно неподходящую для нихъ почву.

Универсализмъ парламентаризма весьма плачевно проявилъ себя не только на мусульманскомъ Востокѣ и на Дальнемъ азиатскомъ Востокѣ, но и въ нѣкоторыхъ, недавно возникшихъ въ Европѣ, государствахъ.

Изъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, парламентаризма нѣтъ только въ маленькой Черногоріи, благодаря чему она хорошо и управляется. А какъ управляются Греція, Сербія, Болгарія и Румынія - всѣмъ извѣстно.

Греческій парламентаризмъ уже давно стяжалъ себѣ какую то опереточную репутацію. Телеграфъ то и дѣло сообщаетъ о министерскихъ кризисахъ въ Афинахъ. Но понять причину этихъ кризисовъ нѣтъ никакой возможности. Греческіе парламентскіе дѣятели подкапываются другъ подъ друга не вслѣдствіе какихъ-нибудь принципиальныхъ разногласій, а вслѣдствіе чисто личныхъ и своекорыстныхъ побужденій. Они постоянно поносятъ другъ друга и устраиваютъ парламентскія бури. Государственные интересы стоятъ при этомъ на заднемъ планѣ. На первомъ же планѣ стоитъ вопросъ о распредѣленіи казенныхъ должностей и казенныхъ подрядовъ между членами побѣдившей „партіи“. Греческія парламентскія партіи обыкновенно именуются по фамиліямъ своихъ вожаковъ. Греческій парламентъ не болѣе, какъ собраніе статистовъ, поддакивающихъ нѣсколькимъ коново-

дамъ, которые поочередно пользуются властью и подставляют другъ другу ноги.

Какія гарантіи представляетъ для болгаръ, Народное собраніе—всѣмъ извѣстно: достаточно вспомнить 2—3 эпизода стамбуловскаго режима, чтобы убѣдиться въ ничтожествѣ болгарской конституціи.

Всѣмъ извѣстно также, во что выродилась сербская конституція съ ея каррикарными выборами, съ ея полупродажными—полузабитыми избирателями.

О конституціяхъ южно-американскихъ и средне-американскихъ республикъ нѣтъ надобности распространяться: во всемъ мірѣ, вѣроятно, нѣтъ такого фанатическаго поклонника парламентаризма, который рѣшился бы взять подъ свою защиту безпрестанные государственные перевороты и кровопролитныя стычки генераловъ, желавшихъ управлять этими курьезными государствами; ихъ граждане, ложась спать, заранѣе готовятся услышать ночью на улицахъ ружейную пальбу, знаменующую собою провозглашеніе новаго президента.

Если бы кто-нибудь поставилъ своей задачей изучить дѣйствіе парламентаризма во всѣхъ частяхъ свѣта, то въ результатѣ явилось бы весьма поучительное и весьма интересное сочиненіе, которое доказало бы, какъ дважды два—четыре, что говорить объ универсализмѣ парламентарскаго режима, какъ о панацеѣ отъ всѣхъ бѣдъ, просто забавно. Парламентаризмъ давалъ хорошіе плоды только въ одной Англіи, но не на западно-европейскомъ континентѣ. А теперь, съ распаденіемъ двухъ великихъ партій, поочередно управлявшихъ Англіей, онъ и въ Англіи трещитъ по всѣмъ швамъ.

О нѣкоторыхъ ложныхъ взглядахъ на русскій государственный строй.

Русская образованность и русскій царизмъ.—Его будущность.—Онъ развивается все болѣе и болѣе,—Самобытность русской неограниченной монархіи.— Сознательность русскаго политическаго творчества.— Попытки ограниченія Царской власти въ Россіи.— Оппозиція Русскому Самодержавію и его критики.—
Объ одномъ изреченіи въ романѣ Тургенева „Дымъ“.

I.

Есть мнѣніе, будто неограниченная монархіа можетъ существовать только у мало образованныхъ народовъ.

Это мнѣніе ни на чемъ не основано.

Развѣ монархическія привязанности и монархическія убѣжденія могутъ быть только у людей мало образованныхъ? Но какъ же быть съ тѣми знаменитыми мыслителями, поэтами и писателями, которые проповѣдывали монархическія начала? Какъ быть въ такомъ случаѣ съ Карамзинымъ, братьями Аксаковыми, Катковымъ, Пушкинымъ, Шекспиромъ и т. д.? Развѣ они были менѣе образованы, чѣмъ члены Общества Соединенныхъ Славянъ, составлявшіе крайнюю лѣвую декабристовъ? Развѣ Глинка, написавшій *Жизнь за Царя*, былъ менѣе образованъ, чѣмъ „композиторы“, клавшіе на музыку разныя революціонныя пѣсни?

Та или другая форма правленія опредѣляется не только числомъ образованныхъ или ученыхъ людей въ странѣ, а цѣлымъ рядомъ историческихъ, бытовыхъ и иныхъ условій.

Пока древній Римъ былъ мало образованъ, онъ управлялся республиканскимъ режимомъ, когда же онъ сдѣлался центромъ всей древней цивилизаціи, онъ подчинился императорской власти. Германія, далеко не утратившая уваженія къ монархическому прин-

ципу, гораздо образованнѣе южно-американскихъ республикъ, а Китай ужъ, конечно, гораздо образованнѣе республики Либеріи.

Вообще, только люди, зараженные политическими предрассудками, могутъ воображать, будто образованные народы управляются посредствомъ республиканскаго аппарата и представительныхъ учреждений, а необразованные—монархами.

Въ теперешней Россіи процентъ грамотныхъ людей, конечно, больше, чѣмъ въ Новгородѣ времянь Ганзы. И что же? Теперешняя Россія управляется самодержавными монархами, а въ Новгородѣ времянь Ганзы были и выборные князья, и вѣче.

Нѣтъ никакого основанія думать, что развитіе монархическихъ началъ находится въ противорѣчьи съ распространеніемъ образованія.

Въ повѣсти Гоголя „Портретъ“ Екатеринѣ II приписываются слова и мысли, имѣющія прямое отношеніе къ вопросу о вліяніи монархическихъ началъ на развитіе образованности.

„Государыня замѣтила, что не подѣ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художествъ; что, напротивъ, одни монархи были ихъ покровителями; что Шекспиръ, Мольеры, процвѣтали подѣ ихъ великодушною защитой, между тѣмъ, какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ волненій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни одного поэта“.

II.

Говорятъ: „Почемъ знать, что будетъ лѣтъ черезъ 100, черезъ 200? Ничто не вѣчно подѣ луною. Россія была когда-то удѣльно-вѣчевою страню, потомъ сдѣлалась неограниченною монархіей; очень можетъ быть, что наступитъ такое время, когда она будетъ монархіей конституціонною, или усвоитъ себѣ иную форму правленія, федеративно-республиканскую, напримѣръ.“

Будущее извѣстно одному Богу, но, на основаніи историческихъ указаній и всего того, что мы знаемъ о современной Рос-

си, можно сказать, что наше Самодержавіе тѣсно связано съ политическимъ бытіемъ Россіи, что оно растеть, а не малится.

Извѣстно, что ни одна форма правленія не отличается такою устойчивостью, какъ неограниченная и наслѣдственная монархія. Демократическія и аристократическія республики держались обыкновенно не долго и быстро погибали отъ междоусобныхъ распрей и внѣшнихъ ударовъ (вспомните древнюю Грецію, древній Римъ, средневѣковую Венецію, Новгородъ и Псковъ), нѣкоторыя же монархіи держались и держатся цѣлыя тысячелѣтія. Можно думать, поэтому, что бытіе Русскаго Самодержавія потомство будетъ считать тоже тысячелѣтіями. Все говоритъ за то, что, пока будетъ Россія, будетъ и Русское Самодержавіе, ибо существованіе такого громаднаго политическаго организма, какъ наша родина, немыслимо безъ Самодержавія.

Но долго ли будетъ существовать Россія? Она уже отпраздновала тысячелѣтнюю годовщину, но, вѣдь, не безъ причины же на Западѣ господствуетъ убѣжденіе, даже среди нашихъ заклятыхъ враговъ, что русскій народъ—народъ молодой, о дряхлости котораго говоритъ совсѣмъ странно. Тысячелѣтіе—срокъ, конечно, не малый, но Россія во всякомъ случаѣ гораздо моложе западно-европейскихъ державъ, отнюдь не помышляющихъ о смерти.

Къ тому же еще вопросъ и большой вопросъ: слѣдуетъ ли принимать за начало историческаго бытія современной Россіи 862-ой годъ? Россійская Имперія, если даже отождествлять ее съ Московскимъ государствомъ даровитѣйшихъ собирателей Земли Русской, еще не скоро будетъ праздновать тысячелѣтнюю годовщину. Московское государство можетъ быть уподоблено громадному зданію, построенному на гробницахъ множества давно погибшихъ княжествъ и царствъ, а Россійская Имперія—еще болѣе громадному зданію, сооруженному на развалинахъ или, вѣрнѣе, *на костяхъ* Московскаго Государства. Россійской Имперіи нѣтъ еще и 200 лѣтъ, а Русскому Самодержавію нѣтъ еще и пятисотъ лѣтъ, если считать его начало отъ Іоанна III.

Кто-то сравнивалъ Россію съ роскошнымъ плодомъ, уженосящимъ въ себѣ зародыши гніенія. Эти зародыши, насколько можетъ догадываться челоувѣческое предвѣдѣніе, могутъ заключаться

въ распространеніи безвѣрія, сектанства, антимонархическихъ началъ, нищеты, роскоши и т. д., и т. д. Но жизненность Россіи не оскудѣвала и не оскудѣваетъ. XIX вѣкъ ознаменовался для нея появленіемъ цѣлаго ряда геніальныхъ умовъ, дарованій и характеровъ. Жизненность Россіи доннынѣ проявляется и чисто-внѣшнимъ образомъ: въ развитіи ея политическаго могущества, въ томъ почетномъ положеніи, которое она занимаетъ среди другихъ державъ, въ ея міровой политикѣ, въ ея территоріальномъ разростаніи.

Политическіе организмы обладаютъ такою же жизненностью, какъ и біологическія особи, и растутъ, подобно имъ, впредь до полной возмужалости. Россія еще не достигла полной возмужалости, иначе она не приобрѣтала бы новыхъ территорій, и притомъ не гдѣ-нибудь за океаномъ, а у самыхъ границъ своихъ.

Жизненность Россіи наглядно сказывается въ томъ, что ея территорія увеличивается какъ бы сама собой, даже въ самыя мирныя царствованія.

А чѣмъ больше увеличивается Россія, тѣмъ больше она нуждается въ Самодержавіи *).

III.

Съ каждымъ новымъ царствованіемъ, Царская власть въ Россіи не ослабѣвала, а возрастала и укрѣплялась, и не потому только, что съ теченіемъ времени Россія увеличивалась и требовала, въ силу своихъ географическихъ особенностей, все болѣе и болѣе твердыхъ скрѣпъ, но и потому, что каждое, сколько-нибудь крупное, историческое событіе въ Россіи имѣло своимъ необходимымъ послѣдствіемъ возвышеніе Царской власти.

Всѣ наши монархи были Самодержцами, но самодержавіе . . . . .
каждаго изъ нихъ имѣло свои оттѣнки. Эти оттѣнки зависѣли отъ духа времени и индивидуальныхъ особенностей того или другого государя.

Михаиль Ѳеодоровичъ былъ самодержцемъ, но еще болѣе самодержцемъ былъ его сынъ Алексѣй Михайловичъ, ибо при Але-

*) См. ниже, стр. 2 -15 и 96

ксѣй Михайловичѣ были окончательно опредѣлены отношенія Царя къ Церкви.

Благодушный Ѳеодоръ Алексѣевичъ укрѣпилъ самодержавіе, положивъ конецъ мѣстничеству и тѣмъ самымъ развязавъ своимъ преемникамъ руки въ дѣлѣ замѣщенія государственныхъ постовъ и должностей.

Петръ Великій отмѣнилъ многое изъ того, что читилось древнею Русью, но онъ не только не пошатнулъ Царской власти, но систематически старался укрѣплять и возвышать ее. Къ этой именно цѣли были направлены уничтоженіе патріаршества и Боярской Думы, введеніе табели о рангахъ, учрежденіе Синода, Сената, коллегій и т. д. Окруживъ свой тронъ ореоломъ новаго величія и громкой славы, сдѣлавшись основателемъ и повелителемъ регулярной арміи и военного флота, Петръ Великій и своими реформами, и своими побѣдами довершилъ созиданіе Русскаго Самодержавія, начатое его предшественниками, великими князьями и царями Московскими.

То, что мы сказали о Петрѣ Великомъ и первыхъ царяхъ изъ Дома Романовыхъ, можно сказать и по поводу позднѣйшихъ царствованій. Возьмемъ хотя бы царствованіе Александра II, когда кипѣла крамола, и когда на тронѣ возсѣдалъ одинъ изъ благодушнѣйшихъ монарховъ, какихъ знаетъ исторія. Величайшая изъ его реформъ — освобожденіе крестьянъ — несомнѣнно имѣла своимъ послѣдствіемъ утвержденіе Царской власти на чистонародной основѣ. *Эта реформа поставила Царя лицомъ къ лицу съ крестьянами.* А судебная реформа и всѣ другія реформы Александра II, имѣвшія цѣлью упраздненіе судебного и административнаго произвола? Развѣ онѣ, по замыслу Царственнаго Законодателя, *не должны были содѣйствовать* укрѣпленію Самодержавія? Развѣ онѣ не были направлены къ тому, чтобы законность, а, слѣдовательно, и воля Царя, признавались въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ государства?

Принято думать, что Александръ II ослабилъ бразды правленія послѣ Николая Павловича. Императоръ Николай Павловичъ былъ, правда, строже своего преемника, но при Николаѣ Павловичѣ законъ нарушался гораздо чаще, чѣмъ послѣ реформъ его сына. Гоголевскіе чиновники, конечно, признавали Царскую власть

и не были ни республиканцами, ни конституционалистами, но они торговали правосудіемъ и гнули законъ, какъ хотѣли. Вотъ почему Николай Павловичъ и сказалъ на первомъ представленіи *Ревизора*, что Ему больше всѣхъ досталось отъ автора комедіи. Самодержавіе, по духу своему, требуетъ неуклоннаго исполненія на всемъ пространствѣ Имперіи ясно выраженной и даже подразумѣваемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воли Государя. Съ этой точки зрѣнія Императоръ Александръ II, безъ сомнѣнія, много сдѣлалъ для укрѣпленія Самодержавія.

Вообще, какое бы изъ событій русской исторіи мы ни взяли, каждое изъ нихъ окажется связаннымъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ Самодержавія.

Остановимся хотя бы на дѣлахъ Китая, неожиданно—негаданто ополчившагося противъ христіанства и бѣлой расы. Теперь намъ еще нельзя считать Китай безопаснымъ сосѣдомъ, а вѣдь наша граница съ Китаемъ тянется на 8000 верстъ, и нынѣ самъ собою выдвигается вопросъ, тревожащій даже Западную Европу: что будетъ, если Имперія богдыхановъ усвоитъ себѣ европейскую технику, введетъ у себя всеобщую воинскую повинность, обучить и вооружить на европейскій ладъ всѣ свои войска? *Еслибы у насъ не было Самодержавія, его нужно было бы создать въ виду новой угрозы, являющейся на Дальнемъ Востоку.*

Нѣкоторые писатели предрекаютъ неизбѣжность грознаго нашествія монгольскихъ племенъ и чуть не всесвѣтное монгольское иго, причемъ возлагаютъ свои упованія на Россію. Если даже не взирать на будущее со столь мрачной точки зрѣнія и не думать, что въ Китаѣ можетъ появиться второй Аттила, то намъ все-таки нельзя смотрѣть на китайцевъ, какъ на безобидныхъ сосѣдей, войны съ которыми нѣтъ основанія опасаться. Сама жизнь выдвигаетъ для Русскихъ Государей новую и великую задачу, и тѣмъ самымъ указываетъ на необходимость дальнѣйшаго укрѣпленія и развитія монархическихъ началъ въ Россіи, какъ въ государственной практикѣ, такъ и въ умахъ, и сердцахъ всѣхъ русскихъ людей.

IV.

Есть мнѣніе, что русское Самодержавіе не представляетъ ничего своеобразнаго.

Пишущій эти строки столкнулся съ этимъ мнѣніемъ еще въ студенческіе годы, перечитывая курсъ государственнаго права одного даровитаго, давно умершаго профессора, принадлежавшаго къ числу западниковъ. Опровергая славянофиловъ, указывавшихъ на самобытность Россіи и русской культуры, этотъ профессоръ сближалъ московское самодержавіе съ западно-европейскимъ абсолютизмомъ и приходилъ къ заключенію, что оно составляетъ лишь одну изъ не разъ повторявшихся въ исторіи разновидностей неограниченной монархіи.

Всѣ формы правленія можно подвести подъ нѣсколько основныхъ категорій. Но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ монархіи, за исключеніемъ древнѣйшихъ изъ нихъ, были повтореніемъ первоначальныхъ прототиповъ. *Форма правленія*—понятіе родовое, *неограниченная монархія*—видовое, *Русское Самодержавіе*—понятіе недѣлимое. Исторія знаетъ много монархій, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ монархіи тождественны. И орель, и ласточка, и страусъ—птицы, но ихъ нельзя смѣшивать. Разъяснять столь простую истину значить разъяснять основныя начала логики объ объемѣ понятій.

Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ неограниченныхъ монархій есть нѣкоторыя общія черты, вытекающія изъ ихъ природы, но у каждой изъ нихъ есть и свои особенности. И египетскіе фараоны, и китайскія богдыханы, и цари древней Персіи, и турецкіе султаны, и византійскіе базилевсы были неограниченные монархи. Но какая громадная разница между ихъ идеалами, правительственными приемами, представленіями о власти, стремленіями, задачами и дѣлами!

Русское Самодержавіе столь же мало похоже на монархіи древняго Востока, какъ Царь Алексѣй Михайловичъ на какого-нибудь индійскаго раджу. Русское самодержавіе столь же рѣзко отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма, какъ отличался Петръ Великій отъ Людовика XIV или Александръ II отъ Фридриха II прусскаго или Филиппа II Испанскаго.

Каждая неограниченная монархія развивалась и развивается подъ вліяніемъ цѣлаго ряда условій мѣста и времени и поэтому имѣетъ, помимо видовыхъ чертъ, ей одной присущія черты. Религія народа, природа занимаемой имъ территоріи, его культу-

ра, его психическій строй, исторія, быть, достоинства и недостатки, привычки и понятія,—все это налагало и налагаетъ на каждую неограниченную монархію свой отпечатокъ. Въ томъ и заключается задача науки, чтобы рельефно выдѣлить этотъ отпечатокъ.

Задача русской исторіи и русскаго государственнаго права заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы показать особенности Русскаго Самодержавія сравнительно со всѣми другими самодержавіями, отмѣтить его своеобразный, русскій, національный характеръ.

Необходимо выяснитъ точно и раздѣльно, какъ отразилось на Русскомъ Самодержавіи вліяніе русской природы, вліяніе минувшихъ судебъ Россіи, вліяніе тѣхъ народовъ, съ которыми она сталкивалась, вліяніе русской народности, и т. д., и т. д., и т. д. А priori можно сказать, что Русское Самодержавіе въ высшей степени самоцвѣтно. Всестороннее изслѣдованіе его—дѣло будущаго. Но смѣшивать его съ самодержавіями, возникшими на языческой почвѣ и доходившими до обоготворенія монарховъ, или съ самодержавіями римско-католическими и протестанскими, видѣвшими въ монархѣ то ставленниковъ Ватикана, то „первыхъ между равными“ имъ вассалами, то первыхъ слугъ (иначе: высшихъ сановниковъ) государства,—значитъ впадать въ грубую ошибку.

V.

Особенности каждой формы правленія, въ ея реальномъ выраженіи у того или другого народа, познаются, какъ мы сказали, изъ ея происхожденія, изъ мѣста и времени ея дѣйствія, изъ ея стремленій, изъ ея общаго духа и т. д. Особенности Русскаго Самодержавія могутъ быть предметомъ отдѣльнаго и обширнаго этюда. Намѣтимъ ихъ здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ:

1) Наше Самодержавіе есть организція верховной власти, созданная русскимъ народомъ или, точнѣе сказать, великорусскимъ племенемъ, чѣмъ оно и отличается отъ всѣхъ другихъ самодержавій восточнаго, западно-европейскаго, а также и славянскаго типовъ.

2) Наше Самодержавіе—самодержавіе христіанское. Въ этомъ заключается его отличіе отъ языческихъ и мусульманскихъ мо-

нархій. Наше Самодержавіе, кромѣ того, выросло на православной почвѣ. Въ этомъ заключается его отличіе отъ неограниченныхъ монархій, возникавшихъ на почвѣ римско-католической или протестантской.

3) Наше Самодержавіе дѣйствуетъ подъ такими широтами, до которыхъ не простиралась власть никакихъ монарховъ, кромѣ русскихъ. Наше Самодержавіе, если можно такъ выразиться, самое сѣверное изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ самодержавій. Южныя и среднія полосы Имперіи еще могутъ быть сравниваемы, по ихъ географическому положенію, съ территориями другихъ неограниченныхъ монархій, прежде бывшихъ или теперешнихъ, но сѣверныя области Русской Державы далеко отстоятъ отъ всѣхъ территорій, входившихъ или входящихъ въ какія-либо неограниченныя монархіи.

Наше Самодержавіе, можно сказать, акклиматизировало монархическія начала на сѣверѣ. Русскій Царь, поэтому, всегда представлялся западнымъ народамъ, въ противоположность другимъ неограниченнымъ монархамъ, „сѣвернымъ властелиномъ“. Это прекрасно выражено въ стихотвореніи А. Н. Майкова, посвященномъ памяти Шекспира:

Но въ дни, когда ты цвѣлъ, и смѣло и свободно
Британскій флагъ вступалъ ужъ въ чуждыя моря;
Ты смутно лишь слыхалъ объ *Русси* холодной,
Великолѣпнн Московскаго Царя,
Боярахъ въ золотой одеждѣ, свѣтозарныхъ
Палатахъ, гдѣ стоитъ слоновой кости тронъ,
И возсѣдаетъ самъ владыка странъ полярныхъ,
Безмолвіемъ и славой окружень...

Въ предѣлахъ Россіи есть нынѣ и подтропическія страны, но славянамъ Балканскаго полуострова и жителямъ знойнаго юга Русскій Монархъ и теперь представляется „владыкой странъ полярныхъ“.

4) Наше Самодержавіе рѣзко отличается отъ другихъ самодержавій своимъ сродствомъ съ нѣкоторыми другими неограниченными монархіями. Оно не испытывало прямого воздѣйствія ни древне-восточныхъ монархій, ни римскаго цезаризма, но извѣдало вліяніе сначала византійское и отчасти монгольское, а затѣмъ, вліянія западно-европейскія, а именно: вліяніе французскаго и

нѣмецкаго абсолютизма и новѣйшаго германо-романскаго государственнаго строя.

5) Наше Самодержавіе принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ самодержавій. Когда оно зародилось, древне-восточныя монархіи и римскій цезаризмъ уже давно отошли въ область преданій. Когда оно окрѣпло, Византійская имперія уже пала или была близка къ паденію. Въ эпоху блестящаго развитія нашего Самодержавія произошло крушеніе монархическихъ началъ на Западѣ. Теперь же, когда въ Европѣ остались, кромѣ Россіи, лишь двѣ неограниченныя монархіи: маленькая Черногорія и... княжество Монако,—которое скорѣе можетъ быть названо не неограниченною монархіей, а карриатурой на нее,—наше Самодержавіе является хранителемъ огня на алтарѣ, *единственною великою неограниченною монархіей во всемъ христіанскомъ мірѣ и, даже больше того, на всемъ земномъ шарѣ.*

Чтобы наглядно показать значеніе и призваніе Русскаго Самодержавія въ XIX и XX столѣтіяхъ, можно набросать такую картину: вся земля покрыта разливомъ антимонархическихъ идей: въ Старомъ Свѣтѣ залиты уже всѣ германо-романскія державы. Залита потокомъ и Японія, а также и Турція, номинально считающаяся конституціоннымъ государствомъ. Новый Свѣтъ—Америка—совсѣмъ не виденъ изъ-подъ воды. Берега Китая уже сравнялись съ уровнемъ моря и, быть можетъ, скоро сдѣлаются добычей волнъ.

Изъ воды высоко поднимается лишь одинъ материкъ, въ берега котораго яростно бьютъ волны съ разныхъ сторонъ.

Этотъ материкъ—Россія.

Къ юго-западу отъ нея, изъ-подъ воды, выглядываютъ: одна небольшая скала, гнѣздо Черногорскихъ орловъ, а еще дальше крошечный клочекъ земли, на которомъ построены игорный домъ. Къ востоку отъ Россіи, тамъ, гдѣ находится Азія, давшая міру столько монархій, высится нѣсколько острововъ, за будущность которыхъ трудно ручаться. Это—Персія, Афганистанъ, Сіамъ и Корея...

Вотъ въ какія времена приходится крѣпнуть и исполнять свою миссію нашему Самодержавію! Никогда еще не было неограниченной монархіи, которая должна была бы считаться съ такими міровыми условіями, съ какими должно считаться наше Само-

державіе, уже болѣе ста лѣтъ отражающее напоръ революціонныхъ стихій, которыя рвутся къ намъ

Какъ вѣтеръ, свистя въ наши щели.

Русское Самодержавіе отличается отъ всѣхъ бывшихъ самодержавій тѣмъ, что ему суждено сохранить монархическія начала не только для Россіи, но и для всего міра.

VI.

Существуетъ мнѣніе, что русскій народъ потому создалъ неограниченную монархію и, возстановивъ ее послѣ смутнаго времени, предложилъ корону Михаилу Ѳедоровичу Романову, что не имѣлъ понятія о другихъ формахъ правленія.

Съ этимъ мнѣніемъ можно будетъ согласиться развѣ только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что дубъ обладаетъ твердостью и крѣпостью лишь потому, что онъ не знаетъ о существованіи мягкой и ломкой сосны, или что негры рождаются черными потому, что ихъ предки не знали, что люди могутъ быть и бѣлыми.

Та или другая форма правленія создается и утверждается не подъ вліяніемъ извѣстной суммы знаній по государственному праву, а подъ вліяніемъ множества разнообразныхъ историческихъ и бытовыхъ условій.

Въ созданіи Русскаго Самодержавія проявились духъ, разумъ и политическое творчество русскаго народа.

Русское Самодержавіе зарождалось въ то время, когда въ народѣ еще свѣжи были воспоминанія объ удѣльно-вѣчевыхъ порядкахъ. Создавая Самодержавіе, русскій народъ, слѣдовательно, зналъ, что существуютъ и другія формы правленія. Но онъ отвергъ ихъ, потому что онѣ были для него непригодны, отвергъ въ силу непреодолимаго хода событій, а не въ силу какихъ-либо теоретическихъ соображеній. Нашимъ предкамъ были извѣстны также польская и шведская конституціи, но они не прельстились ихъ вольностями, когда возводили на престолъ Михаила Ѳедоровича.

VII.

Въ доказательство, что Русское Самодержавіе можетъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ рухнуть, ссылаются на конституціонныя попытки, которыя дѣлались у насъ съ конца XVI столѣтія, на конституціонную агитацію временъ Александра II и, вообще, на стремленіе къ ограниченію Царской власти, которое не разъ обнаруживалось на Руси на дѣлѣ или на словахъ.

Попытки ограниченія Царской власти доказываютъ непоколебимую устойчивость Русскаго Самодержавія. *Ни одна изъ этихъ попытокъ не удалась*, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и принимались, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, и даже при поддержкѣ представителей верховной власти, или, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи энергичнаго отпора съ ихъ стороны. Вспомнимъ, на примѣръ, 1730 годъ, или возведеніе на престолъ Василія Шуйскаго. Несмотря на то, что царь Василій и Анна Іоанновна безъ всякаго сопротивленія дали тѣ гарантіи, которыхъ отъ нихъ требовали, эти гарантіи были вслѣдъ затѣмъ быстро устранены и не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ. А между тѣмъ, въ 1605 и въ 1730 году подкапывались подъ Царскую власть самыя вліятельныя люди государства. Въ тѣ же годы, а также въ 1598 году, когда избирали на царство Бориса Годунова, и въ 1613 году, когда избирали на царство Михаила Ѳедоровича, русскіе люди, повидимому, имѣли возможность навсегда покончить съ Самодержавіемъ. И что же? Оно не только было возстановлено, но даже крѣпло все болѣе и болѣе.

Исторія приводитъ къ убѣжденію, что на Руси могли появляться конституціонныя замыслы лишь вотъ въ какихъ случаяхъ:

1) Когда прекращалась прежде царствовавшая династія, и когда странѣ, поэтому, приходилось избирать новаго царя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, родоначальника будущихъ царей (1598, 1605 и 1613 гг.).

2) Когда, вслѣдствіе отсутствія законовъ о престолонаслѣдіи, представители Царствующаго Дома не рѣшались заявлять свои права на престолъ и предоставляли рѣшеніе вопроса о пре-

столонаслѣдїи олигархамъ, захватывавшимъ власть въ свои руки (1730 г.).

3) Когда сами Государи утрачивали временно вѣру въ необходимость и правду Самодержавія и подготавливали своими мѣрами, предположеніями и начинаніями конституціонныя броженія. Бунтъ декабристовъ, напримѣръ, несомнѣнно былъ подготовленъ колебаніями Императора Александра I. Онъ далъ конституцію Царству Польскому, торжественно объявивъ при этомъ о своемъ намѣреніи надѣлать конституціей и всѣ подвластные Россіи народы. Онъ, не стѣсняясь, рѣзко высказывался противъ неограниченной монархіи, приводя тѣмъ въ недоумѣніе даже Чарторыйскаго; онъ поручалъ Сперанскому и Новосильцеву составленіе конституціонныхъ законопроектовъ для Имперіи и всѣмъ этимъ далъ толчекъ къ заговору декабристовъ, разрѣшившемуся мятежемъ. Крамола временъ Александра II съ ея конституціонными вожделѣніями возгорѣлась тогда, когда въ обществѣ стали ходить слухи о мнимой готовности Императора до извѣстной степени ограничить царскую власть. Созваніе и личное открытіе Александромъ II Финляндскаго Сейма; надѣленіе Болгаріи одною изъ либеральнѣйшихъ конституцій, снисходительное отношеніе власти къ конституціоннымъ манифестаціямъ,—все это сильно вліяло на нашихъ революціонеровъ и окрыляло ихъ самыми несбыточными надеждами. Императоръ Александръ II былъ убитъ въ то время, когда подготавливалась и вырабатывалась реформа, имѣвшая своею задачей введеніе выборнаго начала въ организацію Государственнаго Совѣта, съ раздѣленіемъ его какъ бы на двѣ палаты: на палату, состоящую изъ лицъ, назначаемыхъ Государемъ, и на палату, состоящую изъ представителей отъ земствъ. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ никакихъ конституціонныхъ затѣй не было потому, что всѣмъ было извѣстно Его глубокое отвращеніе ко всякимъ сдѣлкамъ съ революціей.

Устойчивость и необходимость Самодержавія въ Россіи подтверждаются, между прочимъ, событіями Смутнаго времени. Нигдѣ и никогда междуцарствіе не сопровождалось такими потрясеніями, какъ въ Россіи. Оставаясь безъ Царя, Русская земля дѣлалась безгосударною въ полномъ смыслѣ слова. Отсутствие Царя было для нея равносильно распаденію самого государства,

крушенію порядка и водворенію анархіи хотя и не въ бакунинскомъ смыслѣ слова. Вотъ почему лучшіе русскіе люди и спѣшили покончить съ междуцарствіемъ: они видѣли и понимали, что Русская земля не можетъ существовать безъ государя, и притомъ безъ полновластнаго государя.

Устойчивость Русскаго Самодержавія видна изъ того, что Царскую власть пытались у насъ упразднить или ослабить и путемъ интригъ, (1598, 1605 и 1613 гг.), и путемъ военныхъ мятежей (декабристы), и путемъ политическихъ убійствъ и террора (1867—1881 г.), и путемъ разныхъ манифестацій. Но изъ этого обыкновенно ничего не выходило. Царскій инстинктъ и политической смыслъ страны въ концѣ концовъ обыкновенно брали верхъ надъ разными скоропреходящими теченіями, и они быстро исчезали при первомъ же проявленіи Царской рѣшимости не покидать историческаго пути и не поступаться нерушимостью Царской власти.

VIII.

Есть ли въ Россіи почва для политической оппозиціи единовластію? Историческій опытъ доказалъ, что такой почвы нѣтъ ни въ народѣ, ни въ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ, ни въ купечествѣ, ни въ арміи, ни во флотѣ. Вотъ почему всѣ революціонныя затѣи нашихъ антимонархистовъ и кончались ничѣмъ: онѣ предпринимались обыкновенно немногими лицами, которымъ удавалось иногда причинять своей родинѣ не мало зла и тревогъ, но которые не могли достигнуть своей цѣли, такъ какъ ихъ безсиліе было очевидно и не могло не обнаружиться для всѣхъ черезъ нѣкоторое время.

Безсиліе русской антимонархической оппозиціи всего яснѣе сказывалось въ ея приемахъ. Эти приемы заключались обыкновенно въ обманъ и самообманъ. Декабристы, на примѣръ, сознавая, что нѣсколько офицеровъ не могутъ захватить власть въ свои руки, морочили себя и другъ друга завѣдомо лживыми разсказами о своихъ связяхъ и средствахъ, и тѣмъ подбодряли одинъ другого, но въ концѣ концовъ они до того изолгались, что перестали вѣрить своимъ единомышленникамъ. Такая же система лжи практиковалась и относительно солдатъ. Сознавая, что солдаты не пойдутъ

со своими командирами, если тѣ будутъ дѣйствовать напрямикъ, декабристы распускали нелѣпые слухи о томъ, что Константинъ Павловичъ закованъ въ цѣпи, что съ нимъ заключена въ крѣпость и его супруга, что ее зовутъ *Конституція*, и что солдаты, какъ вѣрноподданные своего Государя, должны стоять за „конституцію“ до послѣдней капли крови. Теперь кажется невѣроятнымъ, что декабристы возлагали свои упованія на такія продѣлки, но они дѣйствительно прибѣгали къ нимъ, плохо вѣря въ осуществимость своихъ замысловъ. Примѣру декабристовъ слѣдовала и крамола временъ Императора Александра II. Остановившись, подобно декабристамъ, на мысли о цареубійствѣ, революціонеры 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ пустили въ ходъ политическія убійства и взрывы съ цѣлью обратить на себя общее вниманіе, раздуть свое значеніе и запугать верховную власть. Весьма естественно, что крамола не могла ни ограничить, ни упразднить Царской власти. Террористы убили благороднѣйшаго изъ Монарховъ, а Его кровь еще болѣе укрѣпила Русское Самодержавіе, ибо была кровью Мученика, пострадавшаго за Русскую землю. Ни систематическая ложь, ни безумная отвага политическихъ фанатиковъ не могутъ пошатнуть вѣкового зданія Русскаго Самодержавія. Возставать противъ него—все равно, что стараться разбить лбомъ толстую каменную стѣну.

IX.

Враги Русскаго Самодержавія обыкновенно утверждаютъ, будто оно держится на грубой силѣ. Подъ грубою силой въ данномъ случаѣ подразумѣваются милліоны штыковъ. Но вѣдь штыки дѣйствуютъ не сами, а направляются людьми, которые имѣютъ свои представленія о добрѣ и злѣ, правдѣ и несправедливости, о народномъ благѣ и народныхъ нуждахъ. Русская армія плоть отъ плоти Россіи; она должна быть разсматриваема не иначе, какъ въ связи съ нею. Утверждать, будто Царская власть держится на силѣ—значить морочить себя и другихъ. Русская земля никѣмъ не завоевана, она не находится подъ чужеземнымъ игомъ. Неограниченная монархія въ Россіи была бы необъяснима, еслибы не опиралась на чисто-нравственные устои. Одинъ человѣкъ не

могъ бы управлять милліонами, если бы эти милліоны не хотѣли ему подчиняться. Это ясно, какъ свѣтлый день.

Замѣчательно, что наши антимонархисты пускали въ ходъ противъ Русскаго Самодержавія и заговоры, и политическія убійства, и искусственно организованные бунты, но никто изъ нихъ не только не умѣлъ, но даже не пробовалъ доказать, что неограниченная монархія не нужна или вредна для Россіи. А между тѣмъ, нѣтъ режима, который бы могъ устоять противъ правдивыхъ разоблаченій. Истина всегда и вездѣ торжествуетъ надъ ложью. Почему же наши антимонархисты, направлявшіе свои удары противъ Самодержавія, не подвергли его научной, беспощадной критикѣ и не поколебали такимъ образомъ его устойчивости? Противъ разрушительнаго дѣйствія мысли не можетъ устоять никакая неправда. Но въ томъ-то и дѣло, что неограниченная монархія въ Россіи можетъ выдержать самую строгую и придирчивую критику. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ ни одного революціонера или конституціоналиста, который не сдѣлался бы убѣжденнымъ монархистомъ, еслибы далъ себѣ трудъ поработать надъ русскою исторіей и вникнуть въ русское государственное право.

Намъ можетъ-быть, скажутъ, что отсутствіе серьезныхъ сочиненій, направленныхъ противъ Русскаго Самодержавія, объясняется нашими цензурными условіями. Но развѣ нѣтъ типографій за границей? Развѣ у насъ не было подпольной печати? Но что же издавали наши эмигранты и революціонеры, желавшіе навязать Россіи парламентаризмъ и республиканскія учрежденія? Легковѣсныя брошюрки, прокламаціи да газетные листы, наполненные сплетнями и крѣпкими словами,—вотъ и вся русская антимонархическая литература! А между тѣмъ, среди нашихъ эмигрантовъ встрѣчались и даровитые люди, и люди, обладавшіе хорошою научною подготовкой. Назовемъ хоть бы Герцена, Бакунина, Драгоманова, князя Крапоткина и т. д. Гдѣ же ихъ труды, которые могли бы убѣдить Россію, что ей можно существовать безъ неограниченной монархіи? Такихъ трудовъ нѣтъ и не было. *Полярная Звѣзда* и *Колоколъ*, эти столь популярныя въ свое время изданія знаменитаго Искандера, и всѣ послѣдующіе журналы и газеты революціоннаго лагеря, всѣ эти *Набаты*, *Впередъ* и проч., и проч., не дали ничего, кромѣ сердитыхъ выходовъ

противъ Русскаго Самодержавія. Какую ненавистью противъ царской власти проникнуты воспоминанія Герцена, изданныя подъ заглавіемъ *Былое и Думы!* Но вы не найдете въ этихъ воспоминаніяхъ ничего, кромѣ непровѣренныхъ разсказовъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, о которомъ Герценъ судилъ по наслышкѣ, хватая на лету всякій вздоръ. А между тѣмъ онъ обладалъ блестящимъ литературнымъ талантомъ и имѣлъ возможность подвергнуть Русское Самодержавіе строжайшей критикѣ, еслибы только такая критика имѣла логическое основаніе.

Герценъ долго прожилъ за границей, работая въ сторонѣ отъ русской цензуры, и чѣмъ же онъ окончилъ? Тѣмъ, что утратилъ вѣру въ спасительность революціонныхъ началъ и конституціоннаго аппарата, сталъ отзываться съ уваженіемъ о русскомъ царизмѣ и напоминать Западу, что „Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ своего Царя и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими“ *.

Не одинъ Герценъ извѣдалъ за границей только-что отмѣченную метаморфозу. Декабристъ Н. И. Тургеневъ, проживъ за границей болѣе 40 лѣтъ, напечаталъ въ концѣ жизни слѣдующія характерныя строки:

„Если... я былъ такъ преданъ Александру Первому за одно его желаніе освободить крестьянъ, то каковы должны быть мои чувства къ Тому, кто совершилъ это освобожденіе и совершилъ столь мудрымъ образомъ? Ни одинъ изъ освобожденныхъ не питаетъ въ душѣ болѣе любви и преданности къ Освободителю, нежели сколько я питаю, видя, наконецъ, низвергнутымъ то зло, которое мучило меня въ продолженіе всей моей жизни!“

Н. И. Тургеневъ издалъ за границей цѣлый рядъ сочиненій публицистическаго содержанія. Въ главномъ изъ нихъ („*La Russie et les Russes*“) онъ имѣлъ въ виду подвергнуть строгой критикѣ русской государственной строй и мотивировать свои конституціонные проекты. Эта трехтомная работа производитъ нынѣ впечатлѣніе весьма поверхностныхъ очерковъ. Но и въ этихъ очеркахъ есть поучительныя страницы объ отношеніяхъ русскихъ государей къ Церкви. Н. И. Тургеневъ доказывалъ, что отождествле-

* *Борьба съ Западомъ* Страхова, 1882 г., стр. 121.

ніе Самодержавія русскихъ императоровъ съ цезарепапизмомъ составляетъ сущую ложь...

Ничтожество нашей антимонархической литературы составляетъ безспорный фактъ и бросается въ глаза. Зато какими капитальными трудами обладаетъ русская монархическая литература! „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина—сплошная апологія Русскаго Самодержавія. Была ли она опровергнута нашими конституціоналистами и республиканцами? Нѣтъ. Впрочемъ, кто-то замѣтилъ, что бунтъ декабристовъ можно разсматривать, какъ боевое возраженіе на „Исторію“ Карамзина. Можетъ быть. Но тутъ-то и сказалось, что выстрѣлами и прикладами можно убивать людей, но нельзя убить истину и правдивые выводы строго научныхъ изслѣдованій. Сколько ни стрѣляйте по таблицѣ умноженія, а дважды два все-таки будетъ четыре, и не пять. А необходимость Самодержавія для Россіи столь же очевидна, какъ таблица умноженія. Въ этомъ и заключается горе нашихъ антимонархистовъ. Составить тайное общество или написать зажигающую прокламацію не трудно, но опровергнуть „Исторію Россіи“ Соловьева не такъ то легко. Сила русскаго Самодержавія заключается въ томъ, что оно опирается на политическій смыслъ и династическія привязанности народа и на сознательный монархизмъ лучшихъ русскихъ людей. Историкъ Костомаровъ видѣлъ въ древней Россіи зародыши федерализма и тяготѣлъ къ преданіямъ малороссійскихъ вольностей. Онъ относился съ крайнимъ предубѣжденіемъ къ собирателямъ Русской земли. Но многолѣтнія занятія русскою исторіей сдѣлали его въ концѣ концовъ монархистомъ: онъ пришелъ къ заключенію, что Самодержавіе пустило глубокіе корни въ русскую почву, и что антимонархическая революція немыслима въ Россіи. * Разгадка явленія, столь ясно отмѣченнаго у Костомарова, заключается не только въ минувшихъ судьбахъ Россіи, но и во всѣхъ ея современныхъ особенностяхъ.

Х.

Въ четвертой главѣ „*Има*“, Тургеневъ устами Литвинова высказываетъ слѣдующую мысль: „Мнѣ кажется, намъ, русскимъ,

* Начало самодержавія въ древней Руси.

еще рано имѣть политическія убѣжденія, или воображать, что мы ихъ имѣемъ“. Литвиновъ при этомъ не безъ самодовольства заявляетъ, что у него нѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій. Это признаніе обращаетъ на себя вниманіе тургеневскаго любимца, Потугина, и сразу располагаетъ его въ пользу Литвинова.

„Еще рано“! Когда же, однако, русскіе люди получаютъ право имѣть политическія убѣжденія? И почему это русскимъ рано имѣть политическія убѣжденія? Или болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе Россіи все еще недостаточно для того, чтобы русскіе люди выработали свой собственный взглядъ, хотя бы, напримѣръ, на непригодность для нихъ иной формы правленія, кромѣ неограниченной монархіи? Русскій народъ несогласенъ съ Тургеневымъ и уже давнымъ давно усвоилъ себѣ монархическія начала. Въ мнѣніи Литвинова сказывается то высокомѣрное отношеніе Тургенева къ Россіи и къ русской исторіи, которое проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ его произведеній и было у него проявленіемъ западничества 40-хъ годовъ. Не странно ли считать русскій народъ, оказывающій столь могущественное вліяніе на дѣла всего міра, народомъ какихъ-то полулюдей или малолѣтковъ? Вѣдь если „развернуть скобки“ въ изреченіи Литвинова, такъ получится вотъ какое сужденіе: „Англичане, нѣмцы и французы могутъ имѣть политическія убѣжденія, а мы, русскіе, не имѣемъ и не должны имѣть ихъ, а можемъ только принимать къ свѣдѣнію политическія убѣжденія иностранцевъ, вникать въ нихъ и, такъ сказать, мотать ихъ себѣ на усъ, въ ожиданіи тѣхъ временъ, когда и мы созрѣемъ“.

— Что такъ? Не одумались еще? спрашиваетъ Губаревъ Литвинова, выслушавъ его признаніе.

Когда же Литвиновъ заканчиваетъ свою тираду о русскихъ людяхъ, Губаревъ замѣчаетъ: „Ага! изъ недозрѣлыхъ“.

Губаревъ, въ сущности, былъ совершенно правъ, удивившись политической пустопорожности Литвинова. Взрослый да вдобавокъ еще образованный русскій человѣкъ, не имѣющій политическихъ убѣжденій—это дѣйствительно нѣчто странное, это дѣйствительно какой-то умственный недоросль, Молчалинъ. Онъ можетъ позавидовать каждому русскому безграмотному крестьянину,

имѣющему несокрушимое убѣжденіе въ благодѣтельномъ значеніи Царской власти для Россіи.

Но, можетъ быть, Литвиновъ не точно выразился?

Литвиновъ или, лучше сказать, Тургеневъ, сказали именно то, что они хотѣли сказать. Вѣдь и у „постепеновца“ Тургенева, собственно говоря, не было никакихъ политическихъ убѣжденій. Съ его точки зрѣнія, русскіе могли только воображать, что они имѣютъ политическія убѣжденія. Вполнѣ сознательно и годами выработывавшійся монархизмъ Карамзина, братьевъ Аксаковыхъ, митрополита московскаго Филарета, Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, Каткова, Достоевскаго и т. д., и т. д.,—не болѣе, какъ своего рода иллюзія. Въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть убѣжденныхъ монархистовъ!

Русскимъ не рано имѣть политическія убѣжденія, а *стыдно* не быть убѣжденными монархистами. Только тѣ русскіе могутъ не быть монархистами, которые не умѣютъ думать самостоятельно, плохо знаютъ исторію своей родины и принимаютъ на вѣру политическія доктрины Запада.

Теоретики русскаго Самодержавія.

(Очерки изъ исторіи русскаго политическаго самосознанія).

I.

Посошковъ.

Извѣстное сочиненіе Посошкова „О скудости и богатствѣ“, оконченное имъ въ февралѣ 1724 года, показываетъ, какъ относились къ царской власти простые русскіе люди время петровской реформы, оставшіеся вѣрными лучшимъ завѣтамъ московскаго періода нашей исторіи, но не смотрѣвшіе съ суевѣрнымъ ужасомъ на преобразованія и новшества Петра и умѣвшіе цѣнить его великіе замыслы. Посошковъ былъ крестьянинъ, своимъ благосостояніемъ былъ обязанъ исключительно себѣ, своему уму, своей бережливости, энергіи, трудолюбію. Онъ хорошо зналъ русскую жизнь, и не съ показной стороны. Онъ хорошо зналъ бытъ и нужды всѣхъ сословій государства; онъ былъ наблюдателенъ, любознателенъ и, судя по всему, принадлежалъ къ числу тѣхъ начетчиковъ, которые, не получивъ систематическаго образованія, обладаютъ довольно обширными и разнообразными свѣдѣніями. Заботливость объ общественной пользѣ и страстное желаніе содѣйствовать успѣхамъ государства составляли характерныя особенности Посошкова. Онъ предназначалъ свою рукопись для Петра Великаго, желая раскрыть ему глаза на нестройство Русской земли и способствовать обогащенію царской казны, развитію народнаго благосостоянія, промысловъ, торговли и правильной постановкѣ правосудія, ратнаго дѣла, народнаго образованія и т. д. Каждое слово Посошкова дышетъ искренностью, здравымъ смысломъ, любовью къ родинѣ, недоброжелательнымъ отношеніемъ къ заносчивымъ и своекорыстнымъ иностранцамъ и преданностью Петру Великому. Посошковъ былъ русскій престолюдинъ того

типа, который Островскій хотѣлъ воплотить въ „Грозѣ“, въ лицѣ Кулигина. Устами Посошкова какъ бы говорить съ нами, если можно такъ выразиться, крестьянинъ будущаго,—крестьянинъ, понявшій значеніе образованія, но не сбившійся съ толку, не стыдящійся своего происхожденія и не отчуравшійся отъ народа.

Посошковъ относился съ величайшимъ благоговѣніемъ къ русскимъ государямъ и неоднократно, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, упоминаетъ, подобно Іоанну Грозному, о томъ, что они имѣютъ неограниченную власть и этимъ рѣзко отличаются отъ западно-европейскихъ монарховъ. „У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ, яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди“. Не то въ Россіи. „У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ“... „Нашъ Царь... самодержавный повелитель: какъ чему повелитъ быти, тако и подобаетъ быти тому неизмѣнно, и немало ни направо, ни налѣво неподвижно; яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣетъ власть“... „Царь, яко Богъ, еже восхоцетъ во области своей, можетъ сотворити“... Посошковъ не стыдился русскаго Самодержавія, а почиталъ его предметомъ народной гордости, залогомъ народнаго благосостоянія, оплотомъ законности, ея краеугольнымъ камнемъ. Въ концѣ своей книги онъ называетъ Петра Великаго „единимъ высокопарнымъ (т. е. высоко парящимъ) бѣлымъ орломъ, явнымъ правдолюбцемъ, истиннымъ Самодержцемъ и незыблемымъ столпомъ“. Въ государѣ Посошковъ видѣлъ естественный и единственный источникъ всякаго права... „Идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется“... „Нашъ великій Императоръ самъ собою владѣетъ“,... „а по его монаршей волѣ, и мы имѣемъ нѣкую часть воли“. И это не удивляло и не раздражало Посошкова, ибо онъ былъ глубоко убѣжденъ, что русскій монархъ, „по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти“, можетъ сдѣлать народъ богатымъ и счастливымъ. (Сочиненія Посошкова, изданіе 1842 года, стр. 254, 258, 231, 3, 136, 122 и 123).

Прежде, чѣмъ идти далѣе въ изложеніи идей Посошкова о Самодержавіи, считаемъ не лишнимъ остановиться на одномъ не-

доразумѣніи, возникшемъ въ нашей учено-публицистической литературѣ по поводу встрѣчающихся у Посошкова сравненій русскихъ царей съ Богомъ. Въ статьѣ покойнаго проф. Дитятина „Верховная власть въ Россіи XVIII вѣка“ изъ этихъ сравненій дѣлается выводъ, что Посошковъ смотрѣлъ на царя, какъ на Бога, и считалъ Петра Великаго „царемъ-Богомъ“. Само собою разумѣется, что такого грѣха за Посошковымъ не водилось. Онъ и не помышлялъ объ отождествленіи царя съ Богомъ, а хотѣлъ только сказать, что власть царя надъ подданными не знаетъ никакихъ юридическихъ ограниченій и стоитъ выше всѣхъ государственныхъ властей.

Набожный Посошковъ, какъ и всѣ русскіе люди, глубоко чтилъ царей, но умѣлъ воздавать кесарево кесарю, а Божье Богу и ужъ, конечно, не обожествлялъ Петра Великаго. Онъ полагалъ всю силу Самодержавія въ дарованной царямъ отъ Бога благодати и не разъ оговаривается, что успѣшность царскихъ начинаній всецѣло зависитъ отъ Бога. „И аще великій нашъ императоръ, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: въ сіе дѣло вступить, и Богъ свыше призреть, и помощь свою святую ниспослеть, то мочно всему сему дѣлу состоятися“. (Сочиненія Посошкова, 201). Посошковъ не только не приравнивалъ Петра Великаго къ Богу, а съ своей обычной прямою и смѣлостью напоминалъ императору объ его отвѣтственности передъ Богомъ. Такъ, на примѣръ, упомянувъ о томъ, что многіе крестьяне, „ради непонужденія пресвитерскаго“ живутъ и умираютъ, ни разу не исповѣдывавшись и не причастившись, Посошковъ говоритъ: „И о такомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно! И вся сія царскимъ изволеніемъ и синодскимъ радѣніемъ исправитися могутъ. А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми, яко царю, тако и архіереомъ, опасно есть; ибо чрезъ уста святого пророка Іезекииля глаголется: „Такое духъ Святыи возгремѣ, еже хоцетъ Богъ всѣхъ погибшихъ душъ человѣческихъ взыскати отъ руки господствующихъ ими“ (Іезекииля, гл. 33). И сего ради такова грома, отъ Бога изшедшаго, и яко духовнымъ властѣмъ, тако и мірскимъ надлежитъ великое попеченіе приложить, дабы та неисправность исправить, и отъ того бы избыти, неже бы не взыскалъ Богъ погибающихъ душъ на пра-

вителей“ (Посошковъ, стр. 29). Посошковъ, какъ и Іоаннъ Грозный, думалъ, что царь отвѣчаетъ не только за свои прегрѣшенія, но и за прегрѣшенія подданныхъ, которыя онъ имѣлъ возможность предупредить. Очевидно, что Посошковъ не творилъ себѣ изъ царя кумира и смотрѣлъ на царскую власть съ христіанской точки зрѣнія.

Видя въ царѣ естественнаго и прирожденнаго защитника правды, а въ правдѣ—первое условіе политическаго могущества и матеріальнаго благосостоянія государства, Посошковъ требовалъ, чтобы царевъ судъ былъ, „яко Божій“, по безпристрастію и справедливости. „Богъ бо всѣмъ намъ судья есть праведный, и на судъ Его нѣсть лицепріятія; тако и на Царевъ судъ не треба быть лицепріятію. Богъ есть правосуденъ; того ради и въ чело-вѣцѣхъ требуетъ праваго суда. И азъ о правосудіи тако мню, еще Царю не тако полезенъ постъ и молитва, яко правосудіе“. (Посошковъ, стр. 78). Любопытно разсужденіе Посошкова по поводу составленія „Судебной“ „правосудной“ книги въ замѣнъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича изъ прежнихъ указныхъ статей, сенатскихъ приговоровъ и изъ иноземныхъ судебниковъ, *не исключая и турецкаго*. Для „сочиненія Судебной книги“ Посошковъ предлагалъ составить комиссію изъ людей всѣхъ чиновъ, „избрать чело-вѣка два или три изъ духовнаго чина... и отъ гражданства.., и отъ приказныхъ людей, и отъ купечества.., и отъ солдатъ, и изъ людей боярскихъ, и изъ фискаловъ“. „А мнится мнѣ, говорить Посошковъ; не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостяхъ и въ сотскихъ бывали“. Новосочиненные пункты, по мнѣнію Посошкова, слѣдовало бы написать „совершеннымъ общесовѣтіемъ и всѣмъ народомъ свидѣтельствовать самымъ вольнымъ образомъ“, а затѣмъ представить ихъ на усмотрѣніе государю, „да разсмотритъ его умная острота“. „И сіе мое реченіе, говорить Посошковъ: многіе вознебщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ связяемъ. Азъ не связяю Его Величества самодержавія, но ради самая истинныя правды, дабы всякій чело-вѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тоихъ новоизложенныхъ статьяхъ, каковыя непотребныя противности... И аще кто узритъ какую направостную статью, того безъ всякаго сомнѣ-

нiя написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасался, подалъ бы ко исправленiю тоя книги; понеже всякъ рану свою къ себѣ лучше чуетъ, нежели въ иномъ комъ“. Для сочиненiя „Судебной книги“ Посошковъ не предлагалъ созвать земскую думу или составить большое совѣщательное собранiе въ родѣ екатерининской комиссiи 1767 года. Въ его проектѣ нѣтъ и рѣчи объ общественныхъ и сословныхъ выборахъ. 20—30 человекъ, которымъ Посошковъ предлагалъ поручить составленiе новаго Уложенiя, должно было по его проекту назначить само правительство. Подъ „общесовѣтiемъ“, („многосовѣтiемъ“ и „многонароднымъ“ совѣтомъ), посредствомъ котораго Посошковъ считалъ нужнымъ провѣрить достоинства и полноту „новосочиненныхъ пунктовъ“, онъ разумѣлъ не что иное, какъ предоставленiе каждому права „свободности“ и „вольнаго голоса“ представлять правительству свои замѣчанiя на законопроектъ новаго Уложенiя. Короче сказать, Посошковъ желалъ обставить сочиненiе „Судебной книги“ самой широкой гласностью и осмотрительностью. Такъ какъ „правосудное установленiе“ есть самое высокое дѣло, и „Богъ никому... совершеннаго разумiя не далъ“, „того ради и самому премудрому человеку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься, и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ“. Какимъ образомъ думалъ Посошковъ устроить дѣло такъ, чтобы *всякій человекъ* могъ смотрѣть *въ своей бытности невозможныя статьи*, изъ его сбивчиваго изложенiя понять довольно трудно. По всей вѣроятности, онъ добивался одногo: чтобы законопроектъ Уложенiя былъ разосланъ въ возможно большемъ числѣ списковъ по областямъ и въ разныя правительственныя учрежденiя и выдавался для чтенiя каждому, кто хотѣлъ-бы ознакомиться съ его содержанiемъ. Общесовѣтiе, однако, по мнѣнiю Посошкова, не могло предохранить новаго Уложенiя отъ промаховъ и пробѣловъ; поэтому онъ находилъ нужнымъ прежде окончательнаго утвержденiя „Судебной книги“ и обнародованiя ея, какъ непреложнаго закона, ввести ее въ дѣйствiе въ видѣ опыта и воспользоваться его указанiями. Вотъ что говоритъ по этому поводу Посошковъ. „И аще съ самымъ многотруднымъ многосовѣтiемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ея не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленiи

томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо-бы года два—три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились“.

Огласку законопроектовъ и провѣрку ихъ достоинства „всѣмъ народомъ... вольнымъ голосомъ“ и на опытѣ Посошковъ рекомендовалъ Петру Великому не только къ составленію „Судебной книги“, но и какъ такой пріемъ, которымъ правительство всегда съ успѣхомъ могло пользоваться. „И аще и иное какое дѣло, съ таковымъ смиреніемъ снисходительно будетъ строиться, прибавляетъ Посошковъ къ своимъ разсужденіямъ объ установленіи правосудія, то самъ Богъ при таковомъ дѣлѣ имать быть, и помощь свою ко исправленію подастъ; понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ гордыхъ и високоумныхъ отвращаетъ“. (Посошковъ, стр. 75, 78).

Короче сказать, Посошковъ добивался того, что сплошь и рядомъ практикуется у насъ въ настоящее время, но что довольно трудно было выполнить, въ первой четверти XVIII вѣка. Его проектъ вытекалъ изъ того любовнаго отношенія, съ которымъ онъ относился къ императору, и изъ довѣрія къ здравому смыслу народа. Въ этомъ проектѣ сказывается патріархальный взглядъ Посошкова на отношенія подданныхъ къ верховной власти, но въ немъ нѣтъ и тѣни конституціонныхъ вождельній, которыя усматриваютъ у автора „Книги о скудости и богатствѣ“ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ. О възстановленіи земскихъ соборовъ онъ тоже не помышлялъ.

Въ книгѣ Посошкова есть одно мѣсто, изъ котораго ясно видно, что онъ смотрѣлъ на императора, какъ на главу государства, стоящаго выше всякихъ сословныхъ пристрастій,—какъ на государя, заботившагося объ интересахъ всего народа и принимавшаго одинаково близко къ сердцу нужды всѣхъ подданныхъ. „У насъ, —говоритъ Посошковъ:—...монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ“ (стр. 254). Въ этихъ прекрасныхъ словахъ заключается одна изъ загадокъ того довѣрія и уваженія, съ какимъ относился Посошковъ къ первому императору.

Посошковъ смотрѣлъ на императора, какъ на передового человѣка въ государствѣ, которому приходилось вести тяжелую борьбу съ злоупотребленіями и съ людьми, не понимавшими его благихъ намѣреній. Говоря объ отлыниваніи дворянъ отъ службы, Посошковъ замѣчалъ: „Монархъ нашъ старается, и страсть (остраску) даетъ безъ пощады великую, а не имутся“. Нѣсколько дальше Посошковъ говоритъ: „Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудить себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору еще и самъ -десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то како дѣло его споро будетъ? И еще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово“ (ст. 94 и 95).

Заканчивая свою „Книгу“, „всенижайшій и мизернѣйшій рабичищъ“, государя, „правды же всеусердный желатель“ (такъ подписался Посошковъ подъ своимъ трудомъ), обращается къ Петру Великому: „И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ, не слагая имъ. Яко еще кто восхоцетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуеъ, еще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть“ (стр. 259).

Посошковъ писалъ въ „Завѣщательномъ поученіи“ сыну, посланному Петромъ Великимъ въ чужія страны: „...Долженъ еси въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, Его же прирожденный еси рабъ“ (стр. 297).

Развивая одинъ изъ своихъ проектовъ (о постройкѣ кораблей изъ сосноваго дерева), Посошковъ говоритъ, что онъ рѣшился писать о такомъ великомъ дѣлѣ не ради личнаго прибытка, но только „ради любви“ къ „Его Императорскаго Величества самодержавію“ (стр. 215). Интересы самодержавія, такъ же какъ и интересы народа, въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ всегда стоятъ на первомъ планѣ. Посошковъ съ жаромъ обличалъ порядки, которые находилъ противными „Царскаго Величества самовластію“ (стр. 240). Но онъ нигдѣ и никогда не льстилъ Государю и не подлаживался къ его взглядамъ. „Всенижайшій и мизернѣй-

шій рабичищъ“ имѣлъ бы полное право избрать эпиграфомъ къ своей рукописи эпиграфъ записки „О древней и новой Россіи“ Карамзина: „Нѣсть лъсти въ языцѣ моемъ“.

Въ заключеніе отмѣтимъ тѣ мѣста въ книгѣ Посошкова, въ которыхъ сказанъ его чисто народный взглядъ на отношенія царской власти къ помѣщикамъ и крестьянамъ. Разсуждая о „питейной прибыли“, Посошковъ говоритъ: „А питейная прибыль самый древній интересъ царскаго величества, а не помѣщичій“. Предлагая воспрѣтить дворянамъ курить вино и безпошлинно торговать имъ, Посошковъ замѣчаетъ: „Подъ всѣми ими земля вѣковая царева, а помѣщикамъ дается ради пропитанія на время. Того ради Царю и воля въ ней большая и вѣковая, а имъ меньшая и временная, и не токмо имъ питейной продажей самовольно владѣть, но и землю безъ платы не можно имъ владѣть“ (стр. 235). Возставая противъ бремени, „неудобъ носимыхъ“, налагавшихся нѣкоторыми помѣщиками на крестьянъ, Посошковъ пишетъ: „Крестьяномъ помѣщики не вѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ Владѣтель—Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ, хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное“. Въ другомъ мѣстѣ Посошковъ снова возвращается къ этой мысли: „По моему [мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное“ (183 и 189).

Но крестьянинъ Посошковъ былъ, однако, далекъ отъ мысли, чтобы Императоръ ставилъ выше всего интересы крестьянъ и приносилъ имъ въ жертву интересы другихъ сословій. Посошковъ твердо помнилъ, что Монархъ Россіи не аристократъ и не демократъ: „Царю надлежитъ яко великородныхъ и военныхъ, таково и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей вѣрности изобильны были“ (стр. 189). Эта истинно государственная мысль составляетъ руководящую мысль всѣхъ предложеній Посошкова и его „Книги

о скудости и богатствъ“, ибо съ точки зрѣнія Посошкова русскіе цари и императоры—прирожденные и естественные блюстители общаго блага, величія и славы всего русскаго народа и государства.

II.

В. Н. Татищевъ.

Первымъ русскимъ писателемъ XVIII вѣка, старавшимся, въ слѣдъ за Теофаномъ Прокоповичемъ, объяснить наше Самодержавіе изъ историческихъ данныхъ и историко-философскихъ обобщеній, былъ извѣстный ученый, политическій и общественный дѣятель В. Н. Татищевъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возстановленіи Самодержавія, которое пытались ограничить верховники. Татищевъ былъ глубоко убѣжденъ, что Россія должна быть неограниченной монархіей, и изложилъ свои соображенія по этому поводу въ 1730 году въ запискѣ, въ которой заключался проектъ „согласниковъ“ князя Черкаскаго о государственномъ устройствѣ Россіи, а, затѣмъ, и въ своей „Исторіи Россіи“.

Только что упомянутая записка носитъ названіе „Произвольнаго и согласнаго разсужденія собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“ (сборникъ „Утро“ на 1859 годъ“, стр. 369—379). Въ этомъ „Разсужденіи“ Татищевъ въ основу всѣхъ предложеній князя Черкаскаго и его друзей кладетъ нѣкоторыя историческія данныя и политическія теоріи, изъ которыхъ самъ собой вытекаетъ выводъ, что верховники затѣвали дѣло гибельное для Россіи, и что ограниченіе царской власти не сообразно съ потребностями, особенностями и минувшими судьбами нашей родины.

Все „Разсужденіе“ построено на той мысли, что у верховниковъ не было ни права, ни разумнаго основанія измѣнять образъ правленія, вѣками сложившійся въ Россіи. Татищевъ доказывалъ, что въ ихъ затѣяхъ „никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ одинъ вредъ“. При этомъ онъ ссылаясь на относительныя достоинства и недостатки монархій, аристократій и демократій и изъ разбора ихъ дѣлалъ заключеніе, что къ Россіи подходитъ только монархическое правленіе, и при томъ неограниченное.

Каждая форма правленія, говоритъ Татищевъ, годна и полезна не всегда и вездѣ, а смотря по мѣсту, пространству и населенію государства. Въ отдѣльныхъ городахъ и небольшихъ областяхъ, гдѣ легко можно собираться всѣмъ гражданамъ вмѣстѣ, удобна демократія или общественное правленіе, подѣ которымъ Татищевъ подразумѣвалъ непосредственное участіе всего народа въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Въ областяхъ болѣе обширныхъ, но безопасныхъ отъ непріятельскихъ нападений и расположенныхъ хотя бы, напримѣръ, на островахъ, можетъ быть полезна аристократія, иначе „избранное правительство“, особенно „если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ, такъ какъ остраго смотрѣнія и жестокаго страха не требуется“. „Въ великихъ и пространственныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно, гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благоиравія или познанія пользы и вреда, законъ хранить, тамъ необходимо само—или—единодержавіе“. Поэтому оно необходимо и для Россіи. Для нея не годится демократія, ибо „пространство великое государства тому препятствуетъ“. „Аристократія“, говоритъ Татищевъ, „насъ довольно вредомъ приключительнымъ научила“. Приводя примѣры этого „вреда“, Татищевъ приписываетъ всѣ успѣхи Россіи монархіи. Отъ Рюрика до Мстислава Великаго въ Россіи было единовластительство, и она процвѣтала тогда во всѣхъ отношеніяхъ. Ея границы распространились до Дуная, Буга, Вислы и Нѣмана, а народъ былъ довольно просвѣщенъ науками, довольно богатился торгами и былъ страшенъ сосѣдямъ войнами. Времена удѣловъ, носившія аристократическій отгѣнокъ, ослабивъ великихъ князей, ослабили, вмѣстѣ съ ними, и Россію, благодаря чему она подпала подѣ власть Литвы и татаръ. Съ возрожденіемъ неограниченной монархіи Россія снова ожила, сбросила съ себя татарское иго и отобрала отъ Литвы нѣкоторыя изъ утраченныхъ областей Іоанна Грознаго, который „осмѣлился ту аристократію истребить“, Татищевъ называетъ „великимъ“, а его эпоху такъ же, какъ и эпоху его преемниковъ: царя Феодора и царя Бориса, онъ считаетъ однимъ изъ блестящихъ періодовъ русской исторіи. Въ смутное время монархическое начало снова падаетъ, и Россія пре-

терпѣваетъ всевозможныя бѣдствія. „Коварное избраніе“ Шуйскаго сближается Татищевымъ съ посягательствомъ верховниковъ на Императорскую власть. „Зависть Голицына и другихъ привела на новое безпутство: взять на государя запись, которою, всю власть у государя отнявъ, себѣ похитили, подобно какъ и нынѣ; но что изъ этого послѣдовало? Крайнее государства разореніе. Поляки и шведы многіе русскіе предѣлы отторгнули и овладѣли“. „Царя Михаила Феодоровича, говоритъ Татищевъ: избраніе было порядочно всенародное, да съ такою же записью, черезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою“. Возстановителемъ неограниченной монархіи Татищевъ считаетъ Алексѣя Михайловича, который, „получа случай самому въ Польшѣ войскомъ управлять“ въ 1654 году, присвоилъ себѣ „самовластіе“, то есть, самодержавіе, которымъ не пользовался его отецъ. Благодаря этому, Алексѣй Михайловичъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ Польшею и расширилъ на ея счетъ предѣлы Россіи. Но онъ не могъ пользоваться самовластіемъ, какъ слѣдуетъ, ибо встрѣтилъ препятствія со стороны „властолюбиваго“ Никона. Никону Татищевъ, очевидно, не сочувствовалъ. Петръ Великій довершилъ то, что было начато Алексѣемъ Михайловичемъ, и сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова самодержавнымъ государемъ, вслѣдствіе чего и могъ ввести реформы и вознести Россію на небывалую высоту. „Петръ Великій, говоритъ Татищевъ: все оное усугубилъ, и большую, нежели его предки, себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользу принесъ, какъ то весь свѣтъ засвидѣтельствовать можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны“. Противники самодержавной монархіи возражали Татищеву, что опасно давать одному человѣку великую власть надъ цѣлымъ народомъ потому, что даже самый кроткій и правосудный государь не можетъ не впасть въ ошибки. Если же государь не сдерживаетъ своихъ страстей, даетъ волю временщикамъ и создаетъ такія учрежденія, какъ тайная канцелярія, то отъ того происходитъ гибель невинныхъ, преслѣдованіе заслуженныхъ людей, пытки, казни и конфискаціи за одно неосторожное слово, стыдъ и поношеніе передъ другими народами. Татищевъ отвѣчалъ на это, что царь подобенъ отцу семьи, а отецъ не можетъ желать зла своимъ дѣтямъ. Бываютъ шлях-

тичи, разоряющіе дома свои. Но кому придетъ въ голову лишить, вслѣдствіе этого, всѣхъ шляхтичей воли? „Если же такой несмысленный государь случится, замѣчаетъ Татищевъ, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производить, то можно за наказаніе Божіе принять“. Переходя къ вопросу о временщикахъ въ Россіи, Татищевъ дѣлитъ ихъ на неистовыхъ и благоразумныхъ. Къ первымъ онъ причисляетъ Малюту Скуратова, Басманова, Милославскаго, Меншикова и Толстого; ко вторымъ—Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и кн. В. В. Голицына. „Эти послѣдніе, говоритъ Татищевъ: великую честь и благодареніе вѣчно заслужили“. Не отрицая того, что недостойные временщики бываютъ и въ монархіяхъ, Татищевъ утверждаетъ, ссылаясь на исторію греческую и римскую, что „временщики являются болѣе въ республикахъ“. Въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ „нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія нанесли, и сего, прибавляетъ Татищевъ, намекая на верховниковъ: намъ наипаче опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ“. По поводу „тайной канцеляріи“ Татищевъ говоритъ, что „она, если токмо человѣку благочестивому поручится, —нимало не вредна, а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ“. Такимъ образомъ, Татищевъ, не отрицая темныхъ сторонъ „русскаго самовластія“, приходилъ къ заключенію, что онѣ совершенно ступшеваются въ сравненіи съ его благодѣтельнымъ вліяніемъ.

Въ „Исторіи Россіи“, привезенной Татищевымъ въ Петербургъ въ 1739 году, но задуманной имъ, по его словамъ, еще за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Анны Іоанновны, мы находимъ повтореніе и развитіе тѣхъ доводовъ въ пользу Самодержавія, которые приводятся въ „Разсужденіи“. Въ 45-й главѣ 1-ой книги (о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ). Татищевъ излагаетъ свои политическія убѣжденія, оговариваясь при этомъ, что дѣлаетъ это вскользь, такъ какъ историку слѣдуетъ писать о „приключеніяхъ“, а не распространяться о началѣ „сообществъ“ и о „должностяхъ“ правителей и подданныхъ“, ибо все это относится уже къ области философіи, „въ частяхъ морали или нравоученія закона естественнаго и по-

литики“. Касаясь философіи или, собственно, философіи права и государственныхъ ученій, Татищевъ, отличавшійся большою и разностороннею начитанностью, обнаруживаетъ ее и въ данномъ случаѣ. Онъ отзывается съ большою похвалою о Христіанѣ Вольфѣ, упоминаетъ мимоходомъ и о Пуффендорфѣ; о Макіавели же, Гоббсѣ и Локкѣ отзывается неодобрительно, находя ихъ политическія идеи „болѣе вредными, нежели полезными“. Вліянію русскихъ рукописныхъ переводовъ трехъ только что названныхъ мыслителей Татищевъ приписываетъ то броженіе умовъ, которое онъ замѣчалъ у своихъ современниковъ. „Изъ чего у неразумныхъ, говоритъ онъ, странное, съ мудростью и пользою государства несогласное, разсужденіе произносится“. „А нѣкоторые, прибавляетъ Татищевъ, намекая на событія 1730 года, съ великимъ ихъ собственнымъ и государственнымъ вредомъ непристойное дерзнули, для того я о семъ, сверхъ моей исторической должности, кратко вспомнить за потребно разсудилъ“.

Власть государя Татищевъ считаетъ дальнѣйшимъ развитіемъ семейнаго начала. „На семъ основаніи, говоритъ онъ, большею частью правительство монархіи состоитъ; монархъ, яко отецъ, а подданные, яко чада, почитаются, какимъ бы порядкомъ оно ни учинилось“. „Никакое сообщество безъ начальства, замѣчаетъ Татищевъ дальше: а начальство безъ преимущества и власти быть не можетъ, потому и въ гражданствѣ явилась нужда для распорядка правленія и повелѣнія имѣть начальство. Сіе, мню, начальство свое возымѣло, съ основанія супружескаго“. Переходя къ вопросу о различіи между монархіей, аристократіей и демократіей и о сравнительныхъ выгодахъ этихъ трехъ видовъ правленія, Татищевъ почти дословно повторяетъ то, что писалъ въ 1730 году, приводя при этомъ нѣкоторыя историческія данныя и историко-философскія соображенія, о которыхъ не упоминается въ „Разсужденіи“, въ доказательство, что изъ всѣхъ формъ правленія къ Россіи подходитъ лишь Самодержавіе.

„Три токмо правительства, говоритъ Татищевъ: то есть, монархія, аристократія и демократія почитаются за порядочныя къ сохраненію общей пользы по состоянію областей удобнѣйшія; которые же правительства или подданные, оставя общую пользу, болѣе своей собственной прилежать стали, тако-

выя у грекъ особныя званія возымѣли, Политія перемѣняется въ Демократію и Охлократію, Аристократія въ Олигархію, Монархія въ Тираннію, и паки многими разными порядки изъ объявленныхъ трехъ состоятъ смѣшанныя правительства, какъ которой области обстоятельства лучшую пользу представляютъ; нѣкоторыя состоятъ изъ Монархіи и Аристократіи, изъ Монархіи и Демократіи, изъ Аристократіи и Демократіи, каковыхъ правительствъ нынѣ довольно знаемо. Невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно озираться на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство области и состояніе народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ паденій не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходимыми горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ аристократія быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ; гдѣ же великія области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ непросвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственного благонравія въ должности содержится, тамо оба первые не годятся, но нужна быть монархія, какъ я 1730 г. Верховному Совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римскихъ и другихъ республикъ доказываютъ, что онѣ дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ Ассирійской, Египецкой, Персидской, Римской и Греческой, какъ правленія древнія и законы въ цользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдямъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственного любоимѣнія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ царь Іоаннъ Грозный рѣчью княземъ, подъ власть монархіи покореннымъ, преизрядно изъяснилъ". О какой рѣчи говоритъ здѣсь Татищевъ,—неизвѣстно.

Дѣлая бѣглый очеркъ государственнаго устройства Россіи, Татищевъ исходитъ изъ положенія, что славяне, которыхъ онъ отождествляетъ со скиѣми, издревле имѣли „самовластныхъ

государей“, благодаря чему и пользовались „много сотъ лѣтъ“ безопасностью и спокойствіемъ. „Отъ Рюрика до кончины Мстислава, сына Мономахова, говоритъ Татищевъ: самовластіе ненарушимо содержалось, хотя Рюрикъ, Владиміръ и Святославъ не мало удѣльныхъ князей въ довольномъ страхѣ, яко подвластныхъ, содержали, и наслѣдіе престола шло порядкомъ превосходства“. Удѣльную систему Татищевъ начинаетъ съ кончины Мстислава. „Все оное, говоритъ онъ, черезъ междоусобіе наслѣдниковъ разорилось; князья, бывши прежде подъ властью, такъ усилились, что великаго князя за равнаго себѣ почитать стали, и ему ничто болѣ, какъ титулъ къ преимуществу остался, а силы никакой не имѣли, и тако учинилась аристократія, но безпорядочная“.

Татищевъ съ похвалой отзывается о Романѣ Галицкомъ, приписывая ему намѣреніе исправить „правленія государства безпорядокъ“ посредствомъ княжескаго сейма, подобнаго германскому, и о Всеволодѣ Большомъ Гнѣздѣ, который многихъ удѣльныхъ князей „въ довольное себѣ послушаніе привелъ и свое владѣніе довольно распространилъ, но не надолго“. Удѣльную систему и ея престолонаслѣдіе, въ силу котораго, послѣ смерти того или другого князя, его владѣнія дѣлились между его сыновьями, Татищевъ называетъ „безпутными“. Въ нихъ онъ видѣлъ разгадку княжескихъ междоусобій и татарскаго ига. „Черезъ то (татарское) самодержавство, говоритъ Татищевъ: сила и честь русскихъ государей угасла, тогда князья литовскіе, бывшіе въ подданствѣ, не токмо подданства и послушанія великимъ князьямъ отrekliсь, но многія княженія русскія едино по другомъ овладѣвъ, стали великими князьями литовскими и русскими писаться. Новгородъ, Плесковъ и Полоцкъ, учиня собственныя демократическія правительства, такожь власть великихъ князей уничтожили“.

Выяснивъ, съ своей точки зрѣнія, тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ привело древнюю Русь паденіе Самодержавія и господство аристократическихъ и демократическихъ началъ, Татищевъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывается объ Іоаннѣ III, Василіи III и Іоаннѣ Грозномъ, какъ о государяхъ, положившихъ конецъ удѣльной системѣ и возстановившихъ Самодержавіе, а вмѣстѣ съ нимъ и политическое могущество Россіи.

„Іоаннъ Великій говоритъ Татищевъ: какъ сказано, опровергнувъ власть татарскую, паки совершенную монархію возставилъ, и о наслѣдїи престола единому сыну, учиня законъ, соборомъ утвердилъ, и хотя онъ другимъ дѣтямъ и племянникамъ удѣлы давать не отрѣшилъ, но малые, не болѣе трехъ градовъ, чрезъ другія владѣнія, чтобъ не могли силъ своихъ совокуплять, ихъ же въ полную власть и судъ великаго князя или Царя опредѣлилъ, чрезъ что въ краткое время сила и честь Государя умножилась“.

„Сынъ его Василій, не туне, отъ польскихъ писателей храбрымъ нареченъ, Смоленскъ и всѣ сѣверныя княженія отъ Литвы возвратилъ, Пермь и Вятку присовокупилъ, и построениемъ градовъ утвердилъ, отъ татаръ многую часть Мордвы себѣ покорилъ, и на Сурѣ градъ въ свое имя Василь построилъ, какъ о томъ Іоаннъ Грозный передъ походомъ и въ Казани въ собраніи всѣхъ князей и вельможъ пространною рѣчью о дѣлахъ дѣда своего и отца изъяснилъ.

„Сей Государь Казань и Астрахань себѣ покорилъ, по Донцу Бѣлградъ и другіе по Дону казацкіе грады для безопасности отъ татаръ устроилъ и населилъ, и если бы ему нѣкоторыхъ безпутныхъ вельможъ бунты и измѣны не воспрепятствовали, то бы, конечно, не трудно ему было завоеванную Ливонію и часть немалую Литвы удержать, и сіе самовластное правленіе продолжалось до избранія на царство Василія князя Шуйскаго“.

Татищевъ былъ большимъ поклонникомъ Іоанна Грознаго и усвоилъ себѣ на него ту точку зрѣнія, какой держался Петръ Великій. Онъ видѣлъ въ немъ не тиранна, а мудраго и много сдѣлавшаго государя и становился на сторону Іоанна въ его распрѣ съ „вельможами“.

Татищевъ оправдывалъ жестокость Грознаго измѣнами и бунтами, смотрѣлъ на нее, какъ на печальную политическую необходимость. Взглядъ Татищева на историческое значеніе царствованія Іоанна IV напоминаетъ въ общихъ чертахъ взглядъ С. М. Соловьева и Бестужева—Рюмина. Это можно сказать, между прочимъ, и по поводу того замѣчанія, которое дѣлаетъ Татищевъ о войнѣ Грознаго съ Ливоніей.

Ссылаясь на эпоху Іоанна III, Василя III и Іоанна Грознаго, какъ на доказательство благодѣтельныхъ послѣдствій Самодержавія, Татищевъ ссылается на попытки ограниченія и устраненія царской власти, имѣвшія мѣсто въ смутное время, какъ на доказательство, что Россіи не свойственно аристократическое правленіе, и что ей нѣтъ спасенія безъ Самодержавія.

„По сверженіи лживаго Дмитрія, говоритъ Татищевъ: или Гришки Отрепьева, при безпутномъ и коварномъ избраніи Шуйскаго, нѣкоторые вельможи, къ великому государственному вреду, вымыслили взять на него запись, которою вся власть отнята, а поручена яъ совѣтъ сената, и тако монархію совокупили со аристократією, а по лишеніи его престола все правленіе поручили семи боярамъ, слѣдственно, суцая аристократія учинена. Въ семъ правленіи Мстиславскій былъ старшій, котораго, два раза избирая, на царство просили, но онъ отрекся. Кромѣ него были: Воротынскій, Лыковъ, Трубецкой, кн. Василій, кн. Иванъ Голицынъ, Салтыковъ; и сіи послѣдніи три помощію полякъ такъ усилились, что прочіе никакой власти не имѣли. Отъ сего безпутнаго правительства вскорѣ государство въ такое крайнее разореніе и упадокъ пришло, что едва на части не раздѣлилось, а поляки всѣмъ не овладѣли, однакожъ шведы и поляки многіе предѣлы оторвали, о чемъ монахъ Іосифъ, или паче Іовъ патріархъ, въ Исторіи описалъ, и я при случаѣ несогласія о правительствѣ 1730 г. Верховному Тайному Совѣту, въ представленіи пространно изъяснилъ.

„Изъ сего всякъ можетъ видѣть, сколько Монаршеское правленіе государству нашему прочихъ полезнѣе, чрезъ которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрезъ прочія умаляется и гибнетъ“.

По мнѣнію Татищева, аристократія господствовала у насъ не только въ смутное время, но и въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Возстановителями Самодержавія, какъ мы уже знаемъ, онъ считалъ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. „Вышеобъявленный безпутный и государству вредный правленія порядокъ царь Алексѣй Михайловичъ поправилъ, и власти своея прибавилъ, коему властолюбивый патріархъ Никонъ столько въ томъ воспрепятствовалъ, что онъ не могъ совершенно самовластія получить, а по сверженіи онаго, болѣзни и другія препятствія не

допустили. Петръ Великій въ 1721 году изъ опредѣлений и указовъ, какъ тогда писали *Великій Государь указалъ и бояре приговорили*, яко противное самодержавству, повелѣлъ выкинуть, а писать одно свое повелѣніе, чрезъ что власть вельможъ отринута, и единовластіе утверждено, а чтобы имя бояръ впредь никого не соблазняло, то оное оставивъ, далъ чины совѣтниковъ разныхъ степеней, яко же придворные и военные, чрезъ что оное въ совершенное забвеніе пришло“.

О Верховномъ Совѣтѣ, учрежденномъ при Екатеринѣ I, Татищевъ отзывался крайне недобрительно. Учрежденіе Совѣта и подчиненіе ему Сената и Синода онъ приписываеъ властолюбію и коварству Меншикова. Злоупотребленія Совѣта, особенно Меншикова и его сообщниковъ при Екатеринѣ I нѣсколько сдерживались, „а при самомъ концѣ жизни Ея Величества, когда оный Левіатанъ вырвался, многіе знатные люди неповинно перепытаны, ограблены и въ ссылки разосланы“.

Объ ограниченіи императорской власти верховниками при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны Татищевъ отзывался съ насмѣшкой и съ негодованіемъ. Онъ называетъ ихъ съ ироніей „римскими Брутусами“; о записи, предложенной ими Аннѣ Іоанновнѣ, замѣчаетъ, что она была „тягче записи Шуйскаго“, объ ея же авторахъ говоритъ, что они, лиша императрицу власти, „себѣ болѣе, нежели помощникамъ правленія въ аристократіи принадлежить, пріобщили и съ тѣмъ тайно къ ней послали, и, обогавъ ей, якобы всенародно такой записи желаютъ, подписать обольстили“. О пораженіи, нанесенномъ олигархическямъ замысламъ верховниковъ, Татищевъ вспоминаетъ, конечно, съ восторгомъ. „Но какъ скоро, говоритъ онъ: прочее шляхетство о томъ обстоятельно увѣдали, и разсудили, что то къ великому государственному вреду учинено, тотчасъ сочинили предложеніе, которое болѣе семидесяти знатныхъ, подписавъ, Верховному Совѣту подави. Но какъ онъ презрѣлъ, то силою все то опровергнули, и Ея Величество челобитною за подписаніемъ 360 персонъ объ отрѣшеніи онаго безпутства просили, которое благополучно, безъ всякаго смятенія, къ пользѣ, силѣ, чести и славѣ государя и государства того-жъ 1730 года, февраля 24, совершилось, и ненарушимо пребываетъ“.

Само собою разумѣется, что о Верховномъ Совѣтѣ и его антимонархическихъ затѣяхъ Татищевъ упомянулъ опять-таки съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ губительно отражалась на благосостояніи Россіи всякая попытка ограничить Самодержавіе.

Въ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ Судебнику Іоанна Грознаго, не вошедшихъ въ составъ комментаріевъ къ этому законодательному памятнику, которые, вмѣстѣ съ нимъ были изданы Татищевымъ въ 1768 году, онъ высказываетъ свой взглядъ на судебную власть государей. Онъ считалъ ее, какъ по „Зако-ну Божію“, такъ и по „правиламъ мудрости“, главною долж-ностью“ и преимуществомъ монарховъ. „Войска, говоритъ Тати-щевъ: хотя опасность внѣшнюю отвращаютъ, обиды нападшихъ пріятелей отмщаютъ, честь, славу и богатства умножаютъ, но, во первыхъ, судьи тишину внутреннюю сохраняютъ и страхомъ наказанія всѣхъ въ тишинѣ и любви содержать, а вражды и междоусобія пресѣкаютъ; если вражды умножатся, междоусобіе родится, весь народъ легко въ смятеніе прид-ти можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ край-нему всего общества разоренію воспрепятствовать не могутъ. Сіе самъ Спаситель Христосъ утвердилъ примѣромъ: *Аще царство на ся раздѣлится, стояти не можетъ.* Великія и преславныя Церкви учитель Златоустъ, толкуя сіи слова въ поученіи IV-мъ на судей, примѣромъ изъяснилъ: *Аще во градѣ, непріятелемъ осажденномъ, возстанутъ флотъ и распри, то воевода, оста-вя внѣшняго непріятеля, прежде прилежитъ внутрь успоко-ить и усмирить, а потомъ старается внѣшнему противить-ся и побѣдитъ.* Въ большее доказательство не хочу я приводить великое несчастіе и разореніе отъ несогласій, бывшихъ во время Шуйскаго въ отечествѣ нашемъ. О должности государей въ су-действѣ св. пророкъ и царь Давидъ, сказуетъ: *Честъ царева судъ любить.* И паки проситъ Господа: *Боже, судъ Твой царице даждь и правду Твою сыну царице.* Соломонъ не про-силъ богатства, ни побѣды на враги, но мудрости въ судѣ: *Даждь ми мудрость разсудити люди твоя по правости.* И Богъ, видя его искреннюю любовь къ подданнымъ, даровалъ ему неисчерпаемое богатство, преславныя побѣды на враги и славу вѣчную съ мудростію правосудія. Сіе же утверждаютъ всѣ титу-

лы древних государей, яко *Царь*, гех, Базилевсъ и проч. Всѣ на тѣхъ языхъ не иное значать, какъ судья и оборонитель". Выходить, такимъ образомъ, что Татищевъ „главною должностію“ государей считалъ не только судъ, но и, вообще, сохраненіе порядка въ странѣ.

Будучи убѣжденнымъ монархистомъ, Татищевъ хотѣлъ передать свой образъ мыслей и сыну. Въ „Духовной“, т. е. въ завѣщаніи и наставленіи, составленной Татищевымъ въ 1740 году и изданной въ Петербургѣ 33 года спустя сыномъ его бывшаго секретаря Сергѣемъ Друкѡвцевымъ, между прочимъ, дается такой совѣтъ: „Съ хвалящими вольности другихъ государствъ ищущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ-то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали“. Подъ „нѣкоторыми“ Татищевъ разумѣлъ, конечно, верховниковъ и ихъ конституціонныя затѣи 1730 года.

Заканчивая очеркъ политическихъ идеаловъ и убѣжденій Татищева, считаемъ не лишнимъ остановиться на мнѣніи, высказанномъ г. Корсаковымъ въ его монографіи „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“. „Хотя въ своемъ проектѣ, говоритъ г. Корсаковъ (стр. 195), Татищевъ и утверждаетъ, что въ Россіи возможно одно только самодержавіе, и повторяетъ ту же мысль и въ Россійской Исторіи, тѣмъ не менѣе, его политическія воззрѣнія не могутъ быть почтены строго монархическими. Онъ придаетъ большое значеніе шляхетскому представительству, что видно изъ составленнаго имъ проекта“. Въ проектѣ, который былъ написанъ Татищевымъ и выражалъ мнѣніе не его одного, а большинства совѣщавшихся у князя Черногорскаго дворянъ, въ этомъ проектѣ о шляхетскомъ *представительствѣ* нѣтъ и рѣчи, такъ какъ членовъ Сената и Совѣта, который предполагалось составить изъ ста лицъ, проектъ не поручалъ избранію дворянъ и не облакалъ политическими полномочіями. Не нужно забывать, что проектъ редактированный Татищевымъ, былъ поданъ верховникамъ въ видѣ прошенія въ то время, когда Анна Іоанновна уже подписала подsunутыя ей „пункты“. Авторъ проекта сознавалъ невозможность требовать отъ оли-

гарховъ добровольнаго отреченія отъ задуманнаго ими дѣла и поэтому хотѣлъ войти съ ними въ компромиссъ и подорвать ихъ вліяніе. Недовѣріемъ къ Верховному Совѣту объясняется не вполне ясный смыслъ того адреса, который былъ прочитанъ Аннѣ Іоанновнѣ Татищевымъ отъ имени дворянъ, протестовавшихъ противъ „пунктовъ“ и просившихъ дозволенія обсудить, какое государственное устройство слѣдуетъ дать Россіи. Татищевъ заранее зналъ, что громадное большинство дворянъ желаетъ возстановленія Самодержавія и самъ къ этому стремился, такъ что, если вникнуть въ дѣло поглубже, то окажется, что между его адресомъ и адресомъ князя Кантемира, просившимъ Анну Іоанновну „принять самодержавство“,—не было никакого противорѣчія.

Вотъ почему Татищевъ и подписалъ адресъ о возстановленіи Самодержавія, прочитанный княземъ Кантемиромъ.

Какъ бы тамъ ни было, монархическій образъ мыслей Татищева не можетъ быть подвергнутъ ни малѣйшему сомнѣнію, если даже допустить, что Татищевъ растерялся въ виду событій 1730 года и не выказалъ той послѣдовательности и прямоты дѣйствій, которыхъ можно было ожидать отъ человѣка такого закала, какъ онъ. Его смутила податливость, которую обнаружилъ Анна Іоанновна при подписаніи „пунктовъ“. Проектируя свое Высшее Правительство, дѣйствительно несовѣмъ согласное съ началами Самодержавія, Татищевъ исходилъ изъ недоверія къ Аннѣ Іоанновнѣ и ея умѣнью отстаивать права верховной власти. Его смущала также и ея незнаніе Россіи и русскихъ законовъ, и онъ хотѣлъ, поэтому, сохранить монархію путемъ учрежденій, которыя служили бы гарантіей противъ новыхъ олигархическихъ затѣй. Татищевъ былъ, однако, далекъ отъ мысли навязывать эти учрежденія Аннѣ Іоанновнѣ и настаивать на введеніи какой бы то ни было конституціи. Къ тому же онъ оговаривался въ своемъ проектѣ, что предложеніе князя Черкаскаго и его друзей имѣло въ виду лишь царствованіе Анны Іоанновны, а не тѣ времена, когда „Всевышній мужескую персону на престоль даруетъ“. Во всякомъ случаѣ заподозривать искренность монархическихъ убѣжденій Татищева нѣтъ основанія. Какъ историкъ и публицистъ, онъ былъ всецѣло на сторонѣ Самодержавія, а при воцареніи

Анны Іоанновны все время оставался plus royaliste que le roi. Принимая дѣятельное участіе въ составленіи проекта, поданнаго отъ имени Сената и генералитета 5 февраля, когда верховники еще не разрѣшали подачи коллективныхъ мнѣній и заявленій по поводу „пунктовъ“, Татищевъ рисковалъ весьма серьезно и проявилъ гражданское мужество. А это опять таки наводитъ на мысль, что онъ былъ не только убѣжденнымъ, но и пламеннымъ приверженцемъ Самодержавія, который не могъ подкапываться подъ его значеніе. Обвиняя Татищева въ разладѣ слова съ дѣломъ, г. Корсаковъ забываетъ, что въ смутные дни воцаренія Анны Іоанновны такіе люди, какъ Татищевъ, не имѣя яснаго понятія ни о характерѣ, ни о взглядахъ, ни о намѣреніяхъ Императрицы, должны были ратовать въ ея пользу какъ бы ошупью и въ потемкахъ, не зная навѣрное, какъ она отнесется къ начатой ими борьбѣ. Къ числу главныхъ инициаторовъ этой борьбы принадлежалъ и Татищевъ, открыто провозгласившій, что Россія не можетъ существовать безъ Самодержавія, противъ котораго ратовали верховники и ихъ единомышленники.

III.

Б о л т и н ъ.

Въ „Примѣчаніяхъ на Исторію Россіи Леклерка“, изданныхъ генераль-маіоромъ Болтинымъ въ 1788 году, находится, между прочимъ, и нѣсколько замѣчаній о русскомъ Самодержавіи. Опровергая поверхностныя и часто недоброжелательныя сужденія французскаго писателя о Россіи и исходя при этомъ постоянно изъ той мысли, что Россіи предсцитъ великая будущность, что ей нѣтъ основанія стыдиться своего прошлаго, и что русскому народу, говоря вообще, живется лучше западно-европейскихъ народовъ, Болтинъ, котораго не безъ причины называютъ предшественникомъ славянофиловъ, доказывалъ, что взглядъ Леклерка на русское Самодержавіе не выдерживаетъ критики, и что Леклеркъ не имѣлъ права обвинять форму правленія, исторически сложившуюся въ Россіи, ни въ варварствѣ, ни въ деспотизмѣ. На основаніи историческихъ данныхъ, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, изъ „Исторіи“ Татищева,

щева, а также на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній о Россіи XVIII вѣка и разныхъ политико-философскихъ соображеній, Болтинъ приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, къ какимъ пришелъ и Татищевъ: онъ считаетъ Самодержавіе благодѣтельнымъ для Россіи, а стремленіе ограничить его—несообразнымъ съ ея потребностями.

Отстаивая необходимость монархическихъ началъ для Россіи, Болтинъ не оставилъ безъ оговорокъ и возраженій ни одного неблагоприятнаго для Россіи и односторонняго сужденія Леклерка не только о нашихъ самодержавныхъ государяхъ, но и о князьяхъ удѣльно-вѣчевого періода. Въ одномъ мѣстѣ своей книги Леклеркъ назвалъ Мстислава Удалого феноменомъ между русскими князьями. Болтинъ по этому поводу говоритъ: „Не одинъ Мстиславъ, и по сказкѣ самого Леклерка, былъ феноменомъ между князей русскихъ, но Ярославъ, Борисъ, Изяславъ, Володиміръ Мономахъ и другіе“. Приведа, затѣмъ, восторженные отзывы Леклерка о доблестяхъ, дарованіяхъ и возвышенномъ характерѣ этихъ князей, Болтинъ продолжаетъ:— „Всѣ сіи приводы доказательствомъ служатъ, что авторъ (т. е. Леклеркъ) писалъ о всемъ безъ вниманія и осторожности. Называя Мстислава феноменомъ изъ князей російскихъ, онъ позабылъ, что многихъ прежде его описалъ таковыми-жъ. И кромѣ хвалимыхъ г. Леклеркомъ, были въ тогдашнее время нѣкоторые государи, коимъ лѣтописи не меньшія похвалы приписываютъ. Таковы были: Мстиславъ Владиміровичъ, Ярополкъ, братъ его Вячеславъ, а особливо Константинъ Всеволодовичъ и Михаилъ Георгіевичъ, великіе князья Владимірскіе и нѣкоторые изъ князей удѣльныхъ. Какое государство можетъ похвалиться, чтобъ въ столь короткое время имѣло у себя столько мудрыхъ, благоразумныхъ, мужественныхъ, храбрыхъ, добродѣтельныхъ, благосердныхъ, великодушныхъ и благотворительныхъ государей, каковы всѣ сказанные были, и коихъ Россія меньше нежели въ два вѣка видѣла надъ собою царствовавшихъ! Въ великомъ числѣ императоровъ римскихъ гораздо меньше было добрыхъ государей“. („Примѣчанія“ Болтина, I, 273—275).

Останавливаясь на словахъ Леклерка: „Князья русскіе бывали часто тираннами своихъ подданныхъ“,—Болтинъ говоритъ: „тиранномъ своимъ подданнымъ ни одного, кромѣ царя Ивана Ва-

сильевича, прозваннаго Грознымъ, лѣтописи російскія не представляютъ... Г. Леклеркъ говоритъ, что таковыя часто бывали, однакожь изъ многихъ ни одного въ примѣръ не приводитъ“. Далѣе, слѣдуя своему обыкновенію побивать Леклерка параллелями между Россіей и Франціей, Болтинъ прибавляетъ: „Между королей французскихъ первыхъ поколѣній несравненно болѣе найдется тиранновъ подданнымъ своимъ, нежели между князей российскихъ. Ни единого изъ сихъ не представляютъ наши лѣтописи таковымъ, каковы были Кловисъ I, Шилперикъ I, Клотерь II, Дагобертъ I, Клотерь III, Карлъ Великій, Людовикъ I, Карлъ II, Людовикъ VII, Филиппъ IV, Филиппъ VI и проч. Мало такихъ было тиранновъ, каковъ былъ Людовикъ XI; кромѣ Нерона, другого, подобнаго ему въ люлости, лѣтописи міра намъ не представляютъ“. (т. II, 17).

Сравнивая Іоанна Грознаго съ Людовикомъ XI въ „разсужденіи безмѣрной жестокости“, Болтинъ не упускалъ изъ виду и ихъ историческихъ заслугъ.—„Царь Иванъ Васильевичъ уничтожилъ самодержавныя княженія и власть ихъ; тожь сдѣлалъ и Людовикъ XI. Іоаннъ уничтожилъ монархію, присовокупивъ къ государству великія области; Людовикъ тожь. Іоаннъ названъ первый царемъ Россійскимъ, хотя титулъ сей и дѣдъ его воспріять не меньшее имѣлъ право; Людовикъ XI первый былъ король Франціи, котораго титуловали *величествомъ*, и воспріалъ титулъ *Христіаннѣйшаго*, который и до нынѣ имѣютъ французскіе короли. Боже, сохрани христіанство отъ такихъ христіаннѣйшихъ королей! Оба они доказали, что и злой человѣкъ можетъ дѣлать добро обществу, когда собственная корысть его тому не противится. Voltaire (ч. I, 309—310)“. Съ большимъ уваженіемъ отзывался Болтинъ объ Іоаннѣ Грозномъ, какъ о законодателѣ, какъ о государѣ, исправившемъ Судебникъ своего знаменитаго дѣда и учредившемъ по городамъ и волостямъ старость, цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. „Сіе было началомъ благоустройства государственнаго, прежнихъ законовъ возстановленіе и утвержденіе, а своеволія и самонравнаго владѣльцевъ начальства разрушенія и конечнаго паденія, (I, 319).

Говоря объ императорскомъ періодѣ русской исторіи, Болтинъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о Петрѣ Великомъ;

хотя и осуждаетъ его пристрастіе ко всему иноземному, его стараніе сдѣлать Россію морскою державою, а русскихъ людей „морскими извощиками“, Болтинъ осуждаетъ и перенесеніе столицы въ Петербургъ,—на суровую, болотистую окраину государства. Касаясь похвалъ, которыя расточалъ Леклеркъ, говоря о царствованіи русскихъ императрицъ, Болтинъ писалъ: „Россія счастлива тѣмъ, что Промыселъ Всевышняго награждаетъ ее такими милостивыми, человѣколюбивыми и о благѣ подданныхъ своихъ пекущимися Императрицами, про коихъ царствованія, кромѣ похвалы и благодарности, нечего сказать“. Не всѣхъ, однако, императрицъ Болтинъ одинаково хвалилъ. „Если спросятъ у русскихъ, *каково вамъ было при царствованіи Императрицы Елисаветы?*—возотвѣтствуютъ: *очень хорошо*. Если вопросятъ ихъ, *каково вамъ при нынѣ царствующей Императрицѣ?**. Въ отвѣтъ скажутъ тожъ, и отвѣтъ сей сказанъ будетъ, по истинѣ, отъ добраго сердца, какъ и прежній. Ежели жъ спросятъ у нихъ: *каково вамъ было при Императрицѣ Аннѣ?*—думаю, что ни одинъ изъ тѣхъ, кои помнятъ царствованіе ея, не скажетъ во отвѣтъ, *хорошо*, а развѣ промолчить“ (II, 172 и 173). Неодобрительно отзываясь о царствованіи Анны Іоанновны, Болтинъ осуждалъ собственно не ее, а правительственную систему Бирона. Въ одной изъ главъ II тома своихъ „Примѣчаній“ онъ въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ обрисовываетъ всѣ ужасы и промахи этой системы и противопоставляетъ ей политику своей покровительницы, императрицы Екатерины II, ея военные успѣхи, ея реформы и законодательныя мѣры, ея любовь къ просвѣщенію и т. д.

Главною историческою заслугою московскихъ царей и великихъ князей Болтинъ считаетъ объединеніе Россіи, а удѣльную систему—причиною бѣдствій, которыя претерпѣла древняя Русь. Опровергая Леклерка, утверждавшаго, что Россія временъ татарскаго ига „представляла области безъ законовъ, самодержавіе безъ начальниковъ, государей безъ подданныхъ“, Болтинъ писалъ: „Хотя государство и раздѣлено было на многіе удѣлы, но каждое княжество имѣло законы, или сообразные законамъ великаго княженія, или особенные; начальниковъ, къ несчастію, было больше,

---

* Здѣсь Болтинъ разумѣетъ Екатерину II.

нежели было нужно и потребно, и сихъ излишество главнѣйшимъ было несчастіемъ Россіи; мало изъ нихъ было мудрыхъ и великихъ, но таковыхъ вездѣ и во всѣ времена бываетъ недостаточно. Поданныхъ государи имѣли больше, нежели умѣнья управлять и человѣколюбія ихъ беречь. Сіе было причиною тѣхъ междоусобій, кои непрестанно и до впаденія татаръ, и въ продолженіе владычества ихъ, внутренность Россіи терзали, и больше ей язвъ причинили, нежели всѣ иноплеменные войны, впаденія и кровопролитныя завоеванія татарскія“. (II, 112 и 113).

Противопоставляя исторіи Россіи исторію западноевропейскихъ народовъ, Болтинъ указываетъ на то, что російскій народъ „никогда отъ побѣдителей своихъ истребляемъ не былъ. Число его всегда оставалось превосходнѣйшимъ его побѣдителей, коихъ побѣдамъ и завоеваніямъ болѣе способствовали раздѣленіе и междоусобія у россиянь, нежели слабость ихъ и безсиліе“. Въ данномъ случаѣ Болтинъ намекалъ на татарское иго, причемъ высказывалъ на его значеніе такой же точно взглядъ, какой впоследствии проводилъ С. М. Соловьевъ. Болтинъ отрицалъ вліяніе татаръ на русское законодательство, на русскіе нравы и на русскій языкъ и ограничивалъ его „малыми нѣкоторыми перемѣнами въ общежительныхъ обрядахъ и повѣрьяхъ“ и нѣсколькими словами, заимствованными отъ татаръ (II, 295). Между московскимъ Самодержавіемъ и татарскими преданіями Болтинъ, весьма естественно, не видѣлъ никакой связи,—по крайней мѣрѣ, онъ не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ.

Леклеркъ называлъ Россійскую Имперію деспотическимъ государствомъ. Болтинъ противопоставлялъ его сужденіямъ взглядъ Вольтера, доказывавшаго, что въ Европѣ нѣтъ ни одного деспотическаго государства, и что злоупотребленія властью слѣдуетъ объяснять не государственнымъ устройствомъ, а грубостью нравовъ. Вотъ тѣ ссылки, которыя дѣлаетъ Болтинъ на Вольтера: „Не должно воображать, говорить онъ (Вольтеръ), чтобъ то правленіе было деспотическимъ, гдѣ законъ позволяетъ своенравію единаго приносить въ жертву многихъ людей по своей волѣ, на подобіе скотовъ, коихъ содержатъ въ звѣринцѣ для своей потѣхи... Такія жестокости должно приписывать, по мнѣнію его, суровымъ нравамъ, а не правленію; сказывая, что не меньшія жестокости

представляет намъ исторія французская, пока нравы были грубы, хотя и тожь правленіе тогда во Франціи было, каково есть нынѣ. И такъ, ошибается всякъ, если заключить, что таковыя варварства были послѣдствіемъ самодержавной власти. Ни одинъ христіанскій Государь не былъ деспотомъ, и султанъ не есть. Людовикъ XI, Генрихъ VIII, Сикстъ V и другіе государи не меньше были деспоты всѣхъ султановъ. Если разсмотрѣть со вниманіемъ всѣ престолы азіатскіе, столь мало извѣстные иностраннымъ, найдется, что гораздо есть меньше деспотства на землѣ, нежели думали. Въ нашей Европѣ видѣли такихъ Государей, кои, будучи вассалами другого государя, не имѣющаго самодержавія, употребляли въ своихъ областяхъ власть болѣе самопроизвольную, нежели императоры Индіи и Персіи; но весьма бы то было заблужденно заключить, что сіи области, по ихъ постановленію, имѣютъ правленіе деспотическое. (Essai sur les moeurs, II).

„И такъ, замѣчаетъ Болтинъ по поводу только что приведеннаго мѣста изъ Вольтера: если правленіе турецкое, и тѣхъ государствъ, коихъ Вольтеръ, не именуя ясно, разумѣтъ заставляетъ, не суть деспотическія, то какъ можно правленіе руссійское называть деспотическимъ, гдѣ дворянство не меньшею вольностію, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледѣльцы несравненно меньше несутъ тягостей, нежели въ которомъ ни есть изъ государствъ европейскихъ?“ (II, 465—466).

Изъ этихъ разсужденій видно, что Болтинъ понималъ, какъ рискованно злоупотреблять выраженіемъ *деспотизмъ* и примѣнять его огульно къ такимъ монархіямъ, которыя не имѣли съ деспотизмомъ ничего общаго. Въ эту ошибку, какъ извѣстно, впадали ученики и поклонники Монтесткье, какъ автора „L'esprit des lois“. Опровергая Леклерка, утверждавшаго, будто въ Россіи не было ни прочнаго государственнаго устройства, ни законовъ, и что русскимъ царямъ постоянно грозитъ опасность быть свергнутыми съ престола кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ (Леклеркъ, очевидно, намекалъ на дворцовые перевороты, которыми закончились царствованія Іоанна VI и Петра III), Болтинъ писалъ: „Правленіе наше столь же твердое постановленіе и коренные законы имѣетъ, какъ и всѣ монархическія и самодержавныя государства. Если постановленія и законы наши не сходствуютъ съ

французскими, которыя одни токмо автору нравятся, оттого правленіе наше есть не слабѣе, есть неудобоклеблемѣ прочихъ; и для того и въ сообразованіи оныхъ съ сими, мы, по скудности нашего разумѣнія, потребности не обрѣтаемъ... Коварство честолюбца никогда не въ силахъ вооружить войско противу государя, и въ российской исторіи ни одного такого нѣтъ примѣра; не было у насъ ни одного ни Фоки, ни Варвика" (II, 528 и 529).

Леклеркъ ссылается на Вильямса, который писалъ, что въ „Россіи власть деспота ничѣмъ не удерживается“. „Въ Турци и въ другихъ восточныхъ государствахъ, султанъ сдерживается обычаями и законами, кои время, такъ сказать, священными учинило. Вѣра возлагаетъ иногда бразды на злоупотребленія могущества, но Цари не встрѣчаютъ ниже сихъ злыхъ препятствій“. На это дикое сужденіе Болтинъ не безъ остроумія и не безъ ироніи отвѣчалъ:

„Обычаи варварскіе и законы, никогда не существовашіе, время могло учинить священными; а обычаи россіянъ, сообразнѣйшіе съ челоувѣчествомъ, законы древнѣйшіе гораздо, нежели турки извѣстны стали быть въ Европѣ, пребываютъ безгласными и недѣйственными? Вѣра лживаго пророка возлагаетъ иногда бразды на злоупотребленія могущества; а вѣра Христова остается безсильною, слабою и немогущею произвести подобнаго дѣйствія въ сердцахъ Царей Россійскихъ? Слѣдовательно, по словамъ сказаннымъ, тщетна наша вѣра, суетны законы, недѣйственны обычаи. Не признаю нужнымъ доказывать невмѣстность сихъ разсужденій странныхъ; когда положенія неосновательны, безмѣстны, то и заключенія суть таковы-жъ и сами собой испровергаются" (II, 521 и 522).

Леклеркъ утверждалъ, что въ Россіи, благодаря злоупотребленію властью, очень часто происходили государственные перевороты. Болтинъ отвѣчалъ на это: „Что перемѣны въ Россійскомъ государствѣ не столь удобны и не столь общи, какъ кажется г. Леклерку, доказательствомъ тому служить то, что потомство Рюриково царствовало въ Россіи непрерывно 800 лѣтъ. Не знаю я ни одного такого государства, гдѣ бъ перемѣнъ было меньше въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ въ Россіи“. (II. 522).

Отрицая въ русскихъ склонность къ государственнымъ переворотамъ, которую имъ приписывалъ Леклеркъ, Болтинъ видѣлъ опору русскаго Самодержавія въ любви народа къ своимъ государямъ и въ его вѣрности имъ. „Русскіе во все время были государямъ своимъ вѣрны, даже и самымъ строптивѣйшимъ и строжайшимъ изъ нихъ, и бунтовъ и возмущеній противъ ихъ никогда не дѣльвали. Все, что могутъ привести въ опроверженіе сего, не можетъ поколебать моихъ доводовъ: всѣ подобныя перемѣны, кои авторъ (Леклеркъ), подъ именемъ заговоровъ, разумѣетъ, не могутъ назваться ни измѣной, ни предательствомъ, ни возмущеніемъ, яко въ существѣ своемъ суть законныя и правотою предводимыя“.

Развивая эту мысль, Болтинъ подробно останавливается на низверженіи Бирона и на воцареніи Елизаветы Петровны. Онъ доказываетъ, что Анна Іоанновна взошла на престолъ безъ всякаго права, по волѣ Верховнаго Совѣта, а не по избранію народа и вопреки духовному завѣщанію Екатерины I, которая, на случай смерти Петра II бездѣтнымъ и не достигшимъ совершеннолѣтія, назначила его преемницами своихъ дочерей Анну и Елисавету, Въ виду этого Болтинъ не придаетъ никакого юридическаго значенія завѣщанію Императрицы Анны тѣмъ болѣе, что это завѣщаніе, какъ онъ думаетъ, было написано самимъ Бирономъ, безъ всякаго участія Анны Іоанновны, подписано же ею было въ безсознательномъ состояніи. Съ точки зрѣнія Болтина, низложеніе Бирона было низложеніемъ тирана, захватившаго власть въ свои руки, а воцареніе Елизаветы Петровны—законнымъ возстановленіемъ отнятыхъ у нея правъ на корону.

Къ обвиненіямъ русскаго государственнаго строя въ деспотизмъ, встрѣчающимся въ книгѣ Леклерка на каждомъ шагу, Болтинъ обращается неоднократно, постоянно доказывая, что въ Россіи никогда не было деспотизма. На обвиненіе удѣльныхъ князей въ грубомъ произволѣ онъ отвѣчалъ указаніемъ на ограниченіе ихъ власти „сеймами“, т. е. вѣчами и, вообще, на участіе народа въ правленіи. О московскомъ періодѣ русской исторіи и о тогдашнихъ отношеніяхъ верховной власти къ народу говорится въ 103 главѣ „Примѣчаній“ слѣдующее: „Великихъ князей и царей россійскихъ правленіе не было ни жестокимъ, ни самосуднымъ,

понеже княжескія и царскія повелѣнія основывалися всегда на приговорахъ боярскихъ, что обыкновенно и въ указахъ писывалось: *Великій князь, или Царь и великій князь указалъ и бояре приговорили*, означая тѣмъ, что не одного его на то есть воля, но вкупѣ и боярѣ, составляющихъ верховный государственный совѣтъ и судилище. Изъ всѣхъ княженій, по исторіи, не видно ни одного такого, каковыми авторъ всѣхъ изображаетъ; строгъ безъ мѣры былъ одинъ только Царь Иванъ Васильевичъ, прозванный Грознымъ, однако жъ, ни его, ни предмѣстниковъ его престолы, по опасности отъ подданныхъ, не колебалися, и не нужно было поддерживать ихъ страхомъ и жестокостію. Лишали другъ друга престоловъ удѣльные князья, воздвигая одинъ противу друга брани, и слабый, не взирая на преимущество права своего, долженъ былъ уступать сильному; въ противномъ случаѣ, неразмѣряющіе желанія своего съ силами своими, для дѣйствій своихъ съ настоящими обстоятельствами, не только престола, но вкупѣ съ онымъ вольности и живота своего лишались, и сіе случалось нерѣдко. Вельможи россійскіе всегда государямъ своимъ были вѣрны, и, если приставали нѣкогда къ противуборствующей сторонѣ, то не иначе, какъ по удостовѣренію о лучшемъ правѣ производителя оныя, а можетъ быть, и льстяся нѣкоторыми для себя выгодами; однакожъ, и сихъ невѣрность, непостоянство или измѣна не должна присвоема быть всему вообще народу. Въ продолженіе толикихъ вѣковъ царствованія Рюрикова рода, на было ни одного изъ вельможъ русскихъ ни Пепина, ни Гугъ Капета“...

„О своенравномъ и самосудномъ правленіи великихъ князей нашихъ нацисалъ г. Леклеркъ, въ согласіе словъ Манштейновыхъ: *Правленіе Россійское*, говоритъ онъ, *было во всю времена деспотическое* и проч.; но о колебаніи престоловъ ихъ прибавилъ отъ себя во излишекъ. Манштейнъ противное сему пишетъ; вотъ его слова: „Не находится во исторіи никакихъ слѣдовъ, чтобъ русскіе когда покусились ограничить самодержавную власть своихъ Государей... Почтеніе, которое нація русская имѣла къ потомкамъ Рюриковымъ, столь было велико, что не только никто не предпринималъ ни малѣйшаго бунта, но во все время, какъ родъ его сидѣлъ на престолѣ, ни одному русскому, можетъ быть, въ голову не приходило, что ихъ государство можетъ управляемо

быть иначе, нежели чрезъ самодержавныхъ Государей“. (II, 289—291).

Въ 199-й главѣ II тома „Примѣчаній“ Болтинъ говоритъ о покушеніи верховниковъ ограничить русское Самодержавіе. Онъ рѣшительно высказывается противъ ихъ замысловъ и приводитъ по этому поводу цѣлый рядъ соображеній въ доказательство, что неограниченная монархія имѣетъ всѣ преимущества передъ аристократіями и республиками (Болтинъ вездѣ противопологаетъ аристократическій режимъ республиканскому).

„Извѣстно, говоритъ Болтинъ: какъ дворянство русское, не пожелавъ управляемо быть властію аристократическою, поднесло свое прошеніе императрицѣ Аннѣ объ уничтоженіи той капитуляціи, которую она въ Митавѣ, по требованію и постановленію Верховнаго Совѣта, подписала; по тому ихъ прошенію и желанію вредное и бѣдственное многоначаліе упразднено, а спасительное единоначаліе паки возставлено и утверждено. Сіе достохвальное Россійскаго Дворянства дѣяніе, предпочтившаго власть Монархическую Аристократической, приписываетъ авторъ (Леклеркъ) буйству, невѣдѣнію правъ челоуѣчества, и гнусной привычкѣ къ рабству“. (II, 469).

Далѣе Болтинъ говоритъ:

„Дворянство русское на захотѣло управляемо быть нѣсколькими членами Совѣта, опытомъ познавъ, что власть единого несравненно есть лучшая, выгоднѣйшая и полезнѣйшая, какъ для общества, такъ и для каждаго особенно, нежели власть многихъ. Они удостовѣрены были, что монархія въ обширномъ государствѣ предпочтительнѣе аристократіи, которая обыкновенно теряетъ время въ спорахъ и не можетъ имѣть видовъ смѣлыхъ; что монархъ токмо можетъ предпринимать и приводить въ дѣйство великія намѣренія. Памятны имъ были тѣ злключенія, кои отъ правленія аристократическаго Россіи приключилися; недавность одного изъ нихъ вящій страхъ воображенію ихъ причиняла“ (II, 474 и 475). Болтинъ приводитъ выписки изъ „Исторіи Россіи“ Татищева о томъ, какъ нѣкоторые вельможи при безпутномъ и коварномъ избраніи Шуйскаго монархію совокупили съ аристократіей, а, потомъ, въ эпоху семибоярщины, ввели сущую аристократію. Указавъ, словами Татищева, на гибельныя послѣдствія

этихъ затѣй, Болтинъ, его же словами, описываетъ злоупотребленія и самоуправство Верховнаго Совѣта и князя Меншикова въ царствованіе Екатерины I и, затѣмъ, прибавляетъ: „Сии примѣры довольно были убѣдительно для російскаго дворянства предпочесть правленіе монархическое аристократическому“. (II, 518). Въ другомъ мѣстѣ Болтинъ съ негодованіемъ отзывается о „капитуляціи“, которую предложили верховники Аннѣ Іоанновнѣ, при возведеніи ея на престолъ. Они „не о выгодахъ цѣлаго общества пеклись, но, духомъ властолюбія водимые, желали похитить власть, имъ непринадлежавшую“.

199-я глава II тома „Примѣчаній“ снабжена разсужденіями, въ которыхъ Болтинъ доказываетъ преимущество неограниченной монархіи передъ аристократіей и республикой. Эти разсужденія любопытны, какъ одна изъ первыхъ попытокъ русскихъ писателей XVIII вѣка выяснить для себя, путемъ умозрѣнія и историко-философскихъ обобщеній, преимущество Самодержавія передъ другими формами правленія. Вотъ что говоритъ Болтинъ по этому поводу:

„Прочтя исторію о Гизахъ, видѣть можно, коликія бѣдствія претерпѣла Франція ослабленіемъ монархическія власти. Ужасные безпорядки и смятенія тогда тамъ происходили. Король въ такомъ былъ безсиліи, что никто его не слушался и не боялся: всѣ судебныя мѣста дѣлали въ противность законовъ и королевскихъ указовъ; попы и монахи, въ проповѣдяхъ своихъ, возмущая народъ противу короля, поносили его письменно и словесно ругательнѣйшими выраженіями. Гизы дѣлали, что хотѣли, грабили, убивали, и суда на нихъ не было: одинъ изъ нихъ въ Парижѣ, днемъ и посреди улицы, закололъ своими руками двухъ знатныхъ людей, отца съ сыномъ, и не только ничего ему не сдѣлали, но и говорить не смѣли. Вотъ плоды власти аристократическія.

„Опытъ доказалъ, что подъ народнымъ правленіемъ не могутъ безопасность и спокойство частныхъ людей быти охраняемы, понеже вольность черни, подъ такимъ правленіемъ, превращается въ своевольство и необузданность, которая добрыхъ и честныхъ людей подвергаетъ всегда опасности, а не рѣдко и гибели. Монархическое правленіе, держа средину между деспотичества и республики, есть надежнѣйшее убѣжище свободы.

„Умъ одинаго удобнѣе можетъ предпринимать и совершать важное и великое, нежели умы многихъ. Различность пользы и пристрастій разрушаетъ единомысліе, и взаимное противоборствіе мнѣній полагаетъ препоны совершенію благихъ и мудрыхъ намѣреній. Зависть, перекоры, ненавидѣніе заставляютъ часто утверждать то, въ чемъ и собственной разумъ противорѣчить, въ единственномъ намѣреніи, чтобъ досадить тому, отъ кого полезная истина предлагается. Правду сказалъ Дюкъ Сюлли, что если бы премудрость снизошла на землю, возлюбила-бы паче водвориться въ одной чьей головѣ, нежели въ головахъ нѣкотораго сотоварищества. Подобно тому и Монтескье сказалъ: *Quand les têtes humaines s'assemblent, elles s'étrécissent*, и для того чаще случается видѣть общество заблуждающимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, нежели одинаго.

„Опытъ доказалъ, что безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности. Ежели при нерадивомъ, при неспособномъ Государѣ ослабѣетъ правленіе, при другомъ паки поправится, паки придетъ въ прежнюю силу; республика-жъ ослабѣвшая никогда не оживотворится, но часъ отъ часу являютъ будутъ большіе знаки приближающагося разрушенія. Болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія; а болѣзни республики тяжкія и неисцѣльныя. Когда республика одинажды растлится, зло непрестанно будетъ множиться, и политика ея превратится въ козни, въ заговоры, въ противоборствія, въ раздоры; не имѣя средоточія къ соединенію противныхъ сторонъ, республика неминуемо падетъ и разрѣшится; а честолюбіе и корысть воспользуются ея неустройствомъ“.

Нѣкоторыя изъ этихъ обобщеній Болтина скоро оказались пророческими, ибо буквально подтвердились въ эпоху французской революціи. Вообще, политическія сужденія Болтина, не смотря на ихъ отрывочность и сжатость, отличаются мѣткостью умнаго, начитаннаго человѣка, привыкшаго разсуждать и не только искренне, но и осмысленно любящаго свою родину. Болтинъ не имѣлъ такой научной подготовки, какою обладалъ Татищевъ и, какъ историкъ, ограничивался повтореніемъ его выводовъ. Тѣмъ не менѣе, „Примѣчанія“ Болтина, изобилующія трезвыми сужденіями о русской жизни и о русскомъ бытѣ, и понынѣ

читаются съ интересомъ—и понынѣ не утратили своего значенія. Нельзя не отмѣтить въ заключеніе, что Болтинъ совершенно ясно сознавалъ, что Самодержавіе служитъ гарантіей свободы, и что между неограниченной монархіей и политическимъ рабствомъ лежитъ цѣлая бездна.

IV.

Екатерина II.

Къ числу русскихъ политическихъ мыслителей, содѣйствовавшихъ выясненію идеаловъ и сущности нашего Самодержавія, слѣдуетъ отнести и Екатерину II. Въ манифестахъ, особенно же въ знаменитомъ Наказѣ, а также въ своихъ письмахъ, запискахъ и бесѣдахъ съ приближенными она создала цѣлую теорію ненеограниченной монархіи въ Россіи. Эта теорія не могла не поражать русскихъ людей второй половины XVIII вѣка, впервые услышавшихъ съ высоты Трона торжественное признаніе тѣхъ великодушныхъ идей объ общемъ благѣ, которое Екатерина извлекла и усвоила себѣ изъ произведеній Монтескье и Беккариа. Не нужно думать, однако, что, возвѣщая народу о высокихъ задачахъ Царской власти, императрица Екатерина сообщила ему нѣчто для него необычайное и никогда неслыханное. Политическое ученіе Екатерины II было дальнѣйшимъ развитіемъ стародавнихъ и чисто народныхъ представлений о верховной власти. Его оригинальность для Россіи заключалась, главнымъ образомъ, въ чисто свѣтской, историко-философской постановкѣ вопроса, обсуждавшагося нашими предками не только до Петра, но и при немъ и ближайшихъ преемникахъ его, преимущественно съ церковной, богословской точки зрѣнія, а, затѣмъ, въ рѣзкой критикѣ и откровенномъ осужденіи всего того, что существовало въ практикѣ Царской власти подъ вліяніемъ грубыхъ и суровыхъ нравовъ и многовѣковой отчужденности Россіи отъ наиболѣе культурныхъ странъ Запада.

Соберемъ во едино все, что высказала Екатерина II объ особенностяхъ и призваніи власти русскихъ государей.

Возвѣщая о своемъ вступленіи на престоль, Императрица Екатерина въ манифестѣ отъ 6 іюля 1762 года „наиторжествен-

нѣйше обѣщала просить Бога денно и ношно, да поможетъ поднять скипетръ въ соблюденіе Православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и, наконецъ, чтобъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка“.

Напоминая объ этомъ обѣщаніи въ манифестѣ 14 декабря 1766 года, объявлявшемъ во всенародное извѣстіе объ учрежденіи Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія и о присылкѣ въ Москву делутатовъ, Екатерина II говорила: „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться“. Объяснивъ цѣль, съ которой созывалась Коммисія для заготовленія проекта новаго уложенія, манифестъ 14 декабря 1766 года заканчивался слѣдующими словами: „Симъ учрежденіемъ мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви. Наше же утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія государственнаго будетъ то, чтобы видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствиіи. И такъ, со стороны престола поставляемъ милосердіе за основаніе законовъ и открываемъ дорогу къ достиженію правосудія; со стороны же любезныхъ подданныхъ нашихъ ожидаемъ благодарности и послушанія, чрезъ что сохранятся благоденствіе, тишина и спокойство государственное“.

Императрица Екатерина первая провозгласила въ Россіи одно изъ основныхъ положеній Монтескье,—положеніе, въ силу котораго монархіи должны быть управляемы на основаніи законовъ. Она же первая пыталась установить различіе между законами, которые могутъ быть, въ случаѣ надобности, измѣняемы и отмѣняемы, и такими законами, которые должны переходить изъ рода въ родъ, въ качествѣ коренныхъ постановленій Имперіи. Настаивая на непоколебимости важнѣйшихъ законовъ, Екатерина II не замѣчала, что она хотѣла ввести въ русскую государствен-

ную жизнь начало, несовмѣстимое съ Самодержавіемъ, колебаніе или ограниченіе котораго отнюдь не входило въ ея планы. Мы увидимъ при изложеніи Наказа, что подъ вліяніемъ идей Монтескье, Екатерина II развивала и нѣкоторые другіе взгляды, несогласные съ природою неограниченной монархіи.

Въ „Обрядѣ управленія Комиссіи“ конечною задачею законодательства въ Россіи именуется „сохраненіе цѣлости Имперіи черезъ добронравіе, благополучіе и человѣколюбивые законы, изъ чего послѣдуютъ: любовь, вѣрность и послушаніе къ Государю“. (VII) Въ „Генераль-прокурорскомъ наказѣ при Комиссіи“ (§ 7) такъ обосновывалась необходимость Самодержавія для Россіи: „Общество не можетъ быть безъ правленія. Правленіе же, самое сходственное съ естествомъ, есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ наилучшему расположенію народа, для котораго оно учреждено. Соединеніе всѣхъ собственныхъ силъ составляетъ то, что называютъ состояніемъ государственнымъ. Сія общая сила аъ Россіи вручена одному: и то есть ея естественное положеніе по правиламъ права государственнаго вообще, кои приличны сей Имперіи, которая престала бы быть могущественна, если бы инако управляема была, что доказано во второй главѣ Большого Наказа“.

Наказъ начинается молитвеннымъ обращеніемъ: „Господи, Боже мой! вонми ми, и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду“. Въ Наказѣ, однако, заключалась законодательная программа, далеко выходящая за предѣлы судопроизводства гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и охватившая почти всѣ отдѣлы законодательства.

Для уразумѣнія той точки зрѣнія, которую хотѣла установить Екатерина II на русское Самодержавіе, особенную важность представляютъ первые шестнадцать параграфовъ Наказа, составляющіе введеніе въ него и двѣ первыя главы. Въ этихъ параграфахъ мы находимъ философское объясненіе и оправданіе верховной власти во всѣхъ христіанскихъ государствахъ вообще и неограниченной монархіи въ Россіи въ частности.

1) Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно.

2) Полагая сіе, закономъ вѣры предписанное, правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться въ сердцахъ цѣлаго народа, не можемъ иного, кромѣ сего, сдѣлать положенія, что всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія.

3) А всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его ото всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій.

4) Но дабы нынѣ приступити ко скорѣйшему исполненію такого, какъ надѣмся, всеобщаго желанія,--то, основываясь на выше описанномъ первомъ правилѣ, надлежитъ войти въ естественное положеніе сего государства.

5) Ибо законы весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены.

6) Россія есть Европейская держава.

7) Доказательство сему слѣдующее. Перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали со климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашель тогда такія удобства, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.

8) Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты, и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару.

9) Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства.

10) Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое.

11) Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12) Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13) Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

14) Итакъ, правленіе, къ сему концу достигающее, лучше прочихъ и притомъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взирать неотступно.

15) Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и Государя.

16) Но отъ сей славы происходитъ въ народѣ, единочалиемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ Державахъ сихъ можетъ произвести столько-же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

18) Власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верховной, составляютъ существо правленія.

19) Сказано Мною: власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верховной; въ самой вещи Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти.

20) Законы, основанія Державы составляющіе, предполагаютъ малыя протоки, сирѣчь правительства, черезъ которые изливается власть Государева.

21) Законы, симъ правительствамъ позволяющіе представляти, что такой-то указъ противенъ уложенію, что онъ вреденъ, теменъ, что нельзя по оному исполнить, и опредѣляющіе напередъ, какимъ указомъ должно повиноваться, и какъ по онымъ надлѣжитъ чинить исполненіе,—сіи законы, несомнѣнно, суть дѣлающіе твердымъ и неподвижнымъ установленіе всякаго государству.

22) Надобно имѣть хранилище законовъ.

23) Сіе хранилище не можетъ быть нигдѣ, какъ въ государственныхъ правительствахъ, которыя народу извѣщаютъ вновь сдѣланные и возобновляютъ забвенію преданные законы.

24) Сии правительства, принимая законы отъ Государя, разсматриваютъ оныя прилежно, и имѣютъ право представлять, когда въ нихъ сыщутъ, что они противны уложенію и прочее, какъ выше сего въ главѣ III въ 21 статьѣ сказано.

25) А если въ нихъ ничего такого не найдутъ, вносятъ оныя въ число прочихъ, уже въ государствѣ утвержденныхъ, и всему народу объявляютъ во извѣстіе.

26) Въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ.

27) Другія правительства долженствуютъ и могутъ представляти съ тою же силою Сенату и самому Государю, какъ выше упомянуто.

28) Однако, ежели кто спроситъ, что есть хранилище законовъ? на сіе отвѣтствую: законовъ хранилище есть особенное наставленіе, которому послѣдуя вышеозначенныя мѣста, учрежденныя для того, чтобы попеченіемъ ихъ наблюдаема была воля Государева, сходственно съ законами, во основаніи положенными, и съ государственнымъ установленіемъ обязаны поступать въ отправленіи своего званія по предписанному тамо порядкомъ образу.

29) Сии наставленія возбраняютъ народу презирать указы Государевы, не опасаясь за то никакого наказанія, но купно и охраняютъ его отъ желаній самопроизвольныхъ и отъ непреклонныхъ прихотей.

Въ приведенныхъ статьяхъ Наказа, какъ и въ другихъ частяхъ его, на каждомъ шагу встрѣчаются заимствованія изъ *L'Esprit des lois* Монтескье. Все, что говорится въ немъ о соотвѣтствіи между законами и естественнымъ порядкомъ вещей, о реформѣ Петра Великаго, о неизбѣжности Самодержавія въ пространныхъ государствахъ, о конечныхъ задачахъ и о славѣ монархіи, а также и о хранилищѣ законовъ, Екатерина, дословно или почти дословно, взяла у Монтескье (срв. 5-ую, 7-ую, 9-ую, 10-ую, 15-ую, 16-ую, 22-ую; 28-ую и 29-ую статьи Наказа съ I, 3; XIX, 14; XVI, 6; V, 10; XI, 5 и VIII, 4 „Духа законовъ“). Подчиняясь вліянію Монтескье, Екатерина не ограничивалась повтореніемъ его словъ, а внесла въ Наказъ не мало самостоятельныхъ мыслей. Такъ, напримѣръ, усвоивъ себѣ идею Монтескье о неизбѣжности единоличной власти въ большихъ государствахъ,

она не соглашалась съ нимъ, что громадность территоріи порождаетъ деспотизмъ и, провозгласивъ Россію Европейскою державою, признала ее вмѣстѣ съ тѣмъ чистою монархіей, которая должна быть управляема на основаніи законовъ и не только не преслѣдовать, а поддерживать и утверждать равенство предъ закономъ и вольность гражданъ. Настаивая на томъ, что всякое другое правленіе, кромѣ самодержавнаго, было-бы гибельно для Россіи, и что лучше повиноваться одному, чѣмъ многимъ, Екатерина выражала одно изъ коренныхъ политическихъ воззрѣній русскаго народа, выработанное имъ въ борьбѣ за единство и независимость Русской земли, указывая же на связь, существующую между размѣрами Россіи и Самодержавіемъ, Екатерина повторяла и дополняла одинъ изъ главныхъ доводовъ Татищева въ пользу неограниченной монархіи въ Россіи; но до Екатерины II у насъ никто не придавалъ такого значенія законамъ и законности, какъ Наказъ. Она первая опредѣлила Самодержавіе, какъ повиновеніе законамъ „подъ однимъ господиномъ“ (ст. 12). Понятіе о законности было положено Екатериной краеугольнымъ камнемъ всего ея ученія о задачахъ верховной власти въ Россіи и отразилось какъ на законодательствѣ временъ Александра I, такъ и на Сводѣ Законовъ.

Въ пятой главѣ Наказа опредѣляются равенство и вольность гражданъ, какъ оплотъ противъ насилій и произвола богатыхъ, знатныхъ и своекорыстныхъ людей и крѣпкая узда для злыхъ. „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ...“ „Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно...“ „Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещенное, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть...“ „Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ собственною наслаждается безопасностью, а чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ“ (ст. 34-я, 36-я, 38-я, 39-я).

Стараясь утвердить Самодержавіе на равенствѣ и вольности гражданъ и на законности, Наказъ совѣтовалъ согласовать законы съ вѣрою, климатомъ, исторіей, нравами и обычаями страны и исходилъ при этомъ изъ того положенія, что хороши только тѣ законы, которые направлены къ достиженію общаго блага и всѣми охотно исполняются. „Ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу...“ „Всѣ дѣйствія, ничего такого въ себѣ не заключающія, не мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большее спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ“. „Для нерушимаго сохраненія законовъ надлежало бы, чтобы они были такъ хороши и такъ наполнены всѣми способами къ достиженію самага большаго для людей блага ведущими, чтобы всякъ несомнѣнно былъ увѣренъ, что онъ ради собственныя своея пользы стараться долженъ сохранить нерушимыми сіи законы“ (ст. 41-я, 42-я, 43-я). „Не всѣ политическіе пороки пороки—моральные и не всѣ пороки моральные—политическіе пороки. Сіе непременно должно знать, дабы воздержаться отъ узаконеній, съ общимъ народа умствованіемъ не вмѣстныхъ“ (ст. 56-я). Въ 60-й статьѣ Наказа высказывается весьма прозрачное осужденіе крупныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгалъ Петръ Великій для измѣненія русской жизни на западно-европейскій ладъ. „Когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями“ (ст. 60-я). Шестая глава, разсуждающая о законахъ вообще, заканчивается такимъ выводомъ: „Всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранство“ (ст. 63-я). Наказъ неоднократно порицаетъ тирановъ и проявленія тиранства, всюду подчеркивая, что русскіе самодержцы должны быть носителями истинно монархическихъ началъ и не могутъ быть смѣшиваемыми съ деспотами. Возставая противъ излишней строгости въ наказаніяхъ за оскорбленіе Величества и приводя различныя примѣры ея, Наказъ, между прочимъ, говоритъ: „Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя; сей царь приказалъ казнить его

смертію, говоря, что не приснилось бы ему сіе ночью, если бы онъ о томъ днемъ на яву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство: ибо если бы онъ то думалъ, однако-жь, на исполненіе мысли своей еще не поступилъ; законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій“ (ст. 477-я). Доказывая, что не нужно смѣшивать великаго нарушенія законовъ съ простымъ нарушеніемъ установленнаго благочинія (преступленій съ полицейскими проступками), Наказъ замѣчаетъ: „Отсюда слѣдуетъ, напимѣръ, что поступокъ нѣкоего султана, указавшаго посадить на колъ хлѣбника, пойманнаго въ обманѣ, есть поступокъ тирана, не знавшаго быть инако правосуднымъ, какъ переходя мѣру самаго правосудія“ (ст. 541-я).

Возставая во имя гражданской вольности противъ всякихъ крайностей и произвола въ изданіи уголовныхъ законовъ, Наказъ требуетъ, чтобы законодатели налагали кары примѣнительно къ особенностямъ каждаго преступленія. „Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи; и не человѣкъ дѣлаетъ насиліе человѣку, но собственное человѣка дѣйствіе“ (ст. 67). Это правило является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, выраженной въ статьѣ 63-й: „Законъ не происходитъ единственно отъ власти“. Другими словами, карая преступленіе, законодатели—монархи должны руководствоваться строжайшей умѣренностью, избѣгая всякаго произвола и всякихъ излишествъ. Ратуя противъ жестокихъ наказаній за преступленія, касающіяся вѣры, противъ смертной казни и т. д., и доказывая, что уголовные законы никогда не должны переходить черезъ край, Наказъ выдвигаетъ впередъ *естество вещей и заццищеніе гражданской вольности* (ст. 79). Онъ проникнуть вѣрою въ добрыя свойства человѣческой природы и вызываетъ къ человѣколюбію „законодавцевъ“, противопоставляя *умѣренное правленіе—насильному*. „Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій...“ „Самое большее наказаніе за злое какое-нибудь дѣло во правленіи умѣренномъ будетъ то, когда кто въ томъ изоблится. Гражданскіе законы тамъ гораздо легче исправлять будутъ пороки и не будутъ принуждены употреблять столько усилій...“ „Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ

кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ во другихъ мѣстахъ жестокими...“ „Сдѣлался вредъ въ государствѣ чувствительный отъ какого непорядка? Насильное правленіе хочеть незапно оный исправить, и вмѣсто того, чтобы думать и стараться объ исполненіи древнихъ законовъ, устанавливаетъ жестокое наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображеніе въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же, какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшится въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ установить во всѣхъ случаяхъ другое...“ „А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности...“ (ст. 81, 82, 85, 86, 90).

Наказъ производитъ мѣстами впечатлѣніе сатиры на суровыя мѣры времянъ императрицы Анны и императора Петра Великаго.

Девятая глава Наказа посвящена производству суда вообще. Ограничивая судебную власть исполненіемъ законовъ, онъ вмѣняетъ ей въ обязанность охраненіе свободы и безопасности гражданъ, ихъ жизни, имущества и чести. Требуя отъ судебныхъ учрежденій тщательнаго разбора уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, Екатерина II возставала противъ переноса ихъ къ Государю. „Для сего Петръ Великій премудро учредилъ Сенатъ, коллегіи и нижнія правительства, которыя должны давать судъ именемъ Государя и по законамъ: для сего и переносъ дѣлъ къ Государю учиненъ столь труднымъ; законъ, который не долженъ быть никогда нарушенъ“... „Итакъ, надлежитъ быти правительствамъ“... (ст. 99, 100). То, что говоритъ Монтескье о правосудіи въ истинно монархическихъ странахъ, Екатерина II примѣняла къ Россіи, какъ къ Державѣ, соблюдающей умѣренность, и ни мало не похожей на восточную деспотію. „Въ самодержавномъ государствѣ отправленіе правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависитъ, многотрудныхъ требуетъ испытаній“. „Судія долженъ входить въ тонкости и въ подробности тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ и чѣмъ важнѣе вещь, о которой онъ чинитъ рѣшеніе. Итакъ, не должно

удивляться, что въ законахъ сихъ державъ находится столько правилъ, ограниченій, распространеній, отъ которыхъ умножаются особливые случаи, и кажется, что оное все составляетъ науку самаго разума" (ст. 102, 103). „Въ турецкихъ странахъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, оканчиваютъ скоро всѣ распри такимъ или инымъ образомъ. Способовъ, какъ оныя кончить, у нихъ не разбираютъ, лишь бы только распри были кончены. Паша, внезапно ставши просвѣщеннымъ, велитъ по своему мечтанію палками по пятамъ бить имѣющихъ тяжбу и отпускаетъ ихъ домой"... „А въ государствахъ, умѣренность наблюдающихъ, гдѣ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь во уваженіе принимаются, не отъемлютъ ни у кого чести, ниже имѣнія прежде, нежели учинено будетъ долгое и строгое изысканіе истины; не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя возстанетъ; но и отечество ни на чью жизнь не возстаетъ иначе, какъ дозволивъ ему прежде всевозможные способы защиты оныя"... (ст. 113, 114). Девятая глава Наказа возстаетъ противъ нсумѣстнаго употребленія конфискаціи имущества за преступленія и приходитъ къ заключенію, что описывать имѣніе на Государя, да и то лишь благопріобрѣтенное, можно только въ исключительныхъ обстоятельствахъ, на примѣръ, въ самыхъ тяжкихъ случаяхъ оскорбленія Величества.

Въ десятой главѣ Наказа излагается обрядъ криминальнаго суда. Мы находимъ здѣсь обильныя заимствованія изъ Беккарія и цѣлый рядъ соображеній, направленныхъ противъ пытокъ, смертной казни и противъ взятія гражданъ подъ стражу безъ достаточныхъ основаній. Вся эта глава исходитъ изъ того положенія, что законы, чуждые жестокости, составляютъ надежнѣйшую опору самодержавныхъ государствъ, чуждающихся тиранства, и что неограниченнымъ монархамъ должна всецѣло принадлежать законодательная власть; отъ непосредственнаго вмѣшательства въ отправленіе юстиціи Наказъ совѣтуетъ имъ воздерживаться, очевидно, слѣдуя теоріи раздѣленія властей Монтескье. „Право давать законы о наказаніяхъ имѣетъ только одинъ законодатель, какъ представляющій во своей особѣ все общество соединенное и содержащій всю власть во своихъ

рукахъ. Отсюда еще слѣдуетъ, что судьи и правительства, будучи сами частію только общества, не могутъ, по справедливости, ниже подъ видомъ общаго блага, на другого какого-нибудь члена общества наложить наказанія, законами точно неопредѣленнаго“... „Самодержецъ, представляющій и имѣющій во своихъ рукахъ всю власть, обороняющую все общество, можетъ одинъ издать общій о наказаніи законъ, которому всѣ члены общества подвержены: однако, онъ долженъ воздержаться, чтобъ самому не судить; почему и надлежитъ ему имѣти другихъ особъ, которые бы судили по законамъ“... „Когда бы жестокость наказаній не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныя довольно и сего, что она бесполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива“... „Судьи, судящіе о преступленіяхъ, не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ. Такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья; ибо должность судьи въ томъ единственно состоитъ, чтобъ изслѣдовать: такой-то человѣкъ сдѣлалъ ли или не сдѣлалъ дѣйствія, противнаго закону?“ (ст. 148—151). Въ 210-й статьѣ десятой главы Наказа прославляется отмѣна смертной казни въ Россіи, какъ мудрый и благородный актъ дальновидной политики Елизаветы Петровны, причемъ указывается на существо и особенность русскаго Самодержавія. „Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то Я преодолѣваю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю *въ обыкновенномъ обществѣ состояніи*: ибо смерть гражданина можетъ быть въ одномъ только случаѣ быть нужна, когда онъ, лишень будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣсто, кромѣ, когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность, во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, всего народа желаніями утвержденнымъ въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть, силою и

вкоренившимся мнѣніемъ о гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца; въ такомъ государствѣ не можетъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государственія Императрицы Елисаветы Петровны педаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшей, нежели самыя блистательныя завоеванія“. Итакъ, Екатерина II высоко цѣнила русское Самодержавіе не только въ силу соображеній, изложенныхъ въ 9-ой, 10-ой, 11-ой и 12-ой статьяхъ Наказа, но и потому, что видѣла въ немъ непоколебимую форму правленія, обеспечивающую Россіи спокойное господство законовъ, внѣшнюю безопасность и порядокъ и утвержденную на нравственной поддержкѣ всего народа и на его привычкѣ къ единовластію.

Въ Наказѣ нѣтъ прямого осужденія крѣпостного права, хотя оно сквозитъ въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ Екатерины между строкъ; она порицала злоупотребленія помѣщичьею властью и давала понять, что русскіе государи принимаютъ близко къ сердцу интересы всѣхъ сословій безъ исключенія. Одиннадцатая глава, говорящая о рабствѣ и о рабахъ, устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „Гражданское общество такъ, какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются“. „И сіе есть начало всякаго рода покорности; сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ“. „Итакъ, когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей печися, то обязаны Мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравсе разсужденіе дозволяетъ“, „слѣдовательно, и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводитъ людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако, и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ“... „Какого бы рода покорство не было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе, съ одной стороны, злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны, предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти“, (ст. 250—254). Издавая Наказъ, Екатерина II, повидимому, была далека отъ мысли освободить крестьянъ однимъ почеркомъ пера,

но она считала возможным оградить ихъ отъ жестокаго обращенія и непомѣрныхъ поборовъ и предоставить имъ нѣкоторыя имущественныя права. Она считала нужнымъ устранять всякіе поводы „къ непослушанію рабовъ противъ своихъ господъ“ и думала, что „не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“, но она напоминала, что у аѳинянъ строго наказывали того, кто поступалъ съ рабомъ свирѣпо, и что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго имущества рабовъ“. (XI, 259 — 293). Систему обложенія крестьянъ денежными оброками Екатерина II считала гибельною для государства, какъ видно изъ 12-й главы Наказа, говорящей о размноженіи народа: „Кажется еще, что новозаведенный способъ отъ дворянъ собирать свои доходы въ Россіи уменьшаетъ народъ. Всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обкладываютъ каждую душу по рублю, по два, и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги“. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось...“ „А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдѣльныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству“ (ст. 269—271). „Въ Начертаніи о произведеніи къ окончанію Коммиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія“ (часть II, членъ 3-й) „нижній родъ людей“, крестьяне, именуется полезными сынами отечества и всеобщими питателями, которые иногда обременены бывають свѣше мѣры. Въ „Начертаніи“ говорится, что Наказъ коснулся и земледѣльцевъ, „уважая ихъ труды и изыскивая средства къ облегченію ихъ“. Далѣе высказывается слѣдующее соображеніе: „Помышлять надлежитъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ коихъ бы сей родъ людей нѣкоторую пользу почувствовалъ въ облегченіи ихъ бремени. Однако, во-первыхъ, надлежитъ рассмотретьъ, въ какомъ сей родъ нынѣ положеніи находится? Весь ли въ разныхъ Россій-

скихъ областяхъ въ одномъ состоить положеніи, или въ государствѣ Нашемъ много сыщется различныхъ оному положеній? Въ разсужденіи разности состояній въ обширныхъ Россійскихъ областяхъ сего нижняго рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными или не свободными въ томъ опасеніи, чтобъ земли не остались не оранными чрезъ ихъ побѣгъ, то не можно ли сыскать средства, чтобы привязать къ землѣ и утвердить на ней сихъ самихъ земледѣльцевъ? Къ сему разныя есть средства, особливо же и преимущественно такія средства избирать надлежитъ, въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется. Ни для какихъ же деревень столь не нужно сдѣлать полезныхъ по сему учрежденій, какъ для дворцовыхъ и экономическихъ“. Дальше этихъ пожеланій относительно крестьянъ Екатерина II не пошла.

Во время опубликованія Наказа въ Россіи были еще живы воспоминанія о страшныхъ послѣдствіяхъ восклицанія: „слово и дѣло“! Можно себѣ представить, поэтому, какъ пріятно были поражены современники Екатерины II ея разсужденіями объ оскорбленіи Величества, проникнутыми вліяніемъ Монтескье и направленными къ огражденію безопасности и вольности гражданъ отъ неосновательныхъ обвиненій и черезмѣрныхъ наказаній. („Духъ законовъ XII, 7, 12, 13). Екатерина II, во избѣжаніе злоупотребленій, находила необходимымъ съ точностью опредѣлить случаи, которые могутъ быть подводимы подъ понятіе оскорбленія Величества, и ограничить число этихъ случаевъ лишь тяжкими государственными преступленіями, заключавшими въ себѣ умыселъ противъ жизни и безопасности Государя, измѣну и т. д. Екатерина II возставала противъ смѣшенія различныхъ степеней оскорбленія Величества и противъ назначенія смертной казни и другихъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній за неприличныя выходки на словахъ, въ письмахъ и въ печати. Разсужденія Наказа объ оскорбленіи Величества исполнены челоуколюбія и глубокой увѣренности, что русскимъ Самодержцамъ нечего страшиться злыхъ языковъ, и что для поддержанія императорской власти нѣтъ надобности давать растяжимое толкованіе понятію объ оскорбленіи Величества. Наказъ настаиваетъ на громадномъ разли-

чи между нескромностью и злобой. „Слова, совокупленныя съ дѣйствиємъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ, человѣкъ, пришедшій, на примѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи Величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствиємъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приготавливаютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию незаконному“. „Законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергать смертной казни, по крайней мѣрѣ, не означивши точно тѣхъ словъ, которыя онъ сей казни подвергаетъ“. „Итакъ, слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто онѣ не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещами. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, чтобы въ себѣ столько двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе Величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я черезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего Государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи Величества, всегда страшное и самой невинности“. „Письма—вещь, не такъ скоро проходящая, какъ слова; но когда онѣ не приготавливаютъ ко преступленію оскорбленія Величества, то и онѣ не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи Величества“. „Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя: но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиновправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе: а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ“ (ст. 480—484).

Слѣдую примѣру Монтескье, (Духъ законовъ, XII, 22) Екатерина II отрицала пользу судовъ „по особливымъ нарядамъ“. „Самая бесполезная вещь Государямъ въ самодержавныхъ правленіяхъ, говорится въ Наказѣ, есть наряжать особливыхъ судей судить кого-нибудь изъ подданныхъ своихъ“. Екатерина II думала, что у „особливыхъ судей“ было много соблазновъ впасть въ злоупотребленія въ надеждѣ на то, что они могутъ оправдаться повелѣніями монарха, видами государственной пользы и т. д. Не обращая вниманія на продажность русской Эмиды своего времени, Екатерина II высказывалась въ Наказѣ противъ всякихъ отступленій отъ порядковъ обыкновеннаго суда, хотя и оговаривалась, что изслѣдованія судебныхъ дѣлъ черезъ „особливыхъ судей“ и выраженія ими своего мнѣнія не слѣдуетъ смѣшивать съ судебнымъ приговоромъ. Наказъ возставалъ, повидимому, только противъ предоставленія „особливымъ судіямъ“ права постановленія судебныхъ рѣшеній и приговоровъ (ст. 489—492).

Наказъ считалъ вѣротерпимость одною изъ главныхъ принадлежностей политической системы русскихъ самодержцевъ. „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности гражданъ былъ порокъ запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. И нѣтъ, подлинно, иного средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, Православною нашею вѣрою и политикою неотвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду“. „Гоненіе челоуѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрять по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковѣйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ (ст. 494—496).

Въ четвертомъ отдѣлѣ двадцатой главы Наказа рѣшается вопросъ: „какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію и конечному своему разрѣшенію?“ Отвѣчая на этотъ вопросъ, Наказъ говоритъ: „Начальное основаніе правленія не только тогда повреждается, когда погасаетъ то умоначертаніе государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, которое можно назвать равенствомъ, предписаннымъ законами, но и

тогда еще, когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшаго, и когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ". „Ежели не оказываютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ; если не почитаютъ старыхъ, не станутъ почитать ни отцовъ, ни матерей, ни господъ; и государство нечувствительно падеть". „Когда начальное основаніе правленія повреждается, то принятыя въ ономъ положенія называются жестокостью или строгостию; установленныя правила именуется принужденіемъ; бывшее прежде сего радѣніе нарицается страхомъ". „Чтобъ сохранить начальныя основанія учрежденнаго правленія невредимыя, надлежитъ удержать государство въ настоящемъ его величіи, и сіе государство разрѣшится, если начальныя въ немъ перемѣнятся основанія" (ст. 503—506). Далѣе Нѣказъ, придерживаясь, главнымъ образомъ, Монтескье, (Духъ законовъ, VIII, 6; XII, 25) предостерегаетъ государей отъ непосредственнаго вмѣшательства во всѣ мелочи, отъ увлеченія фантастическими затѣями и высказываетъ рядъ соображеній о политическомъ тактѣ, кротости, снисходительности, какъ о главныхъ условіяхъ правильнаго теченія дѣла въ неограниченныхъ монархіяхъ. „Что истребило владѣнія поколѣній Цина и Суи? говоритъ нѣкоторый китайскій писатель: то, что сіи владѣтели, не довольствуясь главнымъ надзираніемъ, однимъ только приличнымъ Государю, восхотѣли всѣмъ беспрепятственно управлять и привлекли къ себѣ всѣ дѣла, долженствующія управляться установленіемъ разныхъ правительствъ". „Самодержавство разрушается еще тогда, когда Государь думаетъ, что онъ больше свою власть покажетъ, ежели онъ перемѣнитъ порядокъ вещей, а не оному будетъ слѣдовать, и когда онъ больше прилѣпится къ мечтаніямъ своимъ, нежели ко своимъ благоизволеніямъ, отъ коихъ проистекаютъ и проистекли законы". „Правда, есть случаи, гдѣ власть должна и можетъ дѣйствовать безо всякой опасности для государства въ полномъ своемъ теченіи. Но есть случаи и такіе, гдѣ она должна дѣйствовать предѣлами, себѣ ею-жъ самою положенными". „Самое вышнее искусство государственнаго управленія состоитъ въ томъ, чтобы точно знать, какую часть власти, малую ли или великую, употребить должно въ разныхъ обстоятельствахъ, ибо въ самодержавіи бла-

гополучіе правленія состоитъ отчасти въ кроткомъ и снисходительномъ правленіи“. „Въ изящныхъ машинахъ искусство употребляетъ столь мало движенія, силъ и колесъ, сколько возможно. Сіе правило такъ же хорошо и въ правленіи: средства самыя простыя суть часто самыя лучшія, а многосплетенныя суть самыя худшія“. Лучше, чтобы Государь ободрялъ, а законы бы угрожали“. „Министръ тотъ очень неискусенъ во знаніи своемъ, который вамъ всегда станетъ сказывать, что Государь досадуетъ, что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ въ томъ поступитъ по своей власти“. „Еще бы сіе великое было несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи, ни извинять своихъ худыхъ успѣховъ, отъ упорства счастья происшедшихъ, ниже свободно говорить своего мнѣнія“. (ст. 510—517). Наказъ не говоритъ, когда Государь долженъ наказывать и когда прощать, ибо это чувствуется, но не поддается опредѣленію. Онъ только напоминаетъ, что милосердіе не слѣдуетъ смѣшивать съ слабостью. „Когда милосеріе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны. Легко различить можно милосердіе отъ той слабости, которая Государя приводитъ ко презрѣнію наказанія и въ такое состояніе, что онъ самъ не можетъ разобрать, кого наказать должно“. (Ст. 518). Особенно сильное впечатлѣніе, вѣроятно, произвела на современниковъ Екатерины 520 статья Наказа „Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако-жъ мы думаемъ, и за славу Себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно, больше процвѣтающимъ на землѣ; намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю!“ Провозглашая, подобно Фридриху Великому, что не народы существуютъ для самодержцевъ, а самодержцы для народовъ, Екатерина II громко и ясно выразила мысль, которая всегда исповѣдывалась русскими государями.

Въ двадцать второй главѣ, составляющей дополненіе къ Наказу, излагается ученіе о государственныхъ доходахъ и расходахъ:

„Благопристойность требуетъ, чтобъ довольство и великолѣпіе окружали престолъ, аки источникъ благоденствія обществу, отъ котораго награжденія, ободренія и милости. На все сіе расходы нужны и полезны“ (ст. 579). Наказъ устанавливаетъ различіе между имуществами, которыя принадлежатъ Государю, какъ собственнику, и между имуществами, которыми онъ распоряжается на правахъ государственнаго обладанія. При этомъ Наказъ касается и задачъ разумной финансовой политики. „Богатства Государевы суть: или просто владѣльческія, поелику нѣкоторыя извѣстныя вещи ему, какъ частному нѣкому помѣщику и господину, принадлежатъ; или какъ богатства Самодержца, владычествующаго по сему, Богомъ данному, званію надо всѣмъ тѣмъ, что общенародную казну составляетъ“. „Доходы принадлежащіе Государю суть также двоякаго рода: или какъ частнаго нѣкоего владѣльца, или какъ державы правителя“. „Государь первыми владѣетъ самъ собою“. „Но, поелику самодержецъ, счисляетъ онъ 1) всѣ доходы имѣній государственныхъ во всецѣломъ ихъ объятіи; 2) налоги на то, чѣмъ другіе владѣютъ“. „Сего послѣдняго дохода благоразумный Самодержецъ никогда безъ крайняго соболѣзнованія не умножаетъ и, дѣлая то, прилежно смотритъ, чтобъ учрежденіе налоговъ чинимо было по мѣрѣ имущества подданныхъ, чтобъ не превосходило мѣры ихъ возможности въ разсужденіи ихъ имѣній, и чтобы не обременяло гражданъ больше, нежели естественно имъ поднять и по справедливости отъ нихъ требовать можно“. (625—631). Дополненіе къ Наказу заканчивается указаніемъ на тѣсную связь между всѣми частями „государственнаго строительства“ (хозяйства). „Одно всѣхъ сихъ частей сопряженіе можетъ составить, укрѣпить и въ вѣки продлить безопасность государства, благосостояніе народа и славу Самодержца“. (Ст. 655).

Въ „Начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія“, Екатерина II дополнила нѣсколькими новыми замѣчаніями все, что было сказано ею въ Наказѣ о русскомъ Самодержавіи, его цѣляхъ и характерѣ. „Предметъ права общаго есть установленіе и соблюденіе обрядовъ общихъ, необходимо нужныхъ для сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства. Отъ сего происходитъ бытіе власти

верховныя. Отдѣленія 9, 10 и 11 Большаго Наказа* доказываютъ ясно, какая необходимость и польза въ томъ, чтобъ Россія всегда изображенный въ тѣхъ статьяхъ родъ правленія сохранила. Право же, отъ власти верховныя неотдѣлимое, было, есть и будетъ: власть законодательная, власть защитительная и власть совершительная. Все сіе заключаетъ въ себѣ сохраненіе добраго порядка. Всѣ члены государства и чужестранные, въ ономъ живущіе, должны покоряться власти самодержавной и тѣмъ, коимъ отъ оныя поручены части правленія. И когда сіе такъ состоитъ, и добрый порядокъ отъ самыя верховныя власти и ото всѣхъ сохраняется, тогда подданные взираютъ на семью, которыя Государь есть отецъ". Утверждая, что Россія *всегда* должна оставаться неограниченной монархіей, Екатерина II видѣла въ русскомъ Самодержавіи патриархальную форму правленія и сравнивала отношенія подданныхъ къ Государямъ съ отношеніями дѣтей къ родителямъ. До нея изъ нашихъ представителей верховной власти этого никто не дѣлалъ, хотя еще Петръ Великій былъ провозглашенъ Отцемъ Отечества и хотя русскій народъ издревле привыкъ видѣть въ Царѣ Царя-батюшку. Въ своихъ манифестахъ Екатерина II постоянно давала понять, что считаетъ себя матерью Россіи и русскаго народа, постоянно упоминала о своихъ матернихъ попеченіяхъ о благѣ подданныхъ и любила, когда называли ее „Матушкой-Царицей“.

* * *

Монархическій образъ мыслей Екатерины II слагался постепенно, и былъ усвоенъ ею задолго до восшествія на престолъ.

„Нелюбимая мужемъ, покинутая Императрицей, забытая придворными, провела Екатерина первые 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, говоритъ г. Бильбасовъ, одна въ своихъ покояхъ; она ко всему прислушивается, все обдумываетъ, о всемъ размышляетъ и читаетъ, читаетъ все, что попадаетъ подъ-руку, читаетъ безъ конца и, между прочимъ, Тацита, Монтескье, Вольтера—лучшихъ учителей, способныхъ установить взглядъ и сформировать сужденіе. Чтеніе прерывается по временамъ записью того, что особенно поразило ее въ жизни, или въ книгѣ“.

---

* Екатерина II называетъ отдѣленіями статьи Наказа.

Вотъ нѣкоторыя изъ записей Екатерины:

„Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значить для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имѣя въ виду благо народа и справедливость“.

„Что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго государя, который управляетъ воинственнымъ народомъ?“ („Русская Старина“, 1896 годъ, ноябрь, стр. 245—247).

Въ одномъ изъ экземпляровъ „Телемака“ Фенелона, вѣроятно, принадлежавшемъ Екатеринѣ II, найдена слѣдующая прекрасная замѣтка на французскомъ языкѣ, написанная ея рукою и, очевидно, предназначенная для внуковъ: *

„Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю свѣта. Никогда не окружайте себя льстецами; дайте почувствовать, что вамъ противны восхваленія и самоуниженія.—Оказывайте довѣренность лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ хватитъ храбрости въ случаѣ надобности вамъ возражать, и которые отдають предпочтеніе вашему доброму имени предъ вашею милостью.—Будьте мягки, человѣколюбивы, доступны, сострадательны; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія; выслушайте все, что хотя сколько-нибудь заслуживаетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать; поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ васъ уважали.—Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка честнаго, человѣка великаго и героя; прикосновеніе съ свѣтомъ да не помрачить въ васъ античнаго вкуса къ чести и добродѣтели.—Недостойные принципы и злое лукавство не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія: они презирають связанныя съ этимъ низости (*Que jamais de miserables principes, de mauvaise*

---

* Вліяніе „Телемака“ столь же ясно сказалось въ „Наказѣ“, какъ и вліяніе Фридриха II, какъ политическаго мыслителя.

finesses ne trouvent entrée dans son coeur. Les duplicités sont incon- nues aux grands hommes; ils en méprisent les bassesses).—Молю Провидѣніе утвердить эти немногія слова въ моемъ сердцѣ и въ сердцахъ тѣхъ, которые ихъ прочтутъ послѣ меня“. (Русскій Архивъ за 1863 годъ, 1-е изданіе, 940).

Эта замѣтка раскрываетъ предъ нами тотъ нравственный идеаль, въ духъ котораго Екатерина хотѣла воспитать своихъ внуковъ, особенно Александра Павловича, будущаго Императора. Кромѣ этой замѣтки, до насъ дошли и другія наставленія Екатерины II, предназначавшіяся для ея преемниковъ. Она завѣщала имъ помнить, что самодержавный государь не можетъ не считаться съ недовольствомъ народа: „Всегда Государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на свой аршинъ. А если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіе наставленіе прочтеть съ недоувѣріемъ, такъ ему болѣе въ свѣтъ, и особенно въ русскійскомъ, счастья желать, нежели пророчествовать можно“. (Брикнера, „Исторія Екатерины II-й“, томъ 3-й, часть 4-я, стр. 254).

Въ 1764 году Екатерина II назначила новаго генераль-прокурора, князя Вяземскаго, и собственноручно написала для него секретную инструкцію, желая высказать ему разъ навсегда свои политическія убѣжденія и тѣ требованія, которыя она предъявляла къ высшимъ учрежденіямъ и сановникамъ Имперіи. Указавъ на слабыя стороны дѣятельности Сената, и объяснивъ почему прежній генераль-прокуроръ, Глѣбовъ, утратилъ ея довѣріе, императрица продолжала: „вамъ должно знать съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать (т. е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивысшее благополучіе и славу отечества и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобы какъ изнутри, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Когда я увижу отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня довѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то бла-

го произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ“. Объясняя, затѣмъ, каково положеніе дѣлъ въ Сенатѣ, каковы въ немъ различныя партіи, и въ чемъ заключаются недостатки нѣкоторыхъ членовъ Сената, которыхъ, впрочемъ, императрица не называла, она совѣтовала новому генераль-прокурору оставаться вполне независимымъ и безпристрастнымъ. „Въ чемъ вы будете сомнительны“, сказано въ запискѣ Екатерины, „спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше удобное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ“. Выразивъ неудовольствіе противъ Сената, Екатерина II напоминала, что Россія не можетъ обойтись безъ Самодержавія. „Покажѣсть я жива, то останемся, какъ долгъ велить. Россійская Имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного, государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть“. (Соловьева *Исторія Россіи*, XXVI, 19—21). Эти доводы въ пользу необходимости для Россіи монархическихъ началъ, частью уже приведенные въ Наказѣ, служатъ дополненіемъ того, что говорится въ 9-ой, 10-й, 11-й и 12-й статьяхъ его о Самодержавіи. Екатерина II, какъ оказывается изъ инструкцій князю Вяземскому, потому, между прочимъ, стояла за неограниченную монархію, что не вѣрила въ безкорыстіе, безпристрастіе и патріотизмъ многовластія и видѣла въ Самодержавіи могущественный оплотъ единства государства и уврачеванія государственныхъ язвъ. Екатерина II исходила изъ того убѣжденія, что самодержецъ не можетъ не желать добра своимъ подданнымъ, и что его громадная власть не можетъ не отражаться благотѣльно на странѣ. Считаая государственное благо личнымъ, кровнымъ дѣломъ самодержца, и противопоставая самодержавнаго государя „наемникамъ“, Екатерина II сходилась во взглядахъ съ Іоанномъ

Грознымъ; утверждая же, что самодержецъ имѣеть всѣ способы, къ пресѣченію вреда, она повторяла мысль, высказанную еще Юріемъ Крижаничемъ, писавшимъ: „Въ Россіи полное самодержавіе: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное“.

Въ письмѣ В. С. Попова къ Императору Александру Павловичу приводятся сужденія Екатерины объ „основаніи неограниченной монархіи“, о той политикѣ, которой должны слѣдовать самодержавные государи, желающіе, чтобъ ихъ воля въ точности исполнилась.

„Почелъ бы я въ тяжкое себѣ преступленіе, писалъ Поповъ: если бы умолчалъ предъ В. И. В. о томъ, что, по мнѣнію моему, достойно Высочайшаго свѣдѣнія.

„Имѣя свободный доступъ къ великой бабкѣ вашей каждаго дня въ часы послѣобѣденные, часто слышалъ я премудрыя ея разсужденія и восхищался высокостію мыслей. Но ничто не оставило столь крѣпкаго впечатлѣнія въ душѣ моей, какъ слѣдующая бесѣда:

„Дѣло шло о неограниченной власти, съ которою великая Екатерина не только въ своей Имперіи господствовала, но и повелѣвала въ странахъ чуждыхъ. Я говорилъ съ удивленіемъ о томъ слѣпомъ повиновеніи, съ которымъ воля ея повсюду была исполняема, и о томъ усердіи и ревности, съ которыми всѣ старались ей угождать.

„Это не такъ легко, какъ ты думаешь“, изволила она сказать. „Во первыхъ, повелѣнія мои, конечно, не исполнялись бы съ точностію, если бы не были удобны къ исполненію; ты самъ знаешь, съ какою осторожностію поступаю я въ изданіи моихъ узаконеній. Я, разбирая обстоятельства, совѣтуюсь, увѣдваю мысли просвѣщенной части народа и заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. И когда ужъ напередъ я увѣрена о общемъ одобреніи, тогда я выпускаю мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ. *И вотъ основаніе власти неограниченной.* Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не приноровлено къ обычаямъ, ко мнѣнію народному, и когда въ ономъ послѣдовала бы я одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ. Во вто-

рыхъ, ты обманываешься, когда думаешь, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ угодное. Напротивъ того, это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому, сообразно съ заслугами, съ достоинствами, съ склонностями и съ привычками, и повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всѣхъ, нежели, чтобъ всѣ тебѣ угодили. Напрасно будешь сего ожидать и будешь огорчаться, но я сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изъятія по моему дѣлалось. Можетъ быть, сначала и трудно было себя къ тому приучать, но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что, не имѣя прихотей, капризовъ, и вспыльчивости, не могу быть я въ тягость, и бесѣда моя всѣмъ нравится. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь мнѣ— спасибо“. (Н. К. Шильдера *Исторія Александра Перваго*, томъ I, 280).

Это объясненіе основаній государственнаго правленія превосходно намѣчаетъ предѣлы *неограниченной* власти и значеніе эпитета *неограниченный*, когда идетъ рѣчь о монархѣ.

V.

Державинъ.

Въ цѣломъ рядѣ одъ Державинъ обрисовалъ свой идеаль Царя, во многомъ сходящійся со взглядомъ Екатерины II. Можно сказать, что онъ далъ поэтический комментарий къ ученію „Наказа“ о Самодержавіи. Съ особенною яркостью онъ высказалъ его въ одѣ 1777 года „На рожденіе Парфиророднаго Отрока“ (Александра Павловича) и въ своей знаменитой „Фелицѣ“.

Привѣтствуя появленія на свѣтъ старшаго внука императрицы Екатерины II, Державинъ писалъ:

Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принеси:
Тоть принеси ему громъ въ руки
Для предбудушихъ побѣдъ;
Тоть художества науки,
Украшающія свѣтъ;
Тоть обиліе, богатство,
Тоть сіяніе порфирь;
Тоть успѣхи и пріятство,
Тоть спокойствіе и миръ;
Тоть принеси ему тѣлесну,

Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ слияли совершенства
Составляючи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали;
Каждый геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
„Даръ младенцу онъ избралъ.
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“
„Будетъ“, и судьбы гласили:
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердець!“

Отецъ подданныхъ и утѣшитель сердець, владѣющій своими страстями и остающійся человѣкомъ на тронѣ—таковъ былъ Державинскій идеаль Царя. Онъ цѣликомъ высказался въ стихѣ:

Будь на тронѣ человѣкъ!

Въ этомъ стихѣ сказалось высокое понятіе Державина о достоинствѣ человѣка, какъ о вѣнцѣ творенія. Онъ напоминаетъ слова Гамлета объ отцѣ:

He was a man, take him for all in all.
I shall not look upon his like again.

Зналъ-ли Державинъ Гамлета? Не беремса судить объ этомъ. Какъ-бы тамъ ни было, стихъ—

Будь на тронѣ человѣкъ!—

легко можетъ быть объясненъ и помимо вліянія Шекспира. По всей вѣроятности, онъ былъ порожденъ христіанскимъ міросозерцаніемъ Державина и впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ Священнаго Писанія. Требуя отъ царей, чтобы они оставались вѣрны человѣческой природѣ, Державинъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они не затемняли слабостями и пороками образа и подобія Божьяго, не воображали себя полубогами и не забывали о человѣческомъ достоинствѣ своихъ подданныхъ. Въ этомъ случаѣ Дер-

жавинъ оставался вѣренъ духу Библии, которую онъ хорошо зналъ. Вспомнимъ хотя-бы слѣдующее мѣсто изъ восьмого псалма: „Что такое человѣкъ, что Ты помнишь его, и сынъ человѣческой, что Ты посѣщаешь его? Немного Ты умалилъ его передъ ангелами, славою и честію увѣнчалъ его“ *.

Въ „Фелиць“ Державинъ выставляетъ главными добродѣтелями царей кротость, снисходительность, милосердіе и любовь къ подданнымъ. Прославляя Киргизъ-Кайсацкую царевну за ея доброту, Державинъ писалъ:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь передъ аналоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирить,
Который глуха и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить.
.
.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быть, и небыль говорить;

* Вліяніе восьмого псалма отразилось, вѣроятно, и на выше приведенныхъ словахъ Гамлета. Они разясняются и дополняются поэтическимъ изображеніемъ человѣка, которое дѣлаетъ Датскій Принцъ въ сценѣ съ Розенкранцемъ и Гильдерштерномъ: „Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ! какъ безграниченъ способностями! какъ значителенъ и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ. Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу, въ понятіи—Богу! Краса міра! Вѣнецъ всего живого!“ Это мѣсто напоминаетъ восьмой псалмъ.

Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волъ,
Живущему въ законѣ ихъ.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептатъ въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Въ одѣ 1789 года „Изображеніе Фелицы“ Державинъ влагалъ въ уста ея слѣдующее воззваніе къ Богу:

Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари!
Наставь меня, міровъ Создатель,
Да волѣ слѣдую Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастье людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Мбей щедротой позлащу;
Да удостоена любви,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя Свидѣтелемъ звала.

Въ той же одѣ Фелица произноситъ слѣдующую рѣчь, обращаясь къ своимъ ордамъ:

„Я счастья вашего искала—
И въ васъ его нашла я вамъ:

Ставь сами вы себя послушны,
Живите, славьтеса въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человекъ.
„Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челою не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.
Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать, и окончать“.

Въ одѣ „На новый 1797 годъ“ Державинъ такъ опредѣлялъ
призваніе монарха, имѣя при этомъ въ виду Императора Павла:

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
А сердцемъ больше щедръ и благъ
Атиль вслѣдъ къ распространенью
Границъ не ступить ни на шагъ;
Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
Что царство не войной цвѣтетъ,
Онъ кровь народовъ милосердно
Своихъ и вражихъ блюдетъ.
Водимой истиной святою,
Законовъ подъ одной чертою,
Полсвѣту скорый судъ дарить.
Обогатить торговлей грады,
Плодомъ, стадами вертограды,
Людьми пустыни веселить,
По долгу строгъ и правосуденъ,
Но нѣженъ, милостивъ душой;
На казнь жестоку медленъ, труденъ,
Ждетъ исправленія людей!
Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
Несчастныхъ слезы отираетъ,
Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
Участвовать въ трудахъ супругъ
И сыновьямъ велить своимъ;
Чистосердечья ищетъ въ другъ,
Блаженствомъ общимъ дорожить.

Народной споспѣшая льготѣ.
По доброты и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Титъ.

Въ одѣ „Къ царевичу Хлору“, написанной въ 1802 году, Державинъ такъ восхвалялъ Императора Александра I, изображая при этомъ свой идеалъ царя, проникнутаго милосердіемъ, сознаниемъ долга, чувствомъ законности, отвращеніемъ къ лести и высоко-мѣрію:

. . . . . Говорятъ, что ты
Какой-то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,
Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью,
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покореніемъ царствъ и кровью.
Такъ, шепчутъ, будто саму власть,
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣлну страсть,
Ты чтить за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставить въ томъ примѣръ себя,
Что ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законовъ;
А тѣхъ пашей, эмировъ, мурзъ
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь узъ,
Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
И бить себѣ велятъ челомъ;
Что ты не кажешься имъ богомъ,
Не ѣздя на царяхъ верхомъ;
Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ.

Порицая безцѣльныя войны, Державинъ прославлялъ государей, заботящихся, прежде всего, о народномъ благѣ, объ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ развитіи своихъ подданныхъ. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что Державинъ проповѣдывалъ, во чтобы-то ни стало, миръ. Онъ ратовалъ противъ легкомысленнаго увлеченія боевымъ задоромъ. Слава русскаго оружія всегда была близка сердцу Державина. Онъ радостно отзывался на политическія успѣхи Россіи и съ восторгомъ воспѣвалъ триум-

фы русских полководцевъ и русской арміи своего времени. Тѣмъ не менѣе, Державинъ всегда настаивалъ на томъ, что цари должны быть, прежде всего, царями „подданныхъ сердецъ“, не ослѣпляться властью, подавать народу примѣры доблести и добродѣтели, не увлекаться роскошью, блюсти законность и справедливость, быть людьми долга, слѣдовать правиламъ милосердія и христіанской вѣры (I, 52, II, 2, и т. д.*). Короче сказать, Державинъ воспѣвалъ

Власть, пріятнѣйшу свободы,
Привлекающую сердца.

Эти два стиха, взятые нами изъ оды 1780 года „На отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію“, проливаютъ яркій свѣтъ на политическое направленіе Державина. Онъ глубоко вѣрилъ въ возможность монархіи, всецѣло построенной на этическихъ началахъ и опирающейся не на гнетъ, а на свободное признаніе подданныхъ и на любовное отношеніе къ нимъ.

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престоль позванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ (II, 95—96).

При этомъ Державинъ напоминалъ, что Россія представляетъ широкое раздолье монарху для плодотворной государственной дѣятельности.

Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить:
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

Прекрасный образецъ для всѣхъ монарховъ Державинъ видѣлъ въ Петрѣ Великомъ. Въ одѣ 1776 года, посвященной Преобразователю, Державинъ съ энтузіазмомъ прославлялъ его за то, что онъ водворилъ въ Россіи науки, ввелъ „благіе нравы“, учился, чтобы учить, работалъ, не гнушаясь никакимъ трудомъ, служилъ простымъ воиномъ, самъ водилъ полки на брань, прославилъ себя храбростью и побѣдой.

Ода заканчивалась слѣдующими стихами:

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесь;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

*) Эти и дальнѣйшія ссылки дѣлаются на академическое изданіе Державина.

На ряду съ Петромъ Великимъ Державинъ прославлялъ и Екатерину Великую. Въ одѣ „Вельможа“ онъ писалъ:

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ я въ рубище герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была-бъ великою женой.

Державинъ исходилъ изъ того убѣжденія, что идеальнымъ государемъ можетъ быть названъ лишь такой монархъ, который былъ бы великимъ человѣкомъ при всевозможныхъ обстоятель-ствахъ и во всѣхъ жребіяхъ жизни.

Прославляя Екатерину II, какъ образецъ для монарховъ, Державинъ съ особеннымъ удареніемъ указывалъ на то, что она посвятила свою жизнь подданнымъ.

Она подобна той пернатой,
Что кровь свою изъ персей льетъ,
Да тѣмъ, своихъ хоть дней съ утратой,
Птенцамъ довольство подаетъ.
Покой трудами нарушаетъ,
Страны далеки обтекаетъ,
Для пользы нашей потомъ лется, —
Не для себя свой вѣкъ живетъ:
Да обще счастье вознесется,
Да всякъ блаженны дни ведетъ.

(II, 188).

Историческое значеніе царствованія Екатерины II Державинъ опредѣлялъ такъ:

Се та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!

(I, 537).

Будучи монархистомъ, Державинъ не скрывалъ отъ себя и другихъ, что государи могутъ впадать въ пороки и увлеченія, и неоднократно громилъ тирановъ и царей, недостойныхъ своего сана. Его знаменитое переложеніе 81 псалма: „Властителямъ и судьямъ“ произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ поэта и въ теченіе многихъ лѣтъ читалось и перечитывалось рус-

скими людьми, какъ произведеніе, исполненное гражданскаго мужества и независимаго отношенія къ власти.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколь рекъ: доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.
Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И также смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

Послѣдній стихъ доказываетъ, что высшимъ, политическимъ идеаломъ Державина была чистая теократія. Сознвая ея неосуществимость, Державинъ требовалъ отъ царей, чтобы они смотрѣли на себя, какъ на орудіе Божественнаго Промысла, не надмевались надъ простыми смертными и непрестанно прислушивались къ голосу совѣсти и къ велѣніямъ религіи *). Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Іоанна Грознаго, Державинъ отстаивалъ тотъ взглядъ на сокровенный смыслъ монархическихъ началъ въ Россіи, который проводилъ нашъ первый царь въ перепискѣ съ княземъ Курбскимъ.

Видя въ носителяхъ верховной власти отблескъ власти божественной, Державинъ напоминалъ имъ, что они такіе же люди,

*) Въ переложеніи 81-го псалма Державинъ далъ не буквальный переводъ его, а нѣчто вродѣ подражанія, далеко не лишеннаго самостоятельности.

какъ и простые смертные, и что они не должны считать себя какими-то особенными существами

Царь — вышній образъ Божьей власти,
Но царь сей также человекъ,
Траянъ и Титъ имѣли страсти,
И Маркъ Аврелій краткій вѣкъ...

(III 409).

О порочныхъ и недостойныхъ монархахъ Державинъ отзывался самымъ рѣзкимъ образомъ. Въ стихотвореніи „Монументъ Петра Великаго“ (1776 года) поэтъ такъ громилъ тирановъ и монарховъ, упивавшихся местию:

Неронъ, Калигула, Коммоды,
Когда на тронахъ, гдѣ сидятъ,
Хоть поздніе ихъ помнятъ роды,
Но помнятъ такъ, какъ моръ и гладь.

Пускай въ подсолнечную трубить
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ;
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ.

Когда царя народъ прославить,
Вселенна подтверждаетъ то жъ;
Когда царя ласкатель хвалить,
Потомство презираетъ ложь.

Въ „Эпистолѣ И. И. Шувалову“ (1777 года) находимъ такое двустушіе:

О, жалкій полубогъ, кто носитъ тщетно санъ:
Подъ трономъ тотъ ничто, на тронѣ истуканъ”.

Въ „Одѣ на знатность“ (1774 года) Державинъ иронически отзывается о пышности одеждъ,---

Царей и куколъ что равняетъ, --

и спрашиваетъ про Калигулу, который требовалъ для себя божескаго поклоненія, не былъ ли онъ равенъ своему скоту. Въ той же одѣ читаемъ:

И царь невинныхъ утѣснитель --
Ровно вселенной всей злодѣй.

* *
*

Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Державинъ не разъ касался царской власти вообще и русскаго Самодержавія въ частности, нравственныхъ обязанностей монарховъ, отношенія подданныхъ къ государямъ, и обратно. Въ „героическомъ представленіи“, „Пожарскій или освобожденіе Москвы“ князь Пожарскій

отказываясь отъ предлагаемой ему земскимъ соборомъ короны, говоритъ:

Россіяне! За даръ вашъ, столь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну простерть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? — Покой въ Россіи зрѣть.
Взявъ утвари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ошутить ли вдругъ въ душѣ своей тотъ жаръ,
Что зависть въ насъ родить? — Возникнутъ вновь крамолы,
Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать:
На что не соглашусь вселенной за престолы.
*Съ потачкою жъ страстей тронъ бурный управлять,
Могу ль я сократить хищенья длинны руки,
Вестъ скорый, правый судъ, споконитъ шатки дни?*
Законы безъ грозы безстрашнымъ эха звуки;
Примѣры хоть прошли, но памятны они.
Не можетъ трона татъ владѣть спокойно славой,
Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ небесъ,
Которыя ему иль поздно, или рано
По правосудію навѣрно отомстятъ;
И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана,—
Тревога, злоба, грусть и безперестанный адъ.
Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ, или другимъ:
Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
Курился чтобъ предъ нимъ подлѣйшій лести дымъ.
*Законы жъ русскіе, обычай, власть ли Бога
Поверг.ли съ дѣтства насъ владычеству царей,—
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ блескъ чертога:*
Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру?
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
Спокойство можетъ дать и возвратитъ насъ къ миру

Этотъ монологъ замѣчателенъ потому, что въ немъ отражается взглядъ Державина на узурпаторовъ и на значеніе наследственной монархіи для Россіи. Стихи, напечатанные курсивомъ, съ особенною рельефностью выражаютъ политическія воззрѣнія Державина.

Въ трагедіи „Иродъ и Маріамна“ Державинъ высказалъ устами дѣйствующихъ лицъ, какъ должны поступать подданные, когда имъ приходится подчиняться власти недостойныхъ монарховъ.

Молчи! не намъ судить дѣянiя царей,
Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ людей.
Пускай ихъ судить Богъ, а мы, благоговѣя,
Пороки, страсти ихъ оплачемъ, сожалѣя.

Въ этихъ четырехъ стихахъ заключается безусловное осужденiе не только возстанiя или какого-бы-то ни было злоумышленiя противъ монарховъ, но и неуважительнаго отношенiя къ нимъ. Державинъ видѣлъ въ царяхъ, даже языческихъ, помазанниковъ Божiихъ, и не признавалъ за подданными права налагать руку даже на царей-мучителей.

Внушая подданнымъ уваженiе къ монархамъ, Державинъ въ той же трагедiи напоминалъ государямъ, что имъ не слѣдуетъ превозноситься надъ простыми смертными и забывать о Богѣ и Его мздовозданiи.

Жизнь, смерть—въ рукѣ царя.
Поставлень укрощать народа онъ строптивость.
Но, Иродъ! если царь творитъ несправедливость,
Есть надъ царями Царь, сей Царь царей есть Богъ,
Котораго перунъ крушить гордынь ихъ рогъ.

(IV, 193 и 209).

Василiй Темный въ трагедiи того-же имени говоритъ:

О братья! и въ юны дни мой санъ я зрѣлъ мечтой.
Корона на главъ, на раменахъ порфира
Казаись тщетнымъ мнѣ очарованьемъ мiра.
Повѣрь мнѣ, что онъ несноснѣйшiй яремъ;
И скоро, скоро самъ признаешь ты въ ссѣмъ.
Что на себя навлекъ безумно ты ихъ тягость,
Но паче, что стяжалъ ты ихъ чрезъ лести и наглость.
Хищенье всякое не есть добро, но зло,
И царствъ могущество нигдѣ зломъ не росло;
А если и росло,—то внутрь ихъ упало;
Коварныхъ небо дѣлъ имъ въ прокъ не попускало.
Безъ свынiяго ума, безъ доблести святой
На тронъ властелинъ лишь идола золотой.
Не знаетъ онъ цѣны ни доброму, ни злему,
Не грозенъ къ одному, не благъ и ко другому;
Не можетъ пользы своихъ отъ траты отличать,
И долженъ все изъ рукъ рабовъ наемныхъ ждаты;
Боясь зрѣтъ вѣрности и чести на престолѣ,
Имѣя очи, слѣпъ, хотъ воленъ, но въ неволѣ,
Не знаетъ, правдѣ что, уму, труду царей,
Вслѣдъ ходитъ счастье лишь, что въ немъ ихъ блескъ лучей.
Не въ силахъ чуждыхъ силъ, не въ внѣшности откликъ;
Но править кто собой, тотъ властенъ и великъ.

Подобный государь есть фениксъ рѣдкій въ свѣтѣ;
Блаженны дни его, — роса во знойномъ лѣтѣ;
Онъ образъ Божества, онъ сынъ благихъ небесъ.

(IV, 366—368).

Мы отмѣтили курсивомъ нѣкоторые стихи этого монолога, особенно важные для разъясненія политическихъ идеаловъ и воззрѣній Державина. Изъ первыхъ же приведенныхъ нами словъ Темнаго видно, между прочимъ, что Державинъ смотрѣлъ на царскую власть не какъ на даръ фортуны, а какъ на тяжкое бремя.

Василій же Темный говоритъ въ другомъ мѣстѣ трагедіи Державина:

Но знай, на высотахъ лавръ въ прочность не растеть,
Межъ страшныхъ безднъ и скаль премудрый мужъ идетъ:
Нѣтъ пользы никакой распространять владѣнье:
Полезнѣй малыхъ царствъ искусное правленье,
Пріятнѣй зрѣть на сонмъ ликующихъ дѣтей,
Чѣмъ на стѣнахъ тѣмъ рабовъ среди цѣпей.
Возсѣвъ на тронъ земной, душой пребудь весь въ Богѣ,
Сердца всѣхъ подданныхъ имѣй въ твоёмъ залогѣ;
Будь по законамъ строгъ, по милосердію благу,
Для внѣшнихъ лишь враговъ да будетъ мечъ твой нагъ,
И ихъ не радуйся безъ винъ окровавленьемъ,
Чады наполняй уронъ чужихъ усыновленьемъ.
Не дѣлай перемѣнъ безъ крайнихъ въ царствѣ нуждъ,
Чтобъ только мудрымъ слыть: тщеславья мудрый чуждъ,
Законы, лишь смотри, чтобъ исполнялись строго:
Тотъ слабо царствуетъ, кто издаетъ ихъ много;
Твердѣютъ въ насъ они привычкою одной,
Примѣрами царей и вѣрою святой.
По челоуѣчеству прощай, гдѣ только можно,
На добродѣтели всѣхъ поощряй, какъ должно;
Обзорчивъ будь во всемъ, стремителенъ ни въ чемъ.

* *

Въ нашей литературѣ не разъ высказывалось предположеніе, что оды Державина, воспѣвавшія Екатерину II, Императора Павла и Императора Александра I, насквозь проникнуты лестью, и что въ нихъ нѣтъ ни искренняго чувства, ни выраженія задушевныхъ убѣжденій. Наши лучшіе критики были совершенно противуположнаго мнѣнія и, высоко ставя талантъ Державина, вѣрили, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его искренность. Пушкинъ и Гоголь съ уваженіемъ относились къ Державину не только какъ къ по-

эту, но и какъ къ человѣку прямого и независимаго характера, умѣвшему „истину царямъ съ улыбкой говорить“. Биографъ, издатель и комментаторъ Державина, академикъ Я. К. Гротъ, долго и пристально изучавшій жизнь и произведенія Державина, тоже видѣлъ въ немъ не ловкаго ритора и не придворнаго стихотворца, а честнаго писателя, облакавшего въ поэтическую форму свои завѣтныя думы, надежды и желанія. „Когда началась литературная извѣстность Державина, говоритъ Я. К. Гротъ: прошло уже около двадцати лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славилась ея *Наказъ*, учреждены были банки и Воспитательные дома, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ съ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались помѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить“... „Самымъ существеннымъ успѣхомъ *Фелицы*, продолжаетъ Я. К. Гротъ, была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немислимо полное торжество таланта, сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевляться; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды *Изображенія Фелицы* и *На восшествіе на престолъ Императора Павла*, хотя и предпринятыя имъ по внѣшнему побужденію, удались ему потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ все въ нихъ высказанное. Напротивъ, когда императрица приблизила его къ себѣ; сдѣлавъ его своимъ секретаремъ; когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы*, онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собой игру человѣческихъ страстей, охладило его, и онъ уже

„почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу государынѣ“. ....„Придворнымъ стихотворцемъ Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой—энергической его характеръ. Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною высокопарностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ красотамъ онѣ носятъ, однако, печать истинно поэтическихъ созданий. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ музыкальный его талантъ, и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ у него въ домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи. Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. О другихъ любимцахъ нѣтъ и помину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда они были въ немилости, и въ какую же пору? въ царствованіе Императора Павла“. Особеннымъ благополучіемъ для таланта Державина, Я. К. Гротъ считалъ совпаденіе его полного развитія съ царствованіемъ Екатерины. „Въ этотъ героической вѣкъ русской исторіи событія и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размахъ,—этой широкой, своенравной кисти“. Подводя итоги литературной дѣятельности Державина и указавъ на его заслуги, какъ поэта, Я. К. Гротъ писалъ: „Но что еще болѣе общааетъ прочность его славы, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставлять предъ своими согражданами. Его ода *Властиителямъ и судьямъ*, циклъ одъ, изображающихъ *Фелицу*, *Вельможу*, ода на возвращеніе графа Валеріана Зубова (бывшаго тогда въ опалѣ) и нѣкоторыя другія поражали современниковъ

своею смѣлостью. Въ одѣ *Властиителямъ и судьямъ* онъ именемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. Въ *Фелиць* уяснилъ онъ самой *Екатеринѣ* идеалъ, къ которому она стремилась. Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ, онъ въ видѣ похвалы, часто давалъ совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ бы программу достойной монарха дѣятельности“.

Этимъ именно и опредѣляется значеніе Державина въ исторіи русскаго политическаго самосознанія. Онъ былъ не только даровитѣйшимъ русскимъ поэтомъ времени Екатерины II, но и однимъ изъ нашихъ выдающихся политическихъ писателей. Цѣлый рядъ его одъ и другихъ произведеній можетъ быть названъ художественнымъ прибавленіемъ къ Наказу Екатерины II и опозитизированіемъ того ученія о неограниченной монархіи, которое въ немъ развивалось и наложило свой отпечатокъ какъ на нѣкоторыя изъ законодательныхъ актовъ Екатерины II, такъ и на политическія убѣжденія Императора Александра Павловича.

VI.

Жуковскій.

Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка не воспѣвалъ такъ часто царскую власть и связанная съ нею упованія, какъ Жуковскій. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть названъ Державиннымъ временемъ императоровъ Александра I и Николая I. Его политическія стихотворенія отражаютъ въ себѣ законченный взглядъ на значеніе и призваніе монархическихъ началъ для Россіи. Жуковскій видѣлъ въ русскихъ государяхъ, прежде всего, носителей этического идеала и предъявлялъ свои требованія къ царской власти, руководствуясь именно этой точкой зрѣнія. Она развивалась и опредѣлялась у него постепенно, подъ вліяніемъ жизненнаго опыта и историческихъ событій его времени, но онъ неизмѣнно оставался ей вѣренъ. Это видно и изъ его поэтическихъ произведеній, и изъ его историческихъ и философскихъ замѣтокъ, и изъ его писемъ.

Громкая извѣстность Жуковского началась съ появленія въ печати его „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, написаннаго въ 1812 году, послѣ отдачи Москвы Наполеону, въ лагерь и пе-

редь сраженіемъ подъ Тарутинымъ, когда поэтъ находился въ московскомъ ополченіи и былъ проникнутъ восторженной надеждой на рѣшительную побѣду надъ непріателемъ. Воспѣвая дѣла русскихъ героевъ, Пѣвецъ Жуковскаго главнѣйшими доблестями ихъ называлъ покорность Провидѣнію, любовь къ родинѣ и нераздѣльно связанную съ нею преданность царю.

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки, --
Что вашу прелесть замѣнить?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?
Тамъ все: тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣва — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражки грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Вонны.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражки грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ Твой нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ --- слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:

О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжить предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Вонны.

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью.

Бичуя Наполеона, какъ тирана и ненасытнаго честолюбца; бичуя съ нимъ тѣхъ „царей рабовъ“, которые подчинялись его власти, Пѣвецъ указываетъ два правила, которымъ должны слѣдовать и государи, и подданные: „Къ вѣнцамъ стезею правой!“ „Покорность правой власти!“

Въ 1816 году Жуковскій написалъ стихи въ честь Императора Александра, которые были пропѣты на празднествѣ у англійскаго посла въ годовщину отреченія Наполеона отъ престола. Въ этихъ стихахъ подвергается строгому осужденію дѣятельность Наполеона.

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны
Срывалъ съ царей красу порфирь....

Наполеону противопоставляется Александръ, какъ защитникъ мира и свободы народовъ и какъ представитель нравственныхъ началъ въ политикѣ.

И честь тому, кто вѣрный чести
Свободѣ мечъ свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ.

* *

Такъ, честь ему: и миръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.

* *

О немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
„Чтобъ долго былъ красой онъ трона
И челоуѣчества красой“.

Въ 1819 году Жуковскій написалъ „Посланіе къ Великой Княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ на рожденіе Великаго Князя

Александра Николаевича“ въ Москвѣ. Въ этомъ стихотвореніи сначала воспѣвалась Москва и ея многострадальная исторія. Въ заключеніе поэтъ предрекалъ своему будущему ученику и императору корону и въ цѣломъ рядѣ пожеланій начерталъ свой идеаль монарха. Обращаясь къ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, онъ говорилъ:

Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пелень ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный, достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ времянь своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудеть
Святѣйшаго изъ званій *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
Для блага *всѣхъ* — *свое* забывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Только что приведенный отрывокъ, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ взглядъ Жуковскаго на призваніе монарховъ. Называя святѣйшимъ изъ званій званіе *человѣка*, поэтъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду какъ Державина, такъ и Шекспира. Очень можетъ быть, что Жуковскій имѣлъ въ виду также и монологъ Филиппа Испанскаго въ *Донъ-Карлосъ* Шиллера, — монологъ, въ которомъ Филиппъ проситъ Бога послать ему челоуѣка и вспоминаетъ о маркизѣ Позѣ. Стихъ о „голосѣ отечества свободномъ“ былъ первымъ проявленіемъ ненависти Жуковскаго къ крѣпостному праву и того смутнаго уваженія къ общественному мнѣнію, которое образовалось въ немъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ либерально-конституціонныхъ вѣяній временъ Александра I.

Между 1818 и 1828 годомъ Жуковскимъ было написано нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ Великой Княгинѣ, а потомъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Изъ нихъ для насъ важно только послѣднее, такъ какъ поэтъ высказываетъ въ немъ свой взглядъ на обязанность властителей быть утѣшеніемъ несчастныхъ.

Ты памятникъ себѣ святой соорудила *),
Бездомнымъ отворивъ пріютъ сей, дочь царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфиною своей.

* * *

Съ величіемъ земнымъ небесное смиренье
Сліяла ты, принявъ Христа за образецъ;
Престолу царскому—краса боготворенье,
И свѣтель благостью властителей вѣнецъ.

* * *

Изъ сердца твоего любви вода живая
Льетъ исцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяетъ твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣе всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Въ томъ же 1828 году Жуковскій написалъ стихотвореніе „У гроба Императрицы Маріи Ѣеодоровны“, имѣющее, по содержанию, много общаго съ только что приведеннымъ отрывкомъ изъ строфъ, посвященныхъ Александрѣ Ѣеодоровнѣ.

Въ 1834 году Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ присягалъ на вѣрность Государю. Жуковскій написалъ по этому поводу „Пѣснь“, которая заканчивалась слѣдующимъ обращеніемъ къ Россіи:

Молись, да, долго свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочить благостью Отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

* * *

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

Въ томъ же 1834 году Жуковскій написалъ „Боже, Царя храни“!, въ числѣ „Трехъ народныхъ пѣсней“. „Боже, Царя храни“ имѣетъ двѣ редакціи. Первая изъ нихъ была принята Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, какъ текстъ для народнаго гимна (музыка Львова), хотя самъ Жуковскій, по всей вѣроятности, отдавалъ предпочтеніе второй редакціи, такъ какъ въ ней отчетливѣе очерчено призваніе монарха, какъ понималъ его поэтъ. Вотъ эта вторая редакція:

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;

*) Здѣсь говорится о домѣ призрѣнія бѣдныхъ на Васильевскомъ островѣ.

Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю—
Все ниспошли!

Эта „народная пѣсня“ составляетъ первую строфу „Народнаго гимна“, написаннаго Жуковскимъ еще въ 1814 году и напечатаннаго цѣликомъ, четыре года спустя, въ „Сынѣ Отечества“ подѣ заглавіемъ „Гимнъ, пѣтый воспитанниками с.-петербургской гимназіи на публичномъ экзаменѣ“.

Замѣтимъ кстати, что въ народномъ гимнѣ Жуковскій впервые съ удареніемъ называлъ русскаго царя *православнымъ*. То же самое онъ дѣлалъ и въ „Многолѣтіи“, написанномъ вслѣдъ за „Народными пѣснями“.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

* *

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердить;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

* *

Прогреми-жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный русскій Царь.

О православіи русскихъ царей Жуковскій заговорилъ въ 1834 году, вѣроятно, подѣ влияніемъ Императора Николая I и русскаго національно-государственнаго девиза: *Православіе, Самодержавіе и народность*, провозглашеннаго министромъ Народнаго Просвѣщенія, графомъ Уваровымъ, въ его Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1833 г.

Извѣстно, что Жуковскій сочувственно откликнулся на мысль Глинки написать русскую національную оперу и принималъ участіе въ работѣ барона Розена надъ либретто „Жизни за царя“. Въ числѣ рукописей поэта, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, какъ видно изъ ея Отчета за 1884 годъ, хранится, между прочимъ, черновой набросокъ эпилога оперы, написанный Жуковскимъ. По сравненію этого наброска съ словами оперы оказывается, что въ ея текстъ вошли и нѣкоторые стихи Жуковскаго, а въ ихъ числѣ и знаменитый финалъ „Жизни за царя“:

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный царь — государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ!

Въ тѣхъ же рукописяхъ, есть отрывокъ, написанный рукой Жуковского и начинающійся слѣдующимъ афоризмомъ: „Самодержавіе есть природа русскаго государства“.

Въ 1839 году Жуковскій, путешествуя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ за границу, написалъ на Саардамскомъ домикѣ Петра Великаго:

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святыя.
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель Имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія.

Въ этомъ небольшомъ стихотвореніи особенно ярко выразилось благоговѣніе Жуковского къ петровской реформѣ. Петръ I и Екатерина II были, съ точки зрѣнія Жуковского, величайшими представителями верховной власти въ Россіи. Это видно и изъ тѣхъ стихотвореній, на которыя мы уже ссылались, а также и изъ нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, изъ „Русской славы“, написанной въ 1831 году.

Въ „Бородинской годовщинѣ“ (1839 годъ) Жуковскій, вспоминая борьбу Александра I съ Наполеономъ, прославлялъ, на ряду съ твердостью, великодушіе, доброту и смиреніе Александра.

И Тебя мы пережили,
И Тебя мы сохранили.
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ трономъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

* * *

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шель!
Какъ спасительно онъ велъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

. . . . .

.....
.....
.....
Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты объѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Наполеонъ никогда не былъ и не могъ быть идеаломъ Жуковскаго. Въ „Двухъ повѣстяхъ“ (изъ Шамисо и Рюккерга) ангель, преграждающій Александру Македонскому дорогу въ Эдемъ, говоритъ:

..... Одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные, одни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грabitелямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ.

Напоминая въ „Двухъ повѣстяхъ“, „земнымъ царямъ“ „ничтожность славы“ и „тщету величій“, Жуковскій заканчиваетъ вторую повѣсть словами мудраго Керима, такъ опредѣляющаго предъ лицомъ своего государя смыслъ жизни:

..... Какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть — странствіе по свѣту,
Такое жъ, какъ мое, во исполненіе
Верховной воли высшаго царя.
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

* * *

Переходимъ къ прозѣ Жуковскаго.

Въ замѣткѣ о пользѣ исторіи для государей, напечатанной въ № I „Собирателя“ за 1828 годъ, Жуковскій писалъ:

„Сокровище просвѣщенія царскаго есть „исторія“, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною его наукою. Освященная религіею, она воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ челоуѣчеству и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извле-

четь онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ немного. Познакомивъ съ судьбою народовъ и объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, исторія должна сказать ему въ заключеніе: *вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога*, но вѣрь сему не для того, чтобы поставить себя выше суда людей, а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога; вѣрь сему, какъ Людовикъ XII и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ божествомъ и челоуѣчествомъ. *Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ*: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. *Люби и распространяй просвѣщеніе*: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ *слабыхъ* рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели подданныхъ *просвѣщенныхъ*, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. *Уважай общее мнѣніе*: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или нерадиво; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. *Люби свободу*, то есть, уважай и личную безопасность, и права мысли каждаго, и охраняй ихъ закономъ отъ самовластия исполнителей закона, кои, подъ видомъ угожденія волѣ царя, утѣсняють челоуѣчество въ подданныхъ. Свобода и ненарушимость закона одно и то же. Любовь къ свободѣ въ царѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. *Владычествуй не силою, а порядкомъ*: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ твердомъ благосостояніи народа. *Будь вѣренъ слову*: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. *Окружай себя достойными помощниками*: заблужденіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаеть его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. *Уважай народъ свой*: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. *Люби народъ свой*, безъ любви царя къ народу нѣтъ и любви народа къ царю. *Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имь въ души идѣ-*

алъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога, она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей. Наконецъ, въ заключеніе— слова Іоанна Мюллера, коими онъ оканчиваетъ Всемирную Исторію: *Умирренность! порядокъ!*—а смыслъ ихъ: не упускай никогда изъ виду своей цѣли; подвигайся впередъ не быстро, а постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй, не разрушая; не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно и могущественно съ нимъ соглашайся; будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою, или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить“ (V, 545—546).

Этотъ перечень правилъ политической мудрости какъ нельзя лучше характеризуетъ Жуковского и его благородный, благодушно-романтической и даже нѣсколько сентиментальный взглядъ на призваніе монарховъ. Жуковский ничего не говорилъ ни о твердости, столь необходимой для государей, ни о пристальномъ изученіи военнаго дѣла, безъ котораго имъ нельзя обойтись, ни с бдительномъ огражденіи интересовъ государства, на стражѣ которыхъ они должны стоять: Жуковский хотѣлъ запечатлѣть въ душѣ Наслѣдника, прежде всего, плѣнительный образъ добраго, просвѣщеннаго, религіознаго и доблестнаго монарха, живущаго въ полномъ единеніи съ достойнымъ его народомъ и неуклонно, но безъ скачковъ, ведущаго его по пути развитія образованности къ благоденствію. Проповѣдая, что истинное могущество государя не во множествѣ воиновъ, а въ благосостояніи народа, Жуковский упустилъ изъ виду, что сильное войско составляетъ одно изъ необходимыхъ условій этого благосостоянія. Преувеличивая значеніе общаго мнѣнія, Жуковский становился на тотъ скользкій путь, съ котораго монархисту легко перейти къ антимонархическимъ воззрѣніямъ на власть и ея задачи. Событія 1830 и 1848 годовъ показали Жуковскому, что общее мнѣніе не можетъ быть компасомъ для государей, ибо оно нерѣдко увлекается ложными воззрѣніями, а также политическими и иными страстями и ужъ, во всякомъ случаѣ, не есть синонимъ государственной мудрости.

Одновременно съ замѣткою о пользѣ исторіи для государей былъ написанъ Жуковскимъ небольшой отрывокъ „Климатъ физи-

ческой и нравственный“. „Душа государя,—говорится здѣсь: есть то же для нравственной жизни народа, что климатъ для жизни физической: климатъ Лапландіи обрекаетъ ея обитателей на жалкое прозябаніе, климатъ знойныхъ африканскихъ степей дѣлаетъ ихъ безлюдными, зато степи Южной Америки, благодаря своему климату, въ изобиліи даютъ человѣку все, необходимое для людей. „Таково дѣйствіе климата на жизнь человѣка; таково же дѣйствіе и души государя на нравственное бытіе народа; она *опредѣляетъ*, чему быть кругомъ престола: снѣжнымъ-ли пустынямъ Лапландіи, среди которыхъ человѣкъ только прозябаетъ; печальнымъ-ли степямъ Африки, на коихъ кости свидѣтельствуютъ о бытіи человѣка, или пышнымъ странамъ, гдѣ все живетъ, гдѣ все достигаетъ своего развитія, возбуждаемое властію благотворною, которая порядкомъ хранитъ свободу и свободою животворитъ порядокъ“ (V, 546---547).

Это картинное сравненіе было направлено къ тому, чтобы облекъ для Цесаревича въ яркій образъ ту нравственную отвѣтственность, которая лежитъ на монархѣ, какъ на главѣ государства. Нельзя не замѣтить, что Жуковский въ данномъ случаѣ ступенчатъ благодѣтельное значеніе Самодержавія, какъ принципа, и сильно преувеличивалъ вліяніе личныхъ качествъ государя.

Замѣтка о пользѣ исторіи для государей явилась новинкою для публики и для Цесаревича, но не для Императора Николая. Дѣло въ томъ, что она была почти дословной выпиской изъ „плана ученія“ Наслѣдника, который былъ составленъ Жуковскимъ въ 1826 году и тогда же представленъ Николаю Павловичу. Онъ напрашивается на сближеніе съ письмомъ Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ отъ ²/₁₄ октября 1826 года изъ Дрездена. Въ этомъ письмѣ Жуковский выражалъ опасеніе по поводу вліянія, которое могли имѣть на умъ юнаго Наслѣдника „великолѣпныя московскія сцены коронаціи“. „Подобныя впечатлѣнія, писалъ Жуковский: въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко бы могъ усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлыя понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременныя, могутъ вредить развитію свойствъ исключительно-чело-

вѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которые составляютъ истинное достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости . . . . .

„Къ тому же эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать только въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будемъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите моимъ восклицаніямъ, но страсть къ военному ремеслу стѣснить его душу: онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму. Мы видѣли плоды этого: арміи не составляютъ могущества государства или государя. Если царь занятъ однимъ устройствомъ войска, то оно годится только на то, чтобы про- извести 14-е декабря“ (VI, 261—262).

Такимъ образомъ, тѣ пробѣлы въ замѣткѣ о пользѣ исторіи для государей и въ планѣ занятій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на которые мы указали выше, не были случайными: Жуковскій былъ принципиальнымъ врагомъ *воинственныхъ игрушекъ*, военного ремесла. Онъ думалъ, что они вредятъ дѣлу воспитанія и хотѣлъ сдѣлать изъ своего питомца прежде всего законодателя. На военное ремесло, такъ-же, какъ и на царственное величіе, Жуковскій смотрѣлъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ симпатій и антипатій, не понимая того, что будущему императору Россіи нужно было съ раннихъ лѣтъ свыкаться съ ожидавшимъ его жребіемъ, дабы онъ не ослѣпилъ его впоследствии, и что Наслѣднику Престола нельзя стоять въ сторонѣ отъ военной жизни. Ужась, съ какимъ говоритъ Жуковскій о великолѣпныхъ московскихъ сценахъ, отзывается нѣкоторой наивностью, а всѣ его педагогическіе страхи дѣлали поэта подобнымъ соловью, которому ввѣрено воспитаніе орленка, и который хотѣлъ бы сдѣлать изъ него себѣ подобную простенькую, хотя и *поэтичную* птичку. Не удивительно, что Императоръ Николай Павловичъ любилъ и уважалъ Жуковского, но далеко не всегда слѣдовалъ его совѣтамъ.

Въ 1834 году Жуковскій сталъ писать для Наслѣдника, которому было въ то время уже шестнадцать лѣтъ, черты исто-

ріи государства Россійскаго. Это сочиненіе не было доведено до конца: оно остановилось на первыхъ двухъ главахъ, заключающихъ обзоръ главнѣйшихъ событій нашей исторіи до татарскаго ига. Въ изложеніи событій Жуковскій придерживался Карамзина. Съ его точки зрѣнія онъ смотрѣлъ и на ихъ внутренній смыслъ. Это не значитъ, конечно, что Жуковскій повторялъ политическія идеи Карамзина, но его собственныя убѣжденія были очень близки къ нимъ.

Разсказавъ исторію Россіи отъ Рюрика до смерти Ярослава и обрисовавъ политическое могущество Россіи при Ярославѣ, Жуковскій замѣчалъ:

„Но Ярославъ раздробляетъ ее на части, и внутренняя сила ея разрушается, а въ ней самой таятся сѣмена гибели, кои, наконецъ, созрѣваютъ, оплодотворенныя междоусобіями. На семь необъятномъ пространствѣ, которое занимаетъ тогдашняя Россія, видимъ почти пустыню, покрытую болотами и лѣсами непроходимыми, безъ дорогъ и сообщеній. Рѣдкіе города суть не иное что, какъ укрѣпленные станы; немногіе изъ нихъ, при великихъ рѣкахъ стоящіе, оживлены торговлею. Народы, населяющіе сіи пустыни, чужды другъ другу. Трудность сообщеній препятствуетъ быстрому дѣйствию воли властителей. И что же сіи властители? Въ чемъ ихъ отношеніе къ подданнымъ? Князья почитаютъ народъ своею собственностію; цѣль власти ихъ—единая власть, и благо народа—въ одной безусловной его покорности; нѣтъ государя для подданнаго, есть только подданный для государя; но гражданинъ, безопасный подъ защитою закона, еще не существуетъ, и связь между повелителемъ и рабами, основанная на притѣснительной, корыстолюбивой силѣ перваго, должна вмѣстѣ съ нею легко и разрушаться (подъ гнетомъ образовательныхъ бѣдствій, посылаемыхъ испытующимъ Промысломъ). Нравы дики, и самое вліяніе христіанства мало еще ощутительно: одна правительственная сила его дѣйствуетъ, но сила нравственная почти ничтожна; церковные обряды и грубыя (?) монашескія понятія заглушаютъ (?) ее. И могло ли быть иначе въ сіи первые вѣка грубаго гражданства. Въ сіи вѣка то же самое представляетъ намъ и вся остальная Европа. Ярославъ, умирая, дѣлитъ Россію, но могъ ли онъ не раздѣлить ея? Какъ собственность, она принадлежитъ сыновьямъ

его по праву, а чистое понятіе о благѣ народномъ еще не существуетъ. Среди кровавыхъ междоусобій, подъ гнетомъ иноземнаго рабства, подъ игомъ необузданнаго восточнаго деспотизма, опредѣлено ему родиться и созрѣть, дабы наконецъ, озаривъ душу Петра и Екатерины, даровать прямое достоинство и русскому государю и русскому народу, введеннымъ въ великое семейство Европы“.

Въ этихъ замѣчаніяхъ ясно сказываются всѣ главныя политическія убѣжденія Жуковского: его преданность просвѣщенному Самодержавію, его патриотизмъ, его непоколебимая вѣра, что только неограниченная монархія могла создать нераздѣльность и могущество Россіи, и міра созерцаніе поэта, не чуждое протестантскаго оттѣнка.

Объясняя причины татарскаго ига, Жуковскій говоритъ:

„Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнью мира мужаетъ власть верховная, обезпечиваются установленіями права народа (твердую законностью утверждается на частномъ благоденствіи благоденствіе общее), становятся ясны взаимныя отношенія между государемъ и подданными: первый узнаетъ, что его сила во благѣ общемъ и неприкосновенности закона; послѣдніе, благоденствующие подъ защитою власти, убѣждаются, что покорность закону и свобода одно и то же. Тогда любовь и уваженіе властителя къ народу производятъ любовь и уваженіе народа къ властителю; тогда утверждается въ душахъ (глубоко врѣзывается въ сердца) и любовь къ отечеству, не то естественное чувство, коимъ лапландецъ прикованъ къ снѣжнымъ сугробамъ сѣвера, а бедуинъ—къ раскаленнымъ пескамъ пустыни, но высокое чувство благороднаго гражданина, для котораго въ одно слово *отечество* соединяется все, что драгоцѣнно душѣ человѣческой: и небо отчизны, и счастливая подъ нимъ страна отцовъ и братьевъ, и величіе властителя, неразлучное съ достоинствомъ cadaго, и свобода, хранимая закономъ, и дѣятельность мысли, непритѣсняемой подозрительнымъ самовластіемъ, отъ чего она немятежна и вѣрна порядку, и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее высокое назначеніе чловѣка, и религія, на все кладущая лучезарную печать свою, и въ минувшемъ славный примѣръ отцовъ, великихъ граж-

данскою доблестію, или мужествомъ браннымъ, или творческою мыслию, въ настоящемъ—чувство высокой, дѣятельно-полезной, ничѣмъ нестѣсняемой жизни, въ будущемъ—спокойное ожиданіе лучшаго. Съ такою любовію къ отечеству въ душѣ государя благоденствіе народное твердо, въ душѣ народа могущество государя непоколебимо.

„Но что же могло породить ее въ сіи времена раздоровъ, буйнаго самовластия и неразлучнаго съ нимъ безначалія? Понятіе о благѣ народа, начинавшее разсвѣтать въ душѣ Владиміра и Ярослава—кои, властвуя долго, могли постигнуть великія обязанности властителей—затмевается совершенно для ихъ послѣдователей. Среди волненія безпрестанныхъ браней, князья болѣе и болѣе приучаются видѣть въ народахъ своихъ одну бездушную собственность; вредя другъ другу, они спокойно льютъ кровь людей, раззоряютъ земли и предають ихъ (воюютъ между собою и своими враждами раззоряютъ отечество или предають его) на произволь иноземныхъ грабителей. Напрасно въ сей общей битвѣ раздастся примирительный голосъ Мономаха: его душа, пролетѣвшая, какъ свѣтлый призракъ благоденствія надъ мрачнымъ полемъ бѣдствій всеобщихъ, оставляетъ одно умиленное воспоминаніе потомкамъ; но жребій отечества не измѣняется. Князья съ неограниченною, но мало надежною властію, народъ съ безусловнымъ, но часто мятежнымъ рабствомъ, соединенные безъ любви взаимной единою необходимостію, ожесточаются среди междоусобій, ежеминутно возжигаемыхъ жаднымъ хищничествомъ, или неопредѣленностью наслѣдственнаго права, или родовою ненавистію, или прихотливымъ буйствомъ и мужествомъ безпокойнымъ. Въ семъ необузданномъ мятежѣ страстей *нравственная сила* государства исчезаетъ.

„Что же, однимъ словомъ, низвергло отечество наше въ сіе долговременное бѣдствіе? Съ одной стороны, раздробленіе государства, коимъ уничтожилась его сила матеріальная; съ другой—несчастное отношеніе государей къ подданнымъ, коимъ въ самомъ зародышѣ умерщвлена была его нравственная сила. Мы увидимъ, что съ утвержденіемъ первой и постепеннымъ развитіемъ послѣдней (въ могучее Самодержавіе) Россія воскреснетъ, своею силою возвратитъ свободу, и, наконецъ, облагороженная великою душою нѣкоторыхъ государей, займетъ свое мѣсто между

образованными державами Европы, дабы нѣкогда сравниться съ ними во всемъ, что составляетъ истинное достоинство всякаго государства“.

По поводу покоренія Россіи татарами, Жуковскій высказываль слѣдующіе политическіе выводы и религіозно-нравственныя соображенія:

„Извлекая изъ событій своихъ наставленія, она (исторія) говоритъ человѣчеству:

„Ничто не зиждется слабою волею человѣка; одинъ есть вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго—время! (оно послушно единому Богу); его рука на гробовой доскѣ минувшаго, подъ которою мирно истлѣваютъ поколѣнія, долго спорившія и враждовавшія между собою, пишетъ несомнительныя истины для временъ послѣдующихъ. Она говоритъ властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ, впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете—онъ васъ покинетъ; отвлечете его быстро впередъ, ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу, онъ васъ раздавитъ. Ваша сила не въ вашей верховной власти и великихъ правахъ ея, она въ достоинствѣ вашего народа: униженъ онъ, унижены и вы; онъ страждетъ, вы ненавистны; тогда могущество ваше на песокъ—первый вѣтеръ его опрокинетъ. (Ваше могущество не въ одномъ державномъ владычествѣ—оно и въ достоинствѣ и въ благоденствіи вашего народа). Она говоритъ народамъ: покорствуйте порядку; снесите съ достоинствомъ и твердостью бремя настоящаго; свергнуть его силою есть произвольно отворить жерло вулкана: лава его можетъ быть плодотворна, но для временъ отдаленныхъ; губить настоящее для пользы грядущаго есть преступленіе безумства, которое прихотливо зажигаетъ домъ свой, въ надеждѣ, что изъ пепла его воздвигнется лучшій. Наконецъ, она говоритъ каждому: храни святыню клятвы и закона; знай свое мѣсто и стой на немъ твердо; какъ человѣкъ, образуй себя нравственно (на землѣ для высшаго міра) и твори, что велитъ просвѣщенная совѣсть (совѣсть просвѣщенная христіанствомъ); какъ гражданинъ, совершай въполнѣ, что велитъ особенный долгъ твой; люби общее благо, но заботься только о вѣренномъ тебѣ частномъ: тамъ нѣтъ закона, гдѣ каждый законодатель; тамъ нѣтъ свободы, гдѣ каждый вла-

ститель; гдѣ каждый на своемъ мѣстѣ покоренъ закону, тамъ и для всѣхъ совокупно нѣтъ другого властителя, кромѣ закона. Таковы совѣты исторіи, которымъ мы властны послѣдовать. Но она говоритъ намъ и о неизбѣжномъ, о такомъ, гдѣ наша воля ничто передъ высшею, все одолѣвающею силою. Она говоритъ намъ, что бывають времена темныя, въ которыхъ для самаго зоркаго ока видимо одно только испытующее Провидѣніе и невидимы тайныя пути его. Счастливъ властитель, счастливъ народъ, которыхъ подобныя времена застають нераслабленными, которые въ стремительномъ ихъ потокѣ не теряють ни собственнаго достоинства, ни дѣятельности бодрой, ни сладкой надежды на лучшее. Чтобъ вѣрить сему лучшему, довольно произнести одно слово: Богъ! Исторія челоуѣчества есть Богъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сіи темныя времена испытанія наступають для Россіи во дни Георгія Всеволодовича; но они застають Россію разслабленною: нѣтъ единства, нѣтъ союза, нѣтъ нравовъ, нѣтъ истинной силы властителей, нѣтъ достоинства народнаго, нѣтъ государства. Такая Россія способна ли устоять передъ нашествіемъ великаго бѣдствія*?

* *
*

Очень важны для уясненія политическихъ воззрѣній Жуковскаго нѣкоторыя изъ его писемъ къ Наслѣднику Цесаревичу, относящіяся къ 30-мъ и особенно къ 40-мъ годамъ.

5 (17) ноября 1830 года Жуковскій писалъ изъ Веве своему царственному ученику: „Знайте только одно, что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда нибудь, чтобы государи своею жизнію, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостію, своею чистою любовію общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остальнаго міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то есть, къ вѣрному благу, неразлучному съ челоуѣческимъ достоинствомъ. *Тогда* можетъ имѣть силу *матеріальную*; но сила *нравственная* въ душѣ *государей*: ибо они могутъ быть дѣятельными представителями *справедливости* и *блага*“.

Французская революція 1830 года и польскій бунтъ, столь поразившіи Императора Николая Павловича, произвели сильное впечатлѣніе на Жуковскаго и отразились на его политическихъ воззрѣніяхъ. Въ 1832 году онъ уже не вмѣнялъ государямъ въ обязанность уваженіе къ общему мнѣнію и отзывался о „толпѣ“ не особенно почитательно. До 1830 года, къ слову сказать, Жуковскій, судя по всему, безусловно сочувствовалъ политикѣ Александра I относительно Польши. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ восторженно рассказывалъ съ чужихъ словъ о томъ, какъ Императоръ Николай, въ качествѣ польскаго короля, короновался въ Варшавѣ въ римско-католическомъ костелѣ, и о томъ, какъ поляки ликовали по поводу этого событія. За годъ до мятежа Жуковскій представлялъ Императору докладную записку, въ которой доказывалось, что Наслѣднику необходимо имѣть чело-вѣка, знающаго хорошо польскій языкъ и польскую литературу. Польская конституція не коробила Жуковскаго, не смотря на весь его монархизмъ, и онъ въ концѣ 20-хъ годовъ относился самымъ оптимистическимъ образомъ къ будущности русско-польскихъ отношеній и говорилъ, что Наслѣднику, когда онъ вступитъ на престолъ, нужно будетъ „на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугою союза“ (VI, 374).

Жизненный опытъ, сближеніе съ Императорскимъ Домомъ, размышленія надъ задачами воспитанія Наслѣдника Цесаревича и наблюденія надъ политической жизнью Запада — способствовали развитію и укрѣпленію монархическихъ убѣжденій Жуковскаго. Сочувствуя Самодержавію, онъ смотрѣлъ на него не глазами славянофиловъ, даже не глазами Карамзина, а съ точки зрѣнія поклонника императорскаго періода нашей исторіи. Жуковскій преклонялся не передъ Самодержавіемъ Іоанна III и Алексѣя Михайловича, а передъ Самодержавіемъ Петра I, Екатерины II и Александра I или, вѣрнѣе сказать, передъ тѣмъ будущимъ русскимъ Самодержавіемъ, которое онъ представлялъ себѣ, согласно своимъ идеаламъ. Все это ясно сказалось, между прочимъ, въ статьѣ о пожарѣ Зимняго дворца, написанной въ 1838 году и предназначавшейся для „Современника“. Называя Зимній дворецъ Кремлемъ нашей новой исторіи, Жуковскій такъ опредѣлялъ его историческое значеніе:

„Здѣсь представлялась уже возмужавшая Россія, Россія, сплоченная вѣками въ твердую, грубую массу, такую перешедшая въ руки Петра, имъ присвоенная Европѣ и со времянь его до нашихъ, подѣ рукою своихъ императоровъ, завоеваніями давшихъ ей все, что ей нужно, достигнувшая крайнихъ предѣловъ своего матеріальнаго могущества. Здѣсь вся новѣйшая Россія въ блистательнѣйшіе дни европейской ея жизни.

„Здѣсь Самодержавіе, перешедшее отъ царей къ императорамъ, слившись съ законностію и уваженіемъ къ человѣчеству, преобразовалось изъ древняго безотчетнаго самовластія во власть благотворную, животворную, образовательную, на твердой неприкосновенности которой стоитъ бытіе Россіи, внѣшняя сила ея и благоденствіе. Отсюда истекли всѣ тѣ законы и тѣ политическія измѣненія, кои въ послѣднее восьмидесятилѣтіе возвеличили, образовали, утвердили Россію и приготовили для нея великое будущее“.

Первое письмо къ Наслѣднику Цесаревичу, въ которомъ Жуковскій говорилъ о значеніи русскаго Самодержавія и объ его призваніи, было прислано поэтомъ его бывшему ученику изъ Берлина 30 августа 1843 года, когда будущему Александру II было уже 25 лѣтъ. Свѣтуя ни начинать никакого дѣла, не спросивъ себя: „А что скажетъ Богъ?“, Жуковскій писалъ: „Не думайте, чтобы вы могли устроить по волѣ своей будущее Ваше и Вашего народа. Нѣтъ, это — обманъ! Наполеонъ пережилъ свое созданіе, Петръ Великій, могучій нашъ созидатель, оставилъ намъ кучу обломковъ. Богъ не терпитъ въ своемъ царствѣ соперника. Онъ одинъ Создатель и во времени, и въ вѣчности. А наша сила въ покорности, то есть, въ исполненіи Божіей правды. Храните правду его во всякую минуту жизни, не отступайте отъ нея ни на волосъ, *soûte qui соûte*, не жертвуйте *настоящимъ вѣрнымъ* благомъ *вѣроятному будущему*, не будьте никогда *сами выше закона*, хотя вы сами законодатель; ибо законъ, нарушаемый Вами, впадаетъ и у другихъ въ презрѣніе. Бойтесь опаснаго правила, которое столько зла надѣлало въ свѣтѣ,—правила, что для *общаго*, такъ называемаго, *государственнаго блага* надобно жертвовать *частнымъ* (другими словами, для общаго добра позволять себѣ частныя несправедливости). Что такое *общее* благо? Идея, служащая часто маскою самыхъ зловредныхъ намѣреній,

самыхъ опасныхъ заблужденій. Общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ ли существовать благо въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ? Средства не оправдываются цѣлю. Изъ сѣмянъ неправды не произрастаетъ жатва благоденствія. Прибавлю Вамъ, какъ Наслѣднику русскаго престола: сохраните святыню Самодержавія во всей ея неприкосновенности. Изъ всѣхъ властей земныхъ самый святѣйшій характеръ, безпрекословно, имѣетъ Самодержавіе, ибо въ немъ самое простое выраженіе верховной божественной власти. Но въ то же время эта власть изъ всѣхъ земныхъ властей есть самая трудная для властителя: вся отвѣтственность лежитъ на немъ, но эта отвѣтственность не передъ людьми, а передъ Богомъ. Богъ молчитъ, а изъ людей говорятъ смѣло и громко только льстецы. Какая же сила души потребна тому, кто посреди этого говора, льстящаго всѣмъ страстямъ, долженъ слышать только этого молчащаго Бога, понятнаго только вѣрному передъ нимъ сердцу? Самодержавіе есть только высшая степень покорности Божіей правдѣ. Его опаснѣйшій врагъ есть самовластіе, въ которомъ мѣсто Божіей воли заступаетъ наша собственная, и мы изъ исполнителей этой высшей воли становимся ея врагами. И наказаніе самовластія заключается въ немъ самомъ: оно губитъ истинную власть. Однимъ словомъ, правда Божія, правда всегда, во всемъ, вездѣ, во что бы то ни стало. Ею одною сильны цари, она есть главное на землѣ, ибо главное есть душа человѣческая“.

При этомъ письмѣ Жуковскій посылалъ Наслѣднику Цесаревичу біографію его дѣда по матери, прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, на нѣмецкомъ языкѣ. Поэтъ говоритъ, что онъ, читая ее, плакалъ отъ умиленія, любви и благодарности, ибо жизнь Вильгельма III представляла „самое восхитительное зрѣлище“— „правду въ лицѣ государя, покорнаго исполнителя воли Всевышняго“.

Жуковскій указывалъ будущему Императору Россіи на короля Фридриха Вильгельма III, какъ на идеаль монарха. Въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, ярко проявилась та симпатія къ Германіи и ко всему нѣмецкому, которая наложила свой отпечатокъ на литературную дѣятельность Жуковскаго. Отнюдь неидеальный Фридрихъ Вильгельмъ III плѣнялъ Жуковскаго своими семейными доб-

родителями, своей любовью къ просвѣщенію и своей религіозностью,—и поэтъ ставилъ его на пьедесталъ и считалъ чуть ли не величайшимъ изъ монарховъ *).

17 (29) февраля 1848 г. Жуковскій, съ ужасомъ слѣдившій за успѣхами революціи и за широкимъ разливомъ антимонархическихъ, социалистическихъ и коммуническихъ идей на Западѣ, писалъ Наслѣднику Цесаревичу:

„Что скажетъ, смотря на это, Государь? Просвѣти Богъ его царскую, высокую душу! Болѣе нежели когда-нибудь утверждается въ душѣ моей мысль, что Россія посреди этого потопа (и кто знаетъ, какъ высоко подымутся волны его?) есть ковчегъ спасенія, и что она будетъ имъ не для себя одной, но и для другихъ, если только посреди этой бездны поплыветъ самобытно, *не бросааясь въ ея водоворотъ*, на твердомъ кораблѣ своемъ, держа его руль и не давая волнамъ *собою властвовать*. Я не политикъ и не могу имѣть довѣренности къ своимъ мыслямъ; но кажется мнѣ, что намъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ надобно китайскою стѣною отгородиться отъ всеобщей заразы. Мнѣ кажется, что Промыслъ въ этомъ событіи выражаетъ ясно и теперешній долгъ, и будущую судьбу Россіи: она есть *отдѣльный, самобытный* міръ; *самой себѣ* она тверда и неприкосновенна, *устремленная на*

*) Вотъ что писалъ Жуковскій изъ Франкфурта — на Майнѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ о кончинѣ Фридриха Вильгельма:

„Какъ праведникъ кончилъ дни свои Фридрихъ Вильгельмъ III, и какъ бы въ награду за 43 года чистѣйшей добродѣтели на тронѣ, Провидѣніе даровало ему все, что сердце, прощаясь съ жизнію, можетъ желать въ послѣднія минуты. Взглядъ его на прошедшее былъ безмятеженъ: тамъ передъ глазами его простиралась долготѣнная жизнь безъ пятна и упрека; взглядъ на будущее былъ одобрителенъ: тамъ еще невидимое, но уже близкое, было ошутительно присутствіе Бога-Искупителя, которому онъ былъ вѣренъ и въ помышленіяхъ, и въ дѣлахъ своихъ; а настоящее, хотя уже мгновенное, было для него полно отрады: все, что любилъ онъ на свѣтѣ, было передъ нимъ, и болѣзнь не лишила его возможности насладиться присутствіемъ покидаемыхъ: глаза его могли еще узнать милыя лица, родные голоса были ему еще внятны, и языкъ, и рука его могли благословлять. Приготовляясь молитвою къ сей великой минутѣ, какъ бы къ святому причастію, и дѣти, и внуки его стояли на коленяхъ передъ постелью умирающаго; не было отсутствующаго: всѣ были налицо. Самъ Государь Императоръ, вызванный изъ Варшавы Императрицею, во время прибылъ въ Берлинъ, дабы занять свое мѣсто въ этомъ семейномъ кругу. (Онъ былъ узнанъ и ему было сказано нѣжное прощальное слово). Наконецъ, посреди ситхъ молящихся дѣтей пришелъ ангелъ смерти, разрѣшилъ

внѣшнее, она только можетъ растратить свои силы и чужимъ потрясеніемъ разрушить свое собственное зданіе“.

Въ этомъ письмѣ Жуковскій въ первый разъ (6 марта 1848 года) сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу нѣсколько новостей о революціонномъ броженіи въ Германіи.

„А наша святая Россія! О, она тверда собственною силою. Она еще не заражена тѣмъ тифусомъ, который теперь свирѣпствуетъ въ политическомъ тѣлѣ всей Европы! Ея сила стоитъ на святомъ вѣковомъ фундаментѣ Самодержавія, и она устоитъ на немъ, если Самодержавіе само своимъ могуществомъ не ослабитъ себя. У насъ еще нѣтъ пролетаріевъ; есть искусственные пролетаріи, но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко и уничтожить*.

„Необходимость Самодержавія есть всеобщее народное убѣжденіе; оно еще не потрясено никакими вредными вліяніями (хотя и есть у насъ нѣсколько очумленныхъ, но они безъ вліянія и голоса).

„Окруженный этою бездною волненія, въ которую бросили меня обстоятельства, смотрю съ ободрительною надеждою на Востокъ нашъ, гдѣ сіяетъ самобытное величіе Россіи, смотрю на колонну Александрову, на которой такъ твердо стоитъ Ангель,

ожидавшую его душу и тихо съ нею удалился. Назвать ли это смертію? Слово утрата прилично ли такому блаженному переходу отъ темной земли къ свѣтлому небу? разлука ли это или сладостное подтвержденіе нашихъ надеждъ на свиданіе и неразлучность? И тѣ, кому дано было вкусить подобную минуту въ жизни, назовутъ ли ее обыкновеннымъ именемъ несчастія, тогда какъ сама по себѣ она есть представитель всего, что намъ дорого, свято и на землѣ, и за землею, когда воспоминаніе о ней есть одно изъ вѣрныхъ сокровищъ собираемыхъ въ жизни, которой ежедневныя желанныя блага такъ незначительны и непрочны!“ (VI, стр. 620—621). Нужно ли доказывать, что Жуковскій идеализировалъ Фридриха Вильгельма III? Онъ упускалъ изъ виду его нерѣшительность, отсутствіе инициативы, склонность поддаваться окружающимъ вліяніямъ, шаткость въ убѣжденіяхъ, слабо развитое чувство королевскаго достоинства, недостатокъ государственныхъ дарованій и вытекавшее изъ всего этого малодушную, неустойчивую и не лишенную коварства политику.

*) По поводу этого мѣста г. Ефремовъ замѣчаетъ: Жуковскій разумѣетъ крѣпостное право, имѣвшее очень мало общаго съ западно-европейскимъ рабствомъ. Онъ зналъ, что именно въ 1848 году Николай Павловичъ созвалъ комитетъ объ отиѣнѣ этого права.

побѣдитель змѣя, и повторяю то, что сказала (30 августа 1834 года) въ ту минуту, когда открылась передъ нами эта колонна, эмблема прошедшаго и будущаго: „Не вся ли это Россія? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ шумокъ древнихъ междоусобій, подъ громомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая во едино и обтесанная рукою Петра и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангель, вѣнчающій эту колонну, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боевого созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ, и не иначе выпадетъ изъ нихъ, какъ для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, нынѣ безопасная, врагу недоступная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, спокойнаго приобрѣтенія всѣхъ истинныхъ сокровищъ гражданской жизни; что, опираясь всѣмъ западомъ на Европу (но не завися отъ ея вліянія), всѣмъ югомъ на богатую Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана, богатая и добрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для живой промышленности, она, какъ удобренне поле, кипитъ брошеною въ ея нѣдра жизнію и готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствія, ввѣренная Самодержавію, которымъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила и котораго символъ нынѣ открытъ передъ нею царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела; имя его--Божія правда“. (VI, 543---544).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Наслѣднику, не имѣющемъ даты, по всей вѣроятности, написанномъ въ половинѣ марта 1847 года, Жуковскій снова развивалъ свой взглядъ на самобытное призваніе Россіи и на задачи русскаго Самодержавія.

„Все, что необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у насъ есть. Наши завоеванія никогда не были чисто завоевательными, а только образовательными приобрѣтеніями. Всѣ попытки на всемірную монархію, начиная съ Карла Великаго до Наполеона, выходили отъ запада. Властолюбіе не есть характеръ Россіи. Теперешнія происшествія болѣе,

нежели когда-нибудь, уязвляютъ ей на ея судьбу и на ея будущее назначеніе. (Ей нужно) Самодержавіе неограниченное, отеческое Самодержавіе, хранящее Божію правду, исполняющее ее для всѣхъ и каждаго, берегущее все законное, все, на что дано отъ Бога неотъемлемое право всѣмъ и каждому,--Самодержавіе, нѣкогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русскаго царства; имъ однимъ и во дни всемірныхъ бѣдствій сохранится наше великое отечество. Мы стоимъ отъ всего въ сторонѣ, стоимъ твердо; мы можемъ обойтись безъ Европы, мы не будемъ отброшены, какъ они кричатъ, въ Азію; мы—христіане; мы заняли образованіе у Европы и употребимъ его по своему для себя; мы можемъ не быть принадлежностію Европы. Мы не будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія, не борть, прицѣпленный къ кораблю европейскому, а крѣпкій русскій корабль перваго ранга, отдѣльно отъ другихъ, подъ своимъ флагомъ, плывущій путемъ своимъ“ (VI, 538).

Въ этомъ письмѣ Жуковскій впервые высказалъ убѣжденіе въ культурной самобытности Россіи, въ томъ, что мы не будемъ ни Азія, ни Европа, а также и въ томъ, что для сохраненія самобытности и политическаго могущества Русскаго царства нельзя обойтись безъ Самодержавія,

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Наслѣднику, посланномъ изъ Эмса 4 (16) іюня 1848 года и написанномъ въ самый разгаръ революціи, охватившей всю Германію, Жуковскій подробно излагаетъ свой взглядъ на историческое призваніе Россіи и ея особенности, который у него выработывался мало по малу и окончательно сложился лишь къ концу жизни, подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ и грозныхъ событій 1848 года, страшно поразившихъ незлобливаго и кроткаго поэта и раскрывшихъ ему глаза на многое изъ того, что онъ понималъ прежде не совсѣмъ ясно. Эмское письмо, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ яркихъ проблесковъ русскаго національнаго и политическаго самосознанія. Конечно, теперь мы не найдемъ въ немъ ничего новаго, но оно и въ наше время читается съ величайшимъ удовольствіемъ, какъ изящное, сжатое и мѣткое выраженіе русской точки зрѣнія на исторію Запада и на все наше прошлое и будущее.

„Благодатныя тревоги семейной жизни, говоритъ Жуковскій въ эскомъ письмѣ, познакомили меня съ жизнью и заставили болѣе любить ее и уважать; а тревоги народныя, со всѣхъ сторонъ меня окружающія, заставили болѣе любить и уважать Россію. Будущая судьба ея, которой возможность мнѣ представляется такъ ясно, наполняетъ душу мою благоговѣніемъ“.

Нѣсколькими строками далѣе Жуковскій писалъ: „Для меня теперь стало еще яснѣе, что ходъ Россіи не есть ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія. Россія съ самаго начала ея исторической жизни шла своимъ отдѣльнымъ путемъ; этотъ путь не измѣнялся, имѣлъ какое-то удивительное постоянство, несмотря на многочисленныя потрясенія, которыя она испытала отъ раздѣленія, произведшаго столько междоусобій, и, наконецъ, татарскаго ига, уничтоженнаго Самодержавіемъ, съ утвержденія котораго начинается самобытность и сила Россіи. Но Самодержавіе таилось въ ней и во дни междоусобій, и иноземнаго владычества; оно явилось во всемъ историческомъ блескѣ своемъ въ ту минуту, когда басма растоптана была Великимъ Іоанномъ, истиннымъ создателемъ ея величія. Двѣ силы, исходящія изъ одного источника, видимо, властвуютъ ея судьбою, и власть ихъ въ продолженіе вѣковъ ничѣмъ не измѣнилась. Такого единства не представляетъ никакая исторія народовъ европейскихъ. Эти двѣ силы утверждаютъ навсегда ея самобытность и неприкосновенность и разовьютъ ея внутреннюю жизнь, если, оставшись неизмѣнными въ своей сущности, будутъ слѣдовать за историческимъ ходомъ ея, ему содѣйствовать, съ нимъ развиваться и въ то же время направлять его могущество, имъ властвовать. Эти двѣ силы суть: Церковь и Самодержавіе. Одна, Самодержавіе, — хранитель возможнаго земнаго порядка, дарователь возможнаго земнаго благоденствія; другая, Церковь, — дополнитель земнаго, несовершеннаго благами высшими, на землѣ невозможными, но дающими земнымъ благамъ ихъ истинное значеніе. Эти двѣ силы, благодареніе Богу, въ Россіи сохранены, и еще ничто доннѣ ихъ не поколебало. Когда взглянемъ на другія христіанскія государства, увидимъ, что во всѣхъ и церковная власть, и державная испытали болѣе или менѣе измѣненія. Реформація, — видимый источникъ или, вѣрнѣе сказать, первый выходъ наружу

того, что теперь такъ могущественно и всеобъятно дѣйствуетъ,— реформація имѣла такое же вліяніе на власть Церкви. Вооружившись противъ злоупотребленій власти церковной, она потрясла и самую власть церкви. Взбунтовавъ демократическій умъ противъ единодержавія и неподсудимости церкви, она поколебала уваженіе къ высшему и произвела неуваженіе ко всему остальному. Съ тѣхъ поръ начался мятежъ противъ всякаго авторитета. Онъ пошелъ двумя дорогами: на одной—съ авторитетомъ церкви поколебалась вѣра въ Св. Откровеніе; изъ этого произошелъ рационализмъ (или умственное невѣрующее христіанство), изъ него деизмъ (отверженіе личнаго Бога) и, наконецъ, атеизмъ (отверженіе существа Божія). На другой—понятіе о власти державной, исходящей отъ Бога, уступило нелѣпому понятію общественнаго договора; изъ него самодѣльная представительная монархія, которой послѣднимъ выводомъ будетъ демократія, а въ ней таится коммунизмъ; сперва опрокинуто все историческое, теперь грозятся на право собственности, послѣднимъ результатомъ должно быть уничтоженіе семейства. Если этого не будетъ, ибо это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, къ этому все идетъ политическимъ ходомъ“.

„Къ этимъ крайностямъ, говоритъ Жуковскій далѣе, Европу привели злоупотребленія власти духовной и свѣтской.

„Обративъ глаза на Россію, мы должны будемъ сказать, что ея исторія представляетъ совсѣмъ иное зрѣлище. Если Россія недостигла того гражданскаго развитія, какое мы находимъ въ остальной Европѣ, то въ ней сохранились неприкосновенными главные основные элементы, которыми держится бытіе всякаго государства. У насъ ни Церковь, ни державная власть не имѣли реформации. Наша Церковь (со времени раздѣленія Церкви на восточную и западную) осталась тверда на своемъ апостольскомъ основаніи: съ ея неприкосновенностію сохранилась неприкосновенность и всякой другой святыни. Церковь была во всѣ времена хранителемъ и спасителемъ, какъ самой Россіи въ ея матеріальной цѣлости, такъ и святости правилъ ея властителей, которыми держится эта цѣлость. Съ другой стороны, власть державная, несмотря на всѣ волненія, которымъ подвержено было государство, осталась неприкосновена въ своемъ началѣ, то-есть въ понятіи о божественности ея происхожденія, проповѣдуемомъ Церковью,

и въ ея исторической законности, утвержденной всѣми событіями отъ начала Россіи до настоящаго времени. Въ нашей исторіи мы видимъ примѣръ низверженія властителей; но власть никогда не была опровергнута. Были мятежи народные, но мятежь всегда былъ признаваемъ за преступленіе, никогда не проповѣдывалось право мятежа, ибо такое право такъ же существовать не можетъ, какъ право самовластія. И если мы видимъ, что мятежь всегда производится злоупотребленіемъ власти, то послѣднее его не оправдываетъ; онъ есть необходимое слѣдствіе причины, отзывъ, производимый звукомъ. Отъ Рюрика до смерти Θεодора Іоанновича одинъ и тотъ же Домъ царствуетъ; сквозь всѣ вѣка протянулась одна цѣпь наслѣдственности, которая не была прервана ни междоусобіями, ни плѣномъ татарскимъ, которая только въ короткій періодъ отъ Годунова до московскаго сліянія была раздернута, дабы тверже соединить звенья свои, когда весь русскій народъ, основываясь на ученіи евангельскомъ и на преданіяхъ праотцевъ, провозгласилъ Самодержавіе, которое, перешедъ въ руки Романовыхъ, осталось тѣмъ же, какое было до ихъ избранія. Россія другого не знаетъ. То, что теперь на западѣ Европы пришло въ такой безпорядокъ, въ такую запутанность и неясность (*liberté, fraternité, souverainité du peuple*) при всей всеобъемлющей образованности, то у насъ просто и ясно, несмотря на наше неразвитіе. Отъ этой запутанности основныхъ началъ, на которыхъ стоитъ порядокъ, Европа можетъ отвлечь свою образованность и впасть въ первобытное варварство. Напротивъ, Россія, отъ ясности и простоты основныхъ началъ, можетъ вѣрнымъ, хотя медленнымъ путемъ, дойти до истинной образованности и утвердить на ней свое благодѣтельство.“

Эмское письмо замѣчательно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что Жуковскій, религіозность котораго напоминала скорѣе протестантскій піэтизмъ, чѣмъ теплую вѣру русскаго человека,* указываетъ въ немъ на неразрывную связь Самодержавія

*) До эмскаго письма Жуковскій нигдѣ и никогда не упоминалъ о преимуществахъ Православія передъ римскимъ католицизмомъ и протестантизмомъ. Въ различіе вѣръ онъ не любилъ вдумываться. О томъ же, какъ поверхностно онъ судилъ о значеніи Православія для древней Россіи, можно судить по его историческимъ наброскамъ, которые у насъ были приведены. Замѣтимъ кстати, что въ „Планѣ ученія“ Наслѣдника, написанномъ въ 1826 году, Жуковскій относилъ къ праздничнымъ днямъ лишь воскресные и царскіе

съ Православной Церковью, какъ хранительницы христіанства въ его чистомъ видѣ. 1848 годъ отразился не только на политическихъ, но и на религіозныхъ взглядахъ Жуковскаго.

Идеи о Самодержавіи, развиваемыя Жуковскимъ въ его письмахъ къ Наслѣднику, высказываются поэтомъ и въ письмѣ къ графу Ш---ку, написанномъ въ половинѣ 1848 года (VI, 195), и въ небольшой замѣткѣ „Самоотверженіе власти“ (VI, 173), набросанной тоже въ 1848 году.

Въ письмѣ къ графу Ш---ку Жуковскій начинаетъ съ отрицанія завоевательныхъ плановъ у Россіи. При этомъ онъ указываетъ, что для могущества Россіи нужно не внѣшнее расширеніе, а внутреннее сосредоточеніе, что дальнѣйшія территоріальныя пріобрѣтенія принесли бы Россіи только вредъ, что она никогда не была завоевательнымъ государствомъ, что всѣ ея завоеванія были вызваны необходимостью, что стремленіе создать всемірную монархію принадлежало исключительно Западу и т. д. Повторивъ почти дословно о самобытности Россіи то, что было сказано въ одномъ изъ писемъ къ Наслѣднику, Жуковскій продолжалъ: „Такъ, скажу вопреки всѣмъ любимымъ теоріямъ нашего времени, судьба Россіи заключается въ развитіи Самодержавія, которое (столь же великое въ своемъ знаменованіи, какъ велика вѣрренная ему отъ Бога Россія) вмѣстѣ съ нею растеть, созрѣваетъ и очищается, часъ отъ часу ближе подходя къ своему божественному смыслу, который не есть, какъ говорятъ отрицатели власти, произволь царя и рабство народа, а слово евангельское: всякая власть исходитъ отъ Бога. Въ развитіи Самодержавія, которое не есть хартія, написанная рукою человѣческою, а вѣра, глубоко врѣзанная въ душу народа рѣзцомъ судьбы его; Самодержавія, которое, опираясь на Божию правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всѣхъ потрясеній, медлительнымъ

дни, первые четыре дня святой недѣли, да святки, отъ Рождества Христова до Новаго года (VI, 339). Выходить, такимъ образомъ, что Наслѣдникъ, по плану Жуковскаго, долженъ былъ заниматься, какъ въ будни, даже въ такіе праздники, какъ дни Крещенія и Вознесенія Господня и т. д. На праздничный отдыхъ, какъ и на многое другое, Жуковскій смотрѣлъ съ нѣмецкой или, вѣрнѣе сказать, протестантской точки зрѣнія

путемъ законности къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся, къ свободѣ, а эта свобода не иное что, какъ личное благоденствіе всѣхъ и каждого, хранимое властію, не жертвуемее призраку благоденствія общаго, а его въ своемъ итогѣ производящее“.

Въ статьѣ „Самоотверженіе власти“ Жуковскій излагаетъ руководящія начала, которыхъ должны держаться христіанскіе самодержавные монархи: „Въ мірѣ христіанскомъ Самодержавіе есть послѣднее звено между человѣческою и Божіею властію; по своему непосредственному происхожденію отъ Бога, она имѣетъ свойство его неограниченности; по своему переходу отъ Бога къ человѣку, она должна имѣть эту самобытную подчиненность высшей власти, эту необходимую границу, которую Іоаннъ Миллеръ выразилъ въ словахъ: *умѣренность, порядокъ*, и которая есть не иное что, какъ Божія правда въ ея примѣненіи къ дѣламъ человѣческимъ. Умѣренность (оставаясь при выраженіи великаго историка) даетъ верховной власти ея истинную силу и благотворность; ибо это произвольное держаніе себя въ непреступимыхъ границахъ, это свободное признаніе надъ собою владычества высшаго, это вступленіе, такъ сказать, съ нимъ въ союзъ наступательный и образовательный въ пользу блага—есть дѣйствіе самаго неограниченнаго Самодержавія, пишущаго своеручно самому себѣ непреложный законъ, заимствованный изъ вѣчной правды, дабы этотъ чистый законъ былъ источникомъ всякаго законодательства въ дѣлахъ человѣческихъ. И вѣрность этому закону—всегда, вездѣ, во всемъ—есть твердѣйшее огражденіе самой власти; ибо тогда и законъ человѣческой становится Божіею правдою, исходя изъ власти, Божіею правдою проникнутой. Когда онъ будетъ вмѣстѣ съ нею исходить изъ одного и того же источника, тогда онъ будетъ обязательенъ по своей божественной природѣ, а не по одной силѣ человѣческой, его налагающей и берегущей его страхомъ наказанія“. Въ концѣ замѣтки Жуковскій разъяснялъ свою мысль цѣлымъ рядомъ сравненій: „Власть неограниченная, говоритъ онъ, есть самый высокій и самый опасный даръ человѣку отъ Бога. Сама по себѣ она есть то же, что добро. Богъ всемогущъ, потому самому онъ и благъ. Но человѣкъ не Богъ; чтобы не упасть подъ бременемъ всемогущества, ему надлежитъ опереться на Бога. Не

для единого блага другихъ, но и для собственнаго сохраненія онъ долженъ своимъ могуществомъ ограничить свое могущество: тогда онъ будетъ знать и объемъ своей власти, и путь, съ котораго не должно ей сбиваться. Онъ будетъ мореходецъ, полновластный господинъ корабля своего, но покорный слѣдователь указаніемъ компаса, съ которымъ, обтекая моря, при попутномъ вѣтрѣ, избѣгнетъ подводныхъ камней, а въ бурю спасетъ и корабль свой, и спутниковъ, и самого себя. Этотъ компасъ мореходца есть не иное что, какъ покорность вѣчной правдѣ; она одна даетъ вѣрность и стройность дѣйствіямъ власти, держа въ уздѣ страсть, которая все путаетъ и бѣшено отдаетъ на жертву настоящее будущему, необходимое желаемому и установленное причудъ“.

Послѣдняя замѣтка политическаго характера была написана Жуковскимъ въ 1850 году. Она состоитъ всего изъ нѣсколькихъ строкъ и посвящена свободѣ. Предъявляя къ христіанскому Самодержавію самыя возвышенныя нравственныя требованія, Жуковскій не видѣлъ въ немъ ничего общаго съ деспотизмомъ и поэтому былъ далекъ отъ мысли считать его несомѣстимымъ съ свободою, которую онъ, какъ мы уже видѣли, отождествлялъ съ законностью и отсутствіемъ произвола. „Быть рабомъ, писалъ Жуковскій (VI, 251), есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь, въ высокомъ смыслѣ этого слова, отецъ поданныхъ, также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженія его, какъ отецъ не можетъ любоваться низостью своихъ дѣтей“. Очевидно, что Самодержавіе, которое проповѣдывалъ Жуковскій, вытекало изъ патріархальнаго возрѣнія на государственное право. Жуковскій хотѣлъ, чтобы монархи относились къ подданнымъ съ отеческой любовью и чтобы подданные оказывали имъ сыновнее послушаніе,

* *

Политическіе взгляды Жуковскаго интересны не только сами по себѣ, но и потому, что они наложили свой отпечатокъ на образъ мыслей императора Александра II. Извѣстно, что Жуковскій имѣлъ вліяніе на своего царственнаго ученика. Отголосокъ этого вліянія сохранился, между прочимъ, въ одномъ четверо-

стишіи великаго князя Александра Николаевича, которое можно было видѣть въ 1901 году на дѣтской выставкѣ въ Парижѣ. Корреспондентъ „Новаго Времени“, описывая выставку, привелъ и это интересное четверостишіе.

„Вотъ портретъ Александра II и надъ нимъ листъ бѣлой бумаги, исписанный императоромъ, когда ему было 12 лѣтъ. На верхней строкѣ большими буквами заглавіе: „Петръ Великій“. Затѣмъ.

Въ почтеньи къ должности ему подобныхъ нѣтъ.

Его назваль великимъ свѣтъ

За то, что съ высоты властительнаго трона,

Неподсудимый, онъ былъ рабъ закона.

Подъ стихами орнаментная, старательно выведенная, линия и посвященіе:

„Моему безцѣнному Василию Андреевичу Жуковскому. Александръ. 28-го генваря 1829 года“.

Великій князь Александръ Николаевичъ представлялъ себѣ Петра Великаго *вѣрнымъ рабомъ закона*, очевидно, подъ вліяніемъ В. А. Жуковскаго.

VII.

Г о г о л ь,

Гоголь былъ, какъ и Жуковскій, поклонникъ царской власти. Русскую форму правленія онъ считалъ наилучшимъ режимомъ, возлагалъ на нее великія надежды, вѣрилъ, что она готовится для Россіи свѣтлое будущее, и предрекалъ, что, если западная Европа достигнетъ разрѣшенія всѣхъ терзающихъ ее соціально-политическихъ диссонансовъ, то не иначе, какъ путемъ возрожденія и утвержденія строго монархическихъ началъ. Въ разсужденіяхъ Гоголя нѣтъ ясной, вполне выработанной теоріи, но въ нихъ попадаются мѣткія, глубокія мысли и замѣчанія, вытекавшія изъ вѣры Гоголя въ значеніе религиозно-нравственной стороны русскаго Самодержавія, въ его мистическій характеръ. Читая политическія размышленія Гоголя, нельзя не замѣтить, что онъ находился подъ вліяніемъ имперіализма Данта и его знаменитаго сочиненія „De monarchia“.

Свой взглядъ на царскую власть Гоголь высказалъ въ письмѣ къ Жуковскому, напечатанномъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, подъ заглавіемъ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“. Основная мысль этого письма заключается въ томъ, что въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй, именно—что-то близкое къ библейскому.

„Наши поэты видѣли всякій высокій предметъ въ его соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма--Богомъ, и это сказывалось у нихъ, когда они говорили о Россіи и о Царѣ, когда Державинъ и другіе даровитѣйшіе русскіе поэты касаются Россіи и являютъ богатырски-трезвую силу, которая временами даже соединяется съ какимъ-то невольнымъ пророчествомъ о Россіи. Это объясняется какимъ-то невольнымъ прикосновеніемъ мысли къ Верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ въ судьбѣ Россіи.

„Зачѣмъ ни Франція, ни Англія, ни Германія... не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Россія?—Затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божію руку на всемъ, что ни сбывается съ ней, и чуетъ приближеніе иного царствія“.

Прежде чѣмъ идти далѣе, намъ необходимо выяснитъ, что разумѣлъ Гоголь подъ этимъ „инымъ“ царствіемъ.

Гоголь, проливавшій сквозь зримый міру смѣхъ незримыя міру слезы о печальныхъ и пошлыхъ проявленіяхъ русской жизни, былъ самаго высокаго мнѣнія о даровитости и благородствѣ духовной природы русскаго человѣка. Будущность Россіи представлялась ему въ таинственно-грандіозномъ и дивно-прекрасномъ видѣ. Кто не помнитъ вдохновеннаго поэтическаго стихотворенія въ прозѣ, которымъ заканчивается первая часть „Мертвыхъ душъ“? Сравнивая историческое развитіе Россіи съ ѣздой бойкой, необгонимой тройки, отъ которой все отстаетъ, Гоголь восклицалъ: „Не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это, наводящее ужасъ, движеніе?... Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчики; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“. Отвѣтъ, котораго „не

даеть Русь“, даль за нее Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, въ концѣ статьи „Свѣтлое воскресніе“, выражая упованіе, что праздникъ Свѣтлаго воскресенія воспразднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ. „Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и вобрать въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней. Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа—доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердець нашихъ призывала сама собою Его слово; что есть уже начало братства Христова въ самой нашей славянской природѣ, и побратаніе людей было у насъ роднѣе дома и кровнаго братства, что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противу сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія видятся въ Европѣ и которыя поставляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними; что есть, наконецъ, у насъ отвага, никому несродная, и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, на примѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, все, позорящее высокую природу чловѣка,—то съ болью собственнаго тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имуществъ, жгли дома свои и земные достатки, такъ рванется у насъ все сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ: ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды—все бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія—одинъ чловѣкъ“.

Итакъ, подъ „инымъ царствіемъ“, которое прозрѣвалъ Гоголь для Россіи, онъ понималъ превращеніе ея въ истинно христіанское государство, въ которомъ люди будутъ соединены братской любовью и единомышленнымъ стремленіемъ къ религіозно-нравственному совершенству. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы понять надлежащимъ образомъ тѣ, нѣсколько туманныя, страницы, которыя посвятилъ Гоголь царской власти въ письмѣ „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“. Въ этомъ письмѣ Гоголь говорить о царяхъ не

только, какъ о защитникахъ, правителяхъ и законодателяхъ русской земли, но и какъ объ ея духовныхъ вождяхъ, которые должны призывать и вести своихъ подданныхъ къ подвигамъ всенародной любви, всенароднаго самоотверженія и всенароднаго покаянія. Въ словахъ Гоголя есть много такого, что ему самому представлялось неяснымъ, но въ общемъ его основная мысль вполне понятна: онъ видѣлъ въ русскихъ царяхъ монарховъ, взирающихъ на свое служеніе исключительно съ религіозной точки зрѣнія, живущихъ для блага своего народа, всѣми силами содѣйствующихъ Церкви въ ея просвѣтительныхъ цѣляхъ и непрестанно руководимыхъ высокими идеалами христіанскаго долга и христіанскаго братства. Если бы Гоголь дожилъ до освобожденія крестьянъ и до призыва Александромъ II русскаго дворянства къ жертвамъ во имя реформы 19 февраля 1861 года, онъ, вѣроятно, указалъ бы на нее, какъ на событіе, наглядно объясняющее его мысль.

Переходя къ высокому лиризму, который вызывался у нашихъ поэтовъ любовью къ Царю, Гоголь говоритъ: „Отъ множества гимновъ и одъ царямъ, поэзія наша, уже со временъ Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выраженіе. Что чувство въ ней искренно, объ этомъ нечего и говорить. Только тотъ, кто надѣленъ мелочнымъ остроуміемъ, увидитъ здѣсь лесть и желаніе получить что-нибудь... Но тотъ, кто болѣе, нежели остроумецъ, кто мудръ, тотъ остановится передъ тѣми одами Державина, гдѣ онъ очерчиваетъ властелину широкой кругъ его благотворныхъ дѣйствій... Тутъ многое такъ сказано сильно, что если бы даже нашелся такой государь, который позабылъ бы долгъ свой, то, прочитавши сіи строки, вспомнить онъ вновь его и умилился самъ передъ святостью званія своего“. Выясняя смыслъ и задачи „полнѣйшаго развитія“ царской власти и „величество“ царскаго званія, Гоголь ссылается на слова Пушкина, уподоблявшаго полномочнаго монарха капельмейстеру оркестра, приводитъ стихотвореніе Пушкина „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“, въ которомъ Императоръ Николай сравнивается съ Моисеемъ, и затѣмъ говоритъ: „Оставимъ личность Императора Николая и разберемъ, что такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремиться ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и въ

правъ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба миллионовъ его собратій, кто страшною отвѣтственностію за нихъ передъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ быть, незримо такія слезы и страдаетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ухахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій, тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно-кружащееся племя, которое суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя самихъ созданныхъ, кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило крикомъ не о правосудіи небесномъ, предъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ, все, что не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобъ одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самага, отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобъ чрезъ то стать ближе равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ“.

Въ только что приведенномъ отрывкѣ Гоголемъ выражены три мысли объ особенностяхъ и происхожденіи полномочной власти монарховъ-помазанниковъ:

1) Ихъ отвѣтственность передъ Богомъ такъ страшна и такъ велика, что несправедливо и безцѣльно подвергать ихъ какой бы то ни было отвѣтственности передъ людьми. Гоголь, очевидно, думалъ, что тяжкая отвѣтственность царей передъ Богомъ служить такою гарантіей, какой не могутъ дать никакія конституціонныя хартіи.

2) Гоголь не видѣлъ въ неограниченной христіанской монархіи ничего общаго съ деспотизмомъ. Въ ея учрежденіи онъ видѣлъ, прежде всего, актъ *любви* Божіей къ людямъ. Краеуголь-

нымъ камнемъ христіанскаго Самодержавія онъ считалъ безграничную любовь государя къ народу.

3) Объясненіе и оправданіе полномощной власти христіанскихъ монарховъ заключается въ народномъ благѣ, ибо только тотъ можетъ быть равно близокъ всѣмъ и одинаково возлюбить всѣхъ, кто стоитъ на недосыгаемой для обыкновенныхъ смертныхъ высотѣ и обладаетъ всею полнотою власти.

Исходя изъ этихъ положеній, Гоголь писалъ:

„Поэты наши прозрѣвали значеніе высшее монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ, наконецъ, сдѣлаться весь одна *любовь* и, такимъ образомъ, станетъ видно всѣмъ, почему государь есть образъ Божій, какъ это признаетъ покуда чутьемъ вся земля наша. Значеніе государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ государяхъ высшую Божескую любовь къ народамъ. Уже раздаются вопли страданій душевныхъ всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, и мечется, бѣдный, не зная самъ, какъ и чѣмъ себѣ помочь: всякое постороннее прикосновеніе жестоко разболѣвшимся ранамъ; всякое средство, всякая помощь, придуманная умомъ, не принести ему цѣленія. Эти крики усилятся, наконецъ, до того, что разорвется отъ жалости и безчувственное сердце, а сила еще доселѣ небывалаго состраданія вызоветъ силу другой, еще доселѣ небывалой, любви. Загорится челоуѣкъ любовью ко всему челоуѣчеству, такую, какую никогда еще не загорался. Изъ насъ, людей частныхъ, возымѣтъ такую любовь во всей силѣ никто не можетъ: она останется въ идеяхъ и мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполнѣ одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ любить всѣхъ, какъ одного челоуѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единого челоуѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое; возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся челоуѣчеству, и котораго прикосновеніе будетъ не жестоко его ранамъ, который одинъ можетъ только внести примиреніе во всѣ

сословія и обратитъ въ стройный оркестръ государство. Тамъ только исцѣлится вполнѣ народъ, гдѣ постигнетъ монархъ высшее значеніе свое—быть образомъ Того на землѣ, Который Самъ есть любовь! Въ Европѣ не приходило никому въ умъ опредѣлить высшее значеніе монарха. Государственные люди, законоискусники и правовѣдцы смотрѣли на одну его сторону, именно какъ на высшаго чиновника въ государствѣ, поставленнаго отъ людей, а потому не знаютъ даже, какъ быть съ этою властью, какъ ей указать настоящія границы, когда, вслѣдствіе ежедневно измѣняющихся обстоятельствъ, бываетъ нужно то расширить ея предѣлы, то ограничить ее; а черезъ это и государь, и народъ поставлены между собою въ странное положеніе: они глядятъ другъ на друга чуть не такимъ же точно образомъ, какъ на противниковъ, желающихъ воспользоваться властью одинъ на счетъ другого. Высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, а не законовѣдцы; услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи въ ея законномъ видѣ, оттого и звуки ихъ становятся библейскими всякій разъ, какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово „царь“! „Царственные гимны нашихъ поэтовъ, писалъ Гоголь, возвращаясь къ своей мысли въ другомъ мѣстѣ, изумляли самихъ чужеземцевъ своимъ величественнымъ складомъ и слогомъ. Еще недавно Мицкевичъ сказалъ объ этомъ на лекціяхъ Парижу, и сказалъ въ такое время, когда и самъ онъ былъ раздраженъ противъ насъ, и все въ Парижѣ на насъ негодовало. Не смотря, однакожъ, на то, онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ нашихъ поэтовъ ничего нѣтъ рабскаго, или низкаго, но, напротивъ, что-то свободно величественное и тутъ же, хотя это не понравилось никому изъ земляковъ его, отдалъ честь благородству характеровъ нашихъ писателей. Мицкевичъ правъ“.

Указанія Гоголя на внутреннія противорѣчія и недостатки государственнаго устройства ограниченныхъ монархій были у насъ чуть ли не первою критикою конституціонныхъ гарантій. То, что писалъ Гоголь о томленіи западно-европейскихъ народовъ, показываетъ, что онъ предчувствовалъ и предугадывалъ неизбежность революціонныхъ взрывовъ 1848 года. Возлагая всѣ свои упованія на монархическія начала, Гоголь, очевидно, ожидалъ отъ русскихъ царей рѣшенія крестьянскаго вопроса, а отъ возрожденія неограни-

ченныхъ монархій на Западъ—рѣшенія вопроса соціального. Иного смысла нельзя придать тому, что онъ говоритъ о примиреніи сословій. Къ этому выводу приводитъ и письмо къ графинѣ .....ой „Страхи и ужасы Россіи“. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, читаемъ вотъ что: ...„Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого не видитъ... Погодите, скоро поднимутся снизу такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ, государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится голова у тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые вамъ видятся въ Россіи“. Очевидно, что Гоголь смотрѣлъ безнадежно на будущность Европы и сомнѣвался, чтобъ ее могло спасти даже Самодержавіе неограниченныхъ монархій. Относительно Россіи у Гоголя не было такихъ сомнѣній.

„Въ Россіи еще брезжитъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію“... ..„Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ за покупкой мудрости, которой не продаютъ на европейскихъ рынкахъ“. Говоря это, Гоголь, вѣроятно, имѣлъ въ виду и политическую мудрость, которой, по его мнѣнію, не доставало Западу.

Въ черновой рукописи Гоголя сохранился очень важный для пониманія его политическихъ воззрѣній отрывокъ, не вошедшій въ письмо „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“, но дающій ключъ къ разгадкѣ того государственнаго идеала, который исповѣдывался Гоголемъ. Гоголю, конечно, не разъ приходилось слышать сужденія, что Самодержавіе свойственно лишь малокультурнымъ народамъ, и онъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти сужденія, писалъ: „Полномощная власть монарха не только не упадетъ, но возрастетъ выше по мѣрѣ того, какъ возрастетъ выше образованіе человѣчества. Чѣмъ болѣе всякое званіе и должность стануть входить въ свои законные предѣлы, и стношенія между собою всѣхъ стануть опредѣляться точнѣе, тѣмъ болѣе окажется

потребности въ верховодящей силѣ, которая, собравши въ себѣ всю силу отдѣльныхъ единицъ, показала бы въ себѣ доблести высшія, приближающія человѣка прямо къ Богу.—Полюбить весь миллионъ, какъ одного человѣка, труднѣе, чѣмъ полюбить немногихъ изъ этого миллиона; возскорбѣть болѣзнями всѣхъ людей въ такой силѣ, какъ болѣзню ближайшаго друга, мыслить о спасеніи всѣхъ до единого, какъ бы о спасеніи своей собственной семьи, можетъ исполнѣть только тотъ, которому это постановлено въ непремѣнный законъ и который слышитъ, что за неисполненіе его онъ подвергнется такому же страшному отвѣту предъ Богомъ, какъ и всякая отдѣльная единица за неисполненіе своего долга на своемъ отдѣльномъ поприщѣ. Не будь этой верховодящей силы,—обнищаль бы духъ человѣчества. Полномощная власть Государя потому теперь оспаривается въ Европѣ, что ни государямъ, ни подданнымъ не объяснилось ея полное значеніе“. Выясняя это значеніе, Гоголь писалъ: „Власть государя—явленіе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божиимъ на землѣ. При всемъ желаніи блага, онъ спутается въ своихъ дѣйствіяхъ, особливо при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Европѣ; но какъ только почувствуетъ онъ, что долженъ показать въ себѣ людямъ образъ Бога, все станетъ ему ясно, и его отношеніе къ подданнымъ вдругъ объясняется. Въ образцы себѣ онъ уже не изберетъ ни Наполеона, ни Фридриха, ни Петра, ни Екатерину, ни Людовиковъ и ни одного изъ тѣхъ государей, которымъ опредѣлено было, вслѣдствіе обстоятельствъ и времени, сверхъ должности государя, сыграть роль полководца, преобразователя, нововводителя, словомъ, показать съ блескомъ одну какую-нибудь въ себѣ сторону, вводящую въ такія заблужденія подражателей и такъ соблазняющую многихъ государей. Но возьметъ въ образецъ своихъ дѣйствій (дѣйствій) Бога, котораго такъ слышны въ исторіи человѣчества и котораго еще виднѣй въ исторіи того народа, который отделилъ Богъ за тѣмъ именно, чтобы царствовать въ немъ самому и показать царямъ, какъ царствовать. И какъ Онъ небесно царствовалъ! Какъ умѣлъ возлюбить свой народъ пуще всѣхъ другихъ народовъ! Съ какою любовью отца училъ его и съ какимъ долготерпѣніемъ небеснымъ ждалъ его исправленія! Какъ неохотно подымалъ карающій бичъ Свой!“

Черновой набросокъ Гоголя о царской власти заканчивается слѣдующими словами: „Все сказалъ Богъ, какъ нужно дѣйствовать въ отношеніи къ людямъ тому, кто захочетъ показать имъ Его образъ въ себѣ. А чтобы показать въ то же время царю, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно Его Самаго, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, Онъ оставилъ имъ образцы въ помазанныхъ Имъ же царяхъ Давидъ и Соломонъ, которые пребывали всѣмъ существомъ своимъ въ Богъ, какъ бы въ собственномъ дому своемъ, и которые въ царской власти своей показали мудрое соприкосновеніе двухъ властей—и духовной, и свѣтской—въ такомъ видѣ, что не только ни одна изъ нихъ не мѣшаетъ другой, но еще взаимно одна другую утверждаетъ и возвышаетъ. Такъ въ Книгѣ Божіей содержится полное и совершенное опредѣленіе монарха, этого отдѣленнаго отъ насъ существа, которому достался такой трудный жребій на землѣ: исполнивъ прежде все, что долженъ исполнить всякій человекъ, уподобясь Христу въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своей частной жизни, уподобиться сверхъ того еще Богу—Отцу въ верховныхъ дѣйствіяхъ относительно всѣхъ людей. Въ этой Книгѣ полное опредѣленіе монарха, а не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Оно еще не приходило въ умъ европейскимъ правовѣдцамъ, но у насъ его слышали поэты, оттого и звуки ихъ становились библейскими“.

Во всѣхъ политическихъ сужденіяхъ Гоголя преобладала религиозная точка зрѣнія. Она сказывалась у него гораздо сильнѣе, чѣмъ у Жуковскаго и Державина. Монархическимъ идеаломъ Гоголя была библейская теократія.

* * *

Въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя тоже можно найти намеки и указанія на его политическія воззрѣнія. Такихъ намековъ и указаній въ повѣстяхъ, романахъ и комедіяхъ великаго русскаго писателя, однако, не могло быть много, такъ какъ они не касались темъ и эпохъ, которыя давали бы поводъ къ подробной иллюстраціи значенія царской власти для Россіи. Но они все-таки встрѣчаются.

Въ „Майской ночи“ выведенъ старый голова, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы рассказать, какъ онъ, одѣтый въ синій казацкій жупанъ, везъ Императрицу. „Давно еще, очень

давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня ходился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ изподлобья. И съ той поры голова, о чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ царской кареты“. Этотъ эпизодъ былъ самымъ дорогимъ воспоминаніемъ для головы и придавалъ ему, въ его собственныхъ глазахъ, много вѣса. Оттѣняя, хотя и съ забавной стороны, эту черту въ отцѣ Левка, Гоголь хотѣлъ показать, съ какимъ благоговѣніемъ относились простолюдины-украинцы къ Екатеринѣ II и какое неизгладимое впечатлѣніе она произвела на нихъ во время путешествія на югъ.

Въ „Ночи подъ Рождество“ Гоголь подчеркнул склонность малоросса, какъ и всякаго русскаго человѣка, связывать свои любимыя мечты съ представленіемъ о царѣ.

— Что мнѣ до матери? говоритъ кузнецъ Вакула красавицѣ Оксанѣ: ты у меня и мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если бы меня призвалъ царь и сказалъ: „Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами“. — „Не хочу“, сказалъ бы я царю, „ни каменье въ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни твоего царства: дай лучше мою Оксану!“

Оксана даетъ обѣщаніе выдти за Вакулу замужъ, если онъ ей достанетъ черевики, которые носить царица. Вакула перелетаетъ на плечахъ услужливаго чорта въ Петербургъ, попадаетъ вмѣстѣ съ запорожцами во дворецъ и получаетъ въ подарокъ отъ Екатерины II для своей будущей „жинки“ шитые золотомъ башмаки. Сцена Императрицы съ Вакулою, насквозь проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ памяти Екатерины II-й, дала Гоголю возможность очертить, съ присущею ему въ молодые годы веселостью, простодушный взглядъ людей старой Малороссіи на представителей верховной власти.

„Въ это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за окрашеніе! вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки:—ваше царское величество! Что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ ковзаться, какія жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару.

„Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почесться красавцемъ, не смотря на смуглое лицо.

„Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ было распросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ медъ да сало, и тому подобное; но почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать“.

Въ сценѣ Екатерины II съ запорожцами и Вакулюю Гоголь превосходно обрисовалъ ~~по~~ искреннее и простое отношеніе малороссовъ къ Царицѣ. Въ обращеніи казаковъ съ Императрицей нѣтъ ничего раболѣпнаго. Въ ихъ бесѣдѣ съ нею чувствуется не холопскій трепеть, а патріархальная преданность и патріархальное простодушіе, которое чувствуется и въ сценѣ Федора Іоанновича съ старымъ отцемъ Голубя, въ трагедіи графа А. К. Толстого.

— Помилуй, мамо, помилуй!... Та спасибо, мамо!.. Якъ же, мамо... говорятъ сѣдовласые, мужественные запорожцы Царицѣ.

Это обращеніе „мамо“ дышитъ чѣмъ-то наивнымъ и трогательнымъ въ устахъ людей, закаленныхъ въ битвахъ и всевозможныхъ опасностяхъ....

Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ встрѣчается небольшой діалогъ, выражающей, хотя и въ комичной формѣ, убѣжденіе безхитростныхъ русскихъ людей былого времени въ томъ, что наши государи, начиная войны, всегда имѣли въ виду прежде всего защиту Церкви, защиту Православія, и что наши Цари сильнѣе всѣхъ монарховъ на свѣтѣ.

— Говорятъ, началъ Иванъ Ивановичъ,— что три короля объявили войну Царю нашему.

— Да, говорилъ мнѣ Петръ Федоровичъ. Что жъ это за война? и отчего она?

— Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру.

— Вишь, дурни, чего захотѣли! произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

— Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ за то войну. „Нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову!“.

— Что жъ? вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Никифоровичъ?

— Побьютъ“.

Въ „Страшной мести“ (въ главѣ 12-й) царь сравнивается съ Криваномъ. „Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими“.

Кое—какіе намеки на монархическія убѣжденія Гоголя можно найти и въ „Мертвыхъ душахъ“ (напр., въ концѣ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ въ ея первоначальной редакціи), въ наброскахъ исторической драмы „Альфредъ“ и даже въ „Ревизорѣ“, но ни въ одномъ изъ художественныхъ произведеній не сказываются они такъ ярко, какъ въ „Портретѣ“ и въ „Тарасѣ Бульбѣ“.

Въ „Портретѣ“ Гоголь выразилъ свой взглядъ на преимущество монархій надъ республиками въ дѣлѣ распространенія и развитія наукъ и искусствъ. Мы имѣемъ въ виду ту часть разсказа живописца, въ которой говорится о меценатѣ временъ Екатерины II, превратившемся, подъ вліяніемъ рокового портрета, въ загадочнаго ростовщика, въ гонителя талантовъ, въ подозрительнаго маніака и въ лживаго доносчика, надѣлавшаго тьму несчастныхъ. „Само собой разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокой смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. *) Государыня замѣтила, что нужно отличать поэтовъ—художниковъ, ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низво-

*) Слова Екатерины II приводятся здѣсь въ сокращенномъ видѣ. См. пропущенное на стр. 194 этой книги.

дять они въ душу, а не волненіе и ропоть; что ученые, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брилліанты въ императорской коронѣ: ими красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, Государыня, произнесшая эти слова, была въ эту минуту божественно прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ".

Въ уста Тараса Бульбы, притянутого желѣзными цѣпями къ древесному стволу и обреченнаго на сожженіе, Гоголь вложилъ пророческія слова о величіи, ожидавшемъ Московское государство и его государей. „Что взяли, чертовы ляхи? кричитъ Тарасъ Бульба, не обращая вниманія на гвозди, забитые въ его руки, и на костерь, разводимый подъ его ногами: думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Пойдите же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подыметъ изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая не покорилась бы ему!“...

Въ словахъ Тараса Бульбы заключался намекъ Гоголя на современную ему Россію и сказывалась его живая вѣра въ великое призваніе русскихъ царей, какъ защитниковъ Православія и могущественныхъ проводниковъ христіанскихъ началъ въ государственную и общественную жизнь Имперіи.

VIII.

Б ѣ л и н с к і й.

Изъ писателей, которые касались Русскаго Самодержавія, нельзя не остановиться на Бѣлинскомъ, какъ на авторѣ двухъ статей, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ концѣ 1839 года. Первая изъ этихъ статей, занимающая въ 5-мъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго болѣе сорока страницъ, была написана по поводу книжки Э. Глинки „Очерки Бородинскаго сраженія“. Вторая статья не велика по размѣру (около десяти страницъ) и составляетъ какъ бы дополненіе къ первой. Она появилась въ видѣ библиографической замѣтки о „Бородинской годовщинѣ“ Жуковскаго и „Письма изъ Бородина отъ безрукаго безногому инвалиду“. Объ эти статьи, равно какъ и брошюры, которыя въ нихъ мимоходомъ разбираются, или, лучше сказать, упоминаются,

были вызваны открытіемъ памятника на мѣстѣ Бородинской битвы, состоявшимся 26 августа 1839 года.

Первая изъ этихъ статей и по глубинѣ мысли, и по искренности, и по языку принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, наиболѣе удавшихся статей Бѣлинскаго. Она доселѣ не утратила своего значенія и составляетъ одно изъ видныхъ явленій въ исторіи развитія нашего политическаго самосознанія. То же самое можно сказать, хотя и не въ такой же степени, и о второй статьѣ.

Тѣ мысли о происхожденіи и историческомъ значеніи русскаго Самодержавія, которыя высказалъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ памяти Бородинской битвы, совпадаютъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, когда онъ принадлежалъ къ кружку Станкевича и его друзей, увлекавшихся Гегелемъ, и когда онъ былъ близокъ съ Бакунинымъ, получившимъ впоследствии громкую извѣстность въ качествѣ глашатая всемірной анархіи, но въ 30-хъ годахъ еще не помышлявшимъ о ней. Въ этотъ періодъ Бѣлинскій былъ всецѣло поглощенъ интересами философіи и искусства, преклонялся передъ Гегелевскимъ идеализмомъ, съ благоговѣніемъ говорилъ о христіанствѣ, исповѣдывалъ, что „внѣ мысли все призракъ, мечта: одна мысль существенна и реальна“, — возлагалъ всѣ свои упованія относительно Россіи на постепенное улучшение нравовъ и развитіе просвѣщенія.

То, что написалъ Бѣлинскій о Самодержавіи въ концѣ 1839 года, было порѣшено, прочувствовано и обдуманно имъ гораздо раньше. Выступая на литературно-публицистическое поприще, Бѣлинскій былъ уже убѣжденнымъ монархистомъ. Это видно изъ его „Литературныхъ мечтаній“, появившихся въ печати въ 1834 году. Говоря въ этой статьѣ о самобытности русскаго народа, рѣзко отличающагося отъ своихъ западныхъ сосѣдей, Бѣлинскій писалъ: „Его колыбелью былъ свѣтлый югъ; мечъ азіатца-русса далъ ему имя; издыхающая Византія завѣщала ему благодатное слово спасенія; оковы татарина связали крѣпкими узами его разъединенныя части, рука хана спаяла ихъ его же кровью; Іоаннъ III научилъ его бояться, любить и слушаться своего Царя, заставилъ его смотрѣть на Царя, какъ на верховную судьбу, карающую и милующую по единой своей волѣ и признающую надъ

собою единую Божию волю. И этотъ народъ крѣпко стоялъ за церковь Божию, за вѣру праотцевъ, непоколебимо былъ вѣренъ батюшкѣ—Царю православному; его любимая поговорка была: „мы всѣ Божіи да Царевы“; Богъ и Царь, воля Божія и воля Царева слились въ его понятіяхъ во едино“. „Литературныя мечтанія“ заканчиваются пожеланіемъ успѣховъ русскому просвѣщенію и выраженіемъ надежды, что у насъ будетъ скоро свое русское народное просвѣщеніе въ духѣ Православія, Самодержавія и народности.

Политическія воззрѣнія Бѣлинскаго начальныхъ лѣтъ его литературной дѣятельности впервые были выражены обстоятельно и ярко въ письмѣ къ одному пріятелю изъ Пятигорска, написанномъ 7 августа 1837 года. Оно напечатано въ сочиненіи А. Н. Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ (изд. 2-е, I, 177—185). Приводимъ изъ этого письма нѣсколько отрывковъ.

„Для Россіи, писалъ Бѣлинскій,—назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и науки, и искусства, и характера жителей имѣютъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону. Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россіи. Если хочешь понять ея назначеніе,—прочти исторію Петра Великаго,—она объясняетъ тебѣ все.

„...Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получить то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукъ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція—и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная...

„Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя сво-

бода приобрѣтается сознаниемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. Приведу тебѣ еще примѣръ. Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ, исподволь освобождаетъ крестьянъ. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это дѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему. Давно ли паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкой въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много, много, если ссылкой въ деревню. Давно ли Минихъ, фельд-маршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милосердію императрицы былъ сосланъ на всю жизнь въ Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы были достойны этого*.

Далѣе Бѣлинскій приводитъ еще нѣкоторые примѣры смягченія нравовъ, измѣнившихся къ лучшему на его глазахъ, и продолжаетъ:

„А что всему этому причиною? установленіе общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, и, можетъ быть, еще болѣе того, Самодержавная власть. Эта Самодержавная власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ за границы такія книги, которыя никакъ не позволяютъ перевести и издать. И что-жъ? это хорошо и законно съ ея стороны, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая тебя можетъ сдѣлать лучше, погубила бы мужика, который, естественно, понялъ бы ее ложно. Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ-за границы все, что произведетъ германская мыслительность, самая свободная, и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна

и похвальна. Главное дѣло въ томъ, что граница Россіи со стороны Европы не есть граница мысли, потому что мысль свободно проходитъ чрезъ нее, но есть граница вреднаго для Россіи политическаго направленія, а въ этомъ я не вижу ни малѣйшаго стѣсненія мысли, но, напротивъ, самое благонамѣренное средство къ ея распространенію. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но губельно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ“.

Всѣ эти идеи отразились и въ обѣихъ статьяхъ Бѣлинскаго, къ обзору которыхъ намъ предстоитъ обратиться. Начинаемъ съ первой изъ нихъ.

Исходя изъ историко-философскихъ воззрѣній Гегеля и пользуясь приемами его діалектики, Бѣлинскій доказываетъ, что государство есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единоразумная форма. Выясняя несостоятельность космополитизма и теоріи общественнаго договора, Бѣлинскій замѣчаетъ:

„Какъ священно существо человѣка, потому что его рожденіе и развитіе есть тайна для него самаго, такъ священно существованіе самаго общества“. Желая полнѣе и яснѣе выразить эту мысль, Бѣлинскій останавливается на происхожденіи царской власти, „на самомъ важнѣйшемъ и самомъ священнѣйшемъ явленіи общественной жизни“.

„Спросите какого-нибудь французскаго говоруна, какого-нибудь либеральнаго аббата француза: откуда и какъ произошла царская власть? —и онъ непремѣнно скажетъ вамъ, что это сдѣлалось слѣдующимъ простымъ образомъ: „когда люди лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидѣли себя въ горькой необходимости выбрать изъ среды себя человѣка и вручить ему неограниченную власть надъ собою“. Для поверхностнаго взгляда абстрактныхъ головъ, въ глазахъ которыхъ идеи и явленія не заключаютъ въ самихъ себѣ своей причины и необходимости, но вырастаютъ, какъ грибы послѣ дождя, не только безъ почвы и корней, а на воздухъ,—для такихъ головъ нѣтъ ничего проще и удовлетворительнѣе такого объясненія, но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не можетъ быть ничего нелѣпѣе, смѣшнѣе и бессмысленнѣе. Все, что не имѣетъ причины

въ самомъ себѣ и является изъ какого-то чуждаго ему „внѣ“, а не „изнутри“ самого себя,—все такое лишено разумности, а слѣдовательно, и характера священности. Коренныя государственныя постановленія священны, потому что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но cadaго народа, и еще потому, что они, перешедши въ явленія, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи. И потому коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изреченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать, довременно и только выговариваются и сознаются человѣкомъ. Сила вѣковаго преданія и священная таинственность всего, теряющагося въ довременности, имѣютъ глубокое значеніе, и только однѣ освѣщаютъ явленія, какъ свидѣтельство, что эти явленія—непосредственное Откровеніе, а не человѣческія выдумки. Человѣческіе уставы могутъ быть полезны, а не священны; только непосредственно Богомъ явленное священно. Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога,—говоритъ св. Писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину“.

Бѣлинскій выводилъ царскую власть изъ власти отцовъ—родоначальниковъ.

„Азія есть колыбель человѣческаго рода—его отечество; въ ней начало всѣхъ вѣрованій, всѣхъ человѣческихъ обществъ; въ ней начало всего довременнаго, всего непосредственно явившагося. И Св. Писаніе, и исторія, и даже сама современность указываетъ намъ на Азію, какъ на страну патріархальности. Китай—это едва ли не первобытнѣйшая форма общества, и по сую пору есть государство по преимуществу патріархальное. Всѣ мусульманскія государства носятъ въ своемъ основномъ построеніи печать древней патріархальности. Аравія и теперь еще представляетъ собою первобытный типъ племенъ, управляемыхъ патріархами. Св. писаніе говоритъ намъ о первыхъ патріархахъ, какъ о царяхъ людей, жившихъ въ законѣ естественномъ. Что такое былъ Іаковъ, переселившійся въ Египетъ, какъ не отецъ семейства, до того размножившагося, что маститый старецъ сдѣлался и отцомъ и прадѣдомъ вмѣстѣ, такъ что для своихъ правнуковъ, по закону колѣннаго отдаленія, казался столько же правителемъ,

царемъ, сколько родственникомъ и родоначальникомъ? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца—родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ нея идеи царя. Только безсловесныя животныя живутъ безъ властей; но человѣкъ даже въ своемъ естественномъ состояніи, даже еще не развратившись, не сдѣлавшись злымъ, признавалъ власть и жилъ въ разумныхъ формахъ повелительства и подчиненности, задолго до того, какъ созналъ ихъ значеніе или ихъ нужду; чувство, вмѣстѣ съ нимъ родившееся, сказало ему, что отецъ выше сына и что сынъ долженъ повиноваться, слѣдовательно, признавать власть отца. Вотъ почему во всѣхъ племенахъ родоначальничество есть первый моментъ общественнаго сознанія, а право первородства—самое священное право. Законы человѣчества вездѣ одни и тѣ же, потому что они законы разума, а разумъ одинъ, какъ одинъ Богъ: американскіе дикари, по законамъ вѣжливости, всякаго старшаго себя называютъ „своимъ отцомъ“, а равнаго себѣ по лѣтамъ „своимъ братомъ“. Нельзя вывести изъ опыта, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская власть, отецъ сталъ царемъ; но въ умозрѣніи это очень понятно. Исторія не можетъ показать картины развитія идеи отца въ идею царя, исторія не помнитъ этого, потому что это явленіе довременное. Но тѣмъ яснѣе, что, Кто внушилъ человѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятить санъ и званіе отца, Тотъ превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священной и неприкосновенною. Человѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣна передъ царскою властію, потому что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божиимъ, не въ извѣстное и определенное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывавшимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть прообразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума“.

Изъ всего этого Бѣлинскій дѣлалъ выводъ, что „достоинство монарха есть священство, и въ таинствѣ помазанія совершается непосредственная передача власти царю отъ Бога“. Въ подтвер-

ждение своихъ словъ, Бѣлинскій приводилъ монологи изъ Шекспировскаго „Ричарда II“ и съ воодушевленіемъ, которымъ проникнута вся статья, отзывался объ ореолѣ, которымъ окружена въ глазахъ подданныхъ личность государя. „Отдавая подданному приказаніе идти, монархъ не оглядывается назадъ, чтобы удостовѣриться, исполняется ли его приказаніе идти, монархъ не оглядывается назадъ, чтобы удостовѣриться, исполняется ли его приказаніе; вотъ почему его слово—законъ, маніе руки его—повелѣніе, взглядъ очей—гроза или милость. Онъ творить, какъ „власть имѣющій“, и власть его не отъ него, а свыше“.

Республиканскій режимъ ни мало не привлекалъ Бѣлинскаго, зато онъ преклонялся передъ чисто монархическими началами и ставилъ наслѣдственную неограниченную монархію выше всѣхъ остальныхъ формъ правленія.

„Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ есть особа почтенная, но не священная: какъ представитель общества по условію самого общества, онъ есть высшій чиновникъ его, а не царь, который выше суда человѣческаго и съ которымъ подданные связаны кровными, неразрывными узами духа и нравственнаго закона. Личность президента есть призракъ, дѣйствительно одно званіе его, и потому тотъ или другой—все равно. Вслѣдствіе этого, идея этого государства есть условный символъ, безъ сущности и личности, тогда какъ въ монархіяхъ образъ государя есть личность государства, и подданный, служа монарху, служитъ своему государству. Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляеть, магическою силою заключенной въ немъ идеи, признавать цѣлый народъ, какъ единаго человѣка, и безконечное множество индивидуальныхъ способностей сливается во единое тѣло, въ единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое я. Отсюда ясно видно, какое великое значеніе имѣеть для вѣнценосцевъ древность рода и происхожденія, теряющаяся въ непроницаемости мистическаго мрака времени и вѣчности. Царь долженъ родиться царемъ, и право рожденія есть его первѣйшее и священнѣйшее право. Изъ миллионѣвъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и миллионы не могутъ ревновать его избранію, и добровольно преклоняють передъ нимъ колѣна, какъ передъ существомъ

высшаго рода, и охотно повинуются ему, отказывая въ такомъ повиновеніи равнымъ себѣ, ибо власть ихъ считаютъ случайною. Это-то, видно, и было причиною паденія всѣхъ самозванцевъ и похитителей, хотя многіе изъ нихъ и были люди великаго ума, способностей и силы характера. Какъ только снято съ самозванца царское имя, которымъ онъ осѣнилъ какъ правомъ, и будь онъ геній, окажи народу великія заслуги, но уже нѣтъ на немъ багряницы, и обнаженный трупъ его лежитъ добычею небесныхъ птицъ... Другимъ образомъ, но тотъ же конецъ бываетъ и для похитителей. Благодаря своему геніальному инстинкту, свойственному всѣмъ истинно великимъ людямъ, Наполеонъ глубоко чувствовалъ эту истину. Раздаватель коронъ и скипетровъ, могущественнѣйшій монархъ въ мірѣ по свободному признанію цѣлаго народа, великій геній, самъ создавшій себѣ и тронъ, и свое колоссальное счастье, кажется, имѣвшій полное право гордиться своимъ нецарскимъ происхожденіемъ, онъ, не смотря на все это, безпокоился о своей судьбѣ и о судьбѣ своего рода. Въ данномъ случаѣ Наполеономъ руководило не тщеславіе, а глубокое пониманіе „того религіозно-таинственнаго свѣта, который составляетъ необходимое условіе дѣйствительности царственнаго достоинства“. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ своей старой гвардіи?—Любовь къ ея великому полководцу, ея маленькому капрану... Но могъ явиться и другой полководецъ, озарить новымъ блескомъ имъ же прославленныхъ орловъ и присвоить себѣ клики воинственныхъ привѣтствій. Не забудьте изреченія Наполеона: „я продолжитель не королевства Гуго-Капета, но имперіи Карла Великаго“. Видите ли: онъ призываетъ себѣ на помощь не одинъ союзъ вѣковъ, союзъ преданія,—и на Марсовыхъ поляхъ силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать съ нимъ настоящее... О, господа глубокомысленные политики! Наполеонъ понималъ кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнѣе и поучительнѣе вашихъ прекрасныхъ умствованій“.

Восхваляя Петра Великаго, какъ величайшаго изъ русскихъ государей, Бѣлинскій указывалъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія на главные, самые свѣтлые моменты

нашей исторіи, какъ на яркія проявленія русской народности, и, считая одною изъ ея особенностей преданность царямъ, поэтически изображалъ скорбь народа объ утратѣ Императора Александра I и народное ликованіе въ дни вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича.

„Отчего видна такая забота на лицахъ всѣхъ и каждого? отчего по одному направленію движутся, отъ мѣста до мѣста, густыя массы народа? отчего, говоря словами поэта,

Въ погребальный слившись хоръ,
Вся Имперія идетъ?..

Умеръ Благословенный... Отчего въ первопрестольномъ градѣ, отъ заставы до стѣнъ священнаго Кремля, тянутся по обѣимъ сторонамъ густыя толпы безчисленнаго народа, едва удерживаемыя въ порядкѣ двойнымъ рядомъ солдатъ, лѣпятся на помостахъ, покрываютъ заборы и кровли домовъ? Кто созвалъ ихъ сюда? Никто; даже тѣ, которые имѣютъ право сзывать народъ, скорѣе озабочены тѣмъ, чтобы число его не было во вредъ ему самому. Отчего лица всѣхъ свѣтлы и радостны, чужды всякой житейской заботы, всякой мысли о себѣ? отчего глаза всѣхъ, съ томленіемъ и трепетомъ ожиданія, обращены въ одну сторону? Отчего вдругъ, при царственномъ гулѣ колоколовъ и громѣ пушекъ воздухъ потрясся отъ стонущаго „ура“, какъ бы выходящаго изъ единой груди и единыхъ устъ? Новый Царь вступаетъ въ древнюю Москву для вѣнчанія на царство“.

Переходимъ ко второй статьѣ Бѣлинскаго, дорисовывающей его политическое міросозерцаніе въ первый періодъ литературной дѣятельности. Эта статья написана съ такимъ же огнемъ, какъ и первая. Страницы, посвященныя царской власти и ея всемірно-историческому и національному значенію, дышатъ и искренностью глубокаго убѣжденія въ величіи и плодотворности монархическихъ началъ. Обѣ статьи, вызванныя открытіемъ памятника Александру I и его сподвижникамъ, были написаны Бѣлинскимъ, очевидно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ пребыванія Императора Николая I въ Москвѣ, въ августѣ 1839 г., и празднованія двадцатисемилѣтней годовщины Бородинскаго боя. Вспоминая народный энтузіазмъ при видѣ Императора Николая, на лицѣ котораго народная громада читала

„и грозу, и милость, и царскую доблесть, и великій мощный дух“, Бѣлинскій писалъ, что безъ Царя торжество 26-го августа 1839 года не было бы для народа торжествомъ, ибо для насъ, русскихъ, нѣтъ народныхъ событій, которыя не выходили бы изъ живого источника высшей власти. „Оттого-то молодѣетъ нашъ старый державный Кремль и кипитъ народомъ и оглашается своимъ вѣковымъ *ура*, когда надъ дворцомъ гордо развивается широкій флагъ—залогъ присутствія Того, Кто есть и жизнь, и душа своего народа“, восклицалъ Бѣлинскій, вспоминая пріѣздъ Николая Павловича въ первопрестольную столицу. Слѣдующія за только что приведеннымъ отрывкомъ страницы принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Бѣлинскаго и никогда не утратятъ своего значенія, заключаая въ себѣ цѣлый рядъ свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей, выраженныхъ сильнымъ и образнымъ языкомъ.

„Да, въ словѣ *царь* чудно слито сознаніе русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкою отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими: феодализмъ боролся съ королевскою властію и, побѣжденный ею, явился аристократіею; среднее сословіе боролось и съ феодализмомъ, и съ аристократіею, демократія—съ среднимъ сословіемъ; у насъ совсѣмъ наоборотъ; у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздой путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія,—солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпорации государственнаго тѣла и проникали ихъ теплотою и свѣтомъ. Въ царѣ наша свобода, потому что отъ него вся наша цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же, какъ отъ него наша жизнь. Одинъ великій царь освободилъ Россію отъ татаръ и соединилъ ея разъединенные члены: другой—еще большій—ввелъ ее въ сферу новой обширнѣйшей жизни; а наслѣдники того и другого довершили дѣло своихъ предшественниковъ. И потому-то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти.... Не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія

царской власти: это ясно и само по себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это—привести въ общее сознание, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если подъ словомъ „народность“ должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаниіи своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознание вполнѣ выражается и вполнѣ исчерпывается словомъ „Царь“, въ отношеніи къ которому „Отечество“ есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ, пора уже привести въ ясное, гордое и свободное сознание то, что въ продолженіе многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ; пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовію къ царю, нашею безграничною преданностію его священной волѣ, какъ горды англичане своими государственными постановленіями, своими гражданскими правами, какъ горды Сѣверо-Американскіе Штаты своею свободою“.

Видя въ жизни русскаго народа, какъ и въ жизни всякаго народа, „необходимую форму общеміровой идеи“, Бѣлинскій настаивалъ на самобытности русской исторіи и относился отрицательно какъ къ огульному порицанію всего западно-европейскаго, такъ и къ слѣпому подражанію иностранцамъ. Онъ допускалъ только такого рода заимствованія, которыя относились къ общечеловѣческой жизни, но не заимствованія мѣстныхъ и временныхъ формъ той или другой страны. Бѣлинскій предостерегалъ своихъ соотечественниковъ противъ забвенія національнаго достоинства, причемъ напоминалъ, что его не можетъ быть безъ живой вѣры въ спасительность царской власти. „Необъятно пространство Россіи, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь,—и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія великаго назначенія ея законной наслѣдницы жизни трехъ періодовъ человѣчества! Есть чему радоваться, есть чѣмъ быть блаженными и гордыми въ нашемъ народномъ сознаниіи; но не забудемъ же, что достиженіе цѣли возможно только черезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго, роднаго начала народ-

ной жизни, и что таинственное зерно, корень сущности и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ „Царь“.

Объ статьи Бѣлинскаго, написанныя по поводу бородинской годовщины, надѣлали много шума и навлекли на автора неудовольствіе Герцена и его друзей. Бѣлинскій, однако, этимъ не смущался. О томъ, какъ относился онъ къ своимъ статьямъ и сплетнямъ, которыя были вызваны ими, можно судить по воспоминаніямъ Панаева.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія въ Москву, Бѣлинскій принесъ мнѣ прочесть свою рецензію на книгу Э. Глинки: „Бородинская годовщина“, которую онъ отослалъ для напечатанія въ „Отеч. Записки“.—„Послушайте-ка, сказалъ онъ мнѣ:—кажется, мнѣ еще до сихъ поръ не удавалось ничего написать такъ горячо и такъ рѣшительно высказать наши убѣжденія. Я читалъ эту статейку Мишелю (Боткину), и онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ,—ну, а мнѣніе его чего-нибудь да стоитъ. Да что много говорить, я самъ чувствую, что статейка вытанцовалась“

„И Бѣлинскій началъ мнѣ читать ее съ такимъ волненіемъ, и жаромъ, съ какимъ онъ никогда ничего не читалъ ни прежде, ни послѣ.

„Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненный странной торжественности и напряженнаго паэоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе... Бѣлинскій самъ былъ раздраженъ нервически.

— Удивительно! превосходно! повторялъ я во время чтенія и по окончаніи чтенія:—но... я вамъ замѣчу одно...

„—Я знаю, знаю что, не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій:—меня зовутъ льстецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ. Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, чтобы обо мнѣ ни думали...

„ Онъ началъ ходить въ волненіи по комнатѣ.

— Да это мои убѣжденія,—продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе... Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дожить мнѣніемъ и толками, чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподо-

зрять меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это. Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ.

„Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ!... Мнѣ легче умереть съ голода,—я и безъ того рискую этакъ умереть каждый день,—чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя.

„Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передо мною“.

Очевидно, что статьи о „Бородинской годовщинѣ“ доставляли Бѣлинскому глубокое нравственное удовлетвореніе и выражали его завѣтныя политическія симпатіи и убѣжденія. Но какъ онъ относился къ нимъ въ тѣ годы, когда его образъ мыслей рѣзко измѣнился и когда онъ подпалъ подъ вліяніе Герцена? Нѣкоторые изъ друзей Бѣлинскаго рассказывали, будто онъ въ послѣдствіи отмахивался обѣими руками отъ статей о „Бородинской годовщинѣ“, сердился, когда ему напоминали о нихъ. Такъ ли это? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Бѣлинскій, всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ появленія въ печати статей, о которыхъ идетъ рѣчь, сблизился съ Герценомъ и его кружкомъ и сталъ проникаться культомъ французской революціи 1789 г. Но измѣнилъ ли онъ при этомъ свой взглядъ на благотѣльное значеніе царской власти для Россіи и на монархическій принципъ вообще? Судя по сочиненіямъ Бѣлинскаго и по его письмамъ, трудно допустить, чтобы онъ когда-нибудь принадлежалъ къ числу людей, видѣвшихъ спасеніе Россіи въ конституціи и отрицавшихъ великое призваніе монархическихъ началъ.

Въ декабрѣ 1840 года Бѣлинскій писалъ Боткину: „Конечно, идея, которую я силился развить по случаю книги Глинки о Бородинскомъ сраженіи, вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но я долженъ былъ бы развить идею отрицанія, какъ историческаго права не менѣе священнаго“.

Бѣлинскій упрекалъ себя не въ томъ, что онъ вѣрилъ въ идею, положенную въ основу статей, написанныхъ по поводу

Бородинской годовщины, а въ томъ, что онъ не подчеркнул историческаго значенія противоположной идеи, согласно своему новому міровозрѣнію.

Въ статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“, предназначенной для третьей книги „Отечественныхъ Записокъ“ за 1843 годъ, Бѣлинскій писалъ, говоря объ исторической хроникѣ Шекспира „Ричардъ II“: „Ричардъ II“ возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унижительными для короля. Но вотъ Болингброкъ похищаетъ у него корону,—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніи величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрѣе рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, царственное достоинство. Вы уже не просто уважаете его, вы благоговѣете передъ нимъ“. Только что приведенныя строки смѣло могли бы быть вставлены въ статьи о Бородинской годовщинѣ и даже какъ бы повторяютъ прежнія разсужденія Бѣлинскаго о несчастномъ королѣ.

Въ послѣдніе годы жизни Бѣлинскій негодовалъ на „гнусную россійскую дѣйствительность“, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ желалъ надѣлать Россію парламентаризмомъ и мечталъ объ ограниченіи царской власти. Его возмущали крѣпостное право, презрительное отношеніе къ человѣческой личности, наши дореформенные порядки, но онъ не увлекался политическимъ либерализмомъ въ примѣненіи къ Россіи. Въ письмахъ Бѣлинскаго, относящихся къ 1848 году, встрѣчаются рѣзкіе отзывы о „либералахъ“, позволявшихъ себѣ легкомысленныя выходки противъ правительства. Такого рода люди, по мнѣнію Бѣлинскаго,— „враги всякаго успѣха“, потому что своими поступками „раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры, крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія“. (Пыпинъ, II, 78, 94, 108, 125, 307, 310, 311).

Изъ статей Бѣлинскаго, написанныхъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, тоже видно, что онъ никогда не былъ вра-

гомъ Царской власти и никогда не отрицать, что она зиждится на тѣсномъ единеніи Царя съ народомъ. Разбирая въ 1846 году „Бориса Годунова“ Пушкина, Бѣлинскій писалъ по поводу сцены Пимена съ Григоріемъ: „Мы выписали изъ этой сцены рѣшительно все, что можно осуждать, какъ ложь, въ отношеніи къ русской дѣйствительности того времени *): все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко вѣрно исторической истинѣ, какъ только могъ это сдѣлать лишь гений Пушкина—истинно національнаго русскаго поэта. Какая, напримѣръ, глубоко вѣрная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро“.

Если бы Бѣлинскій не вѣрилъ въ 1846 году въ незыблемость Царской власти въ Россіи, онъ не восхищался бы словами Пимена.

Въ статьяхъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ можно найти не одно указаніе на то, что онъ не желалъ ограниченія Царской власти. Бѣлинскій презрительно отзывался о Шуйскомъ за то, что онъ предложилъ боярщинѣ права, которыхъ она у него не просила и не хотѣла. Замѣчательно, между прочимъ, разсужденіе Бѣлинскаго объ организаціи первыхъ монархій: „Во времена варварскія, у народовъ необразованныхъ, властолюбіе имѣетъ другое значеніе, потому что соединяется не только съ честолюбіемъ, но еще съ чувствомъ самохраненія: гдѣ, не будучи первымъ, такъ легко погибнуть ни за что,—тамъ всякому вдвойнѣ хочется быть первымъ, чтобъ никого не бояться, но всѣхъ страшить. Но такъ какъ каждому изъ всѣхъ или многимъ невозможно быть первымъ,—то право перваго естественнымъ ходомъ исторіи вездѣ утвердилось потомственно въ одномъ родѣ, на основаніи права въ прошедшемъ, или преданія. Время освятило и утвердило это право за немногими родами. Это отняло у всѣхъ и у многихъ—вся-

*) Бѣлинскій находилъ фальшь въ началѣ и концѣ перваго монолога Пимена отъ словъ: „Недаромъ многихъ лѣтъ“ до словъ: „правдивое сказанье“ и отъ словъ: „на старости я сызнова живу“ до словъ: „а прочее погибнетъ невозвратно“.

кую возможность губить другъ друга и цѣлый народъ притязаніями на верховное первенство“. (Бѣлинскій, VIII, изд. 5-е, 618, 619, 623, 627, 637).

Такимъ образомъ, Бѣлинскій былъ въ лучшіе годы своей литературной дѣятельности пламеннымъ монархистомъ и до конца оставался монархистомъ, когда дѣло шло о Россіи.

IX.

Л е р м о н т о в ъ .

Къ числу поэтовъ, понимавшихъ спасительную мощь и значеніе русскаго Самодержавія и не разъ вдохновлявшихся имъ, можно отнести и Лермонтова,—того самаго Лермонтова, которымъ Боткинъ и Бѣлинскій въ своей интимной перепискѣ восхищались, какъ провозвѣстникомъ и пѣвцомъ революціонныхъ началъ.

Нашимъ западникамъ и космополитамъ очень нравилось и нравится начало лермонтовской „Родины“, ибо они усматриваютъ въ немъ осужденіе государственнаго и національнаго патріотизма:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдить ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднaго мечтанья.

Если принять за чистую монету все, что говорится въ „Родинѣ“, такъ выйдетъ, что Лермонтовъ былъ совершенно равнодушенъ и къ успѣхамъ русскаго оружія, и къ политическому могуществу Россіи, и къ ея давно минувшимъ радостямъ и печалямъ: онъ любилъ только русскую природу, русскій пейзажъ да русскій народный бытъ. На самомъ дѣлѣ поэтъ обманывалъ себя и другихъ, когда писалъ „Родину“, ибо выдавалъ мимолетное чувство за нѣчто постоянное и глубоко коренившееся въ его созерцаніи. Судить по „Родинѣ“ о лермонтовскомъ патріотизмѣ, значитъ впадать въ грубую ошибку и ни на іоту не понимать лермонтовской поэзіи, которая сочувственно откликалась и на военную славу Россіи („Бородино“ и „Два великана“), и на то обаяніе, которое она имѣла на Востокъ („Споръ“), и на преданія темной старины („Пѣсня про купца Калашникова“ и наброски драмы „Мстиславъ“). Въ виду

того, что Лермонтовъ безусловно тяготѣлъ къ монархическимъ принципамъ и видѣлъ въ Наполеонѣ свой кумиръ („Послѣднее новоселье“ и „Воздушный корабль“), а къ цивилизаціи Запада относился крайне скептически, — какъ къ цивилизаціи, доживающей свои послѣдніе дни, — поэтъ не могъ не сочувствовать подвигамъ, начинаніямъ, призванію носителей русскаго Самодержавія, и это сказалось въ цѣломъ рядѣ его стихотвореній, въ которыхъ онъ высказывалъ свои взгляды на минувшія судьбы Россіи, на современныя ему событія и на „полный гордаго довѣрія покой“ Россіи временъ Императора Николая I.

Въ „Пѣснѣ про Калашникова“ Лермонтовъ съ несомнѣннымъ и нескрываемымъ сочувствіемъ старался воспроизвести загадочный нравственный обликъ Іоанна Грознаго и его суровую, но истинно царственную, великую душу:

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любятъся имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Лермонтовъ говоритъ объ Іоаннѣ не только безъ той затаенной вражды, которая чувствуется въ „Князь Серебряномъ“ графа Алексѣя Толстого и въ его же драмѣ „Смерть Іоанна Грознаго“, но съ явнымъ стремленіемъ идеализировать Грознаго, стусевать его жестокость и другіе недостатки и выставить на первый планъ высокія черты его характера.

Хорошимъ комментариемъ къ „Пѣснѣ про Калашникова“, дающимъ ключъ къ разгадкѣ лермонтовскаго взгляда на Іоанна Грознаго, могутъ служить замѣчанія Лермонтова о духѣ русскаго народа изъ „Повѣсти“ 1831 года („Вадимъ“). Эти замѣчанія касаются, собственно, отношеній крестьянъ къ дворянству наканунѣ пугачевского бунта, но они показываютъ, какъ смотрѣлъ Лермонтовъ и на отношенія народа къ грозамъ Самодержавія. „Русскій народъ, говоритъ поэтъ, этотъ сторукой исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и простить въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недоста-

токъ добродѣтелей". Съ этой точки зрѣнія Лермонтовъ относился и къ „вѣнчанному гнѣву“ (выраженіе Пушкина) Грозного. Поклонникъ сильныхъ и крупныхъ личностей, онъ охотно прощалъ Грозному вспышки его своенравія, ибо высоко цѣнилъ его великіе замыслы и дѣла.

Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830 года, „безумная отвага“ мятежниковъ на одно мгновеніе ослѣпила Лермонтова, и онъ воспѣлъ ее въ стихотвореніи „10-е іюля 1830 года“, но когда въ 1831 году появился въ печати сборникъ стихотвореній Жуковского и Пушкина „На взятіе Варшавы“, Лермонтовъ былъ пораженъ филиппикой Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ и написалъ ея подражаніе:

Опять, народные витіи,
.....
.....
Опять, шумя, возстали вы.

Въ этомъ юношескомъ произведеніи поэта ярко сказались его чувство національнаго достоинства и его преданность Царямъ. Громя „народныхъ витій“, проклинавшихъ Россію, Лермонтовъ восклицалъ:

Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ, вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца божьяго не видно
За солнцемъ русскаго Царя.
Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать!
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранить.
Безумцы жалкіе! вы правы.
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и Царь его всегда.
Велѣнья въ власти благотворной
Мы повинемся покорно
И вѣримъ нашему Царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь Его, какъ за свою!

Это юношеское стихотворение Лермонтова, как справедливо замѣчаетъ г. Спасовичъ (Сочиненія, II, 346), выражаетъ „по тону своему неизмѣнившееся до смерти его отношеніе къ своему правительству, какъ русскаго и какъ дворянина“.

Лермонтовъ вѣрилъ въ будущность Россіи и въ будущность русскаго Самодержавія. Онъ вѣрилъ, что „европейскій міръ“ и „дряхлый востокъ“ рано или поздно признаютъ надъ собою власть русскихъ Царей и составятъ вмѣстѣ съ Россіей колоссальную, небывалую въ исторіи Имперію. Третья часть „Измаила-Бея“, написанная въ 1832 году, начинается слѣдующими стихами.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго Царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! И Западъ и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ,
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
„Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!“
Настанетъ часъ, и новый грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

Лермонтовъ вѣрилъ, такимъ образомъ, что русскіе цари рано или поздно объединятъ подъ своею властью и Европу, и Азію и станутъ во главѣ всемірной монархіи,—того *Третьяго Рима*, о которомъ мечтали русскіе люди XVII вѣка.

Въ десятой главѣ повѣсти Лермонтова изъ временъ пугачевщины („Вадимъ“), написанной въ 1831 году, есть очень характерное мѣсто о русскомъ монархизмѣ и о монархизмѣ вообще, о монархическихъ инстинктахъ и привязанностяхъ. Говоря объ отношеніяхъ Юрія къ Ольгѣ и ихъ умѣнью понимать другъ друга безъ словъ, Лермонтовъ замѣчалъ:

„Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы, и тогда эти два существа, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться.... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію.... оно существуетъ и должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ,

иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и Царемъ?”

* *

Примѣчаніе. Напечатанные нами очерки монархическихъ воззрѣній не претендуютъ ни на полноту, ни на цѣльность. Они составляютъ отрывки изъ неизданнаго нами сочиненія о развитіи монархическихъ началъ въ русской литературѣ. Приводимъ въ общихъ чертахъ программу этого сочиненія:

Политическая мысль въ Россіи до Іоанна Грознаго.—

Іоаннъ Грозный, его завѣщаніе и его переписка съ Курбскимъ.—Феофанъ Прокоповичъ.—Посошковъ.—Татищевъ.—Болтинъ.—Екатерина II.—Державинъ.—Тихонъ Задонскій.—Платонъ, митроп. Московскій.—Карамзинъ.—Жуковскій.—Митрополитъ Московскій Филаретъ.—Хомяковъ, Тютчевъ, братья Аксаковы, Н. Я. Данилевскій и вообще славянофилы.—Пушкинъ.—Грибоѣдовъ.—Гоголь.—Лермонтовъ.—Бѣлинскій.—Катковъ.—Романовичъ - Славатинскій.—Блокъ.—Амвросій архіепископъ Харьковскій.—А. Н. Майковъ.—К. Н. Леонтьевъ.—К. П. Побѣдоносцевъ.—С. А. Тихомировъ.

Эта программа, конечно, представляеть лишь неполный перечень писателей, которые работали надъ вопросами о значеніи, природѣ и задачахъ русскаго Самодержавія. Къ числу поименованныхъ писателей можно прибавить, между прочимъ, и Салтыкова (Щедрина), не разъ высучивавшаго нашихъ парламентаристовъ, которые, по его выраженію, не всегда знаютъ, чего имъ хочется: „не то севрюжины, не то конституціи“.

Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ-психологъ русскаго монархизма.

Говоря о графѣ Л. Н. Толстомъ, мы будемъ имѣть въ виду лишь беллетристическія произведенія, не касаясь его богословскихъ, философскихъ и социальнo-политическихъ трактатовъ и статей. Романы и повѣсти графа Толстого представляютъ для нашей цѣли специальный, своеобразный интересъ: въ нихъ есть мастерски написанныя сцены и картины, дающія наглядное понятіе о чувствахъ, которыми проникнуты русскіе люди къ своимъ Царямъ, и тонкій психологическій анализъ этихъ чувствъ.

Въ „Отрочествѣ“ (глава XV) Николенька Иртеневъ рассказываетъ трагикомическій эпизодъ своего столкновенія съ гувернеромъ St. Jérôme'омъ, заключившимъ его за шалости въ темный чуланъ и пригрозившимъ ему розгами. Взволнованный, нервный мальчикъ, оставшись наединѣ съ самимъ собой, начинаетъ фантазировать на тему о постигшемъ его несчастьи и при этомъ тотчасъ же обнаруживается, что каждый русскій ребенокъ—завзятый, хотя и безсознательный, монархистъ и что въ его мечты самымъ неожиданнымъ образомъ обыкновенно примѣшивается мысль о Государѣ.

„Я поступаю въ гусары и иду на войну. Со всѣхъ сторонъ на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмахъ—убиваю другого, третьяго. Наконецъ, въ изнуреніи отъ ранъ и усталости, я падаю на землю и кричу „побѣда“! Ему указываютъ на меня, онъ бросается мнѣ на шею и съ радостными слезами кричитъ: „побѣда“! Я выздоравливаю и, съ подвѣ-

занною чернымъ платкомъ рукою, гуляю по Тверскому бульвару. Я генераль! Но вотъ Государь встрѣчаетъ меня и спрашиваетъ: „кто этотъ израненный молодой человѣкъ?“ Ему говорятъ, что это извѣстный герой Николай. Государь подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „благодарю тебя. Я все сдѣлаю, что бы ты не просилъ у меня“. Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: „я счастливъ, великій Государь, что могъ пролить кровь за свое отечество, и желалъ бы умереть за него; но ежели ты такъ милостивъ, что пзволяешь мнѣ просить тебя, прошу объ одномъ—позволь мнѣ уничтожить врага моего, иностранца St. Jérôme'a“.

Особенно изобилуетъ психологіей любви, преданности и довѣрія, которыя внушаетъ Царь русскимъ людямъ, знаменитый романъ графа Толстого „Война и миръ“. Наряду съ безпощаднымъ разоблаченіемъ придворныхъ происковъ и своекорыстныхъ интригъ, кипѣвшихъ вокругъ Императора Александра въ эпоху отечественной войны, мы находимъ въ „Войнѣ и мирѣ“ нѣсколько страницъ, характеризующихъ тѣ монархическіе инстинкты, которые живутъ въ душѣ русскаго человѣка. Всего болѣе встрѣчается такихъ страницъ въ третьей части I-го тома „Войны и мира“. Напомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ:

VIII глава, описывающая смотръ союзной 80-титысячной арміи, произведенный Императоромъ Александромъ и австрійскимъ императоромъ, знакомитъ насъ съ тѣмъ, что пережилъ и перечувствовалъ Николай Ростовъ во время этого смотра, при видѣ Государя, и что, въ большей или меньшей степени, пережила и перечувствовала, вмѣстѣ съ Ростовымъ, вся русская армія, начиная съ солдатъ и кончая генералами. Эта глава принадлежитъ къ числу лучшихъ главъ „Войны и мира“ и даетъ обильный матеріалъ для сужденій о политическомъ настроеніи русскихъ людей.

„Какъ вѣтеръ по листьямъ, пронесся взволнованный шопоть: „ѣдутъ! ѣдутъ!“ Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суеты послѣднихъ приготовленій.

„Въ мертвой тишинѣ слышался только топоть лошадей. То была свита императоровъ. Государи подѣхали къ флангу, и раздались звуки трубачей перваго кавалерійскаго полка, игравшіе генераль-маршъ. Казалось, не трубачи это играли, а сама армія,

радуясь приближенію Государя, естественно издавала эти звуки. Изъ-за этихъ звуковъ отчетливо слышался одинъ молодой, ласковый голосъ Императора Александра. Онъ сказалъ привѣтствіе, и первый полкъ гаркнулъ: „урра“! такъ оглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силъ той громады, которую они составляли.

„Ростовъ, стоя въ первыхъ рядахъ Кутузовской арміи, къ которой къ первой подъѣхалъ Государь, испытывалъ то-же чувство, какое испытывалъ каждый человекъ этой арміи, чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влеченія къ тому, кто былъ причиной этого торжества.

„Онъ чувствовалъ, что отъ одного слова этого человека зависѣло то, чтобы вся громада эта (и онъ связанный съ ней,— ничтожная песчинка) пошла въ огонь и въ воду, на преступленіе, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то онъ не могъ не трепетать и не замирать при видѣ этого приближающагося слова.

— „Урра! урра! урра! гремѣло со всѣхъ сторонъ, и одинъ полкъ за другимъ принималъ Государя звуками генераль-марша, потомъ урра!... генераль-маршъ и опять урра! и урра! которые, все усиливаясь и прибывая, сливались въ оглушительный гулъ.

„Пока не подъѣзжалъ еще Государь, каждый полкъ въ своей безмолвности и неподвижности казался безжизненнымъ тѣломъ; только сравнивался съ нимъ Государь, полкъ оживлялся и гремѣлъ, присоединяясь къ реву всей той линіи, которую уже проѣхалъ Государь. При страшномъ, оглушительномъ звукѣ этихъ голосовъ, посреди массъ войска, неподвижныхъ, какъ-бы окаменѣвшихъ въ своихъ четверугольникахъ, небрежно, но симметрично и, главное, свободно двигались сотни всадниковъ свиты и впереди ихъ два человека—Императоры. На нихъ-то безраздѣльно было сосредоточено сдержанно-страстное вниманіе всей этой массы людей.

„Красивый молодой Императоръ Александръ, въ конно-гвардейскомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, надѣтой съ поля, своимъ пріятнымъ лицомъ и звучнымъ, негромкимъ голосомъ привлекалъ всю силу вниманія.

„Ростовъ стоялъ недалеко отъ трубачей и издалека своими зоркими глазами узналъ Государя и слѣдилъ за его приближеніемъ. Когда Государь приблизился на разстояніи 20 шаговъ и Николай ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо Императора, онъ испытывалъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ.

„Все,—всякая черта, всякое движеніе,—казалось ему прелестно въ Государѣ.

„Остановившись противъ Павлоградскаго полка, Государь сказалъ что-то по французски австрійскому императору и улыбнулся.

„Увидавъ эту улыбку, Ростовъ самъ невольно началъ улыбаться и почувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему Государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ Государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ полкового командира и сказалъ ему нѣсколько словъ.

„Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился Государь!—думалъ Ростовъ; я бы умеръ отъ счастья“.

„Государь обратился къ офицерамъ.

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба), благодарю отъ всей души.

„Какъ бы счастливъ былъ Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего Царя.

— Вы заслужили георгіевскія знамена и будете ихъ достойны.

— Только умереть, умереть за Него! думалъ Ростовъ.

„Государь еще сказалъ что-то, чего не слышалъ Ростовъ, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали „урра!“

„Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполне свой восторгъ къ Государю.

„Въ числѣ господъ свиты, Ростовъ замѣтилъ и Болконскаго, лѣнливо и распущенно сидящаго на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора съ нимъ, и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ... И стоитъ ли думать и говорить про это въ та-

кую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія, что значать всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь, думалъ Ростовъ.

— Молодцы, павлоградцы!—проговорилъ Государь.

— „Боже мой! какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь“, подумалъ Ростовъ“.

Въ X главѣ той же третьей части I-го тома „Войны и мира“ Николай Ростовъ снова видитъ своего обожаемаго Государя и снова переживаетъ то восторженное настроеніе, которое вызывалъ въ немъ императоръ Александръ своей наружностью, своимъ голосомъ, своимъ появленіемъ.

— Государь! Государь! вдругъ послышалось между гусарами. Все побѣжало, заторопилось, и Ростовъ увидалъ сзади по дорогѣ нѣсколько подѣзжающихъ всадниковъ съ бѣлыми султанами на шляпахъ. Въ одну минуту всѣ были на мѣстахъ и ждали.

„Ростовъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ онъ добѣжалъ до своего мѣста и сѣлъ на лошадь. Мгновенно прошло его сожалѣніе о неучастіи въ дѣлѣ, его будничное расположеніе духа въ кругу приглядѣвшихъ лицъ; мгновенно исчезла всякая мысль о себѣ: онъ весь поглощенъ былъ чувствомъ счастья, происходящаго отъ близости Государя. Онъ былъ счастливъ, какъ любовникъ,ждавшійся ожидаемаго свиданія. Не смѣя оглядываться во фронтъ и не оглядываясь, онъ чувствовалъ восторженнымъ чутьемъ Его приближеніе. И онъ чувствовалъ это не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что, по мѣрѣ приближенія, все свѣтлѣе, радостнѣе и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ, онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ Его голосъ—этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ. Какъ и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и въ этой тишинѣ раздалась звуки голоса Государя.

— Павлоградскіе гусары? вопросительно сказалъ онъ.

— Резервъ, ваше величество! отвѣчалъ чей-то голосъ, столь

человѣческой послѣ того нечеловѣческаго голоса, который сказалъ: павлоградскіе гусары?

„Государь поравнялся съ Ростовымъ и остановился. Лицо Александра было еще прекраснѣе, чѣмъ на смотру три дня тому назадъ. Оно сіяло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую, четырнадцатилѣтнюю рѣзвость, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было все-таки лицо величественнаго Императора. Случайно оглядывая эскадронъ, глаза Государя встрѣтились съ глазами Ростова и не болѣе какъ на двѣ секунды остановились на нихъ. Понялъ ли Государь, что дѣлалось въ душѣ Ростова (Ростову казалось, что онъ все понялъ), но онъ посмотрѣлъ секунды двѣ своими голубыми глазами въ лицо Ростова (мягко и кротко лился изъ нихъ свѣтъ), потомъ вдругъ онъ приподнялъ брови, рѣзкимъ движеніемъ ударилъ лѣвою ногой лошадь и галопомъ поѣхалъ впередъ.

.....
„Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрепалъ своею коротенькою рукой по плечу своего любимца Ростова.

— Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться, такъ онъ въ Царя влюбился, сказалъ онъ.

— Денисовъ, ты этимъ не шути, крикнулъ Ростовъ,—это такое прекрасное чувство, такое...

— Вѣрю, вѣрю, дружокъ, и раздѣляю, и одобряю...

— Нѣтъ, не понимаешь! И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь Государя (объ этомъ онъ не смѣлъ мечтать), а просто умереть въ глазахъ Его. Онъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ Царя и въ славу русскаго оружія, и въ надежду будущаго торжества. И не онъ одинъ испыталъ это чувство въ тѣ памятные дни, которые предшествовали сраженію. Девять десятыхъ людей русской арміи въ то время были влюблены, хотя и менѣе восторженно, въ своего Царя и въ славу русскаго оружія“.

Послѣдняя встрѣча Николая Ростова съ Императоромъ Александромъ (глава XVII) происходитъ послѣ Аустерлицкой битвы. Ростовъ сталкивается чуть не лицомъ къ лицу съ блѣднымъ, печальнымъ Государемъ, но не дерзаетъ подойти къ Нему и заговорить съ Нимъ.

„Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ Государя былъ несправедливъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ Его. Онъ зналъ, что могъ, даже долженъ былъ прямо обратиться къ Нему и передать то, что приказано было передать отъ Долгорукова.

„Но, какъ влюбленный юноша дрожить и млѣть, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ ночи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стоитъ наединѣ съ ней,—такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ Государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно и невозможно“.

. . . . .

„Ни одна изъ тѣхъ безчисленныхъ рѣчей, которыя онъ, обращая къ Государю, слагалъ въ своемъ воображеніи, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большею частью держались созвѣсьемъ при другихъ условіяхъ, говорились большею частью въ минуты побѣдъ и торжествъ и преимущественно на смертномъ одрѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ Государь благодарилъ его за геройскіе поступки, и онъ, умирая, высказывалъ подтвержденную на дѣлѣ любовь свою“.

Двадцать первая и двадцать вторая главы 1-й части III тома „Войны и мира“, въ которыхъ описываются умиленіе и восторги Пети Ростова, московскихъ дворянъ и купцовъ и московскаго простонародія при посѣщеніи Императоромъ Александромъ первопрестольной столицы, составляютъ такіе же психологическіе очерки монархизма русскихъ людей, какъ и вышеприведенные отрывки.

Предпоследняя глава „Войны и мира“ отражаетъ въ себѣ политическое броженіе умовъ въ Россіи, разрѣшившееся взрывомъ 14-го декабря 1825 года. Въ отвѣтъ на либеральныя и революціонныя разсужденія Пьера и Денисова, Николай Ростовъ говоритъ, обращаясь къ Пьеру:

— Я вотъ что тебѣ скажу: доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно и что будетъ переворотъ; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дѣло, и на

это я тебѣ скажу: что ты лучшей другъ мой, ты это знаешь, но составъ вы тайное общество, начни вы противодѣйствовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долгъ повиноваться ему. И вели мнѣ сейчасъ Аракчеевъ идти на васъ съ эскадрономъ и рубить,—ни на секунду не задумаюсь и пойду. А тамъ суди, какъ хочешь“.

Устами Ростова говорить въ данномъ случаѣ русскій политическій смыслъ.

* * *

Прощенный декабристъ графа Толстого въ „Декабристахъ“, появляющійся въ Москвѣ послѣ 30-лѣтняго пребыванія въ Сибири, производитъ впечатлѣніе милого и добродушнаго барина, неспособнаго не только къ политической, но и ни къ какой дѣятельности,—сѣдовласаго ребенка, привыкшаго жить подъ крылышкомъ своей любящей и умной жены.

Очень трогательное впечатлѣніе производитъ въ „Декабристахъ“ рассказъ о мытарствахъ бѣдной Тихоновны, твердо рѣшившейся добиться доступа къ Императору и просить его о помилованіи мужа. Тихоновна, ея духовникъ и всѣ, съ кѣмъ она совѣтуется о своемъ дѣлѣ, проникнуты такою же непоколебимою вѣрою въ Царское милосердіе и правосудіе, какъ и Платонъ Каратаевъ, рассказывающій въ „Войнѣ и мирѣ“ о невинно-осужденномъ купцѣ.

Отмѣтимъ также одну сцену изъ 15-й главы 6-й части „Анны Карениной“. Мы говоримъ о сценѣ спора между Левинымъ и его братомъ, Сергѣемъ Ивановичемъ, о томъ, какъ смотреть народъ на войну ради освобожденія болгаръ. Левинъ доказываетъ, что народъ ничего не знаетъ о страданіяхъ славянъ и вовсе не сгораетъ желаніемъ жертвовать собою для ихъ спасенія отъ мусульманской расправы (споръ происходитъ на пчельникѣ).

„Народъ не можетъ не знать; сознаніе своихъ судебъ всегда есть въ народѣ, и въ такія минуты, какъ нынѣшнія, оно выясняется ему утвердительно, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, взглядывая на старика пчельника.

„Красивый старикъ, съ черной съ просѣдью бородой и густыми серебряными волосами, неподвижно стоялъ, держа чашку съ медомъ, ласково и спокойно, съ высоты своего роста, глядя на господъ, очевидно, ничего не понимая и не желая понимать.

— Это такъ точно, значительно покачивая головой, сказалъ онъ на слова Сергѣя Ивановича.

— Да вотъ, спросите у него. Онъ ничего не знаетъ и не думаетъ, сказалъ Левинъ. Ты слышалъ, Михайлычъ, о войнѣ? обратился онъ къ нему.—Вотъ что въ церкви читали? Ты что же думаешь? Надо намъ воевать за христіанъ?

— Что-жъ намъ думать? Александръ Николаевичъ, Императоръ насъ обдумалъ, Онъ насъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй“.

Эта сцена составляетъ иллюстрацію народной пословицы: „Государь знаетъ, кто Ему другъ, кто Ему недругъ“.

Въ словахъ умнаго старика заключается символъ вѣры политическаго міросозерцанія русскаго народа. Онъ не страдаетъ ни политической похотью, ни страстью къ политиканству. Но онъ не добивается политическихъ правъ не вслѣдствіе равнодушія къ судьбамъ родной страны и не вслѣдствіе раболѣпнаго отношенія къ власти, а потому что съ непоколебимымъ довѣріемъ взираетъ на Царя и насквозь проникнуть убѣжденіемъ, что Императоръ „насъ обдумалъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ“ и что „ему виднѣй“.

Графу Толстому принадлежитъ честь и заслуга воспроизведенія той любви и благоговѣнія къ Царю, которыя коренятся въ душѣ cadaго русскаго человѣка, и стараго, и малаго. Графъ Толстой, въ слѣдъ за Пушкинымъ, показалъ въ образахъ, что повиненіе царской власти есть, какъ выразался Бѣлинскій, „поззія нашей жизни, наша народность“. Прибавимъ къ этому, что графъ Толстой хотя и проповѣдывалъ впослѣдствіи упраздненіе государства, но никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые считаютъ неограниченную монархію наименѣе совершенной формой правленія, свойственной лишь малокультурнымъ народамъ. Западно-европейская „политическая свобода“ никогда не прельщала его. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, въ „Люцернѣ“, написанномъ въ 1857 году, графъ Толстой очень презрительно отзывался и о Швейцарской республикѣ и о такъ называемыхъ великихъ принципахъ французской рево-

люціи 1789 года. Въ повѣсти „Поликушка“, написанной въ 1860 году, дѣлается сравненіе лорда Пальмерстона и оппозиціи великобританскаго парламента съ приказчикомъ Егоромъ Михайловичемъ и безтолковой помѣщицей, которая во время его докладовъ обыкновенно болтала много вздора, а кончала тѣмъ, что убѣждалась его доводами и нетерпѣливо говорила на всѣ его предложенія: „хорошо, хорошо!“

Народный гимнъ и авторъ его музыки, А. Ѳ. Львовъ.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни.

Жуковский.

(25-е мая 1799 г.—25-е мая 1899 г.).

Наканунъ 100-лѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина истекло 100 лѣтъ со дня рожденія даровитаго русскаго композитора, автора музыки нашего Народнаго гимна, Алексѣя Ѳедоровича Львова.—Львовъ былъ замѣчательный человекъ.

Въ справочномъ Словарѣ русскихъ ученыхъ и писателей Геннади сообщаются объ А. Ѳ. Львовѣ слѣдующія свѣдѣнія:

„Львовъ, Алексѣй Ѳед., оберъ-гофмейстеръ, сынъ тайн. сов. Ѳед. Петр., род. въ 1799 г. Окончивъ курсъ первымъ ученикомъ въ Институтѣ путей сообщения въ 1818 г., онъ служилъ у графа Аракчеева адъютантомъ и по инженерному вѣдомству, съ 1824 г. флигель-адъютантомъ, а съ 1837 г. назначенъ директоромъ придворной Пѣвческой капеллы, которою управлялъ 25 лѣтъ. Участвовалъ въ турецкой войнѣ; съ 1839 слѣдовалъ за Государемъ во всѣхъ его путешествіяхъ, съ 1851 г. назначенъ управляющимъ дѣлами Импер. главной квартиры и Конвоя. Впослѣдствіи переименованъ въ тайные совѣтники съ званіемъ гофмейстера, въ 1855 г. назначенъ сенаторомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ. Послѣдніе годы жизни былъ пораженъ глухотою. Сконч. 16 дек. 1870 г., въ имѣніи своемъ, близъ Ковно“.

Дополняемъ эти свѣдѣнія справками изъ „Музыкальнаго словаря“ Перепелицына.

„Львовъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, сенаторъ, гофмейстеръ Императорскаго Двора и директоръ Пѣвческой капеллы, род. въ 1796 г. въ Ревелѣ; даровитый виртуозъ на скрипкѣ, авторъ русскаго національнаго гимна „Боже Царя храни“, оперъ: „Ундина“, „Біанка и Гвалтьери“, „Эмма“, „Сельскій староста“; переложилъ на хоръ и инструментовалъ „Stabat mater“ Перголезе; написалъ много церковныхъ пьесъ для придворнаго хора.—изъ нихъ особенно выдаются: „Иже херувимы“ и „Вечери Твоя тайныя“,—нѣсколько композицій для смычковыхъ инструментовъ; извѣстенъ также музыкальными статьями, изъ коихъ особенно интересны: „О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ“, „О пѣніи въ Россіи“. Во время своихъ путешествій за границую сблизился съ Мейерберомъ, Мендельсономъ, Р. Шуманомъ, былъ въ перепискѣ съ Берлиозомъ. Львовъ устраивалъ у себя музыкальные вечера, на которыхъ исполнялись квартеты Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона; первую скрипку всегда игралъ самъ Львовъ, 2-ю скрипку Всеволодъ Мауреръ или Николай Аванасевъ, альтъ—Вильде, виолончель—гр. Матвѣй Віельгорскій или солистъ нѣмецкой и итальянской оперы Кнехтъ. Онъ скончался въ имѣніи дочери своей П. А. Ваксель Роймане, близъ Ковно, въ 1870 г.“

* * *

А. Ѳ. Львовъ былъ назначенъ, по волѣ Императора Николая Павловича, директоромъ придворной Пѣвческой капеллы нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ М. Н. Глинка былъ назначенъ ея регентомъ. Въ запискахъ автора „Жизни за Царя“ и „Руслана и Людмилы“ рассказывается встѣ что:

„1 января 1837 года я былъ назначенъ капельмейстеромъ при дворной Пѣвческой капеллы. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

„Въ концѣ 1836 года, зимою, скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ, Ѳеодоръ Петровичъ Львовъ *). Графъ Михайлъ Юрьевичъ **) и князь Григорій Волконскій, по искренему ко мнѣ расположенію, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить меня соотвѣтственно моимъ способностямъ, ибо

*) Отецъ А. Ѳ. Львова.

**) Віельгорскій.

они ясно видѣли, что, кромѣ другихъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, для меня излишними были и матеріальныя пособія, какъ-то: окладъ и казенная квартира съ дровами.

„Министръ Двора приказалъ объявить мнѣ, чрезъ управляющаго его канцеляріею Панаева (автора „Идиллій“), что есть мнѣ назначеніе и чтобы я далъ отвѣтъ. Я распросилъ, въ чемъ должна была состоять моя обязанность и, узнавъ, сказалъ, что соглашаюсь принять званіе капельмейстера Придворной капеллы, но спросилъ, однако-же, предварительно, кто у меня будетъ начальникомъ и какія къ нему будутъ отношенія. Панаевъ объяснилъ мнѣ, что директоръ долженъ будетъ завѣдывать единственно хозяйственной частью, и на вопросъ мой: кого именно предполагаютъ назначить? отвѣчалъ, что или князя Григорія Волконскаго или графа Матвѣя Юрьевича. Хотя я могъ предполагать, что они также будутъ вмѣшиваться и въ музыкальную часть, однако-же, радовался служить съ ними, какъ съ людьми пріятными и искренно ко мнѣ расположенными.

„Того-же дня вечеромъ, за кулисами, Государь Императоръ, увидя меня на сценѣ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны по всей Европѣ и, слѣдовательно, стоятъ, чтобы ты занимался ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами“. Эти ласковыя слова привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ Государю только нѣсколькими почтительными поклонами. На другой день я отправился къ графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, онъ принялъ меня радушнѣе обыкновеннаго, мы оба радовались служить вмѣстѣ и заранѣе помышляли о возможныхъ улучшеніяхъ Придворной капеллы. Вышло, однако жъ, черезъ нѣсколько дней, что назначенъ былъ директоромъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, что нѣсколько смутило меня, ибо тогдашнія къ нему отношенія измѣнились по весьма странной для меня причинѣ.

„Старикъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, навѣщалъ меня вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1834 г., когда я жилъ у Стунуева, несмотря на то, что квартира наша была на самомъ верху. Онъ оказывалъ мнѣ необыкновенное вниманіе; письмо, посланное ко мнѣ съ его книжкой о

русскомъ пѣніи, еще болѣе высказывало эти чувства. Однажды я былъ въ ложѣ, не помню въ какомъ театрѣ, вмѣстѣ съ невѣстою моею, Марьей Петровною, и въ тоже время въ другой ложѣ былъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ съ своимъ семействомъ; когда онъ увидѣлъ меня съ невѣстой, то отвернулся отъ меня съ видомъ неудовольствія, и мы съ той поры не кланялись.

„Несмотря на это, Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ принялъ меня съ искреннимъ радушіемъ, и мы рѣшились идти рука объ руку на нашемъ новомъ поприщѣ.

„Мы съ Львовымъ видались часто; въ теченіе зимы, въ началѣ 1837 г., иногда приглашалъ онъ къ себѣ Нестора Кукольника и Брюлова и угощалъ насъ дружески. Не говорю о музыкѣ (онъ иногда игралъ превосходно Моцарта и Гайдна; у него же слышалъ я тріо для 3 скрипокъ Баха). Но онъ, желая пряхватать художниковъ къ себѣ, не жалѣлъ и завѣтной бутылки какого-нибудь рѣдкаго вина“.

Глинка неоднократно упоминаетъ въ своихъ запискахъ объ А. Ѳ. Львовѣ съ самымъ теплымъ чувствомъ, какъ о даровитомъ и свѣдущемъ композиторѣ и хорошемъ человѣкѣ. Такъ же отзываются объ А. Ѳ. Львовѣ всѣ близко знакомые съ его композиціями, сочиненіями о нашемъ церковномъ пѣніи и съ его многолѣтней дѣятельностью по управленію придворной Пѣвческой капеллою, которую онъ довелъ до совершенства. Композиторскій талантъ Львова и его музыкальныя познанія высоко цѣнились Берліозомъ и Листомъ, а заслуги Львова для нашего церковнаго пѣнія признаны всѣми, понимающими дѣло и, между прочимъ, такимъ авторитетнымъ и ученымъ знатокомъ дреане церковныхъ напѣвовъ, какъ протоіерей Д. В. Разумовскій. Графъ Д. Н. Толстой, близко знавшій А. Ѳ. Львова, отзывался о немъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія къ его характеру, таланту и заслугамъ (см. „Русскій Архивъ“, 1871 г., 1306- 1311).

* * *

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1897 годъ напечатанъ интересный очеркъ г. Шелонскаго, составленный по запискамъ графини Толстой, подъ заглавіемъ „Вечеръ въ царской семьѣ 17-го іюля 1837 года“. Въ этомъ очеркѣ рассказывается при какихъ обстоятельствахъ написана А. Ѳ. Львовымъ музыка Народнаго гимна.

„Съ самой зимы 1837 года Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ на-
ходился въ нервно-возбужденномъ настроеніи духа, которое къ
лѣту дошло до болѣзни: ежедневно видя Государя Николая Па-
вловича, онъ тщетно старался угадать по выраженію Его лица
отвѣтъ, котораго ожидалъ со страстнымъ и понятнымъ нетерпѣ-
ніемъ.

„Еще въ мартѣ мѣсяцѣ Львовъ написалъ музыку для „Отче
нашъ“. Государь, прослушавъ молитву на репетиціи Придворной
капеллы, не сдѣлалъ никакого замѣчанія, но Великимъ постомъ,
наканунѣ принятія Св. Таинъ, неожиданно позвалъ Львова и
сказалъ ему:

— Если я пожелаю во время обѣдни, чтобы „Отче нашъ“
было исполнено по твоему распѣву, то сложу руки на груди. Если
этого не будетъ, то надо пѣть распѣвомъ Сарти.

„Въ день принятія Государемъ Св. Таинъ Львовъ съ зата-
енной тревогой оглянулся на Государя передъ тѣмъ моментомъ,
когда по чину служенія должна была быть воспѣта молитва Го-
сподня. Императоръ благоговѣнно преклонилъ голову и скрестилъ
руки на груди. „Я, рассказывалъ Львовъ, въ душевномъ умиле-
ніи обернулся къ хорѣ и тихо прошепталъ подрегенту: „мое
„Отче нашъ“.

„Когда въ парадныхъ залахъ Зимняго дворца приносились
Царской четѣ поздравленія съ принятіемъ Св. Таинъ, Императоръ
поцѣловалъ Львова и тихо сказалъ ему:

— Спасибо! Но у меня есть къ тебѣ еще просьба. Будь
вечеромъ у Государыни.

„Въ тотъ же вечеръ, когда на половинѣ Императрицы со-
брались близкіе друзья Царской семьи, Николай Павловичъ взялъ
подъ руку Львова и отвелъ его въ боковую комнату, предшество-
вавшую входу въ жилыя комнаты Императрицы. Эта комната вся
была заставлена тропическими растеніями, среди которыхъ устро-
енъ былъ гротъ и фонтанъ, изъ котораго вода била въ мрамор-
ный бассейнъ. Здѣсь Александра Ѳеодоровна любила от-
дыхать, окруженная дѣтьми, родными и ближайшими вѣрноподдан-
ными друзьями. Сюда же часто спускался изъ своихъ аппара-
ментовъ, по узкой деревянной витой лѣстницѣ, и самъ Го-

сударь, если имѣлъ возможность выбрать свободный часъ отъ занятій.

— Вотъ и моя просьба къ тебѣ,—сказалъ Государь, приведя Львова въ эту любимую комнату своей семьи,—я хочу поручить тебѣ важное дѣло. Ты будешь работать не для меня, а для Россіи. Можешь ли ты написать русскій Народный гимнъ?

„Въ одно мгновеніе Львовъ созналъ всю важность возлагаемой на него работы и, припавъ къ рукѣ Государя, проговорилъ:

— Это было бы счастіемъ моей жизни, но я не могу...

Можешь! —перervalъ Государь,—можешь, во первыхъ, потому, что ты русскій и сразу понялъ, что надо, а во вторыхъ,—потому, что сегодня я слушалъ въ твоемъ распѣвѣ молитву Господню и тоже понялъ, что ты можешь сдѣлать то, что я тебѣ поручаю.

„Въ маѣ того же 1837 года Львовъ представилъ Государю текстъ русскаго Народнаго гимна. Государь внимательно прочиталъ его и сказалъ:

— Здѣсь выражено все, что надо. Твое дѣло написать музыку къ этимъ словамъ. Музыка должна дополнить мысль и выразить то, чего нельзя передать словами. Тогда это будетъ дѣйствительно народный гимнъ. Когда его исполнять и за границею даже, то и тамъ поймутъ, что такое Россія.

„Уже скоро послѣ этого Государь слушалъ гимнъ „Боже, Царя „храни“ опять-таки на репетиціи Придворной капеллы и оркестра. Гимнъ былъ повторенъ сряду пять разъ. Во время той же репетиціи были исполнены произведенія на ту же тему и другихъ авторовъ и композиторовъ (?), но повторено ни одно изъ нихъ не было. Однако, Государь ничего не сказалъ Львову. Молчаніе Государя продолжалось и въ послѣдующее время. Алексѣй Ѳедоровичъ, вообще нервный, томился и мучилъ не только самъ себя, но и свою семью.

„Въ концѣ лѣта 1837 года предстоялъ отъѣздъ Императора Николая Павловича на Кавказъ, гдѣ въ то время шла ожесточенная и упорная война. Императрица-Супруга чрезвычайно опасалась этой поѣздки: ея овладѣвалъ страхъ не только потому, что Государь ступитъ на землю, гдѣ каждый шагъ грозитъ ему опасностью, но и потому, что свое путешествіе Императоръ

рѣшили предпринять моремъ на старомъ парусномъ фрегатѣ. Но воля Николая Павловича была всегда не преклонна.

— Я,--отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы,--долженъ быть на Кавказѣ, потому что послалъ туда моихъ дѣтей. А на старомъ фрегатѣ нѣтъ никакой опасности, потому что тамъ тоже будутъ охранять меня мои дѣти...

„Этими словами поѣздка была рѣшена. 14 іюля дворъ изъ Петергофа переѣхалъ въ Петербургъ, а 16 прибылъ и Государь со всей семьей.

„А. Ѡ Львовъ, зная о близкомъ отъѣздѣ Государя, рѣшилъ положить конецъ мучительной для него неизвѣстности и самому спросить Императора, удостоено ли его произведеніе Высочайшаго одобренія.

„17 іюля въ церкви Зимняго дворца Государь опять подаль знакъ, чтобъ исполняли „Отче' нашъ“ Львова. Вернувшись домой, композиторъ былъ въ неописанномъ волненіи.

— Поймите, говорилъ онъ своимъ домашнимъ,--вѣдь я вложилъ душу въ свое произведеніе и чувствую, что другого ничего и написать нельзя было. А Государь молчитъ!... Ну, такъ я спрошу Его самъ!

„Вечеромъ же 1837 года А. Ѡ. Львовъ явился во дворецъ съ твердой рѣшимостью привести въ исполненіе свой дерзкій замыселъ. Онъ прошелъ на половину Государыни, но остановился въ нерѣшительности, когда увидѣлъ, что въ пріемныхъ комнатахъ не было никого.

— Ея Величество въ „Гротовой“ комнатѣ, доложить ему камеръ-лакей,—и васъ повелѣно просить туда.

„Во второй разъ въ жизни вошелъ Львовъ въ эту комнату. Кромѣ Государыни, окруженной своею семьей, здѣсь же были князь Волконскій, графъ Орловъ, графиня Толстая и молодой графъ Віельгорскій.

— Знаете, что мы придумали? обратилась Императрица къ Львову,—сегодня Государь проводитъ послѣдній передъ отъѣздомъ вечеръ дома, Онъ сейчасъ долженъ сойти сюда. Какъ только мы слышимъ его шаги, запоемте „Боже, Царя храни!“... Я думаю, что Государя это порадуетъ! А теперь тише!..

„Прошло нѣсколько минутъ, и послышался скрипъ деревянной лѣстницы подъ могучими шагами Императора.

„Львовъ далъ тонъ, и Государыня Александра Ѳеодоровна, вставъ съ кушетки, запѣла вполголоса: „Боже, Царя храни!“... Къ ея голосу присоединился свѣжій дискантъ Великихъ Князей, ихъ сверстника графа Вильгорскаго и басъ графа Орлова, которымъ вторилъ старческой голосъ министра, князя Волконскаго, и рыданія самого композитора и дирижера царственнаго хора. Шаги Императора смолкли. Тогда, по знаку Государыни, вторично раздались торжественные звуки. Маленькая фанерная дверь растворилась, и появилась могучая фигура Императора, а передъ нимъ, во главѣ съ Императрицей, стоялъ поющій царственный хоръ. Николай Павловичъ склонилъ голову, дослушалъ гимнъ до конца, потомъ быстрыми шагами подошелъ къ своей супругѣ, поцѣловалъ ея руку, обнялъ Наслѣдника Александра Николаевича и сказалъ:

— Еще разъ!... Прошу, еще разъ!..

И снова торжественно прозвучалъ гимнъ русскаго народа...

Алексѣй Ѳеодоровичъ, —передаетъ графиня Толстая въ своихъ рассказахъ,—даже на смертномъ одрѣ не забылъ объ этомъ часѣ... Да и я не забуду.

„Когда замерли послѣдніе звуки, Государь подошелъ къ своей супругѣ и сказалъ:

— Большаго утѣшенія для меня быть не могло.

„Предполагавшійся „вечеръ“ не состоялся: Государь все время провелъ въ кругу своей семьи.

18 іюля 1837 г. А. Ѳ. Львовъ получилъ повелѣніе сопровождать Императора въ его поѣздкѣ на Кавказъ. Когда осенью, въ страшную бурю, Государь совершалъ переѣздъ изъ Керчи въ Редутъ-Кале, всѣ, кромѣ него и А. Ѳ. Львова, ушли съ палубы.

Львовъ, —приказалъ Государь,—пой „Боже, Царя храни!“...

Я не имѣю никакого голоса! —возразилъ Львовъ.

— Неправда!—засмѣялся Императоръ,—ты пѣлъ гимнъ! Я это помню и не забуду! Ты молись только, чтобы этотъ гимнъ пѣли всегда съ тою же искренностью, съ которой я пою.

„Государь, завернувшись въ свою старую шинель, чистымъ, свѣжимъ басомъ въ полголоса запѣлъ: „Боже, Царя храни!“...

„Неизвѣстно, когда именно былъ впервые исполненъ публично нашъ гимнъ, но никакъ не ранѣе 1842 года, если безусловно вѣрить запискамъ графа Толстой. Но то, что написанъ гимнъ былъ въ 1837 году, не подлежитъ сомнѣнiю“.

* * *

Когда возникла и чѣмъ была вызвана въ Россiи первая мысль о необходимости создать Народный гимнъ? Она явилась, по всей вѣроятности, еще при императорѣ Александрѣ I, который во время своихъ заграничныхъ путешествiй и разъѣздовъ по Россiи осязательно чувствовалъ значенiе, которое прiобрѣли народные гимны на Западѣ, и тотъ пробѣлъ въ нашей государственной жизни, который составляло отсутствiе народнаго гимна въ Россiи. Можно думать, что не безъ влiянiя осталось въ даномъ случаѣ и сближенiе Россiи съ Англiей. Англiйскiй народный гимнъ, принятый за образецъ для прусскаго народнаго гимна и другихъ нѣмецкихъ народныхъ гимновъ, навелъ, вѣроятно, на мысль и Жуковскаго перенести его на русскую почву.

Первый стихъ Народнаго гимна, написаннаго Жуковскимъ въ 1814 году, (*) составляетъ буквальный переводъ перваго стиха англiйскаго народнаго гимна (God, save the king) съ замѣною слова *король* словомъ *царь*. Носомнѣнно, не безъ мысли объ англiйскомъ народномъ гимнѣ писалъ Жуковскiй и „Народную пѣсню“ — „Боже, Царя храни“, положенную Львовымъ на музыку. То же самое можно сказать и о наброскѣ „Пѣсня русскихъ солдатъ“, найденномъ въ бумагахъ Жуковскаго и относящемся, повидимому, къ 1831 году: она тоже начиналась стихомъ:

Боже, Царя храни! (Соч. Жуковскаго, изд. IV, III, 59).

Доказательствомъ, что необходимость создать для Россiи Народный гимнъ была признана при Александрѣ I, служить, между

*) См. стр. 290—291 этой книги.

прочимъ, и стихотвереніе Пушкина „Боже, Царя храни!“ (1816 года *) первая строфа котораго составляла дословное воспроизведеніе первой строфы „Народнаго гимна“ Жуковскаго, написанаго двумя годами раньше.

Весь Народный гимнъ Жуковскаго въ 1816 году еще не былъ напечатанъ, но первая строфа его была извѣстна Пушкину, такъ какъ появилась въ „Сынъ Отечества“ (1815 года, № 48) подъ заглавіемъ „Молитва русскихъ“. Императору Николаю Павловичу было, конечно, извѣстно желаніе Александра I, чтобы Россія имѣла свой Народный гимнъ. Николай Павловичъ не могъ не раздѣлять этого желанія, причемъ, вѣроятно, на него тоже оказывали вліяніе его заграничныя путешествія, его путешествіе въ Англію (1816 года) и его частыя поѣздки въ Пруссію. Вліяніе англійскаго гимна на Жуковскаго не могло вызывать неудовольствія Императора Николая I. Въ первую половину своего царствованія онъ благосклонно относился къ Англіи и ко всему англійскому. „Почти до самаго паденія Людовика—Филиппа императоръ Николай мечталъ о возобновеніи единодушнаго союза монархическихъ дер-

*) Боже, Царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
    Все ниспошли.
Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Миръ онъ покрылъ.
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
    Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія.
Сердца стремленія ..
    Вотъ наша дань.

жавъ, а союзъ этотъ представлялся недостаточнымъ и неполнымъ, пока къ нему не приступитъ Англія“ *).

* *

Жуковскій далъ своему стихотворенію, послужившему текстомъ для музыки Львова, названіе *Народной тѣсни*. Императоръ Николай Павловичъ избралъ и утвердилъ для словъ Жуковского и композиціи Львова другое названіе, названіе *Народнаго гимна*. Почему же онъ предпочелъ русскому слову *тѣснь* иностранное слово *гимнъ*? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположеніями, весьма, впрочемъ, правдоподобными.

Пѣсни бывають разныя. Названіе *Народная тѣсня* не указывало бы на государственный и національный характеръ народнаго гимна. Въ русскомъ языкѣ трудно было найти подходящее слово для выраженія его сущности.

Что такое Народный гимнъ?

Это не молитва въ собственномъ смыслѣ слова. Первый стихъ Народнаго гимна составляетъ обращеніе къ Богу, но оно лишено характера церковности и составляетъ скорѣе сердечное пожеланіе, чѣмъ молитвенное воззваніе. То же самое можно сказать и о дальнѣйшихъ стихахъ Народнаго гимна. Онъ состоитъ изъ добрыхъ пожеланій Государю и Россіи и изъ прославленія Его власти, могущества Самодержавія, славы и благодѣтельной для народа дѣятельности Царской власти. Поэтому названіе *гимна* наиболѣе къ нему подходитъ.

Гимн—по англійски значитъ и пѣснь, и *славить*, *славословить*. *Le hymne* или *la hymne* по французски значитъ и *тѣснь*, и *хвалебная тѣснь*. *Chanter des hymnes*—значитъ то же самое, что и *célébrer*. Нѣмцы употребляютъ слово *die Hymne*, какъ синонимъ слова *der Lobgesang*, а слова *Hymne singen*—какъ синонимъ слова *preisen*. О греческомъ корнѣ слова *гимнъ* императоръ Николай Павловичъ, конечно, не думалъ, когда былъ занятъ текстомъ и музыкой Народнаго гимна. **)

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ничего загадочнаго въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководился императоръ Николай Павловичъ,

*) Татищевъ „Императоръ Николай и иностранные дворы“, стр. 4.

**) Англійское слово *гимн* происходитъ отъ греческаго слова *гимнос*, означающаго свадебную пѣсню, пѣснь въ честь бога брака Гименея.

давая Народному гимну Жуковского—Львова то самое название, которое было дано Жуковским стихотворенію „Боже, Царя храни“ въ его первоначальной редакціи *).

* *

Смѣло можно сказать, что ни одно произведеніе свѣтской музыки не пользуется въ Россіи такою широкою извѣстностью, какъ Народный гимнъ. Онъ исполняется и полковыми, и школьными оркестрами, и хорами, и въ театрахъ, и подъ открытымъ небомъ,—исполняется на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Къ сожалѣнію, имя Львова забыто. Оно извѣстно лишь весьма немногимъ. Жаль. Народный гимнъ доказываетъ, что у Львова былъ выдающійся композиторскій талантъ. Музыка Народнаго гимна не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія. Она оригинальна и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ словами Жуковского. Ея строго выдержанный, величавый, торжественный, важный и грандіозный стиль, какъ нельзя лучше передаетъ духъ русскаго государственнаго строя, духъ русскаго Самодержавія. Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такого прекраснаго Народнаго гимна, какъ въ Россіи. Въ сравненіи съ нимъ кажется блѣднымъ не только англійскій, но и австрійскій гимнъ, написанный въ 1797 г. Гайденомъ; съ нимъ можетъ соперничать, до нѣкоторой степени, развѣ только французская „Марсельеза“ Ружеде-Лилия. Музыка нашего Народнаго гимна—истинно вдохновенное произведеніе. Видно, что композиторъ выразилъ въ ней то, что было имъ глубоко прочувствовано. Очень можетъ быть, что Львовъ не справился бы со своею задачею столь блистательно, если бы онъ жилъ не при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, время котораго совпадало съ высшимъ развитіемъ русскаго искусства и съ „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ“, Россіи и который въ своемъ лицѣ являлъ Львову какъ бы воплощеніе русской государственной идеи. Нашъ Народный гимнъ въ полномъ смыслѣ слова Народный. Онъ былъ написанъ по мысли русскаго Царя и привился къ Россіи очень крѣпко. Герценъ старался выставить созданіе Народнаго Гимна ненужнымъ, но Императоръ Николай Павловичъ зналъ, что дѣлалъ, когда поручалъ Львову написать на слова Жуковского музыку Народнаго гимна. Герценъ потому и порицалъ

*) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. IX, I, 351.

Гимнъ, что видѣлъ въ немъ одно изъ средствъ укорененія и распространенія монархизма въ Россіи. Противъ Гимна высказывался, по преданію, и митрополитъ московскій Филаретъ, хотя, разумѣется, по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ соображеніями Герцена. Онъ говорилъ, что русскимъ не нуженъ Народный гимнъ, что онъ уже есть у нихъ въ тропарѣ: „*Спаси, Господи, люди Твоя*“. Но „Спаси, Господи, люди Твоя“—не гимнъ, а молитва, которая можетъ быть возносима лишь въ церкви и во время молебныхъ пѣній. Императоръ Николай Павловичъ въ виду этого, вѣроятно, и почувствовалъ необходимость въ Гимнѣ. Доказательство, что Народный гимнъ нуженъ былъ Россіи, налицо: онъ привился къ ней, какъ нельзя лучше, и производитъ сильное впечатлѣніе при сколько-нибудь удовлетворительномъ исполненіи даже на иностранцевъ.

Гармонизація Народнаго Гимна и его инструментовка могутъ быть, конечно, съ теченіемъ времени улучшаемы, но то, что составляетъ сущность или, такъ сказать, душу композиціи Львова, ея мелодія, не должно быть измѣняемо. Всякое измѣненіе въ этой области будетъ искаженіемъ одного изъ лучшихъ произведеній русскаго искусства.

Музыка Народнаго гимна, подобно первой нашей національной оперѣ, служитъ свидѣтельствомъ, что лучшая опора нашего Самодержавія заключается въ душевномъ складѣ русскихъ людей. Дѣлались попытки выставить Народный гимнъ порожденіемъ казенщины, но изъ этого ничего не вышло. Народный гимнъ съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе народнымъ. Львовъ, очевидно, превосходно справился съ своей задачей и удовлетворилъ одной изъ важныхъ потребностей своей родины. Народный гимнъ Львова можетъ разсчитывать на такое же безсмертіе, какъ и гениальный финальный хоръ „Жизни за Царя“ Глинки, который тоже можетъ получить значеніе Народнаго гимна.

*) См. ст. 292 этой книги.

Поправки.

<i>Напечатано:</i>	Стр.	строка:	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Сѣвернаго	9	14 сверху	Тайнаго.
край,	9	20 "	край.
правительство	20	4 снизу	представительства
отношеніемъ	24	11 сверху	отношеній.
и	24	11 снизу	не
несчастіе	28	14 сверху	нечестіе
<i>вѣщць</i>	29	4 "	<i>вѣщць</i>
<i>много</i>	29	7 снизу	<i>мною</i>
возникли	31	11 сверху	возникли
житни	43	13 "	жизни
чслѣ	45	11 "	челѣ
быле	48	10 снизу	была
бестолочь	63	12 сверху	бестолочь
всѣ въ землю пойдуть	64	4 снизу	все въ землю поидеть
Безоновымъ	74	8 "	Безоновымъ
дѣнь	82	6 "	день
лирика	83	2 "	лирика.
Старовѣрскій	88	1 "	Старосвѣтскій
событію	91	5 сверху	происхожденію
фетища	95	3 снизу	фетиша
возрожденіемъ	103	7 "	возраженіемъ
Ни	110	10 снизу	На
Генрихъ VI	118	3 сверху	Генрихъ V
отъ	125	1 снизу	для
проводить	133	15 "	приводить
преподавали	133	19 "	преподавались
дѣлалъ приказанія	135	16 сверху	давалъ показанія
держаться	161	1 "	держатся
Ясахъ	167	5 "	Ясѣ
народамъ	175	13 "	народъ
который	175	15 "	которое
не	187	19 "	но
всеоруженіемъ	188	3 снизу	всеоружіемъ
болѣе,	193	5 сверху	болѣе.
базилевсы	199	14 снизу	басилевсы
самодержавія	210	1 "	единодержавія
областей	222	6 "	областей.
государствъ	232	12 сверху	государствъ,
злоупотребленію	240	7 и 8 снизу	злоупотребленіямъ
мыслителей	246	8 сверху	мыслителей
нелеограниченной	246	12 "	неограниченной
судопроизводства	248	12 снизу	судопроизводства,
крупныхъ	253	17 "	крутыхъ
успѣхи	271	3 "	утѣхи
съ	284	11 сверху	въ
трономъ	292	14 снизу	словомъ
сохранили	292	17 "	схоронили
міра созерцаніе	299	12 сверху	міросозерцаніе
ея	340	6 снизу	ея,
С. А. Тихомировъ	349	7 "	Л. А. Тихомировъ

